

Карлос Руис АДФОН Мера ангела Н

Три тайны.
Три загадки.
Одна игра!

Annotation

Три тайны. Три загадки.

Тайна Барселоны — города, в котором возможно все...

Тайна Давида — молодого журналиста, сумевшего уйти от карающего меча судьбы...

Тайна Книги, у которой есть начало, но нет и, возможно, не будет финала...

Светлый, прозрачный, полный загадок роман-лабиринт, который можно читать и перечитывать, не уставая восхищаться и открывая в нем все новые глубины.

-
-
- [Действие первое](#)
- [Действие второе](#)
- [Действие третье](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
-

Кармен Русс
САФОН

*Мера
ангела*

Мари-Кармен, «только вдвоем».

Действие первое

Город проклятых

1

Писатель всегда помнит и свой первый гонорар, и первые хвалебные отзывы на поведанную миру историю. Ему не забыть тот миг, когда он впервые почувствовал, как разливается в крови сладкий яд тщеславия, и поверил, будто литературная греза (если уж волею случая его бездарность осталась незамеченной) способна обеспечить ему кров над головой и горячий ужин на склоне дня. Тот волшебный миг, когда сокровенная мечта стала явью и он увидел свое имя, напечатанное на жалком клочке бумаги, которому предстоит прожить дольше человеческого века. Писателю суждено запомнить до конца дней это головокружительное мгновение, ибо к тому моменту он уже обречен и за его душу назначена цена.

Мое крещение состоялось в далекий декабрьский день 1917 года. Мне тогда исполнилось семнадцать лет, и я работал в «Голосе индустрии», газете, едва сводившей концы с концами. Она размещалась в мрачном строении, где прежде находилась фабрика по производству серной кислоты: ее стены все еще источали ядовитые испарения, разъедавшие мебель, одежду, дух и даже подошвы ботинок. Резиденция издательства находилась за кладбищем Пуэбло-Нуэво, возвышаясь над лесом крылатых ангелов и крестов. Издалека силуэт здания сливался с очертаниями пантеонов, выступавших на горизонте, истыканном дымоходами и фабричными трубами, которые ткали вечный багряно-черный покров заката, встававшего над Барселоной.

Однажды вечером моя жизнь, резко изменив направление, потекла по иному руслу. Дон Басилио Морагас, заместитель главного редактора газеты, незадолго до сдачи номера в набор соблаговолил вызвать меня в комнатуху, служившую то кабинетом, то курительной. Дон Басилио носил пышные усы и выражением лица напоминал громовержца. Он не терпел глупостей и придерживался теории, будто обильное употребление наречий и чрезмерная адъективация^[1] — удел извращенцев и малахольных. Если обнаруживалось, что сотрудник редакции тяготеет к цветистой прозе, дон Басилио на три недели отправлял виновного составлять некрологи. Но

если, пройдя чистилище, бедняга грешил снова, дон Басилио навечно ссылал его в отдел домашнего хозяйства. Мы все трепетали перед ним, и он об этом знал.

— Вы меня звали? — робко обратился я к нему с порога.

Заместитель главного редактора неприязненно покосился на меня. Я вошел в кабинет, пропахший потом и табаком, причем именно в такой последовательности. Дон Басилио, не обращая на меня внимания, продолжал бегло просматривать статью — одну из множества заметок, лежавших на письменном столе. Вооружившись красным карандашом, заместитель редактора безжалостно правил и кромсал текст, бормоча нелцеприятные замечания, точно меня в комнате не было. Я понятия не имел, как себя вести, и, заметив у стены стул, сделал поползновение сесть.

— Кто вам разрешал садиться? — пробурчал дон Басилио, не поднимая глаз от бумаги.

Я поспешно вскочил и затаил дыхание. Заместитель главного редактора вздохнул, бросил красный карандаш и, откинувшись на спинку кресла, оглядел меня с ног до головы с таким недоумением, словно увидел нелепую ошибку природы.

— Мне сказали, что вы пишете, Мартин.

Я проглотил комок в горле и, открыв рот, услышал с удивлением свой срывающийся, нелепо тонкий голос:

— Ну, немного, не знаю. Я хочу сказать, что да, конечно, пишу...

— Надеюсь, пишете вы лучше, чем говорите. Не будет ли бестактным спросить, что же вы пишете?

— Криминальные рассказы. Я имею в виду...

— Я уловил основную мысль.

Дон Басилио одарил меня непередаваемым взглядом. Если бы я признался, что мастерю из свежего навоза фигурки для вертепа, это явно воодушевило бы его намного больше. Он снова вздохнул и пожал плечами:

— Видадь говорит, что вы ничего. Будто бы выделяетесь на общем фоне. Правда, при отсутствии конкуренции в наших пенатах, не приходится лезть из кожи вон. Но если Видадь так говорит...

Педро Видадь являлся золотым пером «Голоса индустрии». Он вел еженедельную колонку происшествий — только ее и можно было читать из всего выпуска. Видадь также написал примерно с дюжину умеренно популярных авантюрных романов о разбойниках из Равалья, заводивших альковные интрижки с дамами из высшего света. Видадь носил безупречные шелковые костюмы, начищенные до блеска итальянские мокасины и напоминал внешностью и манерами театрального героя-

любовника с тщательно уложенными белокурыми волосами, щеточкой усов и непринужденной и благодушной улыбкой человека, живущего в полном согласии с собой и миром. Он происходил из семьи «индейцев» — эмигрантов, сделавших огромное состояние в Америке на торговле сахаром. По возвращении они отхватили лакомый кусок, поучаствовав в электрификации города. Отец Видаля, патриарх клана, выступал одним из крупнейших акционеров нашей газеты, и дон Педро приходил в редакцию как в игорный зал, чтобы развеять скуку, ибо необходимости работать у него не было никогда. Его нисколько не беспокоило, что издание теряло деньги столь же неудержимо, как неудержимо вытекало масло из новых автомобилей, появившихся на улицах Барселоны. Насытившись дворянскими титулами, семья Видаля увлекалась теперь коллекционированием лавок и участков под застройку размером с небольшое княжество в Энсанче.

Педро Видаль был первым, кому я показал наброски своих рассказов. Я сочинил их, когда был еще мальчишкой и подносил в редакции кофе и папиросы. У Видаля всегда находилась минутка-другая, чтобы прочитать мою писанину и дать дельный совет. Со временем я сделался его помощником, и он доверял мне перепечатывать свои тексты. Он сам завел разговор о том, что, если я желаю испытать судьбу на литературном поприще, он охотно меня поддержит и поспособствует первым шагам. Верный слову, он бросил меня теперь в лапы дона Басилио, цербера газеты.

— Видаль — романтик. Он до сих пор верит во все эти мифы, глубоко чуждые испанскому менталитету, вроде меритократии^[2] или необходимости давать шанс достойным, а не тем, кто нагрел себе местечко. Конечно, с его богатством можно себе позволить смотреть на мир сквозь розовые очки. Если бы у меня была сотая доля тех дура, которые ему некуда девать, я бы писал сонеты, и птички слетались бы со всех сторон и ели у меня из рук, очарованные моей добротой и ангельской кротостью.

— Сеньор Видаль — великий человек, — возразил я.

— И даже более. Он святой, ибо он целыми неделями не давал мне покоя, рассказывая, какой талантливый и трудолюбивый мальчик работает у нас в редакции на посылках, хоть у вас и вид форменного заморыша. Видаль знает, что в глубине души я человек мягкий и уступчивый. Кроме того, он мне посулил в подарок ящик гаванских сигар, если я предоставлю вам шанс. А слову Видаля я верю так же крепко, как и тому, что Моисей спустился с горы со скрижалями в руках, осененный светом истины, открытой ему небожителем. Короче, в честь Рождества, а главное, чтобы наш друг слегка уgomонился, я предлагаю вам попытаться счастья, как

полагается настоящим героям — всем ветрам назло.

— Огромное спасибо, дон Басилио. Клянусь, вы не раскаетесь, что...

— Не так быстро, молокосос. Ну-ка, что вы думаете об излишнем и неуместном употреблении наречий и прилагательных?

— Это позор, злоупотребление наречиями и прилагательными должно быть классифицировано как уголовное преступление, — отрапортовал я, как новобранец не плацу.

Дон Басилио одобрительно кивнул:

— Молодец, Мартин. У вас четкие приоритеты. В нашем ремесле выживают те, у кого есть приоритеты и нет принципов. Суть дела такова. Садитесь и наострите уши, поскольку я не намерен повторять дважды.

Суть дела заключалась в следующем. По ряду причин (дон Басилио предпочел не углубляться в тему) оборот обложки воскресного выпуска, который традиционно оставляли для литературного эссе или рассказа о путешествиях, в последний момент оказалось нечем заполнить. На эту полосу предполагалось поместить рассказ о деяниях альмогаваров,^[3] проникнутый патриотизмом и пафосной лирикой, — пламенную повесть о том, как средневековые воины героически спасали христианство (канцона к месту там и тут) и все на свете, что заслуживало спасения, от Святой земли до дельты Льобрегата. К сожалению, материал не поступил вовремя. И, как я подозревал, дон Басилио не горел желанием его опубликовать. О проблеме стало известно за шесть часов до сдачи номера в набор. Достойной замены рассказу не было: нашелся только проспект на всю страницу с рекламой корсетов на костях из китового уса, которые обеспечивают божественную фигуру и в придачу иммунитет к макаронам. Совет директоров, оказавшись в безвыходном положении, здраво рассудил, что рано падать духом. Литературных талантов в редакции пруд пруди, и нужно было всего лишь выудить один, чтобы залатать прореху. Для развлечения постоянной семейной аудитории требовалось напечатать в четыре колонки любую вещь общечеловеческого содержания. Список проверенных талантов, к которым можно было бы обратиться, включал десять фамилий, и моя, естественно, среди них не значилась.

— Дружище Мартин, обстоятельства сложились так, что ни один из доблестных рыцарей пера, поименованных в реестре запасных, недоступен физически или же доступен на грани разумных сроков. Перед лицом неминуемой катастрофы я решил дать вам возможность проявить свои способности.

— Можете на меня рассчитывать.

— Лично я рассчитываю на пять листов с двойным междустрочным

интервалом до истечения шести часов, дон Эдгар Алан По. Дайте мне настоящую интригу, а не нравоучительную историю. Если вы предпочитаете проповедь, отправляйтесь на рождественскую всенощную. Дайте мне сюжет, который я еще не встречал, а если встречал, то пусть он будет изложен настолько блестяще и так лихо закручен, чтобы я забыл об этом.

Я собрался уходить, когда дон Басилио поднялся на ноги, обошел стол и положил мне на плечо ручищу размером и весом с добрую наковальню. И лишь теперь, очутившись с ним лицом к лицу, я заметил, что его глаза улыбаются.

— Если рассказ выйдет приличным, я заплачу вам десять песет. А если он получится чертовски приличным и понравится читателям, я опубликую вас снова.

— Какие-нибудь особые пожелания, дон Басилио? — спросил я.

— Да. Не разочаруйте меня.

Следующие шесть часов прошли для меня как на передовой. Я устроился за столом, стоявшим в центре редакционного зала. Стол зарезервировали для Видаля — на всякий случай, иногда ему взбрело в голову ненадолго заглянуть в издательство. Зал был пустынным и тонул в тумане, сотканном из дыма десяти тысяч папирос. Я на мгновение закрыл глаза и представил картину: небо затянуто пеленой туч, проливной дождь над городом, прячась в тени, крадется человек с окровавленными руками и загадкой во взоре. Я понятия не имел, кто он такой и почему спасается бегством, но в ближайшие шесть часов незнакомец должен был стать мне лучшим другом. Я заправил лист бумаги в каретку и без проволочек занялся воплощением замысла, созревшего в голове. Я выстрадал каждое слово, фразу, оборот и образ, каждую букву, как будто сочинял последний в своей жизни рассказ. Я писал и переписывал каждую строчку с одержимостью человека, само существование которого зависит от этой работы, а потом перекраивал текст заново. По издательству разносилось гулкое эхо непрерывного стрекота машинки, теряясь в полутемном зале. Большие часы на стене равнодушно отсчитывали минуты, остававшиеся до рассвета.

Без малого в шесть утра я выдернул из машинки последний лист и перевел дух, обессиленный, с ощущением, что у меня в голове роятся пчелы. Я услышал размеренную тяжелую поступь дона Басилио, соблюдавшего положенные часы отдыха. Он пробудился и теперь

неспешно приближался ко мне. Я собрал кипу напечатанных страничек и вручил ему, не осмеливаясь посмотреть в лицо. Дон Басилио уселся за соседний стол и зажег настольную лампу. Его взгляд скользил по тексту сверху вниз, не выдавая никаких эмоций. Затем он на миг отложил на край стола сигару и, не спуская с меня глаз, зачитал вслух первые строчки:

— «Ночь накрыла город, и запах пороха стелился по улицам, словно дыхание проклятия».

Дон Басилио глянул на меня исподлобья и расплылся в широкой улыбке, обнажив все тридцать два зуба. Не прибавив ни слова, он встал и вышел, не выпуская из рук моего рассказа. Я смотрел, как он шествует по коридору и исчезает за дверью. Оцепенев, я остался в зале, мучительно раздумывая, стоит ли обратиться в бегство немедленно или все же дожждаться смертного приговора. Через десять минут, показавшихся мне десятилетием, дверь кабинета заместителя главного редактора распахнулась, и громовой голос дона Басилио разнесся по закоулкам редакции:

— Мартин, соблаговолите зайти.

Я оттягивал страшный миг, как мог, и тащился к кабинету, едва переставляя ноги и съеживаясь с каждым шагом. Наконец отступить стало некуда, оставалось только заглянуть в дверь. Дон Басилио, вооруженный разящим красным карандашом, холодно смотрел на меня. Я попробовал проглотить слюну, но рот пересох. Дон Басилио взял рукопись и возвратил мне. Я со всех ног кинулся назад, к двери, убеждая себя, что в вестибюле гостиницы «Колумб» всегда найдется место для лишнего чистильщика ботинок.

— Отнесите это вниз, в типографию, и пусть набирают, — произнес голос у меня за спиной.

Я повернулся, решив, что стал участником какого-то жестокого розыгрыша. Дон Басилио выдвинул ящик письменного стола, отсчитал десять песет и выложил их на столешницу.

— Это вам. Советую на эти деньги обновить гардероб, поскольку я уже четыре года вижу вас в одном и том же костюме, и он по-прежнему велик вам размеров на шесть. Если хотите, можете зайти в портновскую мастерскую к сеньору Панталеони на улице Эскудельерс, скажете, что от меня. Он отнесется к вам внимательно.

— Большое спасибо, дон Басилио. Я так и поступлю.

— И приготовьте мне еще один рассказ в том же роде. Я даю вам неделю. Но не вздумайте почивать на лаврах. Кстати, постарайтесь, чтобы в новом рассказе было поменьше смертей, так как современному читателю

нравится патока — хороший конец, где торжествует величие человеческого духа и прочая дерзобедень.

— Да, дон Басилио.

Заместитель редактора кивнул и протянул мне руку. Я пожал ее.

— Хорошая работа, Мартин. Я хочу, чтобы в понедельник вы были за столом, где раньше сидел Хунседа. Теперь стол ваш. Я перевожу вас в отдел происшествий.

— Я вас не подведу, дон Басилио.

— Нет, вы меня не подведете. Вы сбежите от меня, рано или поздно. И правильно сделаете, поскольку вы не журналист и не станете им никогда. Но вы также еще и не писатель криминального жанра, каким себя воображаете. Поработайте у нас некоторое время, и мы вас научим кое-каким премудростям, что всегда пригодится.

В тот великий момент, момент признания, настороженность ослабела, и меня затопило чувство столь великой признательности, что мне захотелось обнять этого замечательного человека. Дон Басилио — маска разгневанного громовержца вернулась на привычное место — пригвоздил меня к месту стальным взглядом и указал на дверь.

— Только без дешевых сцен, пожалуйста. Закройте дверь. С обратной стороны. И с Рождеством.

— С Рождеством.

В понедельник я прилетел в редакцию как на крыльях, предвкушая момент, когда впервые сяду за собственный стол, и обнаружил пакет из оберточной бумаги, перевязанный бантом. Мое имя было напечатано на машинке, на которой я немало потрудился за последние годы. Я вскрыл пакет. Внутри лежал оборот обложки воскресного номера с моим рассказом, обведенным в рамку. К посылке прилагалась записка: «Это только начало. Через десять лет я останусь лишь подмастерьем, но ты превратишься в мастера. Твой друг и коллега Педро Видаль».

Мой литературный дебют выдержал крещение огнем. Дон Басилио, верный своему слову, дал мне возможность напечатать еще пару рассказов в аналогичном стиле. Вскоре дирекция разрешила издавать мои блестящие опусы еженедельно, но при условии, что я буду неукоснительно выполнять все свои прежние обязанности в редакции за то же самое вознаграждение. Одурманенный тщеславием и утомлением, я целыми днями переделывал

тексты коллег и на лету составлял хроники текущих происшествий, изобиловавшие ужасными подробностями. Я надрывался только ради того, чтобы ночью, оставшись в одиночестве в редакционном зале, писать роман, выпускавшийся отдельными главами. Его замысел я давно лелеял в воображении. Лишенный глубины и полный условности, он под названием «Тайны Барселоны» являл собой беззастенчивую мешанину из классики, от Дюма до Стокера, исполненный в манере Сю и Феваля.^[4] Я спал часа по три в сутки и выглядел так, словно ночевал в гробу. Видаль, никогда не испытывавший голода, который не имеет ничего общего с желудком и гложет человека изнутри, придерживался мнения, что я сжигаю свой мозг и, если так пойдет и дальше, отпраздную похороны раньше, чем двадцатилетие. У дона Басилио, которого мое усердие несколько не шокировало, тоже имелась собственная точка зрения. Каждую следующую главу он публиковал неохотно, огорчаясь из-за того, что считал патологическими явлениями и непростительной растратой таланта на сомнительный сюжет и низкопробную интригу.

«Тайны Барселоны» вскоре дали жизнь скромной звезде жанра, героине, которую я представлял такой, какой только может представлять *femme fatale*^[5] восемнадцатилетний юноша. Хлое Перманиер была темной принцессой вампиресс. Дама обладала острым умом и в еще большей степени изворотливостью и обожала самые изысканные и новейшие модели корсетов. В романе она действовала как возлюбленная и правая рука таинственного Балтасара Мореля, мозга демонического мира. Морель жил в подземном замке, населенном роботами и зловещими зомби, которые пользовались потайным ходом через тоннели, пролежавшим глубоко под катакомбами Готического квартала. Утонченная Хлое убивала свои жертвы изысканным способом — в гипнотическом танце. Во время танца она сбрасывала одежды, а затем целовала жертву губами, накрашенными ядовитой помадой. Яд парализовал мышцы тела, и тогда женщина душила жертву, безмолвно глядя ей в глаза. Чтобы не отравиться самой, Хлое заблаговременно принимала противоядие, растворив его в бокале «Дом Периньон» наивысшего качества. У Хлое и Балтасара имелся собственный кодекс чести. Они уничтожали лишь негодяев — разбойников, мерзавцев, ханжей, фанатиков, чопорных догматиков и всевозможных придурков. Иными словами, они освобождали мир от тех, кто сживает со свету ближних во имя знамени, Бога, языка, национальности и прочей высокопарной чуши, которая служит удобной ширмой для алчности и

ничтожества. В моих глазах они были героями, разумеется, инакомыслящими, как все настоящие герои. Литературные вкусы донна Басилио сформировались в золотой век испанской поэзии, поэтому ему все это представлялось глупостью космического масштаба. Однако читатели тепло принимали истории, а сам дон Басилио невольно проникся ко мне искренним расположением и потому терпел мои чудачества, оправдывая их неугасимым пылом юности.

— У вас больше рвения, чем хорошего вкуса, Мартин. Недуг, который вас точит, имеет название, и называется он *grand guignol*,^[6] что влечет за собой драму так же верно, как сифилис — позор. Ваши достижения, возможно, отрадны, но эта дорога ведет вниз, в никуда. Вы должны читать классиков или хотя бы донна Бенито Переса Гальдоса,^[7] чтобы развивать свои литературные запросы.

— Но читателям нравятся новеллы, — запротестовал я.

— Вашей заслуги тут нет. Это вопрос конкуренции, которая чрезвычайно слаба. Ученые зануды ухитряются десятком строк даже осла ввергнуть в состояние кататонии. Стоит только повзрослеть, и запретный плод обретет привкус горечи.

Я кивнул, изображая раскаяние, но в душе слушал музыку заветных слов *grand guignol* и говорил себе, что любое дело, сколь ничтожным бы оно ни казалось, нуждается в доблестном защитнике, который постоит за его честь.

Я почувствовал себя счастливейшим из смертных, узнав, что некоторые мои коллеги из газеты раздосадованы моими успехами. Их задевало, что мальчишка-посыльный и признанный талисман редакции делал первые шаги в мире слов, тогда как их собственные писательские устремления и амбиции давным-давно зачахли в серых буднях житейских неурядиц. Усугубляло положение то обстоятельство, что читатели газеты с жадностью проглатывали мои скромные творения и оценивали их выше, чем любое другое произведение, сошедшее с печатного станка за последние двадцать лет. Я стал свидетелем неприятной метаморфозы: всего за несколько недель те люди, кого до недавнего времени я считал членами единственной своей семьи, под влиянием уязвленного самолюбия превращаются в злобных судий. Коллеги переставали со мной здороваться и разговаривать. Они с удовольствием совершенствовались в искусстве злословия, отзываясь обо мне за спиной в выражениях, исполненных ехидства и презрения. Мой заметный и необъяснимый успех они

приписывали помощи Педро Видаля, а также невежеству и глупости наших подписчиков. Оскорбленные в лучших чувствах, они хором апеллировали к распространенной и весьма удобной национальной парадигме, согласно которой достижение определенной степени признания в той или иной профессиональной области квалифицировалось как неопровержимое свидетельство ущербности и отсутствия достоинства.

В свете столь неожиданного развития событий, не предвещавшего ничего хорошего, Видаля пытался меня подбодрить, но у меня уже начали закрадываться подозрения, что мои дни в редакции сочтены.

— Зависть — это религия серости. Она бодрит посредственные личности, прислушивается к снедающим их страстям и в итоге разлагает душу. Зависть нашептывает оправдания собственному убожеству и алчности, приравнивая их чуть ли не к добродетелям. Зависть внушает уверенность, будто небесные врата открыты лишь для неудачников, кто не оставил по себе достойного следа, ибо растратил жизнь на неприглядные попытки унижить других, отвергнуть и по возможности уничтожить более одаренных соплеменников по той единственной причине, что они таковы, как есть. Ведь на ярком фоне особенно заметны духовная нищета, скудоумие и малодушие посредственных. Блажен тот, кого облаивают идиоты, ибо те не властны над своей душой. Аминь, — заключил дон Басилио. — Если уж вы не родились богатеньким, вам следовало бы сделаться священником. Или революционером. Подобного рода проповеди заставят прослезиться даже епископа.

— Да, вам смешно! — возмутился я. — Но ведь ненавидят-то меня!

Хотя мои труды всколыхнули волну недоброжелательства, возбудив опасение коллег, что мои усилия принесут плоды, лавры популярного автора не окупались. Печальная реальность заключалась в том, что жалованья мне едва хватало, чтобы кое-как сводить концы с концами, покупать книги, которые я успевал прочитать, и снимать каморку в пансионе, притулившемся в недрах переулка по соседству с улицей Принцессы. В пансионе заправляла набожная галисийка, откликавшаяся на имя донья Кармен. Донья Кармен требовала скромности и благочестия и меняла простыни один раз в месяц, в связи с чем советовала постояльцам воздерживаться от соблазна заниматься онанизмом или ложиться в постель в грязной одежде. Устанавливать запрет на присутствие женщин в комнатах не было необходимости: во всей Барселоне не нашлось бы женщины, согласной подняться в эту дыру даже под страхом смерти. Поселившись там, я усвоил, что почти все в жизни можно стерпеть, в первую очередь

запахи. И я понял очень отчетливо, что если к чему и следует стремиться в жизни, так это не умереть в подобном месте. В минуты уныния, а такие выпадали очень часто, я говорил себе, что литература остается единственным средством выбраться оттуда прежде, чем я заболею туберкулезом. И если кого-то это задевало или смущало, мне терять было нечего.

По воскресеньям донья Кармен отправлялась к мессе на еженедельное свидание с Всевышним. Пока шла служба, постояльцы пансиона пользовались случаем повеселиться. Все собирались в комнате соседа, самого старшего и опытного из нас — бедолаги по имени Элиодоро. Он с юности мечтал стать матадором, но так и остался комментатором-любителем корриды и обслуживал писсуары на солнечной стороне арены «Пласа Монументаль».

— Искусство боя быков умерло, — вещал он. — Нынче коррида стала доходным делом для жадных торговцев скотом и бездушных тореро. Публика не видит различия между боем быков на потребу толпе и высоким искусством, которое способны оценить лишь знатоки.

— Ай, если бы вам представился шанс, дон Элиодоро, дело пошло бы на лад.

— Так ведь в этой стране торжествуют только бездари.

— Лучше не скажешь.

После традиционного вступления, произносимого доном Элиодоро каждую неделю, наступал час потехи. Сгрудившись тесной кучкой у небольшого оконца, постояльцы сквозь микроскопический проем могли понаблюдать за упражнениями и услышать стоны обитательницы соседнего дома, Марухиты, прозванной Перчиком. Прозвище свое она получила за острый язык и обильное тело, сложением напоминавшее сладкий перец. Марухита зарабатывала на хлеб, надраивая хоромы всяких выскочек, но воскресенья и церковные праздники, обязательные для посещения службы, она всецело посвящала возлюбленному семинаристу. Семинарист тайком прибывал в город на поезде из Манресы и отдавался познанию греховного с похвальным рвением и энергией. Мои соседи как раз прилипли к стеклу окошка, точно тесто для пасхальных крендельков, стараясь не пропустить миг, когда внушительные ягодицы Марухиты взлетали вверх, как на качелях, что очень всех веселило. И тут у входа в пансион раздался звонок. Добровольцев идти открывать не нашлось, поскольку никто не хотел рисковать потерей места в партере, откуда открывался хороший вид. И я отказался от намерения присоединиться к компании, направившись к

двери. Когда я отворил ее, моему взору предстало дивное видение, невероятное в столь убогом обрамлении. Дон Педро Видадь во всей красе — с изысканными манерами, внешностью героя-любовника и в шелковом итальянском костюме — стоял с улыбкой на лестничной площадке.

— Да будет свет, — провозгласил он и вошел, не дожидаясь приглашения.

Видадь остановился, обозревая комнату, служившую попеременно столовой и агорой^[8] этого ковчега, и досадливо вздохнул.

— Наверное, лучше пройти в мою комнату, — предложил я.

Я повел его к себе. От стен рикошетом отдавались ликующие возгласы и приветственные крики моих соседей в честь Марухиты и ее любовных кульбитов.

— Веселенькое местечко, — заметил Видадь.

— Извольте проследовать в президентские апартаменты, дон Педро, — пригласил я гостя.

Мы переступили порог, и я захлопнул за спиной дверь. Окинув беглым взглядом каморку, он уселся на единственный имевшийся стул и мрачно посмотрел на меня. Не составляло большого труда догадаться, какое впечатление на него должно было произвести мое скромное жилище.

— И как вам?

— Восхитительно. Я готов тоже сюда переехать.

Педро Видадь жил на вилле «Гелиос», монументальном модернистском особняке в три этажа и с башней. Он был выстроен на отрогах холма, возвышавшегося над Педральбес на пересечении улиц Абадеса Олсет и Панама. Дом десять лет назад подарил Видадю отец, надеявшийся, что сын остепенится и создаст семью — предприятие, с которым дон Педро уже запаздывал годков этак на пятнадцать-двадцать. Судьба благословила дона Педро Видаля множеством талантов, в том числе способностью разочаровывать и оскорблять отца каждым своим шагом и поступком. Его дружба с нежелательными личностями вроде меня не способствовала потеплению отношений. Мне хорошо запомнился один случай. В тот день я привез своему ментору кое-какие материалы из издательства и столкнулся в одном из залов виллы «Гелиос» с патриархом клана Видадь. Увидев меня, отец дона Педро приказал принести бокал газировки и чистую салфетку, чтобы вытереть пятно на лацкане пиджака.

— Боюсь, вы ошиблись, сеньор. Я не прислуга...

Он наградил меня улыбкой, без слов разъяснившей, какой порядок вещей заведен в мире.

— Это ты ошибаешься, мальчик. Ты прислуга, отдаешь себе в том

отчет или нет. Как тебя зовут?

— Давид Мартин, сеньор.

Патриарх попробовал на вкус мое имя.

— Послушайся моего совета, Давид Мартин. Уходи из этого дома и возвращайся туда, где твое место. Ты избежишь больших проблем и избавишь от них меня.

Я никогда не признавался в том дону Педро, но в следующий миг бегом мчался на кухню за газировкой и салфеткой, а затем потратил четверть часа, отчищая пиджак большого человека. Тень клана простиралась далеко, и сколько бы дон Педро ни изображал из себя покровителя богемы, вся его жизнь являла собой очередное звено в семейной цепи. Вилла «Гелиос» удобно располагалась в пяти минутах ходьбы от большого отцовского особняка, вздымавшегося на самом высоком участке бульвара Пеарсон. На помпезное нагромождение балюстрад, парадных лестниц и мансард издалека смотрела вся Барселона — такими глазами смотрит ребенок на незатейливые игрушки. Каждый день отряд прислуги и кухарка из большого дома (поскольку семейный очаг был именованным объектом, включавшим любое количество объектов, трактовавшихся в династии Видаль как единое целое) прибывал на виллу «Гелиос». Подневольные рекруты мыли и чистили, наводили лоск, гладили и готовили, выстилая лебяжьим пухом ложе комфорта и счастливого забвения обременительных хлопот повседневной жизни, на котором привык почивать мой состоятельный покровитель. Дон Педро Видаль перемещался по городу в автомобиле марки «Испано-Суиса» новейшей модели с собственным шофером Мануэлем Сагниером за рулем, и не исключено, что он ни разу в жизни не ездил на трамвае. Как истинному отпрыску благородного рода, выросшему во дворце, Видалю была неведома печальная обветшалая прелесть мира дешевых пансионатов в Барселоне того времени.

— Не стесняйтесь, дон Педро.

— Это место похоже на застенки, — наконец вынес он вердикт. — Не представляю, как ты можешь здесь жить.

— С моим жалованьем — с большим трудом.

— Если нужно, я добавлю, сколько не хватает, чтобы поселиться в квартире, где не смердит серой и мочой.

— Ни в коем случае.

Видаль вздохнул:

— Скончался от гордыни, задохнувшись насмерть. Вот тебе эпитафия, дарю.

Некоторое время Видадь молча бродил по комнате, останавливаясь, чтобы подвергнуть тщательному осмотру мой микроскопический шкаф или выглянуть в окно с выражением величайшего отвращения на лице. Он потрогал зеленоватую краску, покрывавшую стены, и осторожно постучал указательным пальцем по голой электрической лампочке, свисавшей с потолка, словно задавшись целью убедиться, что все содержимое каморки отвратительно.

— Что привело вас сюда, дон Педро? На Педральбес слишком чистый воздух?

— Я приехал не из дома. Я был в издательстве.

— И что же?

— Мне стало любопытно, где ты живешь, а также я привез кое-что для тебя. — Он извлек из кармана пиджака светлый пергаментный конверт и протянул его мне: — Пришло сегодня в редакцию на твоё имя.

Я взял конверт и внимательно его изучил. Он был запечатан сургучом, на котором виднелся оттиск крылатой фигуры ангела. Кроме печати, на конверте стояло только мое имя, старательно выведенное красными чернилами изящным почерком.

— Кто его прислал? — спросил я, заинтригованный.

Видадь пожал плечами:

— Какой-нибудь поклонник. Или поклонница. Не знаю. Открой его.

Я аккуратно распечатал конверт и вынул сложенный листок бумаги. Письмо было начертано тем же изящным почерком и гласило следующее:

Дорогой друг,

я взял на себя смелость написать Вам, чтобы выразить свое восхищение и поздравить с заслуженным успехом «Тайн Барселоны», печатавшихся в нынешнем сезоне на страницах «Голоса индустрии». Как читателю и ценителю хорошей литературы, мне доставило большое удовольствие услышать новый голос, исполненный таланта, юности и обещания. Поэтому позвольте мне в знак признательности за приятные часы, проведенные за чтением Ваших новелл, пригласить Вас сегодня в двенадцать ночи в «Грезу Равалья» и преподнести небольшой сюрприз. Надеюсь, он Вас не разочарует. Вас будут ждать.

С уважением,

А. К.

Видадь, ознакомившись с текстом поверх моего плеча, вскинул брови, очень удивленный.

— Интересно, — пробормотал он.

— Что интересного? — спросил я. — Что там такое в «Грезе»?

Видадь достал папиросу из платинового портсигара.

— Донья Кармен не разрешает курить в пансионе, — поспешил предупредить я.

— С какой стати? Табачный дым заглушает вонь клоаки?

Видадь прикурил папиросу и затянулся с особым удовольствием, как будто все запретное доставляло ему двойное наслаждение.

— Ты был близко знаком хотя бы с одной женщиной, Давид?

— Ну конечно. Со многими.

— В библейском смысле, я имею в виду.

— На мессе?

— Нет, в постели.

— О!

— Итак?

Не вызывало сомнений, что рассказ о моих подвигах едва ли способен произвести впечатление на такого человека, как Видадь. До сих пор мои отроческие похождения и увлечения отличались скромностью и не поражали оригинальностью. Едва ли пылкие объятия, нежные взгляды и вороватые поцелуи в полумраке подъездов и кинозалов могли претендовать на снисходительное внимание мастера, посвященного в тайны искусства и науки альковных игр Графского города.

— А при чем тут это? — взбунтовался я.

Видадь напустил на себя профессорский вид и разразился одной из своих лекций:

— Во времена моей юности считалось вещью вполне естественной, во всяком случае, для молодых людей моего круга, принимать посвящение на любовном ристалище от руки профессионалки. Когда я достиг примерно твоего возраста, отец, который был и до сих пор остается постоянным гостем самых изысканных заведений в городе, привел меня в клуб под названием «Греза». Он находился в двух шагах от жуткого дворца, который наш почтенный граф Гуэль поручил построить Гауди^[9] по соседству с бульваром Рамбла.^[10] Не говори, что ты ни разу не слышал о нем.

— О графе или о публичном доме?

— Очень остроумно. «Греза» имела репутацию элегантного заведения для избранной клиентуры со своими правилами. Правда, я полагал, что она

закрылась много лет назад, но, по-видимому, дела обстоят иначе. В отличие от литературы некоторые промыслы всегда находятся на подъеме.

— Понятно. И что вы думаете? Это своеобразная шутка?

Видадь покачал головой.

— Какого-то идиота из редакции, например?

— Я слышу отголоски враждебности в твоих словах, однако уверен, что человеку, посвятившему себя благородному служению печатному делу в звании рядового, не осилить тарифы местечка, подобного «Грезе», если речь именно о том самом борделе.

Я фыркнул:

— Не имеет значения, поскольку я не собираюсь идти.

Видадь поднял брови.

— Не вздумай убеждать меня, что ты не циник, как я, и желаешь взойти на брачное ложе непорочным душой и телом. И твое чистое сердце томится в ожидании волшебного мгновения, когда истинная любовь позволит тебе познать экстаз слияния души и тела с благословения Святого Духа. И ты жаждешь подарить миру выводок детишек, которые унаследуют фамилию отца и глаза матери, святой женщины, образца добродетели и скромности, рука об руку с которой ты войдешь в небесные врата, провожаемый благосклонным и одобрительным взором Младенца Христа.

— Даже в мыслях такого не было.

— Отрадно. Ибо возможно, подчеркиваю, возможно, ты вообще не полюбишь, не сможешь и не захочешь кому-то посвящать жизнь. А затем тебе, как и мне, исполнится сорок пять лет, и ты осознаешь, что уже не молод, и хор ангелов с лирами не спел тебе, и ты не прошествовал к алтарю по ковру из белых роз. Единственным доступным отмщением останется урвать у жизни наслаждение — удовольствия плоти, осязаемой и горячей, что испаряется быстрее добрых намерений. Одно лишь это подобно небесам в нашем поганом мире, где все обращается в тлен, начиная красотой и заканчивая памятью.

Я выдержал значительную паузу на манер безмолвных оваций. Видадь был страстным поклонником оперы, и в результате в его памяти запечатлелись все такты и возвышенные тексты великих арий. Он никогда не пропускал свидания с Пуччини в семейной ложе в «Лисео». Дон Педро был одним из немногих (за исключением бедняг, толпившихся на галерке), кто приходил в театр слушать музыку, которую искренне любил. Он был настолько подвержен ее влиянию, рассуждая о божественном и человеческом, что порой увлекался, как случилось и теперь.

— Что? — спросил Видадь с вызовом.

— Последний пассаж мне знаком.

Задетый за живое, он вздохнул и кивнул.

— Это из «Убийства на подмостках Лисео», — спохватился Видадь. — Заключительная сцена, в которой Миранда Ла Флер стреляет в жестокого маркиза, разбившего ее сердце и предавшего ради ночи страсти в номере для новобрачных гостиницы «Колумб» с царской шпионкой Светланой Ивановой.

— Я так и подумал. Вы не могли сделать лучшего выбора. Это ваш шедевр, дон Педро.

Видадь поблагодарил за похвалу улыбкой и прикинул, не выкурить ли ему вторую папиросу.

— Что не умаляет справедливости сказанного, — подвел он черту.

Видадь уселся на подоконник, предусмотрительно застелив его носовым платком, чтобы не испачкать модельные брюки. Я заметил, что «испано-суиса» припаркована поодаль, на углу улицы Принцессы. Шофер Мануэль заботливо наводил суконкой глянец на хромированные части, как будто речь шла о скульптуре Родена. Мануэль всегда напоминал мне отца: люди одного поколения, они пережили слишком много горестей, оставивших неизгладимую печать у них на лице. Я слышал, как слуги на вилле «Гелиос» судачили, будто Мануэль Сагниер много лет провел в тюрьме. Выйдя на свободу, он долгое время прозябал в нищете, поскольку не мог найти другой работы, кроме работы грузчика, а для того, чтобы таскать мешки и ящики на пристани, он не годился ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. По слухам, в дело вмешался случай: однажды Мануэль, рискуя собственной жизнью, спас Видаля от верной гибели под колесами трамвая. В благодарность дон Педро, узнав о бедственном положении несчастного, предложил ему работу и разрешил переехать вместе с женой и дочерью в небольшую квартирку над каретными сараями виллы «Гелиос». Он дал твердое обещание, что маленькая Кристина будет учиться у тех же наставников, которые ежедневно приходили в отчий дом на бульваре Пеарсон преподавать науки отпрыскам семейства Видадь, а супруга, портниха, получит возможность и дальше заниматься ремеслом, обшивая семью. Видадь подумывал тогда приобрести один из первых автомобилей, появления которых ожидали на рынке Барселоны со дня на день. Якобы он сказал, что если Мануэль согласен освоить искусство управления моторизованным экипажем, забыв о телегах и тартанах, то вскоре Видадю понадобится шофер. В те времена молодые люди хорошего происхождения и пальцем не прикасались к механизмам, потребляющим топливо и испускающим выхлопные газы. Мануэль, разумеется,

согласился. По официальной версии, после чудесного избавления из нищеты Мануэль Сагниер и его домашние питали слепую преданность к Видалю, извечному рыцарю, защитнику обездоленных. Я не знал, можно ли верить этой истории буквально, или же ее следует отнести к обширному циклу легенд о доброте аристократии, всячески культивируемых Видалем. Иногда казалось, что для полноты картины ему остается только предстать в сияющем нимбе перед какой-нибудь деревенской сироткой.

— Едва тебя посещают нехорошие мысли, появляется это постное выражение на лице, — поделился наблюдением Видадь. — О чем задумался?

— Ничего особенного. Размышлял о вашей доброте, дон Педро.

— В твоём возрасте и положении цинизм не поможет открыть двери.

— Это все объясняет.

— Давай, поздоровайся со стариной Мануэлем. Он всегда о тебе спрашивает.

Я высунулся в окно. Шофер имел обыкновение обращаться со мной как с молодым господином, а не плебеем, кем я, в сущности, являлся. Заметив меня, он издали помахал рукой. Я вежливо ответил на приветствие. На пассажирском месте сидела его дочь Кристина, небесное создание с прозрачной кожей и губами, достойными кисти художника. Она была старше меня всего на пару лет и похитила мое сердце, едва я увидел ее, когда Видадь впервые пригласил меня на виллу «Гелиос».

— Не смотри на нее так, словно хочешь съесть, — пробормотал Видадь у меня за спиной.

Я обернулся и обнаружил на его лице характерное макиавеллиевское выражение, какое он приберегал для сердечных дел и прочих благородных материй.

— Не понимаю, о чем вы.

— Какая искренность, — отозвался Видадь. — Кстати, что ты намерен делать с сегодняшней ночью?

Я перечитал записку и заколебался.

— Вы часто навещаете подобного рода заведения, дон Педро?

— Я не платил ни одной женщине с пятнадцати лет, да и тогда формально заплатил отец, — без тени бахвальства ответил Видадь. — Но дареному коню...

— Не знаю, дон Педро...

— Знаешь, конечно.

По пути к двери Видадь легонько хлопнул меня по спине.

— До полуночи у тебя осталось семь часов, — сообщил он. — Говорю

на случай, если захочешь вздремнуть и набраться сил.

Я перегнулся через подоконник и следил, как он уходит, направляясь к машине. Мануэль открыл дверцу, и Видадь лениво скользнул на заднее сиденье. Мотор «испано-суисы» ожил, заиграв увертюру клапанов и поршней. И в этот миг дочь шофера Кристина подняла глаза и посмотрела на мое окно. Я улыбнулся ей, хотя догадывался, что она меня совсем не помнит. В следующее мгновение она отвела взгляд, и большой экипаж Видаля умчался, возвращаясь в свой мир.

3

В те годы улица Ноу-де-ла-Рамбла тянулась сквозь потемки Раваля сияющим коридором из горящих фонарей и светящихся афиш. Справа и слева улицы кабаре, танцевальные залы и пивные с буйной клиентурой толкались локтями с домами особого сорта, где предлагались утехы Венеры, гашиш и банные услуги. Эти заведения были открыты до зари, и разномастная публика, от франтоватых молодых господ до моряков из экипажей барок, пришвартованных в порту, варилась в одном котле с престранными и колоритными личностями, которые вели исключительно ночной образ жизни. В обе стороны, как притоки реки, ответвлялись тесные переулки, затянутые мглой, которая плотной завесой скрывала вереницу опустившихся проституток.

«Греза» занимала верхний этаж здания, где на первом помещался мюзик-холл, разукрашенный большими афишами, оповещавшими о выступлениях танцовщицы. На плакате актриса была изображена в прозрачной тоге, ниспадавшей свободными складками и не скрывавшей выдающихся прелестей; в руках женщина держала черную змею, будто целовавшую ее раздвоенным языком в губы.

«Эва Монтенегро и танго смерти, — гласила афиша. — Королева ночи специально для вас дает только шесть представлений. С потусторонним участием Месмера, ясновидца, который прочтет ваши мысли и откроет самые сокровенные тайны».

Рядом с парадных входом в мюзик-холл находилась узкая дверь. Сразу за ней, стиснутая в колодце выкрашенных красной краской стен, начиналась длинная лестница. Я поднялся по ступеням и очутился перед высокой дверью из резного дуба. Молоточком служила бронзовая фигурка нимфы с целомудренным листочком клевера на лобке. Я постучал раза два

и стал ждать, избегая смотреть на свое изображение в большом дымчатом зеркале, занимавшем почти всю стену. Я уже начал подумывать, не пуститься ли мне наутек, когда дверь открылась и пожилая женщина с седыми как лунь волосами, аккуратно уложенными в пучок, приветствовала меня безликой улыбкой.

— Наверное, вы сеньор Давид Мартин.

В жизни меня никто не называл «сеньором», и официальное обращение застигло меня врасплох.

— Это я.

— Не угодно ли войти? Прошу вас, следуйте за мной.

Я направился за ней по короткому коридору в просторную круглую гостиную со стенами, обитыми красным бархатом, и приглушенным светом. Потолок изгибался хрустальным сводом, расцвеченным эмалями. Висевшая под куполом люстра также была хрустальной. Под люстрой на столе красного дерева громоздился гигантских размеров граммофон, выводивший оперную арию.

— Желаете выпить, кабальеро?

— Я был бы признателен, если у вас найдется стакан воды.

Седовласая дама не моргнув глазом улыбнулась, сохраняя приветливый вид и полнейшую невозмутимость.

— Быть может, сеньор предпочтет бокал шампанского или сухого хереса?

Я не был искушен в тонкостях букетов и марок хмельной воды, а потому пожал плечами:

— На ваш выбор.

Дама кивнула, не переставая улыбаться, и указала на одно из мягких широких кресел, разбросанных островками по залу:

— Не угодно ли кабальеро сесть? Хлое сейчас к вам выйдет.

Я поперхнулся.

— Хлое?

Не обращая внимания на мое замешательство, седовласая дама скрылась за дверью, угадывавшейся за пологом из черных бусинок, и я остался в одиночестве, обуреваемый смятением и постыдными желаниями. Я обошел помещение, пытаюсь побороть охватившую меня дрожь. В зале звучала негромкая музыка, а в висках у меня стучала кровь, но в остальном то место больше всего напоминало гробницу. Из гостиной выходило шесть коридоров с нишами вдоль стен, задрапированными голубыми занавесками. Коридоры вели к шести двустворчатым белым дверям. Я рухнул в кресло, казалось, специально созданное для того, чтобы нежить зад принца-регента

или генералиссимуса, слегка утомленного государственными переворотами. Вскоре седовласая дама вернулась с бокалом шампанского на серебряном подносе. Я взял бокал и с удивлением увидел, как она нырнула обратно в ту же дверь. Осушив бокал одним глотком, я расстегнул ворот рубашки. У меня шевельнулось подозрение, будто происходящее было всего лишь шуткой — например, Видадь решил повеселиться за мой счет. И в этот момент я заметил, что ко мне из глубины одного из коридоров приближается человеческая фигура. Она выглядела детской, и в самом деле это оказалась маленькая девочка. Она шла, низко опустив голову, так что ее глаза я не мог увидеть. Я привстал.

Девочка присела в почтительном реверансе и жестом пригласила следовать за собой. И только тогда я обратил внимание, что одна рука у нее была искусственной, как у манекена. Девочка проводила меня в конец коридора и, открыв дверь ключом, висевшим у нее на шее, посторонилась, пропуская вперед. Комната тонула в темноте. Я шагнул внутрь, пытаюсь хоть что-то рассмотреть, и услышал, как за спиной закрывается дверь. Когда я обернулся, девочка уже исчезла из поля зрения. Раздался скрежет ключа в замке, и я понял, что меня заперли. Почти минуту я простоял неподвижно. Наконец глаза привыкли к темноте, и комната стала постепенно обретать очертания. Все помещение, от пола до потолка, было затянуто темной тканью. Вдоль стены угадывался ряд необычных приспособлений, подобных которым мне видеть не доводилось, и я не мог решить, веяло от них больше пороком или искушением. Широкое круглое ложе осенял полог, похожий на паутину огромного размера, с которого свисали две лампы. В лампах тлели толстые черные свечи, распространяя запах горячего воска, присущий церквам или молельням. Рядом с постелью стояла ширма изогнутой формы. Я ощутил озноб. Комната как две капли воды походила на спальню, которую я придумал для своей неподражаемой вампирессы и подробно описал, рассказывая о похождениях Хлое в «Тайнах Барселоны». От этой мистификации явственно пахло паленым. Я уже решился на попытку сломать дверь, как вдруг почувствовал, что больше не один в комнате. Я замер, похолодев. На меня уставились два сверкающих глаза. И я увидел, как тонкие белые пальцы с длинными острыми ногтями, покрытыми черным лаком, раздвигают створки ширмы. У меня перехватило дыхание.

Это была она. Моя Хлое. Условная и непревзойденная *femme fatale*, героиня моих фантастических рассказов из плоти и крови. У нее была бледная кожа (бледнее я в жизни не видел), и черные блестящие волосы,

подстриженные под прямым углом, обрамляли лицо. Помада на губах походила на свежую кровь, а зеленые глаза осеняли темные тени. Она двигалась с кошачьей грацией: тело, затянутое в переливающийся, как чешуя, корсет, словно состояло из воды и не подчинялось законам гравитации. Точеную, бесконечно длинную шею обвивала ярко-алая бархатная тесьма, на которой висело перевернутое распятие. Затаив дыхание, я смотрел, как женщина медленно приближается, не в силах оторвать взгляд от ее ног, изумительно очерченных, обтянутых шелковыми чулками, стоявшими, наверное, больше моего годового заработка. Маленькие ступни были обуты в туфли на высоком каблуке не толще острия кинжала, подвязанные к щиколоткам атласными лентами. Я в жизни не видел зрелища прекраснее, но в то же время оно внушало мне смертельный ужас.

Я позволил этому созданию увлечь меня к кровати, куда рухнул буквально как подкошенный. Отблеск свечей любовно нежил контуры ее тела. Мое лицо и губы оказались на уровне ее голого живота, и, не осознавая до конца своих действий, я поцеловал ее пониже пупка и потерся щекой о кожу. К тому моменту я уже забыл, кто я есть и где нахожусь. Она опустилась передо мной на колени и взяла за руку. Вкрадчиво, точно кошка, облизала пальцы один за другим и, пристально посмотрев в лицо, начала раздевать. Я сделал попытку ей помочь, но она улыбнулась и отвела мои руки.

— Ш-ш-ш.

Справившись с задачей, она наклонилась ко мне и коснулась губ языком.

— А теперь ты. Раздень меня. Медленно. Очень медленно.

И тогда я понял, что пережил все горести и болезни своего унылого детства только ради этих мгновений. Я неспешно раздел ее, обнажая кожу покров за покровом, пока на ней не осталась только бархатная тесьма на шее и черные чулки, одним воспоминанием о которых бедолаги вроде меня могли бы тешиться лет сто.

— Поласкай меня, — шепнула она мне на ухо. — Поиграй со мной.

Я гладил и целовал каждый кусочек ее кожи так, словно хотел запечатлеть в памяти навсегда. Хлое не торопилась и отвечала на прикосновения моих рук и губ слабыми стонами, побуждавшими меня к действию. Потом она заставила меня вытянуться на постели и накрыла мое тело своим так, что я вскоре почувствовал себя как на костре. Я положил руки ей на спину и провел ладонями вдоль чудесной ложбинки — там, где

проходит позвоночник. Ее непостижимые глаза оказались всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Мне показалось, что нужно что-то сказать.

— Меня зовут...

— Ш-ш-ш.

Прежде чем я успел сморозить еще какую-нибудь глупость, Хлое прижалась губами к моему рту, и я на целый час исчез из этого мира. Хлое замечала, конечно, неловкость неопита, но не показывала виду и предвосхищала каждое мое движение, отправляя руки в путь по своему телу без спешки и лишней скромности. В ее глазах не было ни отвращения, ни равнодушия, она позволяла ласкать себя и наслаждаться собой с бесконечным терпением и глубокой нежностью, отчего я совсем потерял голову. В ту ночь всего за один час я изучил каждый изгиб ее тела вдоль и поперек, как другие учат молитву или приговор. Позднее, когда я едва переводил дух, Хлое позволила мне склонить голову к ней на грудь и ласково перебирала мои волосы в наступившем молчании, пока я не заснул в сладких объятиях, положив руку меж ее бедер.

Когда я пробудился, комната была погружена в темноту, а Хлое уже ушла. Я больше не чувствовал близости ее тела. Зато у меня в руке лежала визитная карточка, напечатанная на светлом пергаменте, таком же как и конверт, в котором мне пришло анонимное приглашение. На визитке под эмблемой, изображавшей ангела, я прочитал:

Андреас Корелли
Книгоиздатель
Издательство «Люмьер»
Бульвар Сен-Жермен, 69. Париж

На обороте от руки было написано:

Любезный Давид,
жизнь состоит из больших надежд. Если Вы готовы сделать
явью свои, свяжитесь со мной. Я буду ждать.
Ваш друг и преданный читатель,

А. К.

Я поднял с пола свои вещи и оделся. Дверь комнаты была открыта. Я

вернулся по коридору в гостиную, где находился умолкнувший граммофон. И никаких следов присутствия девочки или седовласой женщины, принимавшей меня. Стояла мертвая тишина. У меня возникла иллюзия, что по мере того, как я продвигался к выходу, свет у меня за спиной медленно угасал и комнаты и коридоры постепенно погружались в темноту. Я вышел на лестничную площадку и спустился по ступеням, возвращаясь в реальный мир — признаться, неохотно. Очутившись на улице, я направился в сторону бульвара Рамбла, оставив позади шумное сборище завсегдатаев ночных заведений. Легкий теплый туман стелился от порога, и свет, падавший из высоких окон гостиницы «Ориенте», окрашивал его в грязно-желтый, словно измазанный пылью, цвет. Прохожие растворялись в желтоватом мареве, как облака пара. Я ускорил шаг, аромат духов Хлое потихоньку выветривался из моей памяти, и я спрашивал себя, неужели губы Кристины Сагниер, дочери шофера Видаля, такие же сладкие на вкус?

Человек не ведает жажды, пока не сделает первый глоток прохладной воды. Не прошло и трех дней после моего визита в «Грезу», но от одного воспоминания о коже Хлое меня обдавало жаром. Никому не сказав ни слова (особенно Видалю), я решил собрать свои скромные сбережения и пойти туда вечером в надежде, что денег хватит, чтобы заплатить хотя бы за один миг в ее объятиях. Минула полночь, когда я достиг подножия лестницы в колодце красных стен, что вела в «Грезу». Свет на лестнице не горел, и я поднимался медленно, оставив позади жизнь, бившую ключом в кабаре, барах, мюзик-холлах и прочих увеселительных заведениях разного толка, которые во множестве расплодились во время войны в Европе, образовав на улице Ноу де ла Рамбла целый городок. В рассеянном свете, просачивавшемся сквозь входную дверь, смутно угадывались ступени. Поднявшись на лестничную площадку, я на ощупь принялся искать молоток. Под руку мне попала массивная металлическая ручка, я дернул за нее, створка вдруг подалась, и я сообразил, что дверь не заперта. Я осторожно толкнул ее. Лица коснулось дыхание тишины. Передо мной клубились голубоватые сумерки. Я растерянно вошел. Отраженное мигание уличных огней всполохами высвечивало голые стены и выщербленный деревянный пол. Я ступил в гостиную, как мне помнилось, богато убранную бархатом и обставленную роскошной мебелью. Комната была совершенно пустой. Толстый слой пыли на полу поблескивал, точно песок,

в бликах светящихся вывесок за окном. Я пошел дальше, оставляя цепочку следов в пыли, но не обнаружил ни граммофона, ни кресел, ни картин. Потолок потрескался, и сквозь прорехи виднелись почерневшие деревянные стропила. Краска на стенах облупилась и висела клочьями, словно змеиная кожа. Я проник в коридор, который вел в спальню, где третьего дня меня ждала Хлое. Преодолев тоннель, заполненный мраком, я добрался до двустворчатой двери, которая больше не была белой. Дверной ручки на месте не оказалось, вместо нее зияла дыра, словно ручку выдрали мощным рывком. Я отворил двери и шагнул в комнату.

Спальня Хлое предстала передо мной обителью черноты. Стены обуглились, и большая часть потолка обвалилась. Я видел даже полотно стелющихся по небу облаков и луну, заливавшую серебристым сиянием металлический остов кровати. И в тот момент я услышал, как заскрипели половицы у меня за спиной, и понял, что нахожусь в помещении не один. В устье коридора вырисовывался темный силуэт худощавого мужчины. Я не мог разглядеть его лица, но преисполнился уверенности, что он внимательно наблюдает за мной. Он выжидательно застыл на пороге, точно притаившийся паук. Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы отреагировать. Я шагнул к нему, и силуэт моментально отступил, слившись с тенью. Когда я ворвался в гостиную, там уже никого не было. Сноп света от сиявшей электрическими огнями вывески на противоположной стороне улицы на мгновение осветил зал и кучку мусора, сваленную у стены. Я приблизился и опустился на колени перед грудой вещей, попорченных огнем. Среди обгорелых обломков виднелось нечто странное: человеческие пальцы. Я разгреб покрывавший их пепел. Постепенно обозначились очертания руки. Я осторожно вытащил ее и обнаружил, что кисть обрублена на высоте запястья. Я тотчас узнал ее и понял, что рука девочки, показавшаяся мне тогда деревянной, на самом деле сделана из фарфора. Я бросил ее в кучу обугленного хлама и ринулся прочь.

Я спрашивал себя, уж не почудился ли мне тот незнакомец, ибо в пыли не осталось его следов. Снова оказавшись на улице, я в полном смятении задержался у подножия здания. Стоя на мостовой, я принялся напряженно вглядываться в окна первого этажа. Смеющиеся люди проходили рядом, за стеклом, не подозревая о моем присутствии. Я попытался рассмотреть в толпе фигуру незнакомца, несколько не сомневаясь, что он там, возможно, в двух шагах от меня и по-прежнему наблюдает за мной. Через некоторое время я пересек улицу и зашел в тесное кафе, забитое под завязку посетителями. Кое-как протиснувшись к стойке, я сделал знак официанту.

— Что желаете?

Во рту у меня было сухо, как в пустыне.

— Пиво, — сымпровизировал я.

Пока официант наливал мне выпивку, я спросил, подавшись вперед:

— Послушайте, вы, случайно, не знаете, местечко тут напротив, «Греза», оно закрыто?

Официант поставил на стойку полный стакан и посмотрел на меня как на идиота.

— Оно закрылось уже лет пятнадцать назад, — ответил он.

— Вы уверены?

— Конечно. После пожара оно больше не открывалось. Закажете еще что-нибудь?

Я покачал головой.

— С вас четыре сентима.

Я оплатил заказ и вышел из кафе, не притронувшись к своему напитку.

На следующий день я пришел в редакцию газеты до начала рабочего дня и направился напрямик в архив, располагавшийся в подвале. Воспользовавшись помощью Матиаса, служащего архива, и руководствуясь сведениями, которые мне сообщил официант, я начал просматривать заголовки выпусков «Голоса индустрии» пятнадцатилетней давности. Я потратил минут сорок на поиски нужной статьи. Фактически это была коротенькая заметка. Пожар произошел на рассвете дня праздника Тела Господня в 1903 году. В огненной ловушке погибло шесть человек: клиент, четыре девушки из постоянного штата и девочка-прислуга. Причиной трагедии полиция и пожарные называли неисправную керосиновую лампу, хотя попечительский совет ближайшего прихода посчитал определяющими факторами божественную кару и вмешательство Святого Духа.

Возвратившись в пансион, я лег на кровать в своей комнате и тщетно попытался забыться сном. Из кошелька я достал визитную карточку анонимного благодетеля, ту, которую сжимал в руке, пробудившись в постели Хлое, и перечитал в темноте слова, написанные на обороте: «Большие надежды».

В мире, где я жил, надежды, большие или маленькие, редко становились реальностью. Еще несколько месяцев назад, отходя ко сну, я мог бы пожелать лишь одного: набраться однажды смелости и перемолвиться хотя бы словечком с Кристиной, дочерью шофера моего

наставника. И я с нетерпением ждал рассвета, чтобы поскорее вернуться в редакцию «Голоса индустрии». Но теперь даже эта опора стала ускользать из-под ног. Может, если бы какое-то из моих начинаний с треском провалилось, то мне удалось бы вернуть расположение своих товарищей, говорил я себе. Может, если бы я написал нечто настолько бездарное и скучное, что ни один читатель не одолел бы больше одной страницы, мне простили бы грехи юности. И быть может, эта цена не была чересчур высокой за возможность снова почувствовать себя в редакции как дома. Быть может.

Впервые я пришел в «Голос индустрии» много лет назад за ручку с отцом, человеком измученным и неудачливым. Вернувшись с войны на Филиппинах,^[11] отец встретился лицом к лицу с городом, не желавшим его принимать, и женой, успевшей позабыть мужа и решившей уйти через два года после его возвращения. Бросив мужа, она оставила его с разбитым сердцем и с сыном на руках, которого он никогда не хотел и не знал, что с ним делать. Отец, с трудом умевший прочитать и написать собственное имя, не имел ни достойной профессии, ни определенных занятий. На войне он хорошо научился лишь убивать себе подобных, прежде чем они убьют его. Конечно, это делалось ради великих и возвышенных целей, казавшихся тем более вздорными и жалкими, чем ближе к эпицентру сражения находился человек.

Вернувшись с войны, отец выглядел лет на двадцать старше, чем когда уходил на фронт. Он пытался устроиться на работу на различные предприятия в районах Пуэбло-Нуэво и Сан-Мартин, но на службе ему удавалось продержаться от силы несколько дней: рано или поздно он приходил домой, не смея поднять глаз от стыда. Через некоторое время, не имея иного выбора, он поступил на должность ночного сторожа в «Голос индустрии». Жалованье было скромным, однако шли месяцы, и впервые с момента его возвращения с войны появилась надежда, что больше он не станет искать на свою голову неприятностей. Однако передышка оказалась короткой. Фронтовые товарищи отца — живые трупы — вернулись с войны калеками, физическими и духовными, наверное, только для того, чтобы познать горькую истину: те, кто послал их умирать во имя Бога и отечества, теперь плевали им в лицо. Так вот, компания старых товарищей по оружию вовлекла отца в сомнительные дела, которые явно были ему не по плечу, чего он так и не сумел понять.

Довольно часто отец пропадал дня на два, а когда возвращался, его руки и одежда пахли порохом и в карманах заводились деньги. Он тогда

уходил к себе в комнату и, думая, будто я ничего не замечаю, колол себе дозу — большую или маленькую, в зависимости от того, сколько удалось достать. Сначала он не закрывал дверь, но однажды, поймав меня за подглядыванием, надавал оплеух, разбив мне губы. Потом он обнял меня и прижимал к себе, пока руки не ослабели и он не растянулся на полу. Иголка все еще была воткнута в тело. Я вытащил иглу и накрыл отца одеялом. После этого случая отец начал запирается на ключ.

Мы жили в маленькой мансарде, нависавшей над строительной площадкой, где велись работы по возведению нового Дворца каталонской музыки для хора «Каталонский Орфей».^[12] Это был холодный и тесный угол, где ветер и сырость легко проникали сквозь стены, словно их сделали из бумаги. Я любил сидеть, свесив ноги, на маленьком балконе, провожал взглядом прохожих и смотрел на неровную гряду скульптур и невообразимых колонн, возвышавшуюся на противоположной стороне улицы. Мне казалось, одни стоят так близко, что стоит протянуть руку, и я смогу потрогать их пальцами, а другие (большинство) представлялись далекими, как луна. Я рос слабым и болезненным ребенком, подверженным лихорадкам и инфекциям. Болезни не раз доводили меня чуть ли не до края могилы, однако в последний момент, словно устыдившись, шли на попятную и отправлялись на поиски более достойной добычи. Когда я хворал, отец после двух бессонных ночей у постели больного в итоге терял терпение, поручал меня заботам какой-нибудь соседки и пропадал из дому на несколько дней. Со временем я начал подозревать, что он надеялся, вернувшись, узнать, что я умер. Это избавило бы его от необходимости возиться с ребенком, здоровьем хрупким, как сухой лист, который ему был совершенно ни к чему.

И мне не раз хотелось умереть, но отец всегда, возвратившись, находил меня живехоньким, виляющим хвостом и капельку подростом. Мать-природа развлекалась со мной без ложной застенчивости, сверяясь со своим обширным карающим сводом первопричин и бедствий, однако ни разу не нашла повода применить ко мне высшую меру. Вопреки всем предсказаниям я выжил в ранние годы, удержавшись на слабо натянутой веревке детства в эпоху до изобретения пенициллина. Тогда еще смерть не искала анонимности, и ее можно было увидеть и почуять повсюду, когда она собирала жатву душ, еще не успевших даже согрешить.

Уже в то время единственными моими друзьями были слова, выведенные пером на бумаге. В школе я научился читать и писать намного раньше, чем другие дети квартала. Там, где мои товарищи видели на

странице лишённые смысла чернильные закорючки, я видел свет, улицы и людей. Слова и тайный их смысл завораживали меня. Они казались мне волшебным ключом, открывающим двери бескрайнего мира, простиравшегося за пределами моего дома, улицы и томительных дней, когда даже я интуитивно чувствовал, что мне уготована незавидная доля. Отца раздражали книги в доме. В них содержалось нечто, помимо букв, что было выше его понимания, и это его задевало. Он не уставал повторять, что как только мне исполнится десять, он пристроит меня на работу и мне лучше выбросить из головы пустые фантазии, иначе я ни в чем не преуспею и умру с голоду. Я прятал книги под матрасом и дожидался момента, когда он уйдет или заснет, чтобы почитать. Однажды он застал меня за чтением и страшно разозлился. Вырвав у меня из рук книгу, он вышвырнул ее в окно.

— Если еще раз увижу, как ты жжешь свет, читая эту чушь, тебе не поздоровится.

Отец не был скупым, и, хотя мы очень нуждались, когда мог, подбрасывал мне пару-другую монеток, чтобы я покупал себе сладости, как другие дети квартала. Он не сомневался, что я их трачу на лакричные палочки, семечки или карамель, но я хранил деньги под кроватью в жестяной банке из-под кофе, и когда набиралось четыре или пять реалов, тайком от отца бежал покупать книжку.

Моим излюбленным местом в городе была книжная лавка «Семпере и сыновья» на улице Санта-Ана. То место, пахнувшее старыми бумагами и пылью, являлось моим храмом и убежищем. Хозяин лавки разрешал мне устроиться на стуле в уголке и читать в свое удовольствие любую книгу на выбор. Вручая мне томик, Семпере никогда не брал с меня денег, но перед уходом, улучив момент, когда он отворачивался, я обычно оставлял на прилавке горстку накопленных монеток. Конечно, это были жалкие гроши. Если бы мне пришлось действительно покупать книги на эту мелочь, я мог бы позволить себе только лист папиросной бумаги. Когда наступало время уходить, это стоило мне немалых нравственных и физических усилий, ибо ноги отказывались идти. Если бы от моего решения что-то зависело, я поселился бы в той лавке.

Как-то на Рождество Семпере преподнес самый лучший в моей жизни подарок: экземпляр старой книги, зачитанной до дыр.

— «Большие надежды» Чарльза Диккенса, — прочел я на обложке.

Мне было известно, что Семпере знаком с некоторыми писателями, постоянно посещавшими лавку. Заметив, как бережно Семпере держит эту книгу, я вообразил, что дон Чарльз — один из них.

— Он ваш друг?

— Самый лучший. А отныне и твой тоже.

В тот вечер я принес нового друга домой, спрятав под одеждой, чтобы отец не увидел. Стояла дождливая осень и пасмурные дни, и я прочел «Большие надежды» девять раз подряд, во-первых, потому, что больше мне нечего было читать, а во-вторых, потому, что книга оказалась замечательной, лучше я и представить не мог. Мне казалось, что дон Чарльз написал ее лично для меня. И вскоре я почувствовал твердую уверенность, что больше всего на свете хочу научиться делать то, что делал этот сеньор Диккенс.

Однажды под утро мой сон был внезапно прерван: меня грубо растолкал отец, вернувшийся с работы раньше обычного. Его глаза налились кровью, а дыхание отдавало сильным запахом спиртного. Я с ужасом посмотрел на него. Отец потрогал электрическую лампу, висевшую на шнуре без абажура.

— Горячая.

Он злобно зыркнул на меня и с яростью запустил лампочкой в стену. Она взорвалась тысячью осколков, припорошив стеклянной пылью мое лицо, но я не осмеливался стряхнуть их.

— Где она? — спросил отец бесстрастным ледяным тоном.

Я помотал головой, трепеща от страха.

— Где эта дерьмовая книга?

Я снова покачал головой. В темноте я смутно увидел, как он замахнулся. Я почувствовал, что вдруг ослеп, и упал с кровати. Рот заполнился кровью, из глаз посыпались искры от жгучей боли — губы и десны горели огнем. Повернув голову, я обнаружил на полу то, что было предположительно кусками выбитых зубов. Лапища отца сгребла меня за шиворот и подняла.

— Где она?

— Отец, пожалуйста...

Он со всей силы впечатал меня лицом в стену, и, ударившись головой, я потерял равновесие и рухнул, точно мешок костей. Я заполз в угол и, затаившись и сжавшись в комок, наблюдал, как отец открывает шкаф и вываливает на пол мои скудные пожитки. Он перерыл ящики и баулы, книги не нашел, выдохся и возвратился ко мне. Я зажмурился и съежился у стены в ожидании очередного удара, которого так и не последовало. Открыв глаза, я увидел, что отец сидит на кровати и плачет, задыхаясь от стыда. Заметив мой взгляд, он выбежал, кубарем скатившись по лестнице. Я слушал, как затихает эхо его шагов, гулко отдававшееся в предрассветном

безмолвии. Убедившись, что он ушел далеко, я дотащился до кровати и вынул книгу из тайника под матрасом, оделся и с романом под мышкой выбрался на улицу. Улицу Санта-Ана заволокло густой вуалью тумана, когда я остановился у порога книжной лавки. Хозяин с сыном жили на втором этаже в том же доме. Я осознавал, что шесть утра — совершенно неподходящее время дня визитов, но в тот момент мною владела единственная мысль, что надо непременно спасти драгоценную книгу. Ибо я не сомневался, что если отец, вернувшись домой, найдет ее, то разорвет со всей яростью, бушевавшей в крови. Я позвонил в дверь и подождал. Мне пришлось звонить еще два или три раза, прежде чем я услышал, как открывается дверь балкона, и старый Семпере, в халате и шлепанцах, показался в проеме и воззрился на меня в изумлении. Всего через полминуты он спустился вниз и открыл мне. Едва он увидел мое лицо, как последние признаки гнева испарились. Он опустил передо мной на колени и крепко взял за плечи.

— Боже мой! Как ты? Кто это сделал?

— Никто. Я упал.

Я протянул ему книгу.

— Я пришел вернуть ее потому, что не хочу, чтобы с ней что-то случилось...

Семпере посмотрел на меня, не проронив ни звука. Потом схватил меня в охапку и унес в дом. Его сын, мальчик двенадцати лет (настолько застенчивый, что я никогда не слышал его голоса), проснулся, услышав, как отец встал, и теперь ждал, стоя на верхней площадке лестницы. Заметив кровь у меня на лице, он испуганно посмотрел на отца.

— Вызови доктора Кампоса.

Сын Семпере кивнул и бросился к телефону. Я услышал, как он говорит что-то в трубку, и убедился, что мальчик вовсе не немой. Вдвоем они устроили меня в кресле в столовой и промыли раны, пока не пришел врач.

— Не хочешь сказать, кто это сделал?

Я молчал как рыба. Семпере не знал, где я живу, и я не собирался его просвещать в этом отношении.

— Это твой отец?

Я отвел взгляд.

— Нет. Я упал.

Доктор Кампос, живший в одном из соседних домов, явился через пять минут. Он осмотрел меня с ног до головы, ощупал ушибы и обработал порезы со всей возможной осторожностью. Он не сказал ни слова, но глаза

его сверкали от гнева.

— Переломов нет, но есть несколько серьезных ушибов, они поболят пару дней. Эти два зуба придется удалить, от них мало что осталось, и может начаться воспаление.

После ухода доктора Семпере приготовил мне чашку теплого молока с какао и с улыбкой наблюдал, как я пью.

— И все это ради того, чтобы спасти «Большие надежды», а?

Я пожал плечами. Отец и сын понимающе переглянулись.

— В следующий раз, когда пожелаешь спасти книгу, спасай ее всерьез, а не рискуй жизнью. Одно слово — и я отведу тебя в тайное место, где книги обретают бессмертие и никто не в состоянии их уничтожить.

Я заинтригованно смотрел на отца и сына.

— И что это за место?

Семпере подмигнул мне и улыбнулся загадочной улыбкой, словно позаимствованной со страниц романов донна Александра Дюма и являвшейся, по слухам, фирменным товарным знаком плодовитого семейства.

— Всему свое время, друг мой. Всему свое время.

Целую неделю отец не смел поднять глаз, терзаясь раскаянием. Он купил новую лампочку и пришел сказать, что если я захочу включить ее, то могу это сделать, только ненадолго, так как электричество очень дорого. Я предпочел не играть с огнем. В субботу отец захотел купить мне книгу и в первый и последний раз в своей жизни переступил порог книжного магазина. Он находился на улице Де-ла-Палья, что напротив старой римской стены. Однако отец не мог разобрать ни одного названия на корешках сотен книг, заполнявших стеллажи, и потому вышел оттуда с пустыми руками. Потом он дал мне денег, больше обычного, и разрешил купить все, что я пожелаю. Момент показался мне подходящим, чтобы завести разговор на тему, к которой я не знал, как подступиться.

— Донья Мариана, учительница, просила передать вам, чтобы вы как-нибудь пришли в школу побеседовать с ней, — промямлил я.

— Побеседовать о чем? Ты что-то натворил?

— Ничего, отец. Донья Мариана хотела с вами поговорить о моем будущем образовании. Она считает, что у меня есть способности, и надеется, что сумеет помочь получить стипендию, чтобы поступить в монастырский колледж...

— Что о себе воображает эта женщина? Зачем она забивает тебе голову всякой чепухой и внушает, что нужно поступать в школу для

барчуков? Ты знаешь, что там за публика? Знаешь, как на тебя посмотрят и как к тебе будут относиться, едва узнают, кто ты и откуда?

Я потупился.

— Донья Мариана лишь хотела помочь, отец. И только. Не сердитесь. Я скажу ей, что это невозможно, и все.

Отец в бешенстве уставился на меня, но сдержался и, закрыв глаза, несколько раз глубоко вдохнул, прежде чем заговорить снова.

— Мы выкарабкаемся, ясно? Ты и я. И обойдемся без милостыни всяких ублюдков. С высоко поднятой головой.

— Да, отец.

Отец взял меня за плечо и посмотрел так, словно в то мгновение, одно короткое мгновение, которое больше не повторится, он гордился мной. Гордился, пусть мы были такими разными, и я любил книги, которые он не мог прочитать, и так уж получилось, что мать бросила нас, и мы остались вдвоем, один на один. На секунду я поверил, что мой отец — самый добрый человек в мире, и было бы справедливо, если бы жизнь хотя бы раз соизволила сдать ему хорошую карту.

— То зло, которое человек совершает в своей жизни, возвращается, Давид. А я сделал много зла. Очень много. Но я расплатился сполна. И наша судьба изменится к лучшему. Вот увидишь. Честное слово...

Невзирая на упорство доньи Марианы, весьма сметливой и быстро сообразившей, откуда ветер дует, я больше никогда не обсуждал с отцом проблему моего образования. Когда учительница поняла, что ситуация безнадежна, она пообещала после уроков один час заниматься со мной персонально, рассказывая о литературе, истории и прочих вещах, которые пугали отца.

— Пусть это будет нашим секретом, — сказала учительница.

К тому моменту я начал догадываться, что отец стыдился, что его считают невеждой, жалким обломком войны. Как все войны, она велась во имя Бога и отечества, чтобы люди, обладавшие безмерным могуществом до ее начала, стали еще могущественнее после. В то время я уже ходил изредка с отцом на ночные дежурства. Мы вместе садились на трамвай на улице Трафальгар, и он подвозил нас прямо к воротам кладбища. Я сидел в привратничкой, читал старые номера газеты и пытался вовлечь отца в беседу, что было очень трудной задачей. Отец вообще не любил рассказывать ни о войне в колониях, ни о предавшей его женщине. Однажды я спросил, почему мать нас бросила. Я подозревал, что это произошло по моей вине: наверное, я сделал что-то нехорошее, хотя едва успел родиться.

— Твоя мать ушла еще до того, как меня отправили на фронт. И я был глупцом. Я ведь не понимал этого, пока не вернулся. Такова жизнь, Давид. Рано или поздно мы теряем всех и вся.

— Я всегда буду с вами, отец.

Мне почудилось, что он вот-вот расплачется, и обнял его, чтобы не видеть выражение его лица.

На следующий день, не предупредив заранее, отец привел меня к «Эль Индио», большому магазину тканей на улице Кармен. Мы не стали заходить внутрь, но сквозь стеклянную витрину он указал на молодую улыбающуюся женщину, которая обслуживала покупателей, показывая им дорогие сукна и трикотаж.

— Вот твоя мать, — сказал он. — Как-нибудь я вернусь сюда и убью ее.

— Не говорите так, отец.

Он посмотрел на меня покрасневшими глазами, и я понял, что он все еще любит бывшую жену, а я никогда ее за это не прощу. Она нас не замечала. Я украдкой следил за ней, смутно узнавая по фотографии, которую отец хранил дома в ящике вместе с армейским револьвером. Он доставал оружие каждый вечер, когда думал, будто я сплю, и смотрел на него так, словно он содержал ответы на все вопросы, по крайней мере на самые важные.

В течение многих лет я буду приходить к дверям этого магазина, чтобы тайком понаблюдать за ней. У меня так и не хватило смелости войти в магазин или заговорить с ней, когда мать покидала его и спешила вниз по бульвару Рамбла, навстречу жизни, мною для нее придуманной, где была счастливая семья и сын, который заслуживал ее любовь и прикосновение ласковых рук больше меня. Отец даже не подозревал, что я порой ускользал, чтобы увидеть мать. Случалось, я шел за ней следом, с трудом преодолевая искушение взять ее за руку и пойти рядом. В последний момент я всегда убегал. В моем мире большие надежды оживали лишь на страницах книг.

Отец не дождался удачи, на которую уповал всем сердцем. Судьба расщедрилась лишь на один подарок: ожидание надолго не затянулось. Однажды вечером, едва мы приблизились к дверям издательства, чтобы заступить на ночное дежурство, из тени выступили три бандита — наемные убийцы — и на моих глазах изрешетили отца пулями. Я помню запах серы и клубящийся дымок, поднимающийся от дырок, прожженных выстрелами

у него в животе. Один из бандитов хотел добить отца выстрелом в голову, но я распластался поверх его тела, и второй удержал дружка. Я помню, как бандит, глядя мне в глаза, раздумывал, не прикончить ли и меня тоже. Бесшумно ступая, они растворились так же внезапно, как и появились, в переулках, петлявших между фабриками Пуэбло-Нуэво.

В тот вечер убийцы бросили отца истекать кровью у меня на руках, а я остался на свете один как перст. Почти две недели я спал в типографских мастерских издательства. Я прятался за линотипами — наборными машинами, казавшимися гигантскими стальными пауками, — стараясь не обращать внимания на сводящий с ума ритмичный грохот, сверливший по ночам барабанные перепонки. Когда меня обнаружили, мои руки и одежда были по-прежнему покрыты пятнами засохшей крови. Сначала никто ничего обо мне не знал, поскольку с неделю я молчал, а заговорив, начал выкрикивать имя отца и кричал, пока не потерял голос. Меня спросили, где моя мать, и я ответил, что она умерла и у меня нет никого на всем белом свете. Моя история достигла ушей Педро Видаля, звезды газеты и близкого друга издателя. Тот по настоянию дона Педро распорядился взять меня посыльным и дал разрешение жить в скромной комнатенке привратника в подвальном помещении вплоть до новых указаний.

В те времена кровь и насилие на улицах Барселоны становились обычным делом. То были смутные дни: на улицах Равалья бросали листовки и бомбы, разрывавшие тело на трепещущие дымящиеся куски; шайки темных личностей сновали в ночи, проливая кровь; организовывались шествия святых и демонстрации генералов, от которых разило смертью и обманом; произносились подстрекательские речи, где каждый лгал и каждый был прав. В отравленном воздухе уже витал терпкий привкус ярости и ненависти, которые всего через несколько лет толкнут людей убивать друг друга во имя звучных лозунгов и цветных тряпочек. Марево от фабрик бесконечной змеей вползало в город, заволакивая мощные улицы, которые бороздили трамваи и экипажи. Ночь была во власти газовых фонарей и темноты переулков, нарушаемой вспышками выстрелов и голубоватыми полосами дыма от сгоревшего пороха. В те годы выросли быстро, детство утекало сквозь пальцы, и многие дети смотрели на мир глазами стариков.

У меня не осталось другой семьи, кроме этой мрачной Барселоны, и потому газета сделалась для меня тихой гаванью и вмещала всю Вселенную вплоть до четырнадцати лет, когда жалованье позволило мне нанять комнату в пансионе доньи Кармен. Я прожил на новом месте

меньше недели, как вдруг хозяйка заглянула ко мне и оповестила, что меня спрашивает какой-то кабальеро. На лестничной площадке я встретил незнакомого человека, одетого в серое, с серым взглядом и серым голосом. Он спросил, не я ли Давид Мартин, и, не дожидаясь подтверждения, протянул посылку, упакованную в оберточную бумагу. Потом он быстро спустился по лестнице и скрылся из виду, освободив мир, отмеченный нуждой и лишениями, частью которого я был, от тлетворного присутствия серости. Я принес посылку в комнату и запер дверь. Никто, кроме двух-трех человек в редакции, не знал, где я живу. Заинтригованный, я развернул обертку. Это была первая в моей жизни посылка. В бумаге оказалась деревянная шкатулка, показавшаяся мне смутно знакомой. Я поставил ее на кровать и открыл. В шкатулке лежал старый револьвер отца — оружие, выданное ему в армии, с которым он вернулся с Филиппин, чтобы заработать безвременную и жалкую смерть. К револьверу прилагалась картонная коробочка с пулями. Я взял револьвер и почувствовал его солидную тяжесть. От оружия пахло порохом и маслом. Мне стало интересно, сколько же человек отец убил из этого ствола. С его помощью он, несомненно, намеревался свести счеты и с собственной жизнью, только его опередили. Я возвратил револьвер в шкатулку и опустил крышку. Первым моим порывом было выбросить ее в помойку, но я не забывал, что револьвер был единственной вещью, оставшейся у меня от отца. Я рассудил, что дежурный судебный пристав, конфисковавший после смерти отца в уплату за долги наше скудное имущество на старой мансарде, нависавшей прямо над черепичной крышей Дворца каталонской музыки, теперь решил передать мне это мрачное наследство в честь моего совершеннолетия. Я спрятал шкатулку на шкафу, задвинув ее к стене, где всегда собиралась грязь и куда донья Кармен не добралась бы, даже встав на ходули. К своему наследству я вновь прикоснулся только спустя много лет.

В тот же самый день я вернулся в книжную лавку «Семпере и сыновья». Чувствуя себя уже полноценным членом общества, обладающим определенными средствами, я объявил букинисту о своем желании приобрести тот старый экземпляр «Больших надежд», который был вынужден отдать ему обратно много лет назад.

— Назовите любую цену, — попросил я. — Возьмите с меня цену всех книг, за которые я вам не заплатил за последние десять лет.

Я помню, как Семпере печально улыбнулся и положил мне руку на плечо.

— Я продал ее сегодня утром, — признался он удрученно.

Ровно через триста шестьдесят пять дней после того, как был написан мой первый рассказ для газеты «Голос индустрии», я пришел в издательство, как обычно, и обнаружил, что редакция почти опустела. Задержалась только горстка журналистов. Не так уж давно эти самые люди обращались со мной дружелюбно, старались ободрить и награждали ласковыми прозвищами. В тот день, увидев меня, они проигнорировали мое приветствие и увлеченно принялись перешептываться. Не прошло и минуты, как компания расхватала пальто и испарилась, словно торопилась унести ноги от прокаженного, дабы не подхватить заразу. Я остался сидеть один в необъятном зале, созерцая непривычное зрелище — десятки пустых столов. Неторопливые тяжелые шаги за спиной возвестили о приближении дона Басилио.

— Добрый вечер, дон Басилио. Что здесь сегодня происходит? Почему все ушли?

Дон Басилио грустно посмотрел на меня и уселся за соседний стол.

— Сегодня дают рождественский ужин в «Семи вратах» для всех сотрудников редакции, — негромко пояснил он. — Полагаю, вам ничего не сказали.

Я изобразил беспечную улыбку и развел руками.

— А вы не идете? — спросил я.

Дон Басилио покачал головой.

— У меня отбили всякое желание.

Мы молча переглянулись.

— А если я вас приглашу? — предложил я. — Куда хотите. В «Кан Соле», если угодно. Вы и я, чтобы отметить успех «Тайн Барселоны».

Дон Басилио улыбнулся, слегка наклонив голову.

— Мартин, — промолвил он наконец, — я не знаю, как вам это сказать.

— Сказать что?

Дон Басилио кашлянул.

— Я больше не в состоянии публиковать цикл «Тайны Барселоны».

Я смотрел на него, не понимая, к чему он клонит. Дон Басилио старательно избегал моего взгляда.

— Вы хотите, чтобы я написал что-то другое? Что-нибудь в стиле Гальдоса?

— Мартин, вы же знаете, каковы люди. Поступали жалобы. Я не

собирался давать делу ход, но главный редактор — человек слабый, он не любит ненужных конфликтов.

— Я вас не понимаю, дон Басилио.

— Мартин, именно мне поручили сказать вам это.

Он наконец посмотрел мне в глаза и пожал плечами.

— Я уволен, — пробормотал я.

Дон Басилио кивнул.

Я почувствовал, что глаза помимо воли наполняются слезами.

— В данный момент вам это кажется концом света, но, поверьте моим словам, в сущности, это наилучший выход. Вам тут не место.

— А где мне место? — спросил я.

— Мне жаль, Мартин. Честное слово, мне очень жаль.

Дон Басилио привстал и сердечно потрепал меня по плечу.

— С Рождеством, Мартин.

В тот же вечер я освободил свой стол и навсегда покинул место, которое заменяло мне родной дом, чтобы затеряться на темных и пустынных улицах города. По дороге в пансион я завернул к ресторану «Семь враг», располагавшемуся под арками галереи Шифре. Стоя на улице, я наблюдал через окно, как веселятся и пьют мои товарищи. Я хотел верить, что без меня они почувствуют себя счастливыми или по меньшей мере забудут, что не были и не будут счастливы никогда.

До конца недели я безвольно плыл по течению, целыми днями пропадая в библиотеке Атенея. Я надеялся, вернувшись в пансион, найти послание от главного редактора с просьбой вернуться в штат газеты. Устроившись в укромном уголке одного из читальных залов, я доставал визитную карточку, которую сжимал в руке, проснувшись поутру в «Грезе», и начинал составлять письмо Андреасу Корелли, своему неизвестному благодетелю, но потом всегда рвал его на мелкие кусочки и предпринимал новую попытку на следующий день. Через неделю мне надоело жалеть себя, и я решил совершить неизбежное паломничество к порогу моего создателя.

Я сел на поезд линии «Саррия» на улице Пелайо. Тогда поезда еще ходили по поверхности земли, и, усевшись впереди вагона, я имел возможность разглядывать город и улицы, становившиеся все более широкими и величественными по мере удаления от центра. Я вышел на платформе «Саррия», а затем сел на трамвай, высадивший меня у ворот монастыря в Педральбес. День стоял удивительно теплый для зимы, и легкий ветерок доносил запах сосен и дрока, пятнами разбросанного по

горным утесам. Я направил стопы к началу бульвара Псарсон, который уже начал потихоньку урбанизироваться, и вскоре передо мной замаячил характерный силуэт виллы «Гелиос». Я приближался к дому, поднимаясь по склону, и сумел разглядеть Видаля: он сидел у окна башни в одной рубашке, наслаждаясь папиросой. Слышалась музыка, свободно лившаяся в пространстве, и я вспомнил, что Видадь был одним из немногих счастливчиков, обладавших радиоприемником. Какой радужной, должно быть, казалась жизнь оттуда, сверху, и как мало хорошего видел в ней я.

Я помахал Видадю рукой, и он ответил на приветствие. Во дворе особняка я встретил Мануэля, шофера. Он направлялся к гаражу с кипой суконок и ведром горячей воды.

— Приятно видеть вас здесь, Давид, — сказал он. — Как идут дела? По-прежнему успешно?

— Стараемся по мере сил, — отвечал я уклончиво.

— Не скромничайте. Даже моя дочь читает приключенческие истории, которые вы публикуете в газете.

Я поперхнулся, изумленный, что шоферская дочка не только знает о моем существовании, но и почтила вниманием ту чепуху, которую я писал.

— Кристина?

— Дочь у меня одна, — ответил дон Мануэль. — Сеньор наверху, в кабинете, если вам угодно подняться.

Я кивнул с благодарностью и прошмыгнул в дом. Я поднялся в башню, возвышавшуюся над мелкой рябью цветной черепицы на плоской крыше. В башне я застал Видаля. Он расположился в кабинете, откуда открывался вид на город и морской берег вдали. Видадь выключил радио — устройство размером с небольшой метеорит. Приемник он купил несколько месяцев назад, когда объявили о начале вещания «Радио Барселоны» из студии, спрятанной под куполом отеля «Колумб».

— Аппарат стоил мне почти двести песет, а теперь выясняется, что транслируют одни глупости.

Мы сели в кресла друг напротив друга. Окна были открыты навстречу всем воздушным потокам, которые для меня, обитателя старого и сумрачного города, веяли ароматом иного мира. Стояла дивная тишина, как в раю. Можно было услышать, как выются в саду насекомые и трепещут листья на ветру.

— Кажется, будто лето в разгаре, — отважился заговорить я.

— Нет смысла притворяться, рассуждая о погоде. Мне уже сказали, что произошло, — заметил Видадь.

Я пожал плечами и украдкой покосился на его письменный стол. Я

знал, что мой ментор уже много месяцев, если не лет, пытался написать то, что он сам называл «серьезным» романом, не имеющим ничего общего с легковесными по замыслу и интриге криминальными рассказами, чтобы увековечить свое имя в наиболее почтенных разделах библиотек. Рукопись на столе была не особенно толстой.

— Как продвигается труд всей жизни?

Видадь выбросил окурок в окно и устремил взгляд вдаль.

— Мне пока нечего сказать, Давид.

— Вздор.

— Все в нашей жизни вздор. Речь идет о перспективе.

— Вам следует вставить это в свою книгу. «Нигилист на холме». Удача гарантирована.

— Удача прежде всего понадобится именно тебе, иначе, если не ошибаюсь, придется попоститься.

— Я в любой момент смогу попросить у вас милостыню. Все когда-нибудь происходит в первый раз.

— Сейчас тебе кажется, что наступил конец света, но...

— ...вскоре я осознаю, что это лучшее, что могло со мной случиться, — закончил я за него. — Знакомая песня. Неужели теперь дон Басилио пишет для вас речи?

Видадь рассмеялся.

— Что ты думаешь делать? — спросил он.

— Вам не нужен секретарь?

— У меня уже есть самая лучшая секретарша, о какой я только мог мечтать. Она умнее меня, бесконечно трудолюбивее, и когда она улыбается, даже мне кажется, что у этого скотского мира есть будущее.

— И кто эта волшебница?

— Дочь Мануэля.

— Кристина.

— Наконец я услышал, как ты произносишь вслух ее имя.

— Вы выбрали неудачный день, чтобы подшучивать надо мной, дон Педро.

— Нечего смотреть на меня с видом жертвенной овцы. Думаешь, Педро Видадь будет спокойно сидеть сложа руки, когда свора мелочных и завистливых бездарей вышвыривает тебя на улицу?

— Одно ваше слово, и главный редактор, несомненно, изменил бы решение.

— Знаю. Поэтому я сам навел его на мысль тебя уволить, — сказал Видадь.

Я почувствовал себя так, словно получил пощечину.
— Большое спасибо за содействие, — съязвил я.
— Я предложил ему уволить тебя потому, что приготовил кое-что получше.
— Нищету?
— Маловерный. Только вчера я говорил о тебе с двумя закадычными приятелями. Они недавно открыли на пару новое издательство и рыщут в поисках свежей крови, чтобы пить ее и наживаться на ней.
— Звучит заманчиво.
— Они уже имеют представление о «Тайнах Барселоны» и готовы выступить с предложением, которое сделает тебя человеком фактически и по существу.
— Вы серьезно?
— Разумеется, серьезно. Они хотят, чтобы ты написал для них серию романов в самой готической, кровавой и гротескной манере *grand guignol*, обставив «Тайны Барселоны» по всем статьям. Полагаю, это твой шанс. Я пообещал, что ты встретишься с ними и сможешь приступить к работе немедленно.
Я глубоко вздохнул. Видаль подмигнул и обнял меня.

Вот так, незадолго до дня своего двадцатилетия, я получил и принял предложение писать под псевдонимом Игнатиус Б. Самсон романы, цена которым была грош в базарный день. Контракт обязывал меня каждый месяц выдавать на-гора рукопись в двести машинописных страниц, напичканных всеми положенными атрибутами такого рода беллетристики: интригами, убийствами в высшем свете, бесчисленными ужасами — для создания мрачного фона, внебрачными любовными связями между обладателями гранитной челюсти и дамочками с нескромными желаниями, а также запутанными семейными сагами с подоплекой более грязной и мутной, чем акватория порта.

Серию, которую я нарек «Город проклятых», планировалось издавать ежемесячно отдельными томиками в картонном переплете с красочной картинкой на обложке. Взамен мне причиталось столько денег, сколько я никогда не надеялся заработать достойным путем. И мне не грозила цензура, помимо навязанной читательским интересом, который мне полагалось возбудить. По условиям договора я был вынужден писать,

скрываясь в безвестности под чудным псевдонимом. Правда, в тот момент это казалось мне ничтожно малой ценой за возможность зарабатывать на жизнь тем, к чему я всегда стремился. Я поступился тщеславным удовольствием увидеть собственное имя, напечатанное крупными буквами на обложке моего произведения, но остался верен себе и своим принципам.

Моими издателями выступала парочка колоритных персонажей по имени Барридо и Эскобильяс. Мозгом предприятия был Барридо, маленький, пухлый человечек, вечно лучившийся масляной, загадочной улыбкой. Он происходил из среды колбасных промышленников. За всю жизнь Барридо, верно, прочел не больше трех книг, включая катехизис и телефонный справочник, однако обладал пресловутой наглостью, чтобы сочинять бухгалтерские книги, и вводил в заблуждение контрагентов шеренгами гладко причесанных цифр, взятых с потолка. По части фантазии он не уступал своим авторам, один другого изобретательнее, кого фирма, как и предсказывал Видаль, надувала, высасывала до капли и выбрасывала на улицу, как только ветер начинал дуть в другую сторону, а такой момент наступал обязательно, рано или поздно.

Эскобильяс играл роль второго плана. Высокий, сухощавый, он своим обликом внушал смутную угрозу. Он разбогател на торговле похоронными принадлежностями. Сколько бы он ни обливался одеколоном, смывая пятно позора, сквозь вязкий запах туалетной воды, казалось, по-прежнему тянет душком формалина, отчего волосы на затылке вставали дыбом. Эскобильяс осуществлял функции злого надсмотрщика с плеткой в руках и делал грязную работу, поскольку Барридо, более добродушный и менее крепкий, для этого не годился. Последней в их дружной компании *menage-a-trois*^[13] была секретарша правления Эрминия, следовавшая за начальством по пятам, как верная собака. Ее прозвали Отравой потому, что, несмотря на вид дохлого москита, она заслуживала доверия не больше, чем гремучая змея в брачный период.

Отбросив сантименты, я старался встречаться с шефами как можно меньше. Отношения у нас сложились чисто деловые, и ни одна из сторон не горела желанием изменить устоявшийся порядок вещей. Я был полон решимости использовать на полную катушку подвернувшийся шанс и трудился на совесть. Я стремился доказать Видалю и самому себе, что в поте лица заработал право на его помощь и доверие. Как только у меня появились свободные деньги, я решил распрощаться с пансионом доньи Кармен и поискать более удобное пристанище. Я уже давно положил глаз на солидный дом монументальной архитектуры под номером тридцать на улице Флассадерс, в нескольких шагах от бульвара Борн. Много лет я

проходил мимо этого дома, когда направлялся в издательство или возвращался в пансион с работы. Особняк венчала массивная башня, выраставшая из фасада, украшенного резными каменными рельефами и горгульями. Год за годом он стоял запертый, на воротах висели цепи и замки, изъеденные ржавчиной. Несмотря на мрачный и претенциозный вид строения, а возможно, именно по этой причине, идея поселиться в доме с башней пробуждала во мне вихрь смелых фантазий. В иных обстоятельствах я охотно согласился бы, что такой дом намного превышает возможности моего скудного бюджета. Но он слишком долго оставался заброшенным и забытым, будто над ним тяготело проклятие, поэтому я тешил себя надеждой, что владельцы примут мое скромное предложение, раз других претендентов не нашлось.

Поспрашивав в округе, я выяснил, что в доме никто не живет уже очень давно и данная собственность находится в ведении агента по недвижимости по имени Висенс Клаве. Его контора располагалась на улице Комерсио напротив рынка. Клаве оказался сеньором старой закалки и предпочитал одеваться в стиле алькальдов и отцов отечества, скульптурные изображения которых красовались у входов в парк Сьюдадела. Стоило немного ослабить бдительность, как он пускался в рассуждения, забираясь в такие дебри риторики, что хоть святых выноси.

— Значит, вы писатель. А знаете, я мог бы порассказать вам столько историй, что вам хватило бы их на добрый десяток книг.

— Не сомневаюсь. Почему бы не начать с истории дома номер тридцать по улице Флассадерс?

Лицо Клаве обрело сходство с греческой маской.

— Дом с башней?

— Он самый.

— Поверьте, юноша, вы не захотите там жить.

— Почему же?

Клаве понизил голос и шепотом, словно боялся, что у стен есть уши, вынес вердикт похоронным тоном:

— Дом приносит несчастье. Я был в нем, когда мы приходили с нотариусом опечатывать его, и клянусь, в старой части кладбища Монтжуик намного веселее. С тех пор дом пустует. Это место хранит скверные воспоминания. Никто не хочет туда ехать.

— Те воспоминания не могут быть хуже моих, и, уверен, они помогут снизить цену, которую за него запрашивают.

— Бывают иногда счета, которых не оплатишь деньгами.

— Можно взглянуть на дом?

Впервые я переступил порог дома с башней мартовским утром в компании управляющего, его секретаря и финансового инспектора из банка, выступавшего на правах собственника. Похоже, особняк на много лет глубоко увяз в тенетах юридической тяжбы, пока наконец не был передан банку в качестве долга по кредитному обязательству последнего владельца. Если Клаве не лгал, лет двадцать ни одна живая душа не переступала порога этого дома.

Годы спустя, прочитав хроники открытия египетских пирамид с красочными рассказами британских ученых о том, как они углублялись во тьму тысячелетних погребений с запутанными лабиринтами и наложенными проклятиями, я поневоле вспомнил свое первое посещение дома с башней на улице Флассадерс. Секретарь заранее запасся масляным фонарем, поскольку электричество в дом провести никто не удосужился. Инспектор принес набор из пятнадцати ключей, чтобы отпереть больше дюжины замков, надежно скреплявших цепи. Когда открыли портал, из дома пахнуло склепом — тленом и сыростью. Инспектор закашлялся, а управляющий, сохранявший на лице выражение крайнего скепсиса и неодобрения, прижал к губам носовой платок.

— Вы первый, — пригласил он.

Вестибюль представлял собой нечто вроде внутреннего дворика на манер старинных дворцов в наших краях, вымощенный широкими плитами и с каменной парадной лестницей, ведущей к главному входу в жилище. Стеклопанельная крыша, сплошь заплесанная голубями и чайками, тускло поблескивала над головой.

— Крыс нет, — сообщил я, очутившись в здании.

— Кое-кому не помешала бы толика хорошего вкуса и здравого смысла, — пробормотал управляющий за моей спиной.

Мы взошли по ступеням на лестничную площадку жилого этажа, где банковскому инспектору потребовалось минут десять, чтобы подобрать ключ к замку. Механизм поддался с жалобным стоном, прозвучавшим для меня как приветствие. Дверь отворилась, и за ней открылся бесконечно длинный коридор, где клочьями висела паутина, колыхавшаяся в темноте.

— Боже мой, — прошептал управляющий.

Никто не осмеливался сделать первый шаг, так что мне снова

пришлось возглавить экспедицию. Секретарь, подняв фонарь повыше, озирался по сторонам с горестным видом.

Инспектор и управляющий таинственно переглянулись. Заметив, что я наблюдаю за ними, банкир безмятежно улыбнулся.

— Если избавиться от пыли и немного подновить — это будет настоящий замок, — сказал он.

— Замок Синей Бороды, — добавил управляющий.

— Давайте не терять оптимизма, — ринулся спасти положение инспектор. — В доме некоторое время никто не жил, и, естественно, в такой ситуации всегда по мелочи что-то неизбежно приходит в негодность.

Я едва обращал на них внимание. Я так долго предавался мечтам об этом доме, когда проходил мимо его ворот, что почти не замечал царившей в нем тягостной кладбищенской атмосферы. Я ступал по центральному коридору, заглядывая в комнаты и кладовые. Сохранившаяся старая мебель покоилась под толстым покровом пыли. На столе до сих пор лежала истлевшая скатерть, стоял сервиз и поднос со сгнившими фруктами и цветами. Рюмки и приборы по-прежнему находились на месте, как будто обитатели дома не закончили ужинать.

Шкафы ломились от ношенной одежды, выцветшего белья и обуви. Ящики были доверху набиты фотографиями, очками, ручками и часами, а кровати заправлены и застелены белыми покрывалами, отсвечивавшими в темноте. На тумбочке красного дерева громоздился монументальный граммофон, заряженный пластинкой, остановившейся, когда игла доиграла до конца дорожки. Я сдул тонкий слой пыли, и взору открылось название: «Лакримоза»^[14] В.А. Моцарта.

— Музыка в доме, — заметил инспектор. — Чего еще остается пожелать? Вы заживете тут, как паша.

Управляющий метнул на него убийственный взгляд и едва заметно покачал головой. Мы прошли этаж насквозь до самой галереи в конце, где на столике стоял кофейный прибор и открытая книга дожидалась, когда кто-нибудь, уютно устроившись в кресле, перевернет страницу.

— Такое впечатление, что дом покинули внезапно, не успев собрать вещи, — сказал я.

Инспектор кашлянул.

— Не желает ли сеньор осмотреть кабинет?

Кабинет находился на вершине узкой башни. Это было странное сооружение, сердцем которого являлась винтовая лестница, начинавшаяся из главного коридора. Фасад башни хранил отпечатки следов стольких поколений, сколько помнил этот город. Башня как сторожевая вышка

нависала над черепичными крышами квартала Рибера и венчалась небольшим барабаном из цветного стекла и металла, служившим световым фонарем, на крыше которого угнездился флюгер в форме дракона.

Мы взошли вверх по лестнице и очутились в просторной комнате. Инспектор торопливо распахнул все окна, впуская воздух и свет. Помещение представляло собой прямоугольный зал с высокими потолками и темным деревянным полом. Из четырех огромных арочных окон, смотревших на четыре стороны, открывался вид на базилику Санта-Мария-дель-Мар на юге, большой рынок Борн на севере, старый Французский вокзал на востоке, а к западу — на бесконечный лабиринт перепутанных друг с другом улиц и бульваров, тянувшихся по направлению к горе Тибидабо.

— Ну, что скажете? Чудесно! — с воодушевлением воскликнул инспектор.

Управляющий смотрел вокруг без восторга, не скрывая неодобрения. Его секретарь по-прежнему держал фонарь высоко над головой, хотя в этом уже не было никакой необходимости. Я приблизился к одному из панорамных окон и окунулся в небо, замороженный.

Вся Барселона, казалось, лежала у моих ног, и мне хотелось верить, что, когда я открою эти окна в новом своем жилище, городские улицы станут нашептывать мне по вечерам всякие истории и поверять тайны, чтобы я перенес их на бумагу и рассказал тем, кто согласится послушать. Видаль обладал роскошной и величественной мраморной башней в самой высокой и фешенебельной части Педральбес, стоявшей в окружении гор, деревьев и небес обетованных. У меня же будет роковая крепостная башня, возвышающаяся над самыми старыми и сумрачными улицами города, окруженная миазмами и мглой некрополя, который поэты и убийцы окрестили «огненной розой».

Последним аргументом для меня стал письменный стол в центре кабинета. На столе, напоминая скульптуру из металла и света, стояла внушительная пишущая машинка «Ундервуд», за прокат которой было давным-давно заплачено. Я сел в маршальское кресло у стола, с улыбкой погладил клавиши машинки и сказал:

— Я ее оставляю.

Инспектор издал вздох облегчения, а управляющий, закатив глаза, перекрестился. В тот же день я подписал договор о найме сроком на десять лет. Пока техники из электрической компании проводили в дом свет, я занимался уборкой и наведением порядка, чтобы придать жилищу достойный вид. Мне помогали трое слуг, которых Видаль отправил в наряд,

даже не спросив, нужно ли мне подкрепление. Я вскоре уяснил, что *modus operandi* команды специалистов-электриков весьма прост: сначала они сверлили стены направо и налево, а потом задавали вопросы. Через три дня после высадки десанта в доме не имелось ни одной работающей лампочки, зато любой сказал бы, что произошло нашествие жуков-точильщиков, пристрастившихся к штукатурке и благородным металлам.

— Вы хотите сказать, что нет другого способа справиться с проблемой? — спросил я у командира батальона, решавшего все вопросы ударами молотка.

Отилио (так звали этого умельца) помахал комплектом планов дома, который управляющий вручил мне вместе с ключами, и объяснил, что во всем виноват дом, поскольку он плохо построен.

— Посудите сами, — убеждал он, — если вещь никуда не годится, тут уж ничего не поделаешь. Вот и здесь так. Тут говорится, что у вас резервуар с водой на асоте. ^[15] Так ведь нет. Цистерна у вас на заднем дворе.

— Ну и что? Вас вода не касается, Отилио. Сосредоточьтесь на электричестве. Свет. Не краны и трубы. Свет. Мне нужен свет.

— Так ведь все связано. Что скажете о галерее?

— Что там нет света.

— По плану вот в этом месте должна проходить капитальная стена. И как раз тут, стоило старине Ремихио только пальцем ткнуть, как на нас чуть полдома не рухнуло. А о комнатах и говорить нечего. По плану в зале в конце галереи — почти сорок квадратных метров. Ничего подобного. Слава Богу, если там хотя бы двадцать наберется. Стоит стена, которой быть не должно. А о водопроводе и правда лучше не вспоминать. Все водосливы находятся совсем не там, где положено.

— Вы уверены, что разбираетесь в чертежах?

— Послушайте, я профессионал. Учтите, в этом доме все шиворот-навыворот. Все сделано как Бог на душу положит.

— Тем не менее вам придется проявить смекалку и работать с тем материалом, какой есть. Делайте что угодно и как угодно, но я хочу, чтобы в пятницу дыры в стенах были заделаны, поверхности покрашены и горел свет.

— Не надо меня торопить, работа-то тонкая. Нужно действовать с умом.

— И что вы намерены предпринять?

— Пока что пойти позавтракать.

— Да вы пришли всего полчаса назад.

— Сеньор Мартин, с таким отношением мы с вами никак не договоримся.

Мучения, связанные с ремонтными работами и устранением недоделок, растянулись на неделю дольше запланированного. Однако душу согревала сама мысль о том, что в любой момент я могу переехать в дом, о котором давно мечтал. В случае необходимости я готов был годами существовать при свечах и с масляными фонарями, смирившись с присутствием Отилио и его эскадрона кудесников, делавших дырки где ни попадя и вкушавших пищу по два с половиной часа. К счастью, квартал Рибера был настоящим заповедником, духовным и материальным, ремесленников разных мастей. В двух шагах от новой обители я нашел мастеров, установивших мне замки, которые не напоминали трофеи из Бастилии, а также светильники и краны образца XX столетия. Идея стать счастливым обладателем телефонной линии меня не воодушевила. Судя по тому, что я слышал по радио у Видаля, новые средства массовой связи (как их именovala нынешняя пресса) не принимали меня в расчет, пытаясь привлечь публику. Я решил, что буду вести тихую жизнь, наслаждаясь книгами и покоем. Из пансиона я не взял почти ничего, только смену белья и шкатулку с револьвером отца, единственной вещью, оставшейся от него на память. Остальную одежду и прочее имущество я раздал другим жильцам. Если бы я мог так же легко избавиться от старой кожи и воспоминаний, я бы это сделал.

Официально я перебрался в дом с башней, наконец полностью электрифицированный, в тот день, когда из печати вышел пилотный выпуск «Города проклятых». Я лихо закрутил интригу, от начала до конца вымышленную, вокруг пожара в «Грезе» в 1903 году и призрачного существа, с тех пор наводившего колдовские чары на улицы Равалья. Раньше чем высохла типографская краска первого издания, я начал трудиться над вторым романом серии. По моим расчетам, исходя из тридцати дней непрерывной работы в месяц, Игнатиус Б. Самсон должен был в среднем писать в сутки 6,66 страницы набело, чтобы выполнить условия контракта. Чистое безумие, имевшее, впрочем, одно преимущество: у меня почти не оставалось свободного времени, чтобы задуматься об этом.

Я едва осознавал, что с течением времени стал поглощать больше кофе и папирос, чем кислорода. По мере того как я травил себя, у меня появлялось ощущение, что мозг постепенно превращается в паровую машину, которая никогда не остывает. Но Игнатиус Б. Самсон был молод и вынослив. Он работал ночь напролет и падал на кровать на рассвете,

совершенно изнуренный, одолеваемый странными снами. Ему снилось, что буквы на листе, заправленном в пишущую машинку в кабинете, отделялись от бумаги и, словно чернильные пауки, расползались по его рукам и лицу, проникали сквозь кожу и заполняли вены, пока не оплетали сердце черным коконом и не застилали зрачки озерами мрака.

Целыми неделями я не покидал стен особняка и потерял счет дням недели и месяцам года. Я не обращал внимания на повторявшиеся приступы головной боли, начинавшиеся внезапно, будто железное долото вонзалось в череп так, что из глаз сыпались искры. Я привык к постоянному шуму в ушах, заглушаемому только воем ветра или шелестом дождя. Иногда, обливаясь холодным потом и чувствуя, что пальцы, лежавшие на клавиатуре машинки, отказываются повиноваться, я обещал себе на другой же день показаться врачу. Но на следующий день всегда появлялись новый эпизод и очередная история, которые требовалось рассказать.

Игнатиусу Б. Самсону исполнился год, и я, чтобы отметить это событие, решил взять выходной и вновь увидеть солнце, почувствовать дыхание ветра и пройти по городу, по которому давно путешествовал только в своем воображении. Я побрился, привел себя в порядок и нарядился в самый лучший и респектабельный из своих костюмов. Я оставил открытыми окна в кабинете и галерее, чтобы проветрить дом, и густой дух, пропитавший все поры, развеяло на четыре стороны. Я вышел на улицу и обнаружил на земле под почтовым ящиком большой конверт. В конверте я нашел тонкий лист пергамента, запечатанный сургучом с оттиском фигуры ангела, исписанный изумительно красивым почерком. Текст гласил:

Дорогой Давид,
я хотел бы первым поздравить Вас с новым этапом карьеры. Я получил огромное удовольствие, читая первые выпуски «Города проклятых». Надеюсь, мой скромный подарок придется Вам по душе.

Вновь выражаю свое восхищение и уверенность, что однажды наши пути пересекутся. С искренним желанием, чтобы так и было, Ваш преданный друг и читатель

Андреас Корелли.

Мне преподнесли старый экземпляр «Больших надежд», который сеньор Семпере однажды подарил мне в детстве. Эту самую книгу я вернул ему из страха, что отец найдет ее. И много лет спустя она исчезла в неизвестном направлении всего за несколько часов до того, как я попытался вернуть свое сокровище, готовый заплатить любые деньги. Я смотрел на пачку бумаги, где, как мне казалось совсем еще недавно, была сосредоточена вся магия и свет мира. На обложке до сих пор виднелись следы мальчишеских окровавленных пальцев.

— Спасибо, — пробормотал я.

9

Сеньор Семпере надел очки для чтения, чтобы внимательно рассмотреть книгу. Он положил ее на суконку, расстеленную на письменном столе в подсобном помещении магазина, и повернул лампу так, чтобы свет падал на потрепанный томик. Экспертиза заняла у него несколько минут. На протяжении всей процедуры я хранил благоговейное молчание, наблюдая, как он перелистывает страницы, нюхает их, бережно водит пальцами по бумаге и корешку, взвешивает книгу на одной руке, а потом на другой, и, наконец, закрыв ее, изучает через лупу пятна засохшей крови, оставленные моими пальцами на переплете лет двенадцать или тринадцать назад.

— Невероятно, — прошептал он, снимая очки. — Та самая книга. Как, вы говорите, она к вам вернулась?

— Я и сам толком не знаю. Сеньор Семпере, что вам известно о французском издателе по имени Андреас Корелли?

— Имя звучит скорее как итальянское, нежели французское. Хотя Андреас — как будто греческое произношение...

— Издательский дом находится в Париже. Издательство «Люмьер». Семпере задумался ненадолго, сомневаясь.

— Боюсь, я о таком не слышал. Я спрошу у Барсело. Он знает все и обо всех, посмотрим, что скажет он.

Густаво Барсело возглавлял элиту цеха букинистов в старой Барселоне, и его энциклопедический багаж знаний был известен не меньше, чем колючие манеры и педантизм. Среди профессионалов бытовала поговорка: если сомневаетесь, спросите у Барсело. В этот момент в комнату заглянул сын Семпере (парень был старше меня на два или три года, но вел себя настолько тихо и скромно, что временами словно становился невидимым) и

сделал отцу знак.

— Отец, пришли забрать заказ, который, как мне кажется, принимали вы.

Букинист со вздохом протянул мне толстый растрепанный томик.

— У меня тут есть последний каталог европейских издателей. Если хотите, посмотрите пока, вдруг найдете что-нибудь, а я тем временем обслужу клиента, — предложил он.

Я остался в одиночестве в подсобном помещении книжной лавки, тщетно пытаюсь обнаружить издательство «Люмьер», а Семпере между тем вернулся за стойку. Перелистывая каталог, я слышал, как он беседует с женщиной, и ее голос мне показался знакомым. В разговоре они упомянули Педро Видаля, и я, заинтригованный, высунулся в зал любопытствовать.

Кристина Сагниер, дочь шофера и секретарь моего ментора, перебирала стопку книг, а Семпере вносил их списком в книгу продаж. Увидев меня, она вежливо улыбнулась, но явно не узнала. Семпере поднял голову и, заметив мой глупый вид, моментально просек ситуацию.

— Вы ведь знакомы, не так ли? — промолвил он.

Кристина удивленно вскинула брови и вновь повернулась ко мне, не в состоянии вспомнить, где мы встречались.

— Давид Мартин. Друг дона Педро, — представился я.

— О, конечно, — сказала она. — Здравствуйте.

— Как поживает ваш отец? — нашелся я.

— Прекрасно. Он ждет меня на углу в машине.

Семпере, от которого ничто не ускользало, тотчас вмешался:

— Сеньорита Сагниер заехала за книгами, заказанными Видалем. Но они очень тяжелые, поэтому не окажете ли вы любезность, не согласитесь ли помочь донести их до машины?

— Не беспокойтесь... — запротестовала Кристина.

— Охотно, — выступил я, поспешив поднять кипу книг, весившую, как подарочное издание Британской энциклопедии со всеми приложениями.

Я почувствовал, как в спине у меня что-то хрустнуло, и Кристина с беспокойством взглянула на меня:

— Вы в порядке?

— Не волнуйтесь, сеньорита. Перед вами любезный Мартин, он хоть и образованный человек, но силен как бык, — сказал Семпере. — Правда ведь, Мартин?

Кристина продолжала смотреть на меня с недоверием. Я изобразил улыбку мужественного героя.

— Сплошные мускулы, — подтвердил я. — Это лишь легкая разминка.

Семпере-младший вызвался было донести половину книг, но отец в дипломатическом ударе удержал его за руку. Кристина придержала для меня дверь, и я рискнул преодолеть пятнадцать или двадцать метров, отделявших меня от «испано-суисы», припаркованной на пересечении с улицей Порталь дель Анхель. Я осилил их с большим трудом, ибо руки у меня чуть не оторвались. Шофер Мануэль помог мне освободиться от ноши и с воодушевлением поздоровался.

— Какая неожиданность встретить вас здесь, сеньор Мартин.

— Мир тесен.

Кристина одарила меня легкой улыбкой в знак благодарности и села в машину.

— Сожалею, что так вышло с книгами.

— Пустяки. Небольшая зарядка поднимает дух, — отшутился я, стараясь не замечать, что мышцы на спине превратились в канатные узлы. — Кланяйтесь дону Педро.

Я проследил, как они поехали в сторону площади Каталонии. Вернувшись, я нашел Семпере на пороге магазина. Он смотрел на меня с улыбкой довольного кота и жестами показывал, что мне надо подобрать слюни. Я подошел к нему и, не выдержав, расхохотался, потешаясь главным образом над собой.

— Теперь я знаю вашу тайну, Мартин. У меня глаз наметан в таких делах.

— Все давно быльем поросло.

— Кому вы это говорите?! Я могу подержать у себя книгу пару дней?

Я кивнул.

— Берегите ее.

Наше следующее свидание с Кристиной состоялось через несколько месяцев. Она сидела в ресторане «Maison Doree» в обществе Педро Видаля за столиком, который для него традиционно резервировали. Видадь пригласил к ним присоединиться, но мне достаточно было один раз обменяться с ней взглядами, чтобы понять, что предложение стоит отклонить.

— Как продвигается ваш роман, дон Педро?

— На всех парусах.

— Я рад. Приятного аппетита.

Наши встречи происходили случайно. Иногда я сталкивался с ней в книжной лавке «Семпере и сыновья», куда она часто приезжала за книгами для дона Педро. Если при этом присутствовал Семпере, то он находил предлоги, чтобы оставить нас наедине. Но Кристина вскоре раскусила его хитрость и стала присылать за заказом одного из слуг с виллы «Гелиос».

— Знаю, это не мое дело, — сказал Семпере, — но вам лучше забыть о ней.

— Не понимаю, о ком вы, сеньор Семпере.

— Мартин, мы ведь знакомы целую вечность...

Шли месяцы, похожие один на другой как две капли воды, а я даже не замечал этого. Я вел ночную жизнь, работая от заката до рассвета, и спал днем. Барридо и Эскобильяс не уставали радоваться успеху «Города проклятых». Увидев, что я на грани срыва, они пообещали — после парочки новых романов — дать мне год отпуска, чтобы я отдохнул или написал серьезный роман, который они опубликуют с большой помпой под моим собственным именем, напечатав его аршинными буквами на обложке. И каждый раз всего-то и надо было, что написать парочку-другую романов. Приступы головной боли и головокружения сделались чаще и сильнее, и я глушил их свежими порциями кофеина, табака, таблетками с кодеином и еще бог знает какими пилюлями, которыми меня укрادкой снабжал аптекарь на улице Архентерия и от которых было мало толку. Дон Басилио, с кем я обедал по четвергам (хоть и не на веранде «Барселонеты»), уговаривал меня обратиться к врачу. Я всегда с ним соглашался и обещал выкроить часок до конца недели.

У меня было очень мало времени, и в результате, не считая бывшего шефа и семейства Семпере, я встречался только с Видалем, и то потому только, что он приходил навестить меня сам — я к нему не навещался. Ему не нравился дом с башней, и он обычно предлагал выйти и погулять. Прогулки неизменно заканчивались в баре «Адмирал» на улице Хоакина Косты. У Видаля там был открыт счет и по вечерам в пятницу собирался литературный кружок. На эти встречи он меня не приглашал. Члены кружка, непризнанные и угодливые рифмоплеты заискивали перед ним в надежде на подачку, рекомендацию к издателю или похвалу, которая прольется бальзамом на уязвленное самолюбие. И Видадь отлично понимал, что меня они возненавидят всеми фибрами души, с силой и страстью, которых не доставало их поэтическим шедеврам, не получившим признания у «невежественной» публики. В баре, за рюмкой абсента, покуривая гаванские сигары, он рассказывал мне о романе, который никак

не мог завершить, о планах расстаться с уединенной жизнью, о своих увлечениях и победах: чем старше он становился, тем более юными и спелыми были его возлюбленные.

— Ты не спрашиваешь меня о Кристине, — хитро поддразнивал он меня иногда.

— Что я должен спрашивать?

— А вдруг она спросит меня о тебе?

— А она спрашивает обо мне, дон Педро?

— Нет.

— Вот поэтому.

— На самом деле однажды она упомянула о тебе.

Я посмотрел ему в глаза, сомневаясь, уж не разыгрывает ли он меня.

— И что она сказала?

— Тебе не понравится.

— Выкладывайте.

— Она выразилась иначе, но, как я понял, она недоумевает, зачем ты продаешь себя, кропая посредственные романы для пары мошенников, пуская по ветру свой талант и юность.

Я почувствовал себя так, словно Видадь только что вонзил мне в живот стальной клинок.

— Она так считает?

Видадь пожал плечами:

— Что до меня, так пусть все катится к черту.

Я работал полную неделю, кроме воскресенья. По воскресеньям я празднично гулял по улицам, заканчивая, как правило, в каком-нибудь кабачке на Паралело, где ничего не стоило найти компанию и временное утешение в объятиях одинокой и ищущей души, такой же как моя. Иллюзия длилось до утра, когда я просыпался рядом с нею и обнаруживал чужую, незнакомую женщину. Я не осознавал, что все они чем-то похожи на Кристину — цветом волос, походкой, выражением лица или глаз. Рано или поздно, желая нарушить мучительное молчание при расставании, спутницы на одну ночь спрашивали, чем я занимаюсь. Если, уступая тщеславному побуждению, я сообщал им, что пишу книги, они мне не верили, поскольку никто знать не знал никакого Давида Мартина. Правда, некоторые имели представление об Игнатиусе Б. Самсоне и что-то слышали о «Городе проклятых». Со временем я начал говорить, что работаю на портовой таможне рядом с Атарасанас^[16] или писмоводителем в адвокатской конторе «Сайрач, Мунтанер и Круэльс».

Хорошо помню один вечер: я сидел в кафе «Опера» в обществе учительницы музыки, звавшейся Алисией. Подозреваю, что я был для нее средством забыть кого-то, кто не пришел. Я собирался поцеловать даму, когда неожиданно увидел за стеклом лицо Кристины. Я выскочил на улицу, но она уже затерялась в толпе на бульваре Рамбла. Две недели спустя Видадь любезно пригласил меня на премьеру «Мадам Баттерфляй» в «Лисео». Семья Видадь занимала ложу на первом ярусе, и Видадь с удовольствием весь сезон каждую неделю ходил в театр. Встретившись с ним в фойе, я увидел, что он привел с собой и Кристину. Она поздоровалась с ледяной улыбкой, но больше не заговаривала со мной и даже не смотрела в мою сторону. В середине второго действия Видадь решил спуститься в партер и поприветствовать кого-то из своих кузенов, оставив нас вдвоем в ложе, один на один, без всякого прикрытия, кроме Пуччини и сотен лиц в темноте зала. Я терпел минут десять, потом повернулся к ней и заглянул в глаза.

— Я чем-то вас обидел? — спросил я.

— Нет.

— Тогда мы можем хотя бы попытаться притворяться друзьями, по крайней мере в таких ситуациях, как сегодня.

— Я не хочу быть вашим другом, Давид.

— Почему же?

— Потому что вы тоже не хотите дружить со мной.

Она была права, я хотел не дружить с ней.

— Вы действительно думаете, что я торгую собой?

— Что думаю я, не имеет никакого значения. Важно, что думаете вы сами.

Я высидел там еще ровно пять минут, затем встал и вышел, не проронив ни слова. Добравшись до парадной лестницы «Лисео», я дал себе зарок никогда больше не думать о ней, не смотреть на нее и не говорить приветливых слов.

На другой день я увидел ее у кафедрального собора и попытался избежать встречи. Она помахала мне рукой и улыбнулась. Я, застыв на месте, ждал, когда она подойдет.

— Не пригласите меня на чашечку кофе?

— Я регулирую движение и освобожусь не раньше чем часа через два.

— Тогда позвольте мне вас пригласить. Сколько стоит сопровождение дамы в течение часа?

Я неохотно последовал за ней в кондитерскую на улице Петритксоль. Мы заказали по чашке горячего шоколада, сели напротив друг друга и

стали играть в игру, кто заговорит первым. На сей раз победил я.

— Я не хотела вчера вас обидеть, Давид. Не знаю, что вам мог сказать дон Педро, но я ничего подобного не говорила.

— Возможно, вы так думаете, поэтому дон Педро так мне сказал.

— Вы понятия не имеете, что я думаю, — сердито возразила она. — А дон Педро тем более.

Я пожал плечами:

— Ну и хорошо.

— И сказала я нечто совершенно другое. Я сказала, что не верю, будто вы ведаете, что делаете, и не прислушиваетесь к своим чувствам.

Я улыбнулся, соглашаясь с ней. И единственным моим желанием в тот момент было поцеловать ее. Кристина с вызовом выдержала мой взгляд. Она не отшатнулась, когда я протянул руку и коснулся ее губ и скользнул кончиками пальцев по подбородку и шее.

— Так не годится, — сказала она наконец.

Когда официант принес две чашки дымящегося шоколада, она уже ушла. И появилась вновь в моей жизни лишь много месяцев спустя.

Однажды, в конце сентября, закончив новый выпуск «Города проклятых», я решил устроить себе ночь отдыха. Я чувствовал, как занимается огнем голова и надвигается очередной мучительный приступ тошноты. Проглотив пригоршню таблеток кодеина, я вытянулся на кровати в потемках, пережидая, когда высохнет холодный пот на лбу и перестанут дрожать руки. Уже засыпая, я услышал звонок. Доковыляв до прихожей, я открыл дверь. Видаль, облаченный, по обыкновению, в элегантный итальянский шелковый костюм, прикуривал папиросу под фонарем, отбрасывавшим на него пучок света, достойный кисти Вермеера.

— Ты живой, или я говорю с привидением? — спросил он.

— Быть не может, чтобы вы проделали путь от виллы «Гелиос» только ради этой реплики.

— Нет. Я приехал потому, что месяцами ничего о тебе не слышал и ты меня беспокоишь. Почему бы тебе не заказать установку телефона в этом мавзолее, как всем нормальным людям?

— Мне не нравятся телефоны. Я люблю видеть лицо человека, с которым разговариваю, и чтобы он видел меня.

— В твоем случае не уверен, что это хорошая идея. Ты давно смотрелся в зеркало?

— Это ваша привилегия, дон Педро.

— У клиентов морга городской больницы цвет лица лучше, чем твой.

Давай, одевайся.

— Зачем?

— Затем, что я сказал. Мы отправляемся на прогулку.

Видадь не принял ни отказа, ни возражений. Он дотащил меня до автомобиля, стоявшего на бульваре Борн, и велел Мануэлю трогаться.

— Куда мы едем? — поинтересовался я.

— Сюрприз.

Мы проехали насквозь всю Барселону вплоть до проспекта Педральбес и начали взбираться по склону холма. Вскоре вдалеке показалась вилла «Гелиос». Все окна ярко светились и казались в сумерках гирляндой горящих золотом огней. Видадь держался стойко, не выдавая секрета, и только загадочно улыбался. По прибытии в дом он пригласил меня следовать за собой и провел в парадную гостиную. Собравшееся там общество, увидев меня, заплодировало. Я узнал дона Басилио, Кристину, отца и сына Семпере, свою первую учительницу донью Мариану, авторов, публиковавшихся вместе со мной у Барридо и Эскобильяса и с кем я подружился, Мануэля, присоединившегося к компании, и нескольких девушек из числа трофеев Видаля. Дон Педро с улыбкой протянул мне бокал шампанского:

— С двадцативосьмилетием, Давид.

А я об этом совсем забыл.

После ужина я улучил мгновение и выскользнул в сад подышать воздухом. С неба, усыпанного звездами, струился серебристый свет, окутывая деревья призрачной вуалью. Я провел в одиночестве не больше минуты. За спиной послышались приближавшиеся шаги. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с особой, кого менее всех ожидал увидеть в тот момент, — Кристиной Сагниер. Она улыбнулась, как будто извиняясь, что нарушила мое уединение.

— Педро не знает, что я вышла за вами, — сказала она.

Я отметил, что слово «дон» исчезло из обращения, но притворился, будто не обратил внимания на эту деталь.

— Я хотела бы поговорить с вами, Давид, — продолжала она. — Но не здесь и не сейчас.

Даже вечерний сумрак сада не помог скрыть моего замешательства.

— Мы не могли бы встретиться где-нибудь завтра? — спросила она. — Обещаю, что не отниму у вас много времени.

— С одним условием, — отозвался я. — Что вы перестанете обращаться ко мне на вы. Хватит и того, что день рождения безнадежно старит человека.

Кристина снова улыбнулась.

— Договорились. Я буду называть вас на ты, если вы тоже будете со мной на ты.

— Помимо прочего, я мастер быть на ты. Где ты предпочитаешь встретиться?

— Может, у тебя дома? Мне не хочется, чтобы нас увидели и чтобы Педро узнал, что я с тобой говорила.

— Как угодно...

Кристина рассмеялась с облегчением.

— Спасибо. Значит, завтра? Днем?

— Когда угодно. Знаешь, где я живу?

— Отец знает.

Она слегка наклонилась и поцеловала меня в щеку.

— С днем рождения, Давид.

И прежде чем я успел вымолвить хотя бы слово, Кристина растворилась в саду. Вернувшись в гостиную, я ее уже не застал. Видаля смерил меня холодным взглядом из противоположного конца зала, и только убедившись, что я его взгляд заметил, он улыбнулся.

Через час Мануэль, с согласия Видаля, взял на себя труд отвезти меня домой на «испано-суисе». Я устроился рядом с ним, как всегда в тех случаях, когда мы ездили с ним вдвоем. Тогда, пользуясь моментом, шофер показывал мне приемы вождения и даже (без ведома Видаля) разрешал ненадолго сесть за руль. В тот вечер шофер был молчаливее обычного и не открывал рта, пока мы не оказались в центре города. Он осунулся с тех пор, как я видел его в последний раз, и мне показалось, будто возраст начал предъявлять ему счета.

— Что-то произошло, Мануэль? — спросил я.

Шофер повел плечами.

— Ничего особенного, сеньор Мартин.

— Может, вас что-то беспокоит?

— Всякая чепуха со здоровьем. В определенном возрасте все беспокоит помаленьку, вы же понимаете. Но не обо мне речь. Речь о моей дочери.

Я толком не знал, что отвечать, и ограничился кивком.

— Мне известно, что вам она нравится, сеньор Мартин. Моя Кристина. Отцы всегда замечают такие вещи.

Я снова молча кивнул. Мы не обменялись больше ни словом, пока Мануэль не остановил машину в начале улицы Флассадерс и, пожав мне руку, не поздравил еще раз с днем рождения.

— Если со мной что-нибудь случится, — добавил он, — вы ведь ей поможете, правда, сеньор Мартин? Вы сделаете это для меня?

— Конечно, Мануэль. Но только что с вами может случиться?

Шофер улыбнулся и попрощался, помахав мне рукой. Я смотрел, как он садится в автомобиль и медленно отъезжает. Абсолютной уверенности у меня не было, но все же я рискнул бы поручиться, что, проделав весь путь почти в полном молчании, теперь Мануэль разговаривает сам с собой.

11

Все утро я метался по дому, пытаюсь привести его в пристойный вид: раскладывал вещи по местам, проветривал комнаты, вытирал пыль с предметов и выметал углы, о существовании которых даже не подозревал. Я сбегал к цветочному прилавку на рынке и, вернувшись с полными руками цветов, сообразил, что понятия не имею, куда засунул вазы, чтобы поставить букеты. Я оделся так, будто собирался идти наниматься на работу. Посмотревшись в зеркало, я убедился, что Видадь не преувеличивал — я походил на вампира. Наконец я уселся в кресло на галерее, взял книгу и стал ждать. За два часа я не продвинулся дальше первой страницы. Наконец, ровно в четыре, я услышал шаги Кристины на лестнице и вскочил. Когда она позвонила в дверь, я уже караулил там целую вечность.

— Здравствуй, Давид. Я не вовремя?

— Нет, что ты. Напротив. Входи, пожалуйста.

Скупой улыбнувшись, Кристина прошла в коридор. Я проводил ее в библиотеку на галерее и предложил сесть. Она пытливо рассматривала обстановку.

— Это очень необычное место, — сказала она. — Педро мне, правда, рассказывал, что у тебя внушительный дом.

— Он предпочитает определение «зловещий», хотя, мне кажется, это вопрос степени.

— Можно спросить, почему ты переехал именно сюда? Дом слишком большой для одинокого человека.

«Одинокий», — подумал я. Человек в результате становится таким, каким его представляют те, кто ему небезразличен.

— Неужели? — переспросил я. — Дело в том, что я переехал сюда потому, что много лет смотрел на этот дом по пути на работу и обратно. Дом всегда был заколочен, и со временем я поверил, что он ждет меня. А

потом стал мечтать, как однажды поселюсь в нем. Так я и сделал.

— Все твои мечты воплощаются в реальность, Давид?

Ироничный тон Кристины живо напомнил манеру Видаля.

— Нет, — ответил я, — это единственная. Но ты хотела что-то обсудить, а я развлекаю тебя малоинтересными байками.

Помимо воли слова мои прозвучали так, словно я защищался. Когда человек получает то, чего желает больше всего, обычно повторяется история, которая всегда происходит цветами: взяв в руки букет, вы не знаете, куда его пристроить.

— Я хотела поговорить о Педро, — начала Кристина.

— А-а.

— Ты его лучший друг. И хорошо его знаешь. Он вспоминает о тебе как о сыне и любит больше всех. И ты это понимаешь.

— Дон Педро всегда относился ко мне как к сыну, — подтвердил я. — Если бы не он и сеньор Семпере, не знаю, что бы со мной случилось.

— Я решилась поговорить с тобой потому, что очень волнуюсь за него.

— Почему?

— Как тебе известно, я давно работаю у него секретаршей. Но дело в том, что Педро очень великодушный человек, и мы с ним в итоге подружились. Он всегда очень хорошо относился к отцу и ко мне, и потому мне больно видеть его в таком состоянии.

— В каком?

— Все эта проклятая книга, роман, который он хочет написать.

— Он годами его пишет.

— Он годами его уничтожает. Я правлю и перепечатаваю каждую страницу. И он уничтожил их тысячи две, не меньше, за то время, что я служу секретаршей. Он утверждает, что у него нет таланта, обзывает себя фигляром. Пьет непрерывно. Иногда я нахожу его в кабинете, там, в башне, пьяного и плачущего, как ребенок...

Я с усилием сглотнул.

— Он заявляет, что завидует тебе, что желал бы стать таким, как ты. Он уверен, будто люди лицемерят и поют ему дифирамбы потому, что хотят от него что-то получить: деньги или помощь. Но он-то знает, что его работа не стоит ни сентима. С посторонними он держит марку — шелковые костюмы и все прочее, но я вижу его каждый день, и он чахнет. Порой меня охватывает страх, что он наделает глупостей. Уже довольно давно. Я до сих пор ни слова никому не сказала, потому что не знала, с кем можно поговорить. Он разозлится, если узнает, что я приходила к тебе. Он постоянно меня предупреждает: «Не беспокой Давида моими проблемами.

У него вся жизнь впереди, а я человек конченный». Педро часто повторяет подобные вещи. Прости, что я все это тебе рассказываю, но я не знала, к кому обратиться...

Мы надолго погрузились в молчание. Я похолодел при мысли, что пока человек, которому я обязан всем в жизни, тонет в пучине отчаяния, я, замкнувшись в собственном мире, не дал себе труда хотя бы раз остановиться и задуматься, чтобы понять это.

— Наверное, мне не стоило приходить.

— Нет, — возразил я, — ты правильно поступила.

Кристина тепло мне улыбнулась, и мне показалось, что наконец я перестал быть для нее чужим.

— Что же мы предпримем? — спросила она.

— Мы ему поможем, — ответил я.

— А если он не позволит?

— Тогда мы сделаем так, что он не узнает.

12

Не могу сказать с уверенностью, чего я желал на самом деле — помочь Видалю (как сам себя убеждал) или всего-навсего получить удобный предлог проводить время с Кристиной. Мы встречались почти каждый день в доме с башней. Кристина приносила фрагменты текста, написанного накануне Видалем. Рукописи были испещрены пометками, перечеркнутыми абзацами, примечаниями тут и там и тысячей и одним исправлением в попытке спасти безнадежное. Мы поднимались в кабинет и усаживались на пол. Кристина читала отрывки вслух, а затем мы их подробно обсуждали. Мой ментор пытался создать нечто вроде эпической саги, проследив историю трех поколений условной барселонской династии, весьма напоминавшей семейство Видаля. Действие открывалось прибытием в город двух братьев-сирот за несколько лет до начала промышленной революции и развивалось в русле библейской притчи о Каине и Авеле. Первый брат в конце концов сделался одним из самых богатых и влиятельных людей своего времени, тогда как второй посвятил себя церкви и заботе о бедных, окончив свои дни при трагических обстоятельствах, которые явственно перекликались со злоключениями, выпавшими на долю священника и поэта Жасинта Вердагера.^[17] Всю жизнь братья враждовали. Нескончаемая вереница персонажей проходила парадом по страницам эпоса. Перипетии сюжета включали пламенную

мелодраму, ссоры, убийства, любовные связи, трагедии и прочие формы жанра, причем события разворачивались в обстановке зарождения современного мегаполиса и становления промышленной и финансовой отраслей. Повествование велось от лица племянника одного из братьев, воссоздававшего семейную историю, глядя на пылающий город из окон дворца на Педральбес в дни Трагической недели 1909 года.^[18]

Прежде всего меня поразило, что именно этот сюжет я в общих чертах обрисовал Видалю пару лет назад как идею, чтобы сдвинуть с мертвой точки роман, который он вечно грозился когда-нибудь написать. Во-вторых, вызывало недоумение, что он ни словом не обмолвился, что решил реализовать этот замысел и в результате потратил годы на его воплощение, причем не из-за недостатка возможностей. И, в-третьих, повергало в ступор полное и абсолютное убожество романа — в том виде, в каком он существовал теперь. Все составляющие элементы никуда не годились, начиная композицией и героями, включая саму атмосферу и приемы драматизации, и вплоть до языка и стиля. Данный опус навевал мысли о профане с большими амбициями и кучей свободного времени.

— Ну и как? — спросила Кристина. — Считаешь, его нужно редактировать?

Я не стал говорить ей, что Видадь взял за основу мою идею, и, не желая расстраивать ее еще больше, улыбнулся и кивнул:

— Кое-что требуется переработать. Все, от начала до конца.

Когда начинало смеркаться, Кристина садилась за машинку, и до двух ночи мы переписывали книгу Видаля буква за буквой, строчка за строчкой, сцена за сценой.

Сюжет у Видаля получился настолько расплывчатый и банальный, что я предпочел восстановить линию, придуманную мною экспромтом, когда сам подбросил ему эту идею. Постепенно мы вдохнули жизнь в героев, перекроив их заново и переделав с головы до ног. Хирургического вмешательства не избежали ни один эпизод, абзац, строчка или слово, однако, по мере того как продвигалась работа, во мне крепла уверенность, что мы отдаем должное роману, который Видадь вынашивал в душе и стремился написать, но не знал как.

Кристина рассказывала мне, что иногда Видадь перечитывал машинописный текст эпизода, который якобы написал несколько недель назад, и поражался качеству своей работы и глубине таланта, в который давно перестал верить. Кристина опасалась, как бы он не обнаружил, что именно мы делаем, и твердила, что необходимо ближе следовать букве

оригинала.

— Не стоит недооценивать тщеславие писателя, особенно писателя посредственного, — отвечал я.

— Мне не нравится, когда ты так говоришь о Педро.

— Извини. Мне тем более.

— Лучше бы ты немного сбавил темп жизни. Ты плохо выглядишь. За Педро я теперь спокойна, сейчас меня беспокоишь ты.

— Прекрасно, что все это принесло хоть какие-то плоды.

Со временем у меня вошло в привычку жить, наслаждаясь мгновениями, проведенными с Кристиной. Это не могло не отразиться на моей собственной работе самым плачевным образом. Я с грехом пополам выкраивал время, чтобы посидеть над «Городом проклятых», спал не больше трех часов в сутки, изо всех сил стараясь успеть с новой книгой в срок, чтобы выполнить условия контракта. Барридо и Эскобильяс, как правило, не читали книг — ни тех, что издавали сами, ни опубликованных конкурентами. Зато Отрава читала их все и вскоре заподозрила, что со мной творится неладное.

— Это совсем не похоже на тебя, — порой говорила она.

— Конечно, нет, дорогая Эрминия. Это похоже на Игнатиуса Б. Самсона.

Я осознавал, чем рискую, но мне было все равно. Меня не волновало, что я просыпаюсь каждое утро, обливаясь потом, с сердцем, бьющимся так отчаянно, словно оно хотело вырваться из грудной клетки. Я заплатил эту цену и охотно заплатил бы и больше, только бы не отказываться от тесного непринужденного общения и тайны, которая помимо нашей воли превращала нас в сообщников. Я прекрасно знал, что Кристина читает это в моих глазах каждый день, когда приходит в мой дом, и знал, что она никогда не откликнется на чувства, написанные у меня на лице. Этот путь не сулил ни будущего, ни больших надежд, и мы оба это понимали.

Случалось, устав от титанических усилий вновь спустить на воду поврежденное судно с течью по всем бортам, мы откладывали рукопись Видаля и осмеливались поговорить о вещах отвлеченных, не имевших ничего общего с тем сокровенным, что так долго лежало под спудом и теперь начинало жечь душу, точно каленым железом. Иногда я собирался с духом и брал ее за руку. Кристина позволяла мне это, но я догадывался, что она испытывает неловкость и чувствует, что мы поступаем дурно, ибо долг признательности Видалю нас одновременно и связывал, и разделял. Однажды поздно вечером, незадолго до ее ухода, я взял ее лицо в ладони и

попытался поцеловать. Она не пошевелилась, но, поймав в зеркале ее взгляд, я не посмел ничего сказать. Она встала и ушла, не проронив ни слова. Я не видел ее потом две недели. Вернувшись, Кристина заставила меня пообещать, что ничего подобного больше не повторится.

— Давид, я хочу, чтобы ты понял: когда мы закончим работу над книгой Педро, то не будем видеться так часто.

— Почему же?

— Ты знаешь почему.

Кристина неодобрительно относилась не только к моим авансам. Я начал подозревать, что Видаль попал в точку, сказав, что ей не нравятся книги, которые я пишу для Барридо и Эскобильяса, хотя она об этом прямо не говорила. Но я без труда мог представить, что она думает: будто бы я, как наемник, работаю без души на заказ и распродаю душу по дешевке ради обогащения пары серых крыс, поскольку у меня не хватает мужества писать по велению сердца, под своим именем, раскрывая собственные чувства. Больше всего ранило то, что, по существу, она была права. Я мечтал разорвать кабальный контракт и написать книгу только для Кристины, лишь бы завоевать ее уважение. И если единственное, что я умел делать, недостаточно хорошо для нее, возможно, имело смысл вернуться к унылым будням в газете. Я всегда мог прожить подачками и милостыней Видаля.

Утомленный ночной работой, я не мог заснуть и вышел погулять. Я бродил без определенной цели, и ноги сами принесли меня в верхний город на стройку собора Святого Семейства. В детстве отец иногда приводил меня полюбоваться на скопище скульптур и портиков, вечно одетое лесами, словно место было проклятым. Мне нравилось время от времени возвращаться туда, чтобы удостовериться — ничего не изменилось. Город непрестанно разрастался, но собор Святого Семейства так и лежал в руинах, как в первый день творения.

Я пришел, когда занялся голубоватый рассвет, иссеченный красными лучами, на фоне которого темным силуэтом вырисовывались башни фасада Рождества Христова.^[19] Восточный ветер поднимал пыль с немощеных улиц и доносил едкий запах фабрик, выстроившихся вдоль границы квартала Сан-Марта. Я переходил улицу Майорка и вдруг увидел огни трамвая, надвигавшиеся сквозь рассветную дымку. Донесся гул металлических колес, катившихся по рельсам, и тревожный звонок, которым кондуктор предупреждал о приближении вагона в полумраке. Я хотел бежать и не смог. Я застыл, будто пригвожденный к месту между

рельсами, глядя, как огни трамвая несутся на меня. Я слышал крики кондуктора и видел снопы искр, отмечавших тормозной путь. Но даже теперь, когда смерть дышала в лицо, я не мог пошевелить ни единым мускулом. Я почуял специфический запах электричества, исходивший от потока белого света, который ширился и разрастался на моих глазах, застилая слепящей пеленой башню кабины. Я упал, точно кукла, но оставался в сознании еще несколько секунд. Их как раз хватило, чтобы я успел заметить, как дымящееся колесо трамвая замерло сантиметрах в двадцати от моего лица. И меня накрыла темнота.

Я открыл глаза. Массивные каменные колонны вздымались к голому потолку, как стволы деревьев. В рассеянном свете чахлых лучей, падавших наискосок, слабо вырисовывались бесконечные ряды лежаков. Мелкие капли воды, напоминавшие слезы вдовы, срывались с потолка и со звонким эхом падали на пол. Сумрак пропитался запахом плесени и сырости.

— Добро пожаловать в чистилище.

Я приподнялся и, повернув голову, увидел какого-то субъекта в лохмотьях. Он читал газету в свете фонарика и расплывался в широкой улыбке, подкупавшей отсутствием половины зубов. На первой странице газеты сообщалось, что генерал Примо де Ривера^[20] сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти и установил бархатную диктатуру ради спасения страны от неминуемого кровопролития. Номер газеты вышел лет шесть назад.

— Где я?

Оборванец с любопытством посмотрел на меня поверх газеты.

— В отеле «Ритц». Разве не чувствуете?

— Как я сюда попал?

— Вы дрыхли без задних ног. Вас принесли утром на носилках, и с тех пор вы отсыпались с бодуна.

Я ощупал карманы пиджака и убедился, что исчезли все деньги, которые были у меня при себе.

— Ну каков мир! — воскликнул оборванец, реагируя на новости, сообщенные газетой. — Известно ведь, что в самой тяжелой стадии кретинизма недостаток мыслей компенсируется идеологическим фанатизмом.

— Как отсюда выйти?

— Если вы так торопитесь... Есть две возможности — уйти совсем или на время. Уйти совсем можно с крыши: один смелый прыжок, и вы навсегда освободитесь от мирского несовершенства. А временный выход вон там, в глубине, где бродит тот дурень, ушибленный на голову. С него спадают штаны, и он по-революционному приветствует все, что попадается навстречу. Но если вы пойдете тем путем, то рано или поздно вернетесь обратно.

Человек с газетой смотрел на меня приветливо тем просветленным взором, какой порой бывает у сумасшедших.

— Это вы меня обокрали?

— Обижаете. Когда вас принесли, вы уже были чисты, как ребенок. Я принимаю только ценные бумаги, котирующиеся на бирже.

Я покинул лунатика с устаревшей газетой и прогрессивными взглядами и дальше бредить на лежаке. Голова все еще кружилась. Я мог пройти прямо не больше четырех шагов кряду, да и то с большим трудом, но все же с грехом пополам добрался до двери в боковой стене гигантского подвала. От порога дверки начинались ступени. Наверху лестницы как будто брезжил слабый свет. Я сделал четыре или пять шагов и ощутил струю свежего воздуха, поступавшего сквозь проем, открывавшийся за последней ступенькой. Я вышел на волю и понял наконец, куда меня занесло.

Я стоял на крыше водоотстойника, возвышавшегося над аллеей парка Сьюдадела. У моих ног лежал резервуар с водой. Солнце начинало спускаться по небосклону над городом, и вода, покрытая ряской, пошла волной, словно разлитое вино. Водосборник напоминал грубо сложенную крепость или тюрьму. Сооружение возвели, чтобы снабжать водой павильоны Всемирной выставки в 1888 году, однако со временем его чрево, походившее более всего на мирской собор, стало служить пристанищем нищим и умирающим, кому больше было негде преклонить голову с наступлением ночи или холодов. Большой резервуар с водой на асоте превратился в илистый и мутный пруд, необратимо мелевший, вытекая сквозь щели и трещины строения.

Вдруг я заметил фигуру человека, застывшего как статуя на краю асотеи. Он тотчас резко повернулся и посмотрел на меня, словно прикосновение моего взгляда его обожгло. Я еще чувствовал дурноту, но сквозь пелену, застилавшую глаза, мне почудилось, что незнакомец направился ко мне. Но двигался он чересчур стремительно, как будто при ходьбе совсем не ступал по земле, а перемещался скачками, слишком быстрыми, чтобы глаз мог их уловить. Против света было почти

невозможно различить его черты, но я все же рассмотрел, что у кабальеро черные сверкающие глаза, казавшиеся огромными, непропорционально большими на лице. По мере того как он приближался, усиливалось впечатление, что его фигура увеличивается, вырастая. Меня охватил озноб при его приближении, и я отпрянул, не осознавая, что отступаю к краю резервуара. Земля ушла из-под ног, и я начал падать навзничь в грязную воду пруда, но незнакомец успел удержать меня за руку. Он бережно вытянул меня и препроводил на сушу. Я опустился на одну из скамеек, что стояли вокруг водохранилища, и перевел дух. Подняв голову, я наконец ясно разглядел своего спасителя. Глаза у него оказались нормального размера, рост примерно таким же, как у меня, он ходил и двигался, как обычный человек. Выражение лица незнакомца было приветливым и умиротворяющим.

— Спасибо, — сказал я.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Да. Немного голова закружилась.

Незнакомец сел рядом. Он был в темной тройке из дорогой ткани, лацкан пиджака оживляла маленькая серебряная брошка — ангел с распростертыми крыльями, почему-то хорошо мне знакомый. Меня вдруг осенило, что присутствие кабальеро в безупречной одежде на заброшенной асоте выглядит немного неуместным. Незнакомец, будто прочитав мои мысли, улыбнулся.

— Надеюсь, я не испугал вас, — промолвил он. — Полагаю, вы не рассчитывали застать кого-то здесь, наверху.

Я оторопело уставился на него и увидел свое отражение в его черных зрачках, расширившихся, словно чернильная клякса на бумаге.

— Можно узнать, что привело вас сюда?

— То же, что и вас: большие надежды.

— Андреас Корелли, — пробормотал я.

Его лицо просияло.

— Очень приятно встретиться наконец с вами лично, друг мой.

Он говорил с легким акцентом, происхождение которого я не смог определить. Инстинкт призывал меня встать и бежать с крыши со всех ног, пока незнакомец не успел сказать больше ни слова, но что-то в его интонации и выражении глаз располагало к спокойствию и внушало доверие. Я предпочел не задаваться вопросом, как он узнал, что меня можно застать в этом странном месте, тогда как я сам не подозревал, где нахожусь. Музыка его слов и свет глаз словно вернули мне силы. Я протянул руку, и он пожал ее. Его улыбка сулила потерянный рай.

— Думаю, мне следует поблагодарить вас за многочисленные знаки внимания, которые вы оказывали мне на протяжении многих лет, сеньор Корелли. Боюсь, я у вас в долгу.

— Нисколько. Это я в долгу перед вами, мой друг. К тому же мне полагается извиниться за то, что я навязываюсь вам таким образом, в неподходящем месте и в неудачный момент, но, признаюсь, я уже давно хотел поговорить с вами, и все не выпадало удобного случая.

— И чем же я могу быть вам полезен? — спросил я.

— Я хочу, чтобы вы работали на меня.

— Простите?

— Я хочу, чтобы вы писали для меня.

— Разумеется. Я забыл, что вы издатель.

Иностранец рассмеялся. Смех у него был беззаботный, точно у невинного ребенка, ни разу не разбившего ни одной тарелки.

— Лучший из всех. Издатель, какого вы ждали всю жизнь. Издатель, который подарит вам бессмертие.

Незнакомец протянул мне одну из своих визиток: точно такую же я нашел в своей руке, воспрянув от наваждения с Хлое, и хранил до сих пор.

Андреас Корелли
Книгоиздатель
Издательство «Люмьер»
Бульвар Сен-Жермен, 69. Париж

— Я весьма польщен, сеньор Корелли, но, к большому сожалению, не в состоянии принять предложение. У меня подписан контракт с...

— Барридо и Эскобильясом, я знаю. Не желая никого обидеть — сброд, с которым вам лучше не иметь никаких дел.

— Подобное мнение разделяют многие.

— Сеньорита Сагниер, например?

— Вы с ней знакомы?

— Понаслышке. Уважение и восхищение такой женщины очень трудно завоевать, не так ли? Неужели вы не хотите ради нее бросить эту парочку паразитов и быть верным самому себе?

— Все не так просто. Я связан условиями контракта, срок действия которого истекает лишь через шесть лет.

— Знаю, но о контракте вам не стоит беспокоиться. Мои адвокаты изучают проблему. Уверяю вас, что найдется немало формулировок, чтобы расторгнуть окончательно любые юридические обязательства, в случае

если вы согласитесь принять предложение.

— И в чем конкретно состоит ваше предложение?

Корелли улыбнулся, лукаво и плутовато, как школьник, который выдает страшный секрет и наслаждается своей ролью.

— Вы посвятите один год исключительно работе над книгой, книгой на заказ. Ее тему мы обговорим в контракте, который подпишем. За эту книгу я заплачу вам авансом сто тысяч франков.

Я ошеломленно посмотрел на него.

— Если названная сумма кажется вам недостаточной, я готов рассмотреть ту, которую вы сами сочтете уместной. Откровенно говоря, сеньор Мартин, я не намерен ссориться с вами из-за денег. И, между нами, думаю, вы также не станете делать ничего подобного. Не сомневаюсь, как только я объясню, какого рода книгу я хочу, чтобы вы написали, вас устроит и более скромная сумма.

Я вздохнул и посмеялся про себя.

— Вижу, вы мне не верите.

— Сеньор Корелли, я — автор приключенческих романов, которые выходят даже не под моим именем. Издатели — вы их как будто хорошо знаете — парочка мелких мошенников, которые доброго слова не стоят, а читатели даже не подозревают о моем существовании. Я много лет зарабатываю на хлеб ремеслом литератора и до сих пор не написал ни одной страницы, которая меня удовлетворяла бы. Любимая женщина считает, что я растрачиваю жизнь попусту, и она права. Она также считает, будто я не имею права желать ее, поскольку мы — жалкие ничтожества, чей смысл жизни заключается в том, чтобы выплатить дань благодарности человеку, вытащившему нас обоих из нищеты, и в этом она, возможно, тоже права. Не имеет значения. Очень скоро мне исполнится тридцать, о чем даже не хочется думать, и я прекрасно осознаю, что с каждым днем я все меньше похожу на человека, каким хотел стать в пятнадцать. При условии, конечно, что я доживу до тридцатилетия, поскольку мое здоровье в последнее время оставляет желать лучшего, как и плоды моего труда. На сегодняшний день я могу праздновать, если составлю одно-два удобочитаемых предложения за час. Вот такой из меня получился писатель и человек. Не из тех, кого навещают парижские издатели с незаполненным банковским чеком, чтобы заказать книгу, которая изменит всю жизнь и позволит осуществить несбывшиеся надежды.

Корелли смотрел на меня серьезно, взвешивая мои слова.

— Мне кажется, вы судите себя слишком строго, что всегда является признаком, отличающим стоящего человека. Поверьте, за свою долгую

карьеру я встречал бесконечное множество типов, не стоивших вашего плевка, и тем не менее они были весьма высокого мнения о своей персоне. Однако я хочу сказать, хотя вы мне и не верите, что я превосходно представляю, какой вы писатель и человек. Вам известно, что я много лет неустанно наблюдал за вами. Я читал все, от первого рассказа, написанного вами для газеты «Голос индустрии», до «Тайн Барселоны». И теперь я читаю каждый новый выпуск романа-серии Игнатиуса Б. Самсона. Осмелюсь заметить, что я изучил вас лучше, чем изучили себя вы сами. И потому я знаю, что в итоге вы примете мое предложение.

— Что еще вы знаете?

— Я знаю, что у нас есть кое-что, а скорее очень много общего. Знаю, что вы рано остались без отца, и я тоже. Я знаю, что значит потерять отца в том возрасте, когда он еще нужен. Вы лишились своего при трагических обстоятельствах. Мой же отверг меня и выгнал из дома по причинам, которые к делу не относятся. Довольно сказать лишь, что это, пожалуй, еще большее. Я знаю, что вы чувствуете себя одиноким. И поверьте, я испытал в полной мере чувство одиночества. Я знаю, что вы лелеяли в сердце большие надежды и ни одна из них не нашла воплощения. И я знаю также, что это убивает вас день за днем, пусть вы не отдаете себе в том отчета.

За его речью последовало долгое молчание.

— Вы много знаете, сеньор Корелли.

— Достаточно, чтобы мне захотелось познакомиться с вами поближе и стать вашим другом. Думаю, у вас мало друзей. И у меня тоже. Я не доверяю людям, утверждающим, что у них много друзей. Это означает всего-навсего, что они плохо разбираются в ближних.

— Но вы не ищите себе друга, а нанимаете работника.

— Я ищу временного компаньона. Я ищу вас.

— Вы слишком самоуверенны. — Я рискнул высказаться откровенно.

— Врожденный дефект, — отозвался Корелли, вставая со скамейки. — А другой — ясновидение. А потому я осознаю, что, возможно, для вас все случилось чересчур неожиданно и вам недостаточно услышать правду из моих уст. Вам необходимо увидеть ее собственными глазами, прочувствовать всем существом. Поверьте, вы ее прочувствуете.

Он протянул мне руку и не убирал до тех пор, пока я не пожал ее.

— Могу я по крайней мере тешить себя надеждой, что вы подумаете над моими словами и позднее мы вернемся к теме? — спросил он.

— Не знаю, что ответить, сеньор Корелли.

— Не отвечайте ничего пока. Обещаю, что, когда мы встретимся вновь, ваше зрение прояснится.

С этими словами он сердечно мне улыбнулся и направился к лестнице.
— А будет новая встреча? — поинтересовался я.

Корелли остановился и повернулся.

— Всегда бывает новая встреча.

— Где?

Последние лучи солнца озарили город, и его глаза вспыхнули, как раскаленные угли.

Я наблюдал, как Корелли исчезает в дверном проеме, за которым начинался спуск вниз. И только тогда меня вдруг осенило, что за время разговора он ни разу не моргнул, во всяком случае, я этого не заметил.

14

Клиника располагалась на верхнем этаже здания. С высоты открывался вид на море, сверкающее в отдалении, и крутой спуск улицы Мунтанер. Ее пунктиром прочерчивали трамваи, скользившие к Энсанче между большими домами и величественными зданиями. В клинике пахло чистотой. Тщательно продуманный интерьер отличался безупречным вкусом. На картинах были изображены сплошь безмятежные пейзажи, сулившие надежду и умиротворение. На полках стояли солидные издания, вызывавшие чувство почтения. Медсестры ступали с плавной легкостью балерин и улыбались, порхая мимо. Клиника выглядела как чистилище для тугих кошельков.

— Доктор сейчас примет вас, сеньор Мартин.

Доктор Триас держался с достоинством патриция. Его безукоризненная внешность внушала спокойствие и доверие каждой черточкой: серые пронизательные глаза за стеклами пенсне, дружелюбная вежливая улыбка без намека на веселье. Доктор Триас привык вести поединок со смертью, и чем больше он улыбался, тем становилось страшнее. Его обращение со мной — то, как он меня встретил и усадил, — наводило на мысли о скором конце. Правда, всего несколько дней назад, когда я начал проходить обследование, он подробно рассказывал о новейших достижениях в области науки и медицины, вселявших надежду на успех в борьбе с болезнью, симптомы которой я описывал. Из его слов я мог сделать вывод, что сам он лично в благополучном исходе не сомневался.

— Как ваши дела? — спросил он, переводя взгляд с меня на папку, лежавшую на столе.

— Это вы мне скажите.

Он наградил меня бесстрастной улыбкой хорошего игрока в покер.

— Сестра упомянула, что вы писатель. Но я вижу, заполняя анкету в истории болезни, вы указали, будто являетесь служащим.

— В моем случае это одно и то же.

— Наверное, некоторые из моих пациентов — ваши читатели.

— Надеюсь, их нервная система не пострадала непоправимо.

Доктор улыбнулся, словно нашел мое замечание остроумным, и принял деловой вид, давая понять, что предварительные светские любезности закончены и пора побеседовать о главном.

— Как я вижу, вы пришли один, сеньор Мартин. У вас есть близкие родственники? Жена? Братья? Родители, которые здравствуют поныне?

— Звучит мрачновато, — отозвался я.

— Сеньор Мартин, я не хочу вас обманывать. Результаты первых анализов далеко не такие обнадеживающие, как мы рассчитывали.

Я молча смотрел на него. Я не почувствовал ни страха, ни тревоги. Я не почувствовал ничего.

— Все указывает на то, что у вас опухоль, расположенная в левой доле головного мозга. Анализы подтверждают те опасения, которые вызывают описанные вами симптомы. Есть серьезные основания предполагать, что речь идет о карциноме.

На миг я лишился дара речи. Я даже не был способен изобразить удивление.

— Как давно она образовалась?

— Невозможно установить точно, но осмелюсь предположить, что новообразование развивается довольно давно, и это полностью объясняет симптомы, которые вы перечислили, как и проблемы с работоспособностью, с чем вам пришлось столкнуться в последнее время.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь смириться с судьбой. Доктор наблюдал за мной с выражением бесконечного терпения и сочувствия, давая мне время свыкнуться со страшным известием. Я пытался заговорить, но слова не шли с губ. Наконец наши взгляды скрестились.

— Итак, я в ваших руках доктор. Скажите же, какой курс лечения я должен пройти.

Я увидел, как его глаза наполняются отчаянием, ибо он только теперь осознал, что я не хочу понимать истинного значения его приговора. Я вновь сделал попытку принять неизбежное, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу. Доктор налил стакан воды из графина и протянул мне. Я выпил воды и спросил:

— Лечения не существует?

— Существует. Есть множество средств, с помощью которых мы в состоянии облегчить боль и обеспечить вам максимальный комфорт и покой...

— Но я умру.

— Да.

— Скоро?

— Возможно.

Я улыбнулся про себя. Даже самые скверные новости приносят облегчение, если они всего лишь подтверждают нечто, что человек давно знал в глубине души или интуитивно чувствовал.

— Мне двадцать восемь лет, — промолвил я, не понимая, зачем я говорю это.

— Сожалею, сеньор Мартин. Я был бы счастлив сообщить вам совсем другие новости.

И у меня возникло ощущение, что он все-таки сознался во лжи или простительном грехе и что раскаяние не дает покоя, мешает, точно соринка, попавшая в глаз.

— Сколько времени мне осталось?

— Трудно предсказать точно. Я бы назвал год, самое большее — полтора.

Тонем он ясно давал понять, что оглашенный им прогноз весьма оптимистический.

— И какую часть этого года, или сколько там получится, я буду, по вашему мнению, в состоянии работать и самостоятельно себя обслуживать?

— Вы писатель и занимаетесь умственной работой. К сожалению, болезнь гнездится именно в голове, и именно тут мы прежде всего столкнемся с ограничениями.

— Ограничения — не медицинский термин, доктор.

— Обычно по мере развития болезни симптомы, беспокоившие вас прежде, начнут проявляться чаще и в более тяжелой форме. И начиная с определенного момента вам придется лечь в больницу, чтобы мы могли позаботиться о вас должным образом.

— Я не смогу писать.

— Вам даже в голову не придет писать.

— Сколько времени?

— Не знаю. Девять или десять месяцев. Возможно, больше или меньше. Мне очень жаль, сеньор Мартин.

Я кивнул и встал. У меня дрожали руки, и не хватало воздуха.

— Сеньор Мартин, я понимаю, что вам требуется время, чтобы осмыслить все, что я вам сказал, но очень важно принять меры как можно скорее...

— Мне нельзя пока умирать, доктор. Еще рано. Мне нужно многое сделать. А потом у меня будет вся жизнь, чтобы умереть.

В тот же вечер я поднялся в кабинет в башне и уселся за пишущую машинку, хотя и знал, что опустошен полностью. Окна были распахнуты настежь, но Барселона больше не хотела поверять мне тайны, и я не мог написать ни страницы. Что бы я ни сочинял, все мне казалось пустым и банальным. Достаточно было один раз перечитать текст, чтобы понять, что он не стоил потраченных на него чернил. Я больше не слышал музыки слов, которой исполнены лучшие образцы прозы. Постепенно, подобно медленно действующей сладостной отраве, речи Андреаса Корелли начали овладевать моим сознанием.

Мне требовалось написать не меньше сотни страниц, чтобы закончить энный выпуск романа-серии в стиле приключений Рокамболя, не дававшей опустеть карманам Барридо и Эскобильяса. Но именно в тот момент я понял, что не намерен его заканчивать. Игнатиус Б. Самсон остался лежать на рельсах под трамваем, выдохшийся и обескровленный, иссушив душу до дна, выплескивая ее на страницы, которым не стоило появляться на свет. Однако перед уходом он завещал мне выполнить свою последнюю волю: тихо похоронить его без лишних церемоний и, набравшись мужества, впервые в жизни заговорить своим голосом. В наследство он передал мне свою обширную коллекцию грез и призраков и просил отпустить его с миром, ибо он родился, чтобы кануть в Лету.

Я собрал рукопись последнего романа и предал ее огню, ощущая, как легче становится на душе с каждой страницей, сгоравшей в ярком пламени. Влажный теплый ветер гулял в ту ночь по крышам. Ворвавшись в открытые окна, он унес пепел Игнатиуса Б. Самсона и развеял по улицам старого города, где его дух будет обитать вечно, даже когда написанные им строки забудутся навсегда и само имя сотрется из памяти самых преданных читателей.

На другой день я пришел в контору Барридо и Эскобильяса. В приемной сидела новая девушка (почти девочка), и она меня не узнала.

— Ваше имя?

— Гюго, Виктор.

Девушка улыбнулась и поспешила предупредить Эрминию, связавшись с ней через коммутатор:

— Донья Эрминия, дон Виктор Гюго к сеньору Барридо.

Я видел, как она закивала и разъединилась.

— Она сказала, что немедленно выйдет.

— Ты давно здесь работаешь? — спросил я.

— Неделью, — с готовностью ответила девушка.

Если я не ошибся, это была восьмая по счету барышня из сменившихся в приемной Барридо и Эскобильяса за год. Служащие издательства, подчинявшиеся непосредственно ушедшей Эрминии, задерживались ненадолго. Отрава, обнаружив, что у новых сотрудниц найдется побольше пядей во лбу, и опасаясь, что ее могут оттеснить в тень (а происходило это в девяти случаях из десяти), обвиняла секретарш в воровстве, мелких недостачах или чудовищных проступках. Она объявляла крестовый поход и не успокаивалась до тех пор, пока Эскобильяс не выбрасывал девушек на улицу. Напоследок она угрожала уволенной работнице подослать наемных убийц, если та осмелится открыть рот.

— Как приятно видеть тебя, Давид, — сказала Отрава. — А ты похорошел. Прекрасно выглядишь.

— Это потому, что меня переехал трамвай. Барридо на месте?

— Что за вопрос? Для тебя он всегда на месте. Он очень обрадуется, когда я скажу, что ты заглянул к нам.

— Ты даже не представляешь как.

Отрава проводила меня в кабинет Барридо, обставленный как палата опереточного канцлера, поражая изобилием ковров, бюстов императоров, чучел животных и книг в кожаных переплетах, закупленных оптом, из чего я заключил, что в обложки, должно быть, вставлены чистые листы. Барридо одарил меня самой масленой из своих улыбок и пожал руку.

— Нам уже не терпится получить новый выпуск. Имейте в виду, что мы переиздаем два последних и у нас их отрывают с руками. Пять тысяч экземпляров дополнительно. Что вы об этом думаете?

Я подумал, что речь идет скорее всего о пятидесяти тысячах, не меньше, но только кивнул без особого воодушевления. Барридо и Эскобильяс виртуозно овладели трюком, известным в гильдии барселонских издателей как двойной тираж. С каждого издания печатался официальный и заявленный тираж в несколько тысяч экземпляров, с которых выплачивалась смехотворная доля прибыли автору. Затем, если книга имела успех, делали полноценный и подпольный тираж в десятки

тысяч экземпляров, нигде не задекларированный, с которого автору не перепало ни песеты. Дополнительный тираж мог отличаться от первого, поскольку Барридо организовал тайную типографию на старом колбасном заводе в Санта-Перпетуа-де-Могода. Когда такую книгу открывали, она издавала характерный запах хорошо прокопченных чорисо.^[21]

— Боюсь, у меня плохие новости.

Барридо и Отрава переглянулись, причем сияние их улыбок несколько не потускнело. На сцене возник Эскобильяс, материализовавшись в дверях. Он окинул меня взглядом с таким холодным и хмурым видом, как будто на глазок снимал мерку для гроба.

— Смотри, кто к нам пожаловал. Какой приятный сюрприз, верно? — спросил Барридо компаньона. Тот ограничился сухим кивком.

— И что это за плохие новости? — спросил Эскобильяс.

— Вы немного задерживаетесь, Мартин? — дружелюбно подсказал Барридо. — Не сомневаюсь, что мы можем уладить...

— Нет. Никакой задержки. Книги попросту не будет.

Эскобильяс подался вперед и вскинул брови. Барридо издал короткий смешок.

— Почему же книги не будет? — пожелал прояснить вопрос Эскобильяс.

— Потому что вчера я сжег ее и не сохранилось ни страницы рукописи.

В комнате установилось плотное молчание. Барридо сделал примирительный жест и указал на изделие, называвшееся креслом для посетителей, — мрачноватый глубокий трон, куда загоняли авторов и поставщиков, чтобы они оказывались на уровне глаз Барридо.

— Сядьте, Мартин, и расскажите по порядку. Вас что-то беспокоит, это заметно. Ничего не скрывайте от нас, мы ведь близкие люди.

Отрава и Эскобильяс убежденно закивали, выражая степень своего одобрения взглядом, исполненным восторженной преданности. Я предпочел не садиться. Остальные тоже стояли и смотрели на меня с таким выражением, словно я был соляной статуей, которая вот-вот должна заговорить. У Барридо, наверное, сводило челюсти от лучезарной улыбки, не сходившей с лица.

— Ну?

— Игнатиус Б. Самсон покончил с собой. Он оставил неизданный рассказ на двадцать страниц, где он умирает в обнимку с Хлое Перманиер после того, как оба приняли яд.

— Автор погибает в одном из собственных романов? — в смятении

переспросила Эрминия.

— В своем прощании в стиле *avant-garde* с миром сериальной литературы. Он не сомневался, что подобного рода пассаж вам придется по душе.

— Но неужели же нет никакого противоядия или?.. — взмолилась Отрава.

— Мартин, нет нужды напоминать, что именно вы, а не гипотетически покойный Игнатиус, подписали контракт... — обронил Эскобильяс.

Барридо вскинул руку, призывая компаньона замолчать.

— Мне кажется, я понимаю, что происходит, Мартин. Вы вымотаны. В течение многих лет вы не знали ни отдыха, ни покоя, и это обстоятельство наша фирма высоко ценит и приветствует. Конечно, вам нужна передышка. Я понимаю. Мы все понимаем, правда?

Барридо бросил взгляд на Эскобильяса и Отраву, и те снова закивали с соответствующим случаю выражением лица.

— Вы художник, вам хочется создавать произведения искусства, делать высокую литературу, нечто, что идет от сердца и благодаря чему ваше имя будет выведено золотыми буквами на скрижалях всемирной истории.

— В ваших устах это звучит почти смешно, — заметил я.

— Потому что так оно и есть, — вставил Эскобильяс.

— Нет, совсем нет, — перебил Барридо. — Это по-человечески объяснимо. А мы гуманны. Я, мой компаньон и Эрминия. Она же, будучи женщиной и существом редкой чувствительности, самая гуманная из нас всех. Правда, Эрминия?

— Гуманнейшая, — подтвердила Отрава.

— А так как мы гуманны, мы вас понимаем и хотим поддержать. Мы ведь гордимся вами и убеждены, что наш успех зависит от вашего, и, кроме того, в нашей фирме прежде всего отдают должное людям, а не цифрам.

Завершив фразу, Барридо сделал драматическую паузу. Возможно, он ожидал, что я взорвусь рукоплесканиями. Но так как я не пошевелился, он поспешил продолжить речь:

— Поэтому я хочу предложить следующее: возьмите полгода или девять месяцев, если необходимо — все же роды есть роды, — запритесь в кабинете и пишите главный труд своей жизни. Закончив роман, принесите его нам, и мы опубликуем его под вашим именем, костыми ляжем, поставим на карту все. Ведь мы на вашей стороне.

Я перевел взгляд с Барридо на Эскобильяса. Отрава готова была разрыдаться от полноты чувств.

— Разумеется, никакого аванса, — уточнил Эскобильяс.
Барридо взволнованно взмахнул рукой:
— Итак, что скажете?

Я приступил к работе в тот же день. Мой план был прост как дважды два: днем переписывать книгу Видаля, а ночью работать над собственной. Я собирался наточить и отполировать до блеска убогий арсенал средств, которым меня вооружил Игнатиус Б. Самсон, и заставить его послужить тому немногому достойному и благородному, что еще оставалось в душе — если там что-то сохранилось. Я писал из благодарности, от отчаяния и во имя тщеславия. Я писал в первую очередь для Кристины, чтобы доказать ей, что я способен заплатить долг Видалю и что Давид Мартин, хоть и стоя на краю могилы, заслужил право смотреть ей в глаза, не стыдясь своих смешных надежд.

Я не пошел больше в клинику доктора Триаса. Я не видел в том необходимости. В день, когда наступит конец и я не смогу ни написать, ни даже придумать ни одной строчки, я пойму это первым. Мой верный и не слишком разборчивый аптекарь исправно снабжал меня пилюлями с кодеином, сколько бы я ни попросил, а иногда кое-каким десертом, от которого огнем занималась кровь, точно взрывом динамита сметало боль, уносило сознание. Я никому не рассказал о посещении врача и результатах анализов. Основные мои нужды удовлетворялись еженедельной доставкой продуктов (по моему распоряжению) из крупнейшего торгового центра бакалейных товаров «Кан Хисперт», находившегося на улице Миральерс, за церковью Санта-Мария-дель-Мар. Заказывал я всегда один и тот же набор. Его обычно приносила дочь хозяев, девушка, смотревшая на меня, как перепуганная кабарга, когда я приглашал ее зайти в прихожую и подождать, пока ищу деньги, чтобы расплатиться.

— Это твоему отцу, а вот это тебе.

Я всегда давал ей десять сентимов чаевых, и она молча их принимала. Каждую неделю девочка доставляла заказ и звонила в мою дверь, и каждую неделю я вручал ей причитающуюся плату и десять сентимов на чай. Я не знал, как ее зовут, и не помнил лица, вспоминая его, лишь когда девочка снова появлялась на пороге. Но в течение девяти месяцев и одного дня (ровно столько времени отняла у меня работа над единственной книгой, которой суждено выйти под моим собственным именем) девушка из бакалейного магазина была единственным человеком, с кем я встречался сравнительно часто.

Кристина внезапно, не предупредив меня, перестала приходить по вечерам. Я начал опасаться, что Видадь разгадал нашу хитрость, но однажды вечером, дожидаясь ее (она отсутствовала почти неделю), я открыл дверь, полагая, что пришла Кристина, и оказался лицом к лицу с Пепом, парнем, служившим на вилле «Гелиос». Он принес посылку от имени Кристины, тщательно запечатанную, содержащую полную рукопись книги Видаля. Пеп поделился со мной новостями. Оказалось, что отец Кристины страдал аневризмой и сделался почти инвалидом. Кристина отвезла его в санаторий в Пуигсерде, в Пиренеях, где, по слухам, одному молодому доктору удавалось лечить подобные заболевания.

— Обо всем позаботился сеньор Видадь, — добавил Пеп. — Не считаясь с расходами.

Видадь никогда не оставлял в беде слуг, не без горечи подумал я.

— Она попросила передать вам это лично в руки. И никому ничего не говорить.

Юноша вручил мне посылку, радуясь, что избавился от загадочного предмета.

— Она оставила какой-нибудь адрес, чтобы связаться с ней, если потребуется?

— Нет, сеньор Мартин. Я знаю только, что отец сеньориты Кристины лечится в больнице под названием «Вилла Сан-Антонио».

Несколько дней спустя Видадь нанес мне один из своих импровизированных визитов и просидел у меня весь вечер, потягивая мой анис, покуривая мои папиросы и рассказывая о несчастье, постигшем его шофера.

— Невозможно поверить. Мужчина крепкий, как дуб, и вдруг в одно мгновение падает замертво и уже даже не помнит, кто он есть.

— Как Кристина?

— Можешь представить. Ее мать умерла много лет назад, и Мануэль — единственный близкий ей человек. Она взяла с собой альбом с семейными фотографиями и показывает их бедняге в надежде, что память вернется к нему.

Видадь разглагольствовал, а тем временем его роман (а правильное было бы сказать, мой роман) лежал стопкой на кофейном столе в галерее, перевернутый лицевой стороной вниз, в каком-то полуметре от его рук. Он сообщил, что остался без шофера из-за болезни Мануэля и настоял, чтобы Пеп овладел искусством вождения. Пеп считался неплохим наездником, но за рулем юноша в настоящий момент был сущей катастрофой.

— Дайте ему время. Автомобиль не лошадь. Секрет науки в практике.

— Коли ты об этом упомянул... Мануэль ведь научил тебя водить, не так ли?

— Чуть-чуть, — признался я. — И это не так просто, как кажется.

— Если твой новый роман не будет продаваться, ты всегда сможешь поступить ко мне шофером.

— Мы еще не похоронили несчастного Мануэля, дон Педро.

— Неудачное замечание, — согласился Видаль. — Прошу прощения.

— А как продвигается ваш роман, дон Педро?

— Полным ходом. Кристина увезла в Пуигсерду окончательный вариант, чтобы откорректировать и привести его в божеский вид, пока ухаживает за отцом.

— Приятно слышать, что вы довольны.

Видаль торжествующе улыбнулся.

— Кажется, это будет нечто грандиозное, — сказал он. — Я столько месяцев мучился оттого, что все ужасно, а недавно перечитал первые пятьдесят страниц, которые Кристина перепечатала набело, и сам себе поразился. Думаю, тебя книга тоже удивит. Все-таки я еще могу тебя кое-чему научить.

— Никогда в том не сомневался, дон Педро.

В тот вечер Видаль пил больше обычного. За много лет я научился распознавать все оттенки его настроения, замечать внутреннее беспокойство и безошибочно угадывал, когда он старался о чем-то умолчать. Мне показалось, он пришел неспроста. Когда запасы аниса были исчерпаны, я налил ему изрядную порцию бренди и стал ждать.

— Давид, есть вещи, о которых мы с тобой никогда не говорили...

— О футболе, например.

— Я серьезно.

— Я вас слушаю.

Он одарил меня долгим взглядом, словно его одолевали сомнения.

— Я всегда старался быть тебе добрым другом, Давид. Ты ведь это понимаешь, правда?

— Вы давали мне намного больше, дон Педро. Я это знаю, и вы тоже знаете.

— Порой я задумываюсь, может, мне следовало вести с тобой более честную игру.

— В каком смысле?

Видаль принялся рассматривать дно бокала с бренди.

— Существуют обстоятельства, о которых я тебе не рассказывал, Давид. И о них мне, наверное, стоило сообщить тебе много лет назад...

Я выдержал паузу, короткую паузу, длившуюся вечность. О чем бы Видаля ни порывался мне рассказать, было ясно, что все бренди на свете не способно склонить его к исповеди.

— Не беспокойтесь, дон Педро. Дело вытерпело годы, значит, до завтра терпит точно.

— Завтра у меня, возможно, не хватит мужества сказать тебе.

Я вдруг сообразил, что впервые он предстает передо мной таким испуганным и потерянным. Что-то терзало его, лежало камнем на душе, и мне стало тягостно видеть его в столь мучительном затруднении.

— Давайте поступим так, дон Педро. Когда опубликуют и вашу книгу, и мою, мы встретимся, чтобы выпить за это, и вы расскажете мне все, что сочтете нужным. Вы пригласите меня в какой-нибудь дорогой изысканный ресторан, куда меня не пустили бы без вас, и вы сделаете любые признания, какие вам захочется. Идет?

Ближе к ночи я проводил Видаля до бульвара Борн. Там, опираясь на крыло «испано-суисы», его дожидался Пеп, облаченный в униформу Мануэля, которая была ему велика размеров на пять, как и сам автомобиль. Кузов представлял собой печальное зрелище, испещренный царапинами и вмятинами, по виду совсем свежими.

— Облегченной рысью, да, Пеп? — посоветовал я. — Ни в коем случае не галопом. Медленно, но верно, как будто на першероне.

— Так точно, сеньор Мартин. Медленно, но верно.

На прощание Видаля крепко обнял меня. Когда он садился в машину, мне показалось, что он несет на плечах тяжесть земного шара.

Наконец я поставил точку в романе Видаля и одновременно закончил собственный. Через несколько дней ко мне домой без предупреждения явился Пеп. В униформе, унаследованной от Мануэля, он выглядел ребенком в маршальском мундире. В первый миг я вообразил, что он принес мне весточку от Видаля или даже от Кристины. Но я отверг эту мысль, как только наши взгляды встретились. Судя по его мрачному виду, он был чем-то очень встревожен.

— Плохие новости, сеньор Мартин.

— Что случилось?

— Это сеньор Мануэль.

Голос у него несколько раз срывался, пока он говорил, и когда я

предложил ему воды, Пеп едва не разрыдался. Мануэль Сагниер скончался три дня назад в санатории Пуигсерды после продолжительной агонии. По желанию дочери он был похоронен накануне на маленьком кладбище у подножия Пиренеев.

— Боже мой, — прошептал я.

Вместо воды я дал Пепу рюмку выдержанного бренди и усадил в кресло на галерее. Немного успокоившись, Пеп объяснил, что Видадь послал его встретить Кристину. Она возвращалась сегодня днем на поезде, прибывавшем по расписанию в пять часов.

— Представляете, в каком состоянии сеньорита Кристина... — пробормотал он. Его удручала необходимость выступить в роли человека, которому придется выражать ей соболезнования и утешать по пути в маленькую квартирку над каретным сараем виллы «Гелиос», где она с детства жила с отцом.

— Пеп, мне кажется, тебе не стоит ехать на вокзал встречать сеньориту Сагниер.

— Приказ дона Педро...

— Передай дону Педро, что я беру ответственность на себя.

Порция бренди и красноречие помогли. Он уехал, предоставив действовать мне. Я пообещал сам встретить Кристину и привезти на виллу «Гелиос» на такси.

— Спасибо вам, сеньор Мартин. Уж вам-то лучше знать, как успокоить бедняжку.

Без четверти пять я шагнул по направлению к новому зданию Французского вокзала. Его недавно открыли с большой помпой. Всемирная выставка,^[22] обогатила город россыпью чудес. Но лично мне больше всех нравился этот свод из стекла и стали, похожий на купол кафедрального собора. Возможно, правда, дело было лишь в том, что он находился недалеко от моего дома и я любовался им из окна кабинета в башне. На небе в тот день теснились черные тучи, набегавшие с моря и зависавшие над городом. Отдаленные раскаты грома, зарницы на горизонте и горячий ветер, пропитанный запахом пыли и насыщенный электричеством, предвещали сильную летнюю грозу. Когда я подошел к вокзалу, на землю упали первые капли дождя, крупные, сверкающие, словно с неба посыпались серебряные монеты. Не успел я выйти на перрон, чтобы встретить поезд, как на сводчатую крышу платформы обрушились потоки дождя. Сгустились сумерки, будто внезапно наступила ночь. Темноту поминутно прорезали вспышки яркого света — молнии сверкали над городом под аккомпанемент громовых разрядов, отголосков неистовой

ярости стихии.

Локомотив прибыл почти с часовым опозданием. Змеей стелился по земле пар, с трудом проползая сквозь бурю. Я занял позицию в голове состава, чтобы не прозевать Кристину в толпе путешественников, уже начавших выходить на платформу. Через десять минут все пассажиры разошлись, а она так и не появилась. Я уже готов был возвратиться домой, подумав, что Кристина не приехала этим поездом, но в последний момент решил на всякий случай проверить, прогулявшись по перрону и внимательно заглядывая в окна купе. Я нашел ее в предпоследнем вагоне. Она сидела, прислонившись головой к стеклу, с отсутствующим взглядом. Я забрался в вагон и остановился на пороге купе. Услышав шаги, Кристина повернулась и посмотрела на меня без удивления, слабо улыбнувшись. Потом встала и молча обняла.

— С приездом, — сказал я.

Багажа у Кристины было не много — всего один чемоданчик. Я взял ее за руку, и мы вышли на опустевший перрон. По пути к залу ожидания никто из нас не произнес ни слова. У выхода мы остановились. Дождь лил как из ведра, и вереница такси у здания вокзала, которую я видел час назад, растаяла бесследно.

— Я не хочу сегодня возвращаться на виллу «Гелиос», Давид. Пока не хочу.

— Ты можешь пожить у меня, или мы поищем тебе номер в гостинице.

— Я не хочу оставаться одна.

— Поехали домой. Чего-чего, а свободных комнат у меня в избытке.

Я заметил носильщика, увлеченно наблюдавшего за грозой. В руках он держал огромный зонт. Я приблизился к нему и предложил за зонт сумму, в пять раз превышавшую его реальную цену. Носильщик отдал мне покупку, упаковав ее в угодливую улыбку.

Спрятавшись под зонтом, мы отважились пуститься в путь под проливным дождем, взяв курс на дом с башней. Шквальный ветер и глубокие лужи сделали свое дело: через десять минут мы добрались до цели, промокнув до нитки. Из-за грозы уличное освещение не работало, и улицы затопила вязкая темнота, прочерченная пунктиром масляных фонарей и подвесных светильников, болтавшихся под козырьками балконов и подъездов. Я не сомневался, что чудовищная электропроводка у меня дома приказала долго жить в числе первых. Нам пришлось подниматься по лестнице на ощупь. Когда дверь жилого этажа открылась, пахло гарью, отчего дом показался самым унылым и негостеприимным местом на земле.

— Если ты передумала и предпочитаешь, чтобы мы искали

гостиницу...

— Нет, все в порядке. Не беспокойся.

Я поставил чемодан Кристины на пол в прихожей и отправился на кухню за коробкой со свечами и спичками, которые хранил в чулане. Я принялся зажигать свечи одну за другой, закрепляя их на блюдцах, в стаканах и в рюмках. Кристина наблюдала за моими действиями, стоя в дверях.

— Одна минута, — заверил я ее. — У меня богатый опыт.

Я распределил свечи по комнатам, поставил их в коридоре и по углам, так что вскоре весь дом погрузился в неплотные золотистые сумерки.

— Похоже на собор, — сказала Кристина.

Я проводил ее в одну из спален, которой никогда не пользовался, но содержал в чистоте и порядке на тот случай, если Видадь, выпив слишком много, чтобы возвращаться к себе во дворец, останется переночевать.

— Сейчас принесу чистые полотенца. Если тебе не во что переодеться, могу предложить обширный и легкомысленный гардероб в стиле *Belle Époque*,^[23] оставленный в шкафах прежними владельцами.

Неуклюжие потуги шутить не вызвали у нее ни тени улыбки, она просто кивнула. Я усадил Кристину на кровать и помчался за полотенцами. Когда я вернулся, она неподвижно сидела на прежнем месте. Я положил рядом с ней на постель стопку полотенец и от порога передвинул поближе пару свечей, чтобы ей стало чуточку светлее.

— Спасибо, — прошептала она.

— Пока ты переодеваешься, я согрею тебе бульон.

— Я не голодна.

— В любом случае горячее тебе не повредит. Если что-то понадобится, скажи.

Я оставил Кристину одну и направился к себе, чтобы снять мокрые ботинки. Поставив воду на огонь, я уселся в галерее и стал ждать. Ливень не унимался, дождевые струи барабанили в окна и бурным потоком неслись по водосточным трубам башни и плоской крыши, так что казалось, будто наверху кто-то ходит. Квартал Рибера, раскинувшийся вокруг, почти полностью погрузился во тьму.

Вскоре я услышал, как открылась дверь комнаты Кристины и звук приближавшихся шагов. Кристина надела светлый халат и закутала плечи шерстяной шалью, которая ей совершенно не шла.

— Я позаимствовала одежду в одном из шкафов, — сказала Кристина. — Надеюсь, ты не возражаешь.

— Оставь себе, если хочешь.

Кристина села в кресло и обвела взглядом зал, задержавшись на стопке исписанной бумаги на столе. Она посмотрела на меня, и я кивнул.

— Закончил его несколько дней назад, — пояснил я.

— А свой?

Фактически обе рукописи я считал своими, но, не вдаваясь в подробности, снова кивнул.

— Можно? — спросила она, взяв страницу и поднося к свече.

— Конечно.

Я смотрел, как она молча читает с замороженной улыбкой на губах.

— Педро никогда не поверит, что сам это написал, — сказала она.

— Спорим, — отозвался я.

Кристина положила лист обратно в стопку и долго смотрела на меня.

— Я скучала, — промолвила она. — Я не хотела, но все равно скучала.

— Я тоже.

— Иногда, еще до отъезда в санаторий, я приходила на станцию и садилась на перроне ждать поезда до Барселоны. Мне казалось, нам лучше встретиться в городе.

Я проглотил комок в горле.

— Я думал, что ты не хочешь видеть меня, — признался я.

— И я так думала. Знаешь, отец очень часто спрашивал о тебе. Он просил приглядывать за тобой.

— Твой отец был прекрасным человеком, — сказал я. — И верным другом.

Кристина кивнула, улыбаясь, но я заметил, что ее глаза наполняются слезами.

— Под конец отец уже почти ничего не помнил. Бывали дни, когда он путал меня с матерью и просил прощения за годы, проведенные в тюрьме. А потом неделями даже не осознавал, что я рядом. Постепенно тебя охватывает чувство одиночества и больше не покидает.

— Сочувствую, Кристина.

— В последние дни мне стало казаться, что отцу лучше. Он начал кое-что вспоминать. Я привезла с собой альбом с фотографиями, который он хранил дома, и иногда показывала ему, кто есть кто. В альбоме есть старая фотография, сделанная на вилле «Гелиос», где вы с ним вместе сидите в машине. Ты — за рулем, а отец учит тебя водить. И вы оба смеетесь. Хочешь взглянуть?

Особого желания я не испытывал, но не осмелился возражать в такой момент.

— Конечно...

Кристина отправилась доставать альбом из чемодана и вернулась с небольшой книжкой в кожаном переплете. Она под села ко мне и начала перелистывать страницы, заполненные старыми снимками, газетными вырезками и почтовыми открытками. Мануэль, как и мой отец, с трудом читал и писал, и его воспоминания были запечатлены в образах.

— А вот и ты.

Я пристально посмотрел на фотографию и отчетливо вспомнил летний день, когда Мануэль разрешил мне сесть в первый автомобиль, купленный Видалем, и преподал азы вождения. Потом мы доехали до улицы Панама и на скорости не больше пяти километров в час, показавшейся мне тогда головокружительной, прокатились до бульвара Пеарсон и вернулись назад, причем вел машину я сам.

«Вы прирожденный водитель, — похвалил меня Мануэль. — Если когда-нибудь вам не повезет с рассказами, по-моему, вас ждет блестящее будущее в гонках».

Я улыбнулся, вновь переживая тот момент, казалось, навсегда канувший в Лету. Кристина протянула мне альбом:

— Оставь себе. Отцу пришлось бы по душе, что альбом у тебя.

— Но он твой, Кристина. Я не могу взять его.

— Мне тоже хотелось бы, чтобы он лежал у тебя.

— Пусть останется на временное хранение, когда-нибудь ты захочешь получить его обратно.

Я листал страницы, рассматривая знакомые лица и лица людей, которых никогда не видел. Там была свадебная фотография Мануэля и его жены Марты, на которую так походила Кристина, студийные портреты тетюшек, дядюшек, бабушек и дедушек. Имелся также снимок какой-то улицы в Равале, по которой шла процессия, купален Сан-Себастьян вдоль берега Барселонеты. Мануэль собирал старые открытки с видами Барселоны, а также вырезки из газет. На одной из них молоденький Видал позировал у дверей отеля «Флорида» на вершине Тибидабо, а на другой он был снят под руку с умопомрачительной красавицей в зале казино в Рабасаде.

— Твой отец молился на дона Педро.

— Он всегда говорил, что мы обязаны ему всем, — вскинулась Кристина.

Я продолжил путешествие по страницам памяти бедного Мануэля, пока мне не встретилась карточка, выпадавшая из общего ряда в этой портретной галерее. На ней была изображена девочка лет восьми или девяти. Она шла по маленькой деревянной пристани, языком вдававшейся в

сверкающую морскую гладь. Она держала за руку мужчину в белом костюме, причем его фигура не попала в кадр целиком. В конце пристани угадывался силуэт маленького парусного шлюпа, а дальше открывался бескрайний простор закатного неба. Девочка, снятая со спины, была Кристиной.

— Моя любимая, — тихо сказала Кристина.

— Где сделали фотографию?

— Не знаю. Я не помню ни место, ни день. Я даже не уверена, что тот человек — мой отец. Возникает ощущение, словно ничего этого никогда не происходило. Я нашла снимок в альбоме отца много лет назад и до сих пор не понимаю, откуда он взялся и что означает. Он словно сообщает мне о чем-то важном.

Я листал альбом, а Кристина давала пояснения к фотографиям.

— А это я, здесь мне четырнадцать лет.

— Да, я знаю.

Кристина печально посмотрела на меня.

— Я ничего не понимала, верно? — спросила она.

Я пожал плечами.

— И ты не сможешь меня простить.

Я предпочел уткнуться в альбом, только чтобы не смотреть ей в глаза.

— Мне нечего прощать.

— Посмотри на меня, Давид.

Я закрыл альбом и выполнил ее просьбу.

— Это неправда, — сказала она. — Я все понимала. Всегда понимала, но считала, что не имею права.

— Почему?

— Потому что наши жизни нам не принадлежат. Ни моего отца, ни моя, ни твоя...

— Все принадлежит Видалю, — с горечью сказал я.

Кристина неторопливо взяла меня за руку и медленно поднесла ее к губам.

— Только не сегодня, — прошептала она.

Я знал, что потеряю ее, едва закончится эта ночь. Одиночество развеется, боль, надрывавшая сердце, утихнет. Я знал, что Кристина права не потому, что все сказанное было истиной, а потому, что в глубине души мы оба в это верили, и время ничего не изменит. Как два преступника, мы крадучись проскользнули в одну из комнат, не осмеливаясь ни зажечь свечу, ни даже заговорить. Я медленно раздел ее, лобзая кожу и осознавая, что делаю это в последний раз. Кристина отдавалась неистово, самозабвенно, и

когда усталость нас одолела, она беззвучно заснула в моих объятиях. Слова были не нужны. Я боролся со сном, наслаждаясь теплом ее тела, и думал, что, если завтра смерть захочет повидаться со мной, я встречу ее со спокойным сердцем. Я ласкал Кристину в темноте и слушал, как за стенами затихает гроза, удаляясь от города. Я осознавал, что потеряю ее, но на короткий миг мы принадлежали друг другу, и больше никому.

Я открыл глаза, когда первые лучи солнца коснулись окон, и обнаружил, что постель опустела. Я выскочил в коридор и поспешил в галерею. Кристина оставила альбом и забрала роман Видаля. Я обошел дом, где уже пахло ее отсутствием, и погасил по очереди свечи, которые зажег накануне.

17

Девять недель спустя я стоял у дома номер 17 на площади Каталонии, в котором два года назад книжный магазин «Каталония» гостеприимно распахнул двери, и ошалело созерцал витрину, показавшуюся мне необъятной. Вся она была заполнена экземплярами романа под названием «Дом из пепла» Педро Видаля. Я улыбнулся про себя. Мой наставник использовал даже название, предложенное мною давным-давно, когда я излагал ему сюжет романа. Я решился войти и попросил одну книгу. Открыв ее наугад, я стал перечитывать строки, которые помнил наизусть, ибо закончил шлифовать текст всего пару месяцев назад. Я не нашел в романе ни одного не написанного мною слова, кроме посвящения: «Кристине Сагниер, без которой...»

Я возвратил книгу, но продавец порекомендовал мне подумать еще раз.

— Мы получили ее дня два назад, и я уже прочитал от корки до корки, — добавил он. — Великий роман. Сделайте мне одолжение, возьмите книгу. Я знаю, что ее превозносят до небес во всех газетах, а это всегда служит плохим признаком, но в данном случае исключение подтверждает правило. Если вам не понравится, принесете ее назад, и я верну деньги.

— Спасибо, — поблагодарил я за совет, но главным образом за хороший отзыв. — Но я тоже уже ее прочитал.

— Тогда, быть может, предложить вам что-то другое?

— У вас нет романа, который называется «Шаги с неба»?

Книготорговец задумался на мгновение.

— Ее написал Мартин, да? Автор «Города...»?

Я кивнул.

— Я заказывал эту книгу, но издательство пока не прислало товар. Позвольте, я уточню.

Я последовал за ним к прилавку, где он совещался со своим коллегой. Тот отрицательно покачал головой.

— Мы должны были получить роман вчера, но издатель сказал, что его нет в наличии. Сожалею. Если хотите, я отложу для вас экземпляр, когда книга поступит...

— Не стоит беспокоиться. Я как-нибудь загляну к вам. И спасибо.

— Мне очень жаль, кабальеро. Не понимаю, что стряслось, поскольку честное слово, роман уже должен был лежать на прилавке...

Покинув магазин, я направился к газетному киоску в начале бульвара Рамбла. Там я скупил все дневные выпуски, начиная от «Вангвардии» до «Голоса индустрии». Я сел за столик в кафе «Каналетас» и занялся изучением прессы. Отзывы на роман, написанный для Видаля, были опубликованы во всех изданиях — на страницу, под жирными заголовками и с портретом дон Педро. На фотографии Видаля представал задумчивым и загадочным, в шикарном новом костюме и с трубкой, которую курил с рассчитанной небрежностью. Я читал заголовки, а также первый и последний абзац рецензий.

Первая же статья, попавшаяся мне на глаза, начиналась словами: «„Дом из пепла“ — зрелое, яркое произведение, отличающееся большой глубиной. Оно является примером того лучшего, что может предложить современная литература». Другое издание сообщало читателям, «что в Испании никто не пишет лучше Педро Видаля, нашего самого уважаемого и признанного романиста». В третьей газете говорилось, что это «серьезный роман, подлинный шедевр непревзойденного мастера». Четвертый ежедневный листок трубил о большом международном успехе Видаля и его романа: «Европа отдает должное мастеру», — хотя роман вышел в Испании всего два дня назад и в переводе появится за рубежом не раньше чем через год. Газета вздохнула распространялась о том, какое огромное признание и уважение снискало имя Видаля среди «маститых международных критиков». Правда, насколько мне известно, его книги никогда не переводились на другие языки, за исключением одного романа. Этот перевод на французский профинансировал сам дон Педро, и из всего тиража было продано ровно 126 экземпляров. Но, чудеса в сторону, пресса единодушно сходилась во мнении, что «родился классик» и роман знаменовал собой «возвращение одного из великих, золотого пера нашего времени: Видаля — бесспорный мастер».

На последних страницах каждой из этих газет нашлось место (очень скромное, в один или два столбца) для критики на роман какого-то Давида Мартина. Самая снисходительная из рецензий начиналась так: «„Шаги с неба“ новичка Давида Мартина, дебютная работа весьма вульгарного толка, с первых страниц демонстрирует скудные возможности и отсутствие таланта автора». В другом обзоре высказывалось суждение, что «начинающий писатель Мартин пытается безуспешно подражать маэстро Видалю». Последнее, что мне удалось осилить, напечатали в «Голосе индустрии». Отзыв начинался без затей выделенным полужирным шрифтом абзацем следующего содержания: «Давид Мартин, безвестный автор и составитель рекламных объявлений, удивил нас романом, который станет, возможно, худшим литературным дебютом года».

Я оставил на столике газеты и заказанный кофе и двинулся вниз по бульвару Рамбла к конторе Барридо и Эскобильяса. По пути я миновал четыре или пять книжных лавок. Везде красовалось бессчетное количество экземпляров романа Видаля, и нигде я не нашел ни одной своей книги. Во всех магазинах повторялась та же история, что и в «Каталонии»:

— Видите ли, я не понимаю, как это вышло, поскольку мне должны были доставить ее позавчера, но издатель говорит, что тираж закончился, и он не знает, когда напечатает новый. Если вы скажете мне свою фамилию и номер телефона, я сообщу вам, когда получу... А вы спрашивали в «Каталонии»? Ну уж если у них нет...

Компаньоны приняли меня с похоронным видом и нелюбезно. Барридо сидел за столом, поигрывая авторучкой, Эскобильяс, стоя у него за спиной, сверлил меня взглядом. Отрава плотоядно облизывалась, пристроившись на стуле рядом со мной.

— Не могу выразить, насколько я сожалею, любезный Мартин, — говорил Барридо. — Проблема заключается в следующем: книготорговцы делают заказы, руководствуясь критикой, опубликованной в газетах, — не спрашивайте почему. Если вы заглянете на склад тут неподалеку, то убедитесь, что тираж вашего романа в три тысячи экземпляров лежит у нас мертвым грузом.

— Со всеми вытекающими затратами и убытками, — добавил Эскобильяс, не скрывая враждебности.

— Я заходил на склад, прежде чем прийти сюда, и обнаружил всего триста экземпляров. Заведующий сказал мне, что столько и было напечатано.

— Ложь! — вознегодовал Эскобильяс.

Барридо остановил его примирительным жестом.

— Извините моего компаньона, Мартин. Поймите, что мы возмущены не меньше, а может, даже больше вас гнусными выступлениями местной прессы против книги, в которую все в нашем издательстве буквально влюбились. Но прошу согласиться, что, несмотря на нашу глубочайшую веру в ваш талант, в настоящем случае мы связаны по рукам и ногам общественным мнением, введенным в заблуждение неблагоприятными отзывами прессы. Но не отчаивайтесь, Рим ведь не сразу строился. Мы прилагаем все силы, чтобы ваше произведение заняло то место, которое заслуживает своими литературными достоинствами и высочайшей...

— С тиражом в три сотни экземпляров.

Барридо тяжело вздохнул, уязвленный моим недоверием.

— Тираж составляет пятьсот штук, — уточнил Эскобильяс. — Двести вчера лично забрали Барсело и Семпере. Остальное будет внесено в заявочный лист, поскольку никто не горит желанием вешать себе на шею ярмо, накапливая новинки. Если бы вы взяли на себя труд задуматься о наших проблемах, а не вели себя как эгоист, вы бы прекрасно все поняли.

Я в изумлении взирал на эту троицу.

— Только не говорите, что больше ничего не собираетесь предпринять.

Барридо горестно посмотрел на меня.

— А что, по-вашему, мы должны делать, друг мой? Мы костыми ложимся ради вас. Помогите и вы нам немного.

— Если бы вы написали хотя бы такую книгу, как ваш приятель Видаль, — заметил Эскобильяс.

— Вот это роман так роман, — согласился Барридо. — Даже «Голос индустрии» его хвалит.

— Я знал, что именно так все и кончится, — продолжал Эскобильяс. — Вы неблагодарный человек.

Отрава, сидевшая сбоку, смотрела на меня с выражением крайнего огорчения. Мне почудилось, будто она хочет взять меня за руку, чтобы утешить, и я поспешно отодвинулся. Барридо сиял масляной улыбкой.

— Может, оно и к лучшему, Мартин. Может, Господь в своей бесконечной мудрости подает вам знак, что нужно вернуться к работе, доставлявшей столько удовольствия читателям «Города проклятых».

Я захохотал. Барридо присоединился, и как по команде с нами вместе засмеялись Эскобильяс и Отрава. Я взглянул на стаю скалящихся гиен и сказал себе, что в других обстоятельствах эта сцена показалась бы мне не лишенной иронии.

— Мне по душе ваш оптимизм, — заявил Барридо. — И что? Когда мы получим следующий роман из серии Игнатиуса Б. Самсона?

Троица выжидательно уставилась на меня. Я откашлялся, чтобы голос звучал четко и ясно, и широко улыбнулся:

— Идите в задницу.

Покинув издательство, я много часов подряд бесцельно бродил по улицам Барселоны. Я чувствовал, что мне трудно дышать и что-то давит на грудь. Холодный пот покрывал лоб и ладони. Ближе к ночи, не зная уже, куда спрятаться, я пустился в обратный путь к своему дому. Когда я проходил мимо книжного магазина «Семпере и сыновья», то обратил внимание, что букинист заполнил витрину экземплярами моего романа. Было поздно, и магазин закрылся, но в зале еще горел свет. Я собирался прибавить шаг, но Семпере уже заметил меня и улыбнулся с такой печалью, какой мне никогда не доводилось видеть на его лице за долгие годы знакомства. Он подошел к двери и открыл ее.

— Зайдите на минутку, Мартин.

— В другой раз, сеньор Семпере.

— Сделайте одолжение.

Он взял меня за локоть и втянул внутрь магазина. Я проследовал за ним в подсобное помещение, и там он усадил меня. Он налил в два бокала нечто, что казалось гуще смолы, и жестом велел выпить напиток залпом. Свой бокал он тоже осушил до дна.

— Я полистал книгу Видаля, — сказал он.

— Триумф сезона, — обронил я.

— Он знает, что роман написали вы?

Я пожал плечами:

— Какая разница?

Семпере посмотрел на меня таким же взглядом, каким когда-то смотрел на восьмилетнего мальчика, явившегося к нему в дом в синяках и с выбитыми зубами.

— Вы хорошо себя чувствуете, Мартин?

— Превосходно.

Семпере едва заметно покачал головой, встал и взял что-то с одной из полок. Я увидел, что он держит в руках мой роман. Букинист с улыбкой протянул мне книгу и ручку:

— Не откажите в любезности, подпишите.

Едва я закончил писать посвящение, как Семпере забрал у меня книгу

и торжественно поместил ее на почетную витрину за прилавком, где хранились драгоценные первые издания, не подлежавшие продаже. Это была личная сокровищница Семпере.

— Вы вовсе не обязаны это делать, сеньор Семпере, — пробормотал я.

— Я это делаю потому, что таково мое желание, и повод более чем достойный. Книга — часть вашей души, и, если уж на то пошло, моей тоже. Я поставлю ее между «Отцом Горио» и «Воспитанием чувств».^[24]

— Это святотатство.

— Глупости. Это одна из лучших книг, проданных мною за последние десять лет, а я продал их множество, — сказал мне старик Семпере.

Лестные слова Семпере едва поколебали ледяное непроницаемое безразличие, постепенно охватившее меня. Я не спеша прогулялся до своего жилища. Вернувшись в дом с башней, я налил на кухне стакан воды, и когда пил ее в темноте, меня разобрал смех.

На следующее утро мне нанесли два светских визита. Первым явился Пеп, новый шофер Видаля. Он привез приглашение от своего хозяина на обед в ресторан «Maison Doree». Несомненно, речь шла о праздничном пиршестве, обещанном мне некоторое время назад. Пеп точно одеревенел, и ему явно не терпелось поскорее разделаться с поручением. Непринужденность, отличавшая прежде его манеру обращения со мной, испарилась бесследно. Он не захотел войти и предпочел подождать на лестнице. Пеп протянул записку Видаля, избегая смотреть мне в лицо, и, как только я пообещал явиться на свидание, ушел не попрощавшись.

Со вторым визитом спустя полчаса к моему очагу пожаловали оба моих издателя в сопровождении угрюмого на вид господина, в котором я опознал их адвоката. Траурно-воинственное настроение гротескной троицы не оставляло сомнений относительно цели их посещения. Я пригласил их в галерею, где они уселись рядышком на диван по росту в порядке убывания — слева направо.

— Что-нибудь выпьете? Рюмочку цианистого калия?

Я не ожидал улыбок и не получил их. После краткой преамбулы в исполнении Барридо по поводу колоссальных убытков, которыми грозит издательству провал «Шагов с неба», слово взял адвокат, лаконично обрисовавший состояние дел. Он сказал открытым текстом: если я не вернусь к работе в своем воплощении Игнатиуса Б. Самсона и не представлю через полтора месяца рукопись «Города проклятых», мне предъявят иск за нарушение условий контракта, нанесение ущерба и убытков и еще по пяти или шести пунктам, которые я проглядел, не

придавая им до сих пор должного значения. Однако имелись и хорошие новости. Барридо и Эскобильяс, хотя и были уязвлены моим поведением, нашли в себе силы проявить чудеса щедрости, дабы сгладить все шероховатости и вновь заключить взаимовыгодный союз о дружбе и сотрудничестве.

— Если желаете, можете приобрести по льготной цене в размере семидесяти процентов от продажной остаток тиража «Шагов с неба». Мы вынуждены констатировать, что на роман нет спроса и нет смысла включать его в заявочный лист, — пояснил Эскобильяс.

— Почему бы вам не вернуть мне авторские права? В сущности, вам они не стоили ни гроша, и вы не рассчитываете продать ни одного экземпляра.

— Мы не можем так поступить, друг мой, — возразил Барридо. — Хотя никакого аванса вам не платили, тем не менее издание потребовало весьма значительных вложений со стороны фирмы. Контракт вы подписали на срок двадцать лет, и он автоматически продлевается на тех же условиях в случае, если издательство пожелает реализовать свои законные права. Поймите, пожалуйста, что мы тоже должны что-то получать. Нельзя же заботиться только об авторе.

По завершении его выступления я предложил трем сеньорам на выбор: убраться самостоятельно или быть вытолканными взащей. Прежде чем дверь захлопнулась у них перед носом, Эскобильяс соизволил наградить меня своим фирменным злобным взглядом.

— Мы ждем ответа в течение недели, или вам конец, — процедил он сквозь зубы.

— Через неделю вы и ваш идиот компаньон будете покойниками, — хладнокровно ответил я, плохо понимая, что заставило меня это сказать.

Вторую половину утра я провел, созерцая стены, пока колокола церкви Санта-Мария не напомнили мне, что пора собираться на встречу с доном Педро Видалем.

Видадь ждал меня, заняв лучший столик в зале. В руках он нежил бокал белого вина и слушал пианиста, который наигрывал пьесу Энрике Гранадоса^[25] бархатными пальцами. Увидев меня, Видадь встал и радушно протянул руку.

— Поздравляю, — сказал я.

Видадь невозмутимо улыбался, дожидаясь, пока я усядусь, и только потом сел сам. Последовала минутная пауза, заполненная звуками музыки, а также взглядами персон из высшего общества, которые приветствовали Видаля издали или же подходили к столику, чтобы поздравить его с

успехом, о котором только и говорили в городе.

— Давид, ты не представляешь, насколько я сожалею о том, что произошло, — начал он.

— Не сожалейте, лучше наслаждайтесь.

— Думаешь, это так много значит для меня? Лесть горстки неудачников? Я мечтал о твоём триумфе.

— Простите, что вновь разочаровал вас, дон Педро.

Видадь вздохнул.

— Давид, я не виноват, что на тебя открыли сезон охоты. Ты не просишь, ты требуешь во весь голос. Ты уже большой мальчик и должен понимать, как делаются такие вещи.

— Просветите меня.

Видадь прищелкнул языком, словно мое простодушие оскорбляло его в лучших чувствах.

— А чего ты ожидал? Ты не член стаи. И никогда не станешь. Ты не хотел быть как все и думаешь, тебя простят. Ты замкнулся в своей башне и полагаешь, что выживешь, не присоединившись к общему хору, и сойдешь за своего. Ты ошибаешься, Давид. Всегда ошибался. Игра идет другая. А если хочешь сыграть по своим правилам, пакуй чемоданы и уезжай куда-нибудь, где ты сможешь стать хозяином судьбы, если такое место найдется. Но если останешься здесь, следует присоединиться к общине, какой бы она ни была. Все очень просто.

— Вы следуете этому принципу, дон Педро? Не выделяться в общине?

— А мне это не нужно, Давид. Я их кормлю. Чего ты тоже никогда не понимал.

— Вы бы удивились, узнав, как быстро я постигаю науку. Но не беспокойтесь, поскольку все эти рецензии не имеют равным счетом никакого значения. Так или иначе, завтра никто о них и не вспомнит: ни о ваших хвалебных, ни о моих разгромных.

— Тогда в чем проблема?

— Пусть все идет своим чередом.

— Эти два сукиных сына? Барридо со своим стервятником?

— Забудьте, дон Педро. Как вы сказали, я сам кругом виноват. Больше никто.

Возник *maitre*^[26] с вопрошающим выражением в глазах. Я в меню не заглядывал и даже не собирался.

— Как обычно, на двоих, — распорядился дон Педро.

Maitre с поклоном удалился. Видадь посмотрел на меня точно на хищного зверя, посаженного в клетку.

— Кристина не смогла прийти, — проронил он. — Я принес вот это, чтобы ты ей надписал.

Он положил на стол экземпляр «Шагов с неба», обернутый в пурпурную бумагу с печатью магазина «Семпере и сыновья», и подтолкнул ко мне. Я не прикоснулся к книге. Видадь побелел. Яростная стычка и ее оборонительный характер заставили трубить отбой. Теперь настала пора сделать выпад.

— Скажите мне без промедления что должны сказать, дон Педро. Я не кусаюсь.

Видадь осушил бокал вина.

— Мне хотелось бы сказать тебе две вещи. И они тебе не понравятся.

— Я начинаю привыкать к дурным новостям.

— Первая касается твоего отца.

Я почувствовал, как ядовитая ухмылка растворяется у меня на губах.

— Я хотел признаться тебе в течение многих лет, но мне казалось, что правда не принесет добра. Ты решишь, будто я молчал из трусости, но я клянусь, клянусь чем угодно, что...

— Что? — перебил я его.

Видадь вздохнул.

— В ту ночь, когда умер твой отец...

— Когда его убили, — поправил я холодно.

— Произошла ошибка. Твоего отца убили по ошибке.

Я тупо смотрел, не понимая, что он силится сказать.

— Тем людям был нужен не он. Они обознались.

Я вспомнил глаза наемных убийц, вынырнувших из тумана, запах пороха и темную кровь отца, струившуюся меж моих пальцев.

— Они хотели убить меня, — сказал Видадь едва слышно. — Старинный компаньон моего отца узнал, что мы с его женой...

Я зажмурился, прислушиваясь к глухому рокочущему смеху, рождавшемуся в груди. Моего отца изрешетили пулями из-за любовной интрижки великого Педро Видаля.

— Скажи что-нибудь, пожалуйста, — взмолился Видадь.

Я открыл глаза.

— А какую вторую вещь вы собирались мне сказать?

Я никогда прежде не видел Видаля испуганным. Зрелище было в самый раз.

— Я попросил Кристину выйти за меня замуж.

Повисло молчание.

— Она согласилась.

Видадь потупился. Официант принес закуски и накрыл на стол, пожелав *Bon appetit*.^[27] Видадь не смел смотреть в мою сторону. Закуски остывали на блюде. Помешкав немного, я взял томик «Шагов с неба» и ушел.

В тот день, оставив за спиной ресторан «Maison Doree», я вдруг обнаружил, что иду вниз по бульвару Рамбла с романом «Шаги с неба» под мышкой. У меня задрожали руки, когда я приблизился к углу, откуда начиналась улица Кармен. Я остановился у витрины ювелирного магазина «Багес», притворившись, будто разглядываю золотые медальоны в форме виньеток и цветов, усыпанных рубинами. На расстоянии нескольких метров от того места вздымался пышный барочный фасад магазина «Эль Индио», который со стороны больше напоминал ярмарку чудес и диковин, а не обычную текстильную лавку. Я приблизился к зданию и вошел в вестибюль, предварявший входную дверь. Я знал, что она не узнает меня, и, возможно, я сам ее не узнаю, однако простоял там неподвижно минут пять, прежде чем отважился переступить порог. И когда я все-таки вошел в зал, мое сердце колотилось как бешеное, а руки вспотели.

Стены были уставлены стеллажами, ломившимися от рулонов разнообразнейших материй. Продавцы, вооруженные сантиметровыми лентами и портновскими ножницами, прикрепленными к поясу, демонстрировали на столах благородным дамам с эскортом служанок и закройщиц дорогие ткани так, словно показывали все сокровища мира.

— Вам помочь, сеньор?

Продавец был мужчиной дородным, с голосом как из бочки. Фланелевый костюм сидел на нем так плотно, что казалось, будто он в любой момент может лопнуть, разлетевшись по торговому залу вихрем шерстяных обрывков. На меня он смотрел снисходительно, с натянутой неприязненной улыбкой.

— Нет, — пробормотал я.

И тут я ее увидел. Моя мать спустилась с лестницы с охапкой лоскутов. Она была в белой кофточке, и я узнал ее сразу. Фигура матери немного расплылась, а на лице, густо накрашенном, оставили легкий след усталость, скука и разочарование. Раздраженный продавец продолжал что-то мне втолковывать, но я едва его слышал. Не отрываясь я смотрел, как она приближается и проходит мимо. На миг наши взгляды встретились, и она, заметив, что я за ней наблюдаю, заученно улыбнулась, как улыбаются клиенту или начальнику, а затем пошла дальше по своим делам. У меня перехватило горло, так что я с трудом нашел в себе силы разлепить губы,

чтобы утихомирить приказчика, и едва успел ретироваться, чтобы скрыть наворачнувшиеся на глаза слезы. Выбравшись из здания, я пересек дорогу и направился в кафе. Сев за столик у окна, откуда были хорошо видны двери «Эль Индио», я приготовился ждать.

Примерно через полтора часа из магазина вышел продавец, занимавшийся мною, и опустил решетку, закрывая вход. Вскоре начал гаснуть свет, магазин стали покидать служащие. Я встал и вышел на улицу. Неподалеку от двери сидел парнишка лет десяти и глазел на меня. Я поманил его. Он подошел, и я показал ему монету. Мальчик заулыбался во весь щербатый рот.

— Видишь сверток? Я хочу, чтобы ты передал его даме, которая скоро появится. Скажешь, что это подарок от сеньора, но не говори, что от меня. Понял?

Паренек кивнул. Я вручил ему деньги и книгу.

— Давай теперь подождем.

Долго караулить не пришлось. Она показалась через три минуты и двинулась в сторону бульвара Рамбла.

— Вот эта сеньора. Видишь?

Мать на мгновение остановилась у портала церкви Богоматери Вифлеемской, и я махнул парнишке, чтобы он поспешил к ней. Я наблюдал за сценкой на расстоянии и не мог слышать слов. Ребенок протянул ей сверток, и она взглянула на него с удивлением, явно сомневаясь, брать или нет. Паренек не отступал, и она взяла сверток, глядя вслед убежавшему мальчишке. Она растерянно посмотрела по сторонам в поисках ответа на немой вопрос, прикинула вес посылки, заинтересованно изучила пурпурную обертку. Потом любопытство одержало верх, и она вскрыла пакет.

Я с трепетом наблюдал, как она разворачивает книгу. Она взяла ее обеими руками, посмотрела на титульный лист, перевернула томик и скользнула взглядом по обороту обложки. У меня перехватило дыхание. Мне хотелось подойти к ней и сказать что-нибудь, но я не смог. Я словно прирос к месту, стоя в нескольких метрах от матери, и с жадностью ловил каждый ее жест, а она даже и не догадывалась о моем присутствии. С романом в руках она возобновила путь в сторону памятника Колумбу. Проходя мимо дворца вице-королевы, мать сделала шаг к урне и выбросила книгу. Она удалялась по бульвару Рамбла, а я смотрел ей в спину, пока она не затерялась в толпе, исчезнув, словно никогда ее тут и не было.

Папаша Семпере сидел один в своей лавке, подклеивая разорванный и отвалившийся корешок романа «Фортуната и Хасинта».^[28] Невзначай подняв голову, он увидел за дверью меня. Ему хватило пары секунд, чтобы понять, в каком я нахожусь состоянии. Он махнул мне, приглашая зайти. Как только я очутился в магазине, Семпере подвинул мне стул.

— У вас ужасный вид, Мартин. Вам срочно нужно к врачу. Если вы боитесь, я схожу с вами. Лично меня лекари тоже нервируют со своими белыми халатами, шприцами и скальпелями, но иногда можно и в ящик сыграть.

— Это всего лишь головная боль, сеньор Семпере. Она уже проходит. Семпере налил мне стакан воды «Виши».

— Выпейте. Лечит все, кроме глупости, которая принимает характер пандемии.

Я через силу улыбнулся шутке Семпере. Выпив воды, я сделал глубокий вдох. К горлу подступала рвота, и за левым глазом разлилась давящая, пульсирующая боль. В какой-то миг мне почудилось, что я сейчас потеряю сознание. Я закрыл глаза и часто задышал, моля Господа, чтобы он не позволил мне отдать концы прямо там, в лавке. Судьба не могла обладать настолько извращенным чувством юмора, чтобы, приведя меня к порогу Семпере, в благодарность за все, что он для меня сделал, в качестве вознаграждения преподнести ему мой труп. Я почувствовал, как на лоб мне легла рука. Семпере. Я открыл глаза и обнаружил букиниста вместе с сыном. Тот вошел в комнату и смотрел на меня с похоронным выражением на лице.

— Вызвать врача? — спросил сын Семпере.

— Мне уже лучше, спасибо. Намного лучше.

— У вас своеобразная манера приходить в себя. От нее волосы встают дыбом. Вы весь серый.

— Можно еще глоток воды?

Сын Семпере поспешно наполнил стакан.

— Прошу прощения за спектакль, — сказал я. — Честное слово, я его не репетировал.

— Не говорите чепухи.

— Может, вам нужно съесть что-то сладкое? Наверное, у вас понизился уровень сахара... — предположил Семпере-сын.

— Сходи в пекарню на углу и принеси каких-нибудь сладостей, —

распорядился книготорговец.

Когда мы остались вдвоем, Семпере впился в меня взглядом.

— Клянусь, я схожу к врачу, — пообещал я.

Через пару минут вернулся сын букиниста с бумажным пакетом с самой свежей выпечкой из местной булочной. Он протянул мне пакет, и я выбрал бриошь — лакомство, которое в иное время соблазнило бы меня не больше, чем зад хористки.

— Ешьте, — велел Семпере.

Я послушно сжевал бриошь. Постепенно я действительно почувствовал себя лучше.

— Как будто оживает, — заметил молодой человек.

— Чего только не вылечат булочки из угловой пекарни...

Прозвенел дверной колокольчик. В магазин зашел покупатель, и, с разрешения отца, Семпере-сын покинул нас, чтобы его обслужить. Букинист не отходил от меня ни на шаг и пытался сосчитать пульс, надавив указательным пальцем на запястье.

— Сеньор Семпере, помните, много лет назад, вы сказали, что, если мне однажды понадобится спасти книгу, спасти по-настоящему, я должен обратиться к вам.

Семпере скользнул взглядом по книге, которую я вызволил из урны, куда ее выкинула моя мать, и все еще держал в руках.

— Дайте мне пять минут.

Уже смеркалось, когда мы спустились вниз по бульвару Рамбла, лавируя в толпе праздного народа, вышедшего погулять теплым влажным вечером. Ощущалось слабое дуновение ветерка, и все окна и двери балконов были открыты настежь, из них выглядывали люди, наблюдая за дефиле силуэтов под небом, отсвечивающим янтарем. Семпере шел споро и не сбавлял шага, пока перед нами не замаячила тенистая аркада в начале улицы Арк-дель-Театре. Прежде чем свернуть в проход, он строго посмотрел на меня и торжественно сказал:

— Мартин, о том, что вы сейчас увидите, нельзя рассказывать никому, даже Видалю. Ни одной живой душе.

Я кивнул, заинтригованный серьезным выражением лица и таинственностью букиниста. Я последовал за Семпере по узкому переулку, напоминавшему скорее каменистую тропу между темными ветхими зданиями. Они клонились к земле, как каменные ивы, застилая линию горизонта, окаймлявшую плоские крыши. Вскоре мы приблизились к деревянному portalу, будто запечатывавшему древнюю базилику, которая,

казалось, не меньше столетия простояла на дне болота. Семпере взошел по ступеням к portalу и, взяв бронзовый дверной молоток — кованую фигурку улыбающегося чертенка, — трижды постучал. Затем он вновь спустился вниз и стал ждать вместе со мною.

— О том, что вы сейчас увидите, нельзя рассказывать...

— ...никому. Даже Видалю. Ни одной живой душе.

Семпере важно кивнул. Мы прождали минуты две. Потом раздался звук, словно сотня замков сработала одновременно. Портал приоткрылся с протяжным стоном, и показалась голова человека средних лет, с жидкими волосами, ястребиными чертами лица и пронзительным взглядом.

— Нас было мало, но родился Семпере, чтобы жизнь медом не показалась, — язвительно бросил он. — Кого вы притащили сегодня? Еще одного графомана из тех, кто не в состоянии жениться, так как предпочитает жить с мамочкой?

Семпере не обратил внимания на колкое приветствие.

— Мартин, это Исаак Монфорт, хранитель этого места, добрейшей души человек. Выполняйте все, что он скажет. Исаак, это Давид Мартин, писатель и мой близкий друг, кому я полностью доверяю.

Исаак без особого воодушевления смерил меня придирчивым взглядом с ног до головы и покосился на Семпере.

— Писателю никогда нельзя полностью доверять. Послушайте, Семпере объяснил вам правила?

— Он предупредил только, что нельзя никому рассказывать о том, что я увижу.

— Это первое и самое главное условие. Если вы его нарушите, я лично сверну вам шею. Уловили основную идею?

— На сто процентов.

— Тогда входите, — сказал Исаак, жестом приглашая войти.

— Я попрощаюсь теперь, Мартин. Оставляю вас вдвоем. Тут безопасно.

Я понял, что Семпере подразумевает книгу, а не мою персону. Он крепко обнял меня и затерялся в ночи. Я переступил порог, Исаак потянул за рычаг с внутренней стороны портала. Тысяча механизмов, объединенных в единую систему рельсов и блоков, запечатала вход. Исаак взял с пола свечу и поднес к моему лицу.

— У вас больной вид, — вынес вердикт он.

— Отравление.

— Чем?

— Реальностью.

— Следуйте за мной, — сухо сказал он.

Мы шли длинным коридором, по бокам которого под покровом полумрака угадывались фрески и широкие мраморные лестницы. Мы углублялись в недра дворцового сооружения, и вскоре впереди обозначились размытые очертания входа в помещение, показавшегося мне чем-то вроде гигантского зала.

— Что вы принесли? — спросил Исаак.

— «Шаги с неба». Роман.

— Пошрое, претенциозное название. Надеюсь, это не ваша вещь?

— Увы, моя.

Исаак вздохнул, слегка покачав головой.

— А еще что-нибудь вы написали?

— «Город проклятых», с первого по двадцать седьмой том, помимо всего прочего.

Исаак повернул голову и радостно улыбнулся:

— Игнатиус Б. Самсон?

— Который покоится с миром и весь к вашим услугам.

Таинственный хранитель остановился и поставил светильник на перила балюстрады, опоясывавшей зал под высоким сводом. Я поднял глаза и онемел. Колоссальный лабиринт мостиков, переходов и тянувшихся ввысь стеллажей, заполненных сотнями тысяч книг, представлял собой библиотеку необъятных размеров. Хаотическая сеть тоннелей прорезала фантастическую конструкцию, восходившую спиралью к огромному стеклянному куполу, сквозь который просачивались свет и тень, пологом ниспадавшие вниз. Я разглядел одинокие фигуры, двигавшиеся по мосткам и лестницам, и силуэты людей, изучавших проходы собора, возведенного из книг и слов. Я не мог поверить своим глазам и, ошеломленный, повернулся к Исааку Монфорту. Он ухмыльнулся, как старый лис, проделавший свой излюбленный фокус.

— Игнатиус Б. Самсон, добро пожаловать на Кладбище забытых книг.

Вслед за хранителем я спустился в цоколь главного нефа, являвшегося частью лабиринта. Пол, по которому мы ступали, точно заплатами был испещрен могильными плитами и мемориальными досками с эпитафиями, крестами и образами, растворенными в камне. Хранитель замедлил шаг и посветил газовым фонарем на отдельные фрагменты этой зловещей

мозаики, чтобы удовлетворить мое любопытство.

— Остатки древнего некрополя, — пояснил он. — Но пусть это не наводит вас на игривые мысли, не вздумайте свалиться замертво прямо здесь.

Мы дошли до площадки перед центральной конструкцией из стеллажей и полок, служившей, по-видимому, входом в лабиринт. Исаак бегло ознакомил меня со сводом правил и обязанностей, периодически прожигая пронзительным взглядом, в ответ на который я кротко кивал.

— Пункт первый: тот, кто приходит сюда в первый раз, имеет право выбрать из хранилища любую книгу, какую пожелает. Пункт второй: когда книга выбрана, то человек берет ее под свое покровительство и обязан оберегать ее и прилагать все усилия, чтобы она никогда не потерялась. Пожизненно. Вопросы есть?

Я возвел глаза на бесконечный лабиринт стеллажей.

— Как выбрать одну-единственную книгу среди бесконечного множества?

Исаак пожал плечами.

— Некоторые думают, будто книга сама выбирает себе... судьбу, если так можно выразиться. То, что вы здесь видите, — веками пополнявшееся собрание забытых и потерянных книг, книг, осужденных на уничтожение и вечное забвение. Эти книги вобрали память и душу времен и чудес, давно всеми позабытых. Никто из нас, даже самые старые, не помнят, когда и кем было создано хранилище. Вероятно, оно столь же древнее, как и сам город, и растет вместе с ним, под его сенью. Нам известно, что здание было возведено из руин дворцов, церквей, тюрем и больниц, некогда, возможно, существовавших на этом месте. Начало главной конструкции восходит к началу восемнадцатого столетия, и с тех пор она непрестанно меняет облик. В прежние времена Кладбище забытых книг таилось под катакомбами средневекового города. Кое-кто утверждает, что в эпоху разгула инквизиции ученые и просто свободомыслящие люди прятали запрещенные книги в саркофагах и предавали погребению в оссуариях^[29] по всему городу, дабы уберечь их, уповая на то, что грядущие поколения сумеют их откопать. В середине прошлого века был обнаружен длинный подземный ход, соединявший недра лабиринта с подвалами старинной библиотеки. Ныне она опечатана и сокрыта в руинах древней синагоги в квартале Аль-Каль. Когда снесли последние крепостные стены города, начались оползни, и потайной ход затопило водой из подземного источника, который с незапамятных времен протекает там, где теперь расположен бульвар Рамбла. В настоящее время им не пользуются, однако

мы предполагаем, что тоннель довольно долго служил одним из главных проходов к тайному хранилищу. Большая часть лабиринта, что у вас перед глазами, относится к девятнадцатому веку. Об этом месте знают не больше сотни человек в городе, и я надеюсь, что Семпере не совершил ошибки, сделав вас одним из нас...

Я энергично замотал головой, но Исаак взирал на меня с недоверием.

— Пункт третий: вы можете похоронить свою книгу где хотите.

— А если я заблужусь?

— Дополнительная статья, моего собственного изобретения: постарайтесь не заблудиться.

— А кто-нибудь когда-нибудь терялся?

Исаак коротко вздохнул.

— Много лет назад, когда я только начинал работать здесь, ходили слухи о Дарио Альберти Цимермане. Полагаю, Семпере вам о них, конечно, не обмолвился...

— Цимерман? Историк?

— Нет, дрессировщик тюленей. Скольких Дарио Альберти Цимерманов вы знаете? Дело в том, что зимой 1889 года Цимерман ушел в глубь лабиринта и пропал на целую неделю. Его нашли забившимся в один из проходов, полумертвого от страха. Он возвел вокруг себя баррикаду из нескольких рядов священных текстов, чтобы отвести глаза.

— Кому?

Исаак смерил меня долгим взглядом.

— Черному человеку. Уверены, что Семпере вам об этом не рассказывал?

— Убежден.

Исаак понизил голос и завел речь доверительным тоном:

— Некоторые члены нашей общины издавна, хотя и не часто, встречали в коридорах лабиринта черного человека. И все описывали его по-разному. Кое-кто даже заявлял, что вступал с ним в беседу. Одно время поговаривали, будто черный человек — дух проклятого писателя, которого предал один из членов сообщества, взяв отсюда одну из его книг и не сдержав положенного обещания. Книга потерялась навсегда, и покойный автор вечно бродит по коридорам, желая отомстить. Ну, понимаете, история в духе Генри Джеймса,^[30] которые так нравятся публике.

— Неужели вы этому верите?

— Нет, конечно. Я поклонник другой теории. Выдвинутой Цимерманом.

— И она состоит в том...

— Что черный человек — патрон сего места, родоначальник тайного и запретного знания, учености и памяти, тот, кто дарует свет озарения сказителям и писателям с незапамятных времен... Он наш ангел-хранитель, ангел лжи и ночи.

— Вы меня разыгрываете.

— В каждом лабиринте обитает свой Минотавр, — промолвил хранитель. Исаак загадочно улыбнулся и указал на вход в лабиринт. — Выбор за вами.

Я ступил на мостик, который вел к одному из проходов. Постепенно я углубился в коридор из книг, описывавший восходящую дугу. В конце дуги коридор разветвлялся на четыре рукава и образовывал небольшой круг, откуда вырастала винтовая лестница, терявшаяся в вышине. Я поднимался по лестницам, пока не добрался до площадки, где начинались три коридора. Я рискнул, выбрав тот, который, по моему мнению, вел в сердце конструкции. Я шел, скользя кончиками пальцев по корешкам десятков и десятков книг. Я всем существом вбирал запах и свет, пробивавшийся сквозь узкие щели и ореолом окружавший стеклянные фонари, привинченные к деревянным стеллажам, развеивая призраков и тени. Так я брел без цели минут тридцать и в результате очутился в некоем замкнутом пространстве, похожем на комнату, где стояли стол и стул. Стены были сложены из книг и казались сплошными, за исключением крохотной расселины, наводившей на мысль, что кто-то унес с полки один том. Я решил, что тут роман «Шаги с неба» обретет новый дом. Я в последний раз посмотрел на титульный лист и перечитал первые строчки. Я представил себе миг (если судьбе будет угодно), который наступит через много лет после того, как меня постигнут смерть и забвение, когда неведомый человек повторит мой путь и придет в эту комнату, чтобы найти безвестную книгу, в которую я вложил душу. Я поставил ее на полку. Меня охватило странное ощущение, будто это я сам остался на стеллаже. И тут я почувствовал, что за спиной у меня кто-то есть. Я повернулся и встретился лицом к лицу с черным человеком, смотревшим мне прямо в глаза.

В первый момент я не узнал собственного взгляда в зеркале — одном из вереницы матово поблескивавших зеркал, тянувшейся вдоль коридоров лабиринта. В зеркале отражались мое лицо и кожа, но глаза были чужими. Тревожные, темные, до краев наполненные злобой. Я отвел взгляд и

почувствовал, что меня снова одолевает тошнота. Я присел на стул у стола и сделал глубокий вдох. Мне пришло в голову, что даже доктора Триаса, наверное, позабавило бы, что жилец, поселившийся у меня в мозгу, или новообразование, как он предпочитал выражаться, случайно нанесет мне удар милосердия в подобном месте, почтив меня честью сделаться первым постоянным гражданином Кладбища забытых романистов. Тем литератором, кто будет погребен вместе со своим последним и жалким творением, собственноручно уложенным автором в могилу. Меня найдут спустя десять месяцев или десять лет, а может, не найдут никогда. Яркий финал, достойный «Города проклятых».

Меня разобрал горький смех, и он, наверное, спас меня, поскольку сознание немного прояснилось. По крайней мере я вновь стал отдавать себе отчет, где нахожусь и с какой целью пришел сюда. Я собирался встать, как вдруг увидел его — неказистый томик с потемневшей обложкой и стершимся названием на корешке. Он лежал на стопке из четырех книг, сложенной на краю стола. Я взял его в руки. Книга была переплетена в пергамент или, во всяком случае, какую-то кожу, выделанную и вычерненную скорее прикосновениями рук, чем красителем. Буквы заглавия, выведенные чем-то вроде туши, расплылись, но на четвертой странице название читалось отчетливо:

Lux Aeterna^[31]
D. M.

Инициалы, совпадавшие с моими, видимо, принадлежали автору, но в книге не нашлось больше ни одного свидетельства, подтверждавшего предположение. Я бегло просмотрел несколько страниц и выделил не меньше пяти языков, чередовавшихся в тексте: испанский, немецкий, латынь, французский и древнееврейский. Я наугад прочел один абзац. Отрывок имел сходство с молитвой, хотя, если я ничего не напутал, в традиционной литургии она не звучала. И потому меня заинтересовал необычный требник или сборник плегарий.^[32] Текст был размечен цифрами и разбит на строфы с выделенными вступлениями, обозначавшими скорее всего новый эпизод или тему. Чем внимательнее я вчитывался, тем больше убеждался, что содержание живо напоминает мне уроки евангелия и катехизиса в школе.

Я легко мог выйти из комнаты, образованной стеллажами, выбрать

любую другую книгу среди сотен тысяч и покинуть это странное место, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Мне даже казалось, что я так и поступил, пока не осознал, что иду обратно по тоннелям и коридорам лабиринта с этой книгой в руках: она, как паразит, словно въелась в кожу. На секунду мне почудилось, что книге хочется распрощаться с этим местом намного сильнее, чем мне, и она каким-то образом руководит мною, указывая путь. Изрядно покружив и пару раз продефилировав мимо одного и того же экземпляра четвертого тома собраний сочинений Ле Фаню, ^[33] сам не понимая как, я очутился у винтовой лестницы, спускавшейся вниз, и оттуда без труда нашел дорогу к выходу из лабиринта. Я полагал, что Исаак дожидается меня на пороге, но хранителя нигде не было видно, хотя меня не покидало ощущение, будто кто-то наблюдает за мной из темноты. Под высоченным куполом Кладбища забытых книг стояла мертвая тишина.

— Исаак? — позвал я.

Эхо моего голоса поглотила темнота. Напрасно прождав несколько минут, я двинулся к выходу. Голубоватое сумеречное сияние, сочившееся сквозь стеклянный свод, постепенно тускнело, и под конец меня окружила полная тьма. Сделав еще десяток шагов, я различил свет, мерцавший в дальнем конце галереи, и вскоре убедился, что хранитель оставил для меня фонарь у подножия портала. Я обернулся в последний раз, попытавшись проникнуть взглядом сквозь черноту, заполнявшую галерею, а затем потянул за рукоять, приводившую в действие систему рельсов и блоков. Анкеры механизма один за другим выскользнули из пазов, и дверь приоткрылась на пару сантиметров. Я толкнул ее, расширив щель ровно настолько, чтобы протиснуться, и вышел на волю. Дверь тотчас стала закрываться и вновь запечаталась с гулким стуком.

По мере того как я удалялся от Кладбища забытых книг, его магия ослабевала, и на меня снова накатили тошнота и боль. Дважды я падал ничком. Один раз это произошло на бульваре Рамбла, а во второй — при попытке перейти улицу Виа-Лайетана. Мне помог подняться мальчик, буквально вытащив из-под колес трамвая. С огромным трудом я добрался до дверей своего жилища. Дом простоял запертым весь день, и влажная жара, пропитанная нездоровыми миазмами, ежедневно душившая город, волнами пыльного марева заполняла комнаты. Я поднялся в кабинет в башне и распахнул окна настежь. Слабое дуновение ветра едва ощущалось

под небом, обложенным темными тучами, медленно кружившими над Барселоной. Я положил книгу на письменный стол, сказав себе, что, наверное, у меня еще хватит времени внимательно ее изучить. А может, и нет. Возможно, мое время истекло. Мало что вообще теперь имело значение.

Я едва держался на ногах, мне нужно было лечь и отдохнуть в темноте. Я выудил из ящика флакон с пилюлями кодеина и проглотил в один присест три или четыре штуки. Сунув пузырек в карман, я заковылял вниз по лестнице, не испытывая ни малейшей уверенности, что сумею дотащиться до спальни без увечий. Кое-как спустившись в коридор, я обратил внимание, что полоска света под входной дверью помаргивала, словно за нею на лестнице кто-то стоял. Хватаясь за стены, я медленно добрал до двери.

— Кто там? — спросил я.

В ответ не донеслось ни звука. Поколебавшись мгновение, я открыл дверь и выглянул на лестничную площадку. Ступени спиралью спускались во дворик, теряясь в клубящейся мгле. На лестнице никого не оказалось. Я обратился лицом к двери и только тогда обнаружил, что мигает фонарь, освещавший площадку. Я вернулся в дом и закрыл замок на ключ — то, что раньше частенько забывал сделать. И тогда я его увидел — конверт кремового цвета с зубчатым краем. Кто-то подsunул мне его под дверь. Чтобы поднять конверт, мне пришлось опуститься на колени. Сделанный из очень плотной шершавой бумаги, он был запечатан сургучом. И на нем стояло мое имя. На гербе, оттиснутом на сургуче, угадывалась фигура ангела с распростертыми крыльями. Я вскрыл конверт.

Уважаемый сеньор Мартин,

я намерен провести несколько дней в Вашем городе, и мне доставило бы огромное удовольствие, воспользовавшись удобным случаем, встретиться с Вами и, возможно, вернуться к обсуждению условий моего делового предложения. Если Вы не связаны предварительными договоренностями, мне было бы весьма приятно пригласить Вас на ужин в будущую пятницу, 13 числа, в десять вечера на маленькую виллу, снятую мною на время пребывания в Барселоне. Дом расположен на пересечении улиц Олот и Сан-Хосе-де-Монтанья, рядом с главным входом в парк Гуэль. Надеюсь и верю, что Вам представится возможность принять приглашение.

Искренне Ваш,

Андреас Корелли.

Я уронил письмо на пол и побрел в галерею. И там я растянулся на диване под покровом темноты. До назначенного свидания оставалось семь дней. Я усмехнулся про себя. Я не верил, что проживу эти семь дней. Закрыв глаза, я попытался заснуть. Шум в ушах, постоянно меня донимавший, стал оглушающим. С каждым ударом сердца в голове вспыхивала слепящая боль.

«Вам даже в голову не придет писать».

Я снова открыл глаза и вгляделся в синеватый сумрак, окутывавший галерею. На столике рядом со мной до сих пор лежал старый альбом с фотографиями, оставленный Кристиной. У меня не хватало мужества не только выбросить ее альбом, но даже прикоснуться к нему. Протянув руку, я открыл книжицу и перелистывал страницы, пока не нашел снимок, который искал. Я вытащил карточку из альбома и стал смотреть на нее. Маленькая девочка, Кристина, шла за руку с незнакомцем по пристани, вдающейся в море. Я прижал фотографию к груди и сдался на волю усталости. Постепенно горечь и ярость последнего дня и всех прошлых лет притупились, и меня обволокла жаркая темнота, наполненная голосами и множеством рук, простиравшихся ко мне в ожидании. Я страстно желал раствориться в ней, как не желал ничего другого в своей жизни, но что-то во мне взорвалось, и вспышка света и пронзительной боли вырвала меня из отрадного сна, обещавшего длиться вечность.

«Еще рано, — шепнул чей-то голос, — еще рано».

Наверное, прошло несколько дней, поскольку время от времени я просыпался и мне казалось, будто сквозь створчатые окна проникает солнечный свет. Порой мне чудились стук в дверь и голоса, звавшие меня по имени, но вскоре они умолкали. Через несколько часов — или дней — я встал, вымыл руки и лицо, обнаружив кровь на губах. Не знаю, действительно ли я вышел на улицу или мне это только приснилось, но вдруг выяснилось, что я шагаю по бульвару Борн к церкви Санта-Мария-дель-Мар. Улицы были пустынными под ртутной луной. Я поднял голову и увидел, как призрак бури расправляет черные крылья над городом. Белая молния распоролa полотнище небосвода, и завеса, сотканная из дождевых капель, обрушилась на землю лавиной хрустальных кинжалов. За миг до того как первая капля дождя коснулась поверхности, время остановилось, и сотни тысяч солнечных слезинок повисли в воздухе, точно песчинки пыли. Я знал, что за мной по пятам следует некто или нечто, и ощущал на затылке

холодное дыхание, пропитанное смрадом разложившейся плоти и пожара. Я чувствовал, как длинные костлявые пальцы тянутся ко мне, почти дотрагиваясь до кожи, и в то же мгновение, заслоня застывшую в воздухе дождевую взвесь, появилась девочка, существующая лишь на фотографии, которую я сохранил на груди. Она взяла меня за руку и потянула, увлекая обратно, к дому с башней, оттеснив леденящий дух, клубившийся у меня за спиной. Когда сознание вернулось ко мне, прошло семь дней.

Наступила пятница, 13 июля.

Педро Видаль и Кристина Сагниер в тот день поженились. Венчание состоялось в пять часов в часовне монастыря Педральбес, и на церемонию явилась ничтожная горстка членов клана Видаль. Самые почтенные представители семейства, включая отца жениха, не удостоили ее присутствием. Злые языки, если бы таковые нашлись, могли бы утверждать, что неожиданное решение наследного принца сочетаться браком с дочерью шофера подействовало на ревнителей династии как ушат холодной воды. Но они там не присутствовали. Вступив в заговор молчания, хроникеры светской жизни тактично нашли другие горячие темы для обсуждения, и на страницы газет не просочилось ни слова об этом событии. Журналистов в часовне не оказалось, и некому было рассказать о том, что на паперти собрался цветник из бывших возлюбленных дона Педро и они молча обливались слезами, напоминая сообщество увядших вдов, потерявших последнюю надежду. Некому было поведать о том, что в руках Кристина держала охапку белых роз и ее платье оттенка слоновой кости сливалось по цвету с мраморной кожей, так что казалось, будто невеста шла нагой к алтарю, не надев ничего, кроме белой вуали, закрывавшей лицо. А в янтарном небе над шпилем колокольни вихрем кружились облака.

Некому было припомнить, как невеста вышла из машины и, задержавшись на мгновение, смотрела на площадь перед церковным порталом, пока взгляд ее не упал на умирающего человека с трясущимися руками, неслышно шептавшего слова, которые он унесет с собой в могилу:

— Будьте вы прокляты. Будьте вы прокляты оба.

Два часа спустя, сидя в кресле в кабинете, я открыл шкатулку,

перешедшую в мою собственность много лет назад, где лежала единственная вещь, оставшаяся у меня от отца. Я вынул револьвер, завернутый в сукно. Открыв барабан, я вставил в гнезда шесть патронов и вновь его закрыл. Я приставил дуло к виску, чуть надавил на спусковой крючок и зажмурился. И в этот миг шквальный ветер внезапно обрушился на башню, окна кабинета распахнулись настежь, створки с силой ударились о стену. Ледяной ветер обласкал мое лицо и повеял духом утраченных больших надежд.

Такси на малой скорости ползло вверх по косоугору, подбираясь к границам предместья Грасия, двигаясь в сторону одинокого и мрачноватого массива парка Гуэль. Склон был усеян россыпью особняков, знававших лучшие времена. Их крыши и стены проглядывали сквозь зелень роции, колыхавшейся на ветру, как темные волны. На вершине холма я различил широкие ворота ограды. Три года назад, после смерти Гауди, наследники графа Гуэля продали мэрии по дешевке этот уединенный и пустынный парк, где никогда не было других обитателей, кроме самого архитектора. Забытый и заброшенный, сад колонн и башенок напоминал ныне проклятый рай. Я попросил водителя остановиться у решетки ворот и заплатил за проезд.

— Вы уверены сеньор, что хотите выйти здесь? — спросил шофер, усомнившись в моем рассудке. — Если желаете, я могу подождать вас немного...

— В этом нет необходимости.

Урчание такси затихло у подножия горы, и я остался наедине с ветром, завывавшим в кронах деревьев. Из парка к ограде ветер гнал сухие листья, и они водоворотом кружились вокруг моих ног. Я приблизился к воротам, стянутым проржавевшими цепями, и сквозь решетку заглянул внутрь. Лунный свет омывал контуры фигуры мозаичного дракона на нижней площадке парадной лестницы. Черная тень с глазами, поблескивавшими, как жемчуг под толщей воды, лениво скользнула по ступеням. Это была большая черная собака. Животное остановилось у подножия лестницы, и только тогда я заметил, что пес не один. Еще два зверя молча наблюдали за мной из-за ограды. Одна собака подкрадывалась ко мне, прячась в тени, падавшей от домика привратника справа от ворот. Другой пес, самый крупный из трех, вскочил на стену и с карниза следил за мной с близкого

расстояния. Сквозь оскаленные клыки струился пар его дыхания. Я медленно отступил, глядя животному прямо в глаза и не смея повернуться спиной. Шаг за шагом я отступил на противоположную сторону тротуара. На стену запрыгнула вторая собака и теперь настороженно провожала меня взглядом. Я пошарил ногой по земле в поисках палки или камня, которые могли бы послужить оружием защиты, если псы решат прыгнуть вниз и наброситься на меня, но мне попадались только сухие листья. Я знал, что, стоит мне отвести глаза и обратиться в бегство, животные погонятся за мной. Не успею я пробежать и двух десятков метров, как они повалят меня и растерзают. Третий пес, тот самый, которого я заметил первым, выступавший, похоже, манком, начал карабкаться на верхнюю кромку стены, собираясь присоединиться к двум другим. Ну вот и все, подумал я.

В этот миг за спиной у меня вспыхнул свет, и занявшееся сияние осветило оскаленные морды трех псов. Собаки остановились как вкопанные. Я оглянулся через плечо и увидел темный фасад, возвышавшийся в полусотне метров от входа в парк. В окнах горел свет, и это было единственное освещенное здание на холме. Один из псов с глухим рычанием удрал в глубь парка. Спустя мгновение две другие собаки убежали следом.

Без долгих раздумий я направился к дому. Как и описывал Корелли в приглашении, он находился на пересечении улиц Олот и Сан-Хосе-де-Монтанья. Узкое угловатое трехэтажное строение, похожее на башню и увенчанное мансардой, несло караульную службу над городом и призрачным парком у подножия.

Дом стоял на возвышении, к его дверям вели широкие лестницы. Из больших окон струилось золотистое сияние. Когда я поднимался по каменным ступеням, мне показалось, будто я различил на балюстраде второго этажа очертания человеческой фигуры. Она застыла неподвижно, точно паук, распластавшийся в паутине. Ступив на площадку лестницы, я остановился перевести дух. Входная дверь была приоткрыта, и полоса света простиралась от порога к моим ногам. Я медленно подошел к входу и замер в проеме. Из дома тянуло запахом увядших цветов. Я постучал в дверь согнутыми пальцами и слегка толкнул ее внутрь. Моему взору открылась прихожая и длинный коридор, терявшийся в глубине дома. Из недр доносился глухой повторявшийся стук, будто хлопала на ветру створка окна. Этот звук напоминал биение сердца. Я вошел в прихожую и сделал пару шагов вперед. Слева я увидел лестницу в башню, и мне послышались наверху, на последних ее ступенях, шаги, легкие, как поступь ребенка.

— Добрый вечер! — окликнул я.

Не успело эхо моего голоса затихнуть в коридоре, как ритмичное постукивание, раздававшееся где-то в доме, прекратилось. Я оказался в полной тишине, и поток ледяного воздуха коснулся лица.

— Сеньор Корелли? Это Мартин. Давид Мартин...

Не получив ответа, я осмелился пройти дальше по коридору, который вел во внутренние покои. На стенах во множестве висели фотографические портреты разной величины, оправленные в рамки. Судя по манере позировать и туалетам людей, запечатленных на фотографиях, большинство снимков насчитывало лет двадцать-тридцать, не меньше. Под каждой рамкой имелась табличка, где были указаны имя изображенного персонажа и год, когда сделали портрет. Я принялся рассматривать лица, смотревшие на меня из прошлых времен. Дети и старики, дамы и кавалеры. Их роднило выражение глаз: в них угадывалась тень печали и читалась немая мольба. Все смотрели в камеру с таким отчаянием, что кровь стыла в жилах.

— Интересуетесь фотографией, любезный Мартин? — раздался голос рядом со мной.

Я, вздрогнув, повернулся. Андреас Корелли рассматривал фотографии вместе со мной с улыбкой, исполненной меланхолии. Я не слышал и не видел, как он подошел. Когда он мне улыбнулся, меня пробрал озноб.

— Я думал, вы не придете.

— Я тоже.

— Тогда позвольте предложить вам бокал вина, и мы выпьем за наши заблуждения.

Я проследовал за ним в большую гостиную с широкими окнами, обращенными на город. Корелли предложил мне кресло и налил в бокалы вино из бутылки, стоявшей на столе. Он протянул мне бокал и уселся в кресло напротив.

Я пригубил вино, оказавшееся превосходным. Я выпил его почти что залпом и вскоре почувствовал, как согревающее тепло, пролившееся по пищеводу, успокаивает мои нервы. Корелли вдыхал аромат вина и наблюдал за мной со спокойной дружелюбной улыбкой.

— Вы были правы, — сказал я.

— Как всегда, — отозвался Корелли. — Обыкновенно так и случается, что редко приносит мне хоть какое-то удовлетворение. Иногда мне кажется, что наибольшую радость мне могло бы доставить лишь подтверждение моей ошибки.

— Это легко устроить. Спросите меня, как это происходит. Я всегда ошибаюсь.

— Нет, вы не ошибаетесь. По-моему, вы видите вещи почти так же ясно, как и я, и это также не приносит вам никакого удовлетворения.

Я слушал его и думал, что в настоящий момент единственное, что могло бы принести мне некоторое удовлетворение, — это если бы весь мир сгорел и я тоже сгинул бы вместе с ним. Корелли, словно прочитав мои мысли, широко улыбнулся и кивнул:

— Могу вам помочь, друг мой.

Неожиданно для себя я отвел глаза, уклоняясь от его взгляда, и сосредоточил внимание на маленькой серебряной броши в форме ангела, приколотой к его лацкану.

— Красивая брошь, — сказал я, указав на вещицу.

— Семейная реликвия, — отозвался Корелли.

Я решил, что мы довольно наговорили банальностей и любезностей — хватит до конца вечера.

— Сеньор Корелли, зачем я здесь?

Глаза Корелли полыхнули тем же оттенком красного вина, что тягуче колыхалось у него в бокале.

— Все очень просто. Вы находитесь тут потому, что наконец поняли: ваше место — здесь. Вы находитесь тут потому, что около года назад я сделал вам предложение. Предложение, которое в тот момент вы не были готовы принять. Но вы о нем не забыли. Я же здесь нахожусь потому, что по-прежнему считаю вас тем человеком, кто мне нужен. Следовательно, я предпочел выждать двенадцать месяцев, прежде чем утратить к вам интерес.

— Вы сделали предложение, не уточнив условия, — заметил я.

— В сущности, я излагал вам только условия.

— Сто тысяч франков за один год работы на вас. И за этот год я должен написать книгу.

— Именно так. Многие подумали бы, что это и есть самое главное. Но только не вы.

— Вы сказали, что когда объясните, какого рода книгу вы хотите, чтобы я для вас написал, я бы взялся за работу даже бесплатно.

— У вас хорошая память.

— У меня прекрасная память, сеньор Корелли, вот только не помню, чтобы я видел, читал или слышал хотя бы об одной книге, изданной вами.

— Сомневаетесь в моей платежеспособности?

Я покачал головой, пытаюсь скрыть жажду и вожделение, терзавшие меня изнутри. Чем большее равнодушие я демонстрировал, тем соблазнительнее мне представлялись обещания издателя.

— Я всего лишь заинтригован вашими мотивами, — подчеркнул я.

— Как и должно быть.

— В любом случае напоминаю, что я связан эксклюзивным контрактом на следующие пять лет с Барридо и Эскобильясом. На днях я удостоился весьма показательного визита с их стороны в компании с довольно расторопным адвокатом. Но, полагаю, это не важно, поскольку пять лет — очень долгий срок, а временем я как раз располагаю в наименьшей степени, и это единственное, в чем я твердо уверен.

— Не беспокойтесь по поводу адвокатов. Мои не в пример расторопнее, чем те, кого наняли эти прыщи. Мои адвокаты не проигрывают дел. Предоставьте мне разобраться с юридическими проблемами и тяжбой.

Увидев, как он улыбнулся, промолвив эти слова, я подумал, что мне лучше никогда не встречаться с юридическими консультантами издательства «Люмьер».

— Охотно верю. Таким образом, остается открытым только один вопрос. Каковы условия по существу?

— Невозможно объяснить это в двух словах, поэтому лучше, если я буду говорить без обиняков.

— Сделайте одолжение.

Корелли наклонился вперед, впившись в меня взглядом.

— Мартин, я хочу, чтобы вы создали для меня религию.

Сначала я решил, что ослышался.

— Что?

Корелли продолжал сверлить меня взглядом бездонных глаз.

— Я сказал, что хочу, чтобы вы создали для меня религию.

Я долго смотрел на него, не произнося ни звука.

— Вы смеетесь надо мной?

Корелли покачал головой, смакуя вино с видимым удовольствием.

— Я хочу, чтобы вы употребили весь свой талант и на год всем существом, душой и телом, предались работе над самой грандиозной историей из тех, что выходили из-под вашего пера: над религией.

Я мог только рассмеяться, ничего иного мне попросту не оставалось.

— Вы совершенный безумец. В этом и состоит ваше предложение? Вы хотите, чтобы я написал такую книгу?

Корелли серьезно кивнул.

— Вы выбрали не того писателя. Я ничего не знаю о религии.

— Из-за этого не волнуйтесь. Я знаю. Мне нужен не теолог. Мне нужен рассказчик. Известно ли вам, что такое религия, любезнейший

Мартин?

— Смутно припоминаю Господа Нашего.

— Красивая, складно сложенная песнь. Но оставим поэзию. Религия, в сущности, это некий нравственный кодекс, оформленный в виде легенд, мифов или любого другого литературного произведения, с тем чтобы закрепить систему верований, ценностей и этических норм, регулирующих жизнедеятельность культуры или общества.

— Аминь, — подал голос я.

— Как во всякой литературе или символическом послании, степень воздействия произведения на умы и чувства зависит от формы, а не от содержания, — продолжал Корелли.

— Вы пытаетесь сказать, что любая доктрина суть прежде всего сказка.

— Все сказка, Мартин. То, во что мы верим, о чем знаем, помним, и даже то, о чем мы мечтаем. Все есть сказка, повествование, последовательность событий и персонажей, которые передают эмоциональную составляющую. Акт веры — это акт приятия, приятие истории, рассказанной нам. Мы можем признать истиной только то, что может быть облечено в форму рассказа. Не говорите мне, что вам это не приходило в голову.

— Нет.

— Неужели вы не испытываете искушения сочинить историю, во имя которой люди будут готовы жить и умирать, во имя которой они найдут в себе силы убить и быть убитыми, пожертвовать собой, принять муки и отдать душу? Существует ли большой вызов и соблазн для человека вашего призвания, чем создать историю настолько великолепную, что она выйдет за рамки вымысла, превратившись в откровение истины?

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга.

— Думаю, вы знаете, каков мой ответ, — сказал я наконец.

Корелли улыбнулся.

— Я знаю. А вот вы, как мне кажется, пока еще не знаете.

— Спасибо за приятное общество, сеньор Корелли. А также за вино и беседу. Весьма провокационную. Тому, на кого вы положили глаз, надо держать ухо востро. Я желаю вам найти своего автора и чтобы пасквиль удался на славу.

Я встал и собрался уходить.

— Вас где-то ждут, Мартин?

Я не ответил, но остановился.

— Вас не сжигает ярость при мысли, что вы могли бы иметь так

много, чтобы жить в благополучии и достатке, ни в чем себе не отказывая? — бросил Корелли мне в спину. — Вас не охватывает ярость, когда все это вырывают у вас из рук?

Я медленно повернулся.

— Что значит один год работы перед лицом возможности осуществить все, что душа пожелает? Что такое год работы в сравнении с обещанием долгой жизни среди изобилия?

«Ничего, — помимо воли ответил я про себя. — Ничего».

— И это все, что вы можете пообещать?

— Назначьте свою цену. Вы хотели бы поджечь весь мир и сгореть с ним? Давайте сделаем это вместе. Вы устанавливаете цену. Я готов дать вам то, чего вы больше всего хотите.

— Я не знаю, чего я хочу больше всего.

— А я думаю, знаете.

Издатель усмехнулся и подмигнул мне. Он поднялся и шагнул к бюро, на котором стояла лампа. Открыв верхний ящик, он извлек пергаментный конверт и протянул его мне. Я не взял. Он положил конверт на стол, разделявший нас, и вновь сел, не сказав ни слова. Конверт был открыт, позволяя догадываться о содержимом: пачки банкнот по сто франков. Целое состояние.

— Вы держите столько денег в ящике и оставляете дверь незапертой? — Я не скрыл удивления.

— Можете пересчитать. Если сумма покажется вам недостаточной, назовите желаемую цифру. Я уже говорил, что не собираюсь с вами торговаться.

Я довольно долго смотрел на эту грудку денег и наконец покачал головой. Я их по крайней мере один раз увидел. Они были настоящими. Соблазнительное предложение, игра на моем тщеславии, проливавшие бальзам на душу в момент глубочайшего несчастья и отчаяния, — все это мне не приснилось.

— Я не могу их взять, — сказал я.

— Считаете, что это грязные деньги?

— Все деньги грязные. Будь они чистыми, никто бы к ним не стремился. Но дело совсем не в этом.

— То есть?

— Я не могу их взять, поскольку не могу принять ваше предложение. Не мог бы, даже если бы хотел.

Корелли обдумал мой ответ.

— Позвольте узнать почему?

— Потому что я умираю, сеньор Корелли. Потому что мне осталось жить считанные недели, а может, и дни. Потому что мне больше нечего предложить.

Корелли опустил глаза и погрузился в продолжительное молчание. Я слышал, как ветер стучался в окна и кружил вокруг дома.

— И не говорите, что вы этого не знали, — добавил я.

— Я чувствовал.

Корелли сидел в кресле, не глядя на меня.

— На свете есть другие писатели, которые охотно напишут для вас такую книгу, сеньор Корелли. И я благодарен вам за предложение. Намного больше, чем вам кажется. Спокойной ночи.

Я направился к выходу.

— Допустим, я мог бы помочь вам победить болезнь, — сказал он.

Я замер посреди коридора и обернулся. Корелли стоял в двух шагах от меня и смотрел в упор. Мне показалось, что он стал выше ростом, чем был, когда я встретил его в коридоре этим вечером, и его глаза сделались больше и темнее. Я мог увидеть собственное отражение в его зрачках, уменьшавшееся по мере того, как они расширялись.

— Вас пугает мой вид, друг мой Мартин?

Я проглотил слюну.

— Да, — признался я.

— Прошу вас, вернитесь в гостиную и сядьте. Позвольте, я еще кое-что вам объясню. Что вы потеряете?

— Наверное, ничего.

Он мягко коснулся моей руки. У него были длинные бледные пальцы.

— Вам нечего бояться меня, Мартин. Я ваш друг.

Его прикосновение внушило ощущение покоя. Я позволил вновь увести себя в гостиную и послушно сел, точно ребенок, ожидающий, что скажет взрослый человек. Корелли опустился на колени рядом с креслом и посмотрел мне в глаза. Взяв меня за руку, он крепко сжал ее.

— Вы хотите жить?

Я хотел ответить, но не нашел слов. Я почувствовал, как у меня судорогой сжало горло, а глаза наполняются слезами. До сего момента я не отдавал себе отчета, как страстно жаждал по-прежнему дышать, открывать глаза каждое утро и выходить на улицу, чтобы ступать по камням мостовой и видеть небо. Но больше всего мне хотелось сохранить память.

Я кивнул.

— Я помогу вам, друг мой Мартин. И прошу только, чтобы вы доверились мне. Примите мое предложение. Позвольте помочь вам.

Позвольте дать то, чего вы желаете больше всего на свете. Я обещаю это.

Я снова кивнул:

— Я согласен.

Корелли улыбнулся и, наклонившись, поцеловал в щеку. Его губы были холоднее льда.

— Вы и я, друг мой, вместе способны совершать великие дела. Вот увидите, — прошептал он.

Он одолжил мне платок вытереть слезы. Я сделал это, не чувствуя ни тени смущения от того, что плакал на глазах у чужого человека. Такого со мной не случилось с тех пор, как умер отец.

— Вы измучены, Мартин. Оставайтесь ночевать. В этом доме хватает комнат. Уверяю вас, что завтра вы почувствуете себя намного лучше и сможете судить о вещах более здраво.

Я пожал плечами, хорошо, впрочем, понимая, что Корелли прав. Я едва держался на ногах и хотел только одного — крепко заснуть. Я не испытывал ни малейшего желания расставаться с этим креслом, самым удобным и гостеприимным из всемирной истории кресел.

— Если вы не против, я предпочел бы остаться в кресле.

— Конечно. Вам необходим отдых. Скоро вам станет лучше. Даю слово.

Корелли подошел к бюро и погасил газовую лампу. Гостиная погрузилась в голубоватую тень. У меня слипались глаза, состояние эйфории туманило голову, но в полузабытьи я видел, как силуэт Корелли пересекает гостиную и растворяется в сумраке. Я закрыл глаза и слушал шорох ветра за окном.

Мне снилось, что дом медленно тонет. Сначала мелкие темные слезы проступили вдоль швов между каменными плитами, оросили стены, лепнину на потолке, потекли по круглым поверхностям ламп, из замочных скважин. Холодная тягучая влага, точно крупные капли ртути, сочилась невыразимо медленно. Постепенно она покрыла ровным слоем пол и стала подниматься по стенам. А затем я почувствовал, что вода заливает мне ноги и продолжает стремительно прибывать. Я сидел в кресле и наблюдал, как уровень воды подбирается к моему подбородку. Вскоре он достиг потолка. Я поплыл и сумел различить бледные светящиеся тени, кружащиеся в толще воды за окном. Это были люди, тоже затянутые в сумеречный

водоворот. Они дрейфовали, увлекаемые течением, и простирали ко мне руки, но я ничем не мог им помочь, и вода бесследно уносила их прочь. Вокруг меня косяком бумажных рыб сновали в воде сто тысяч франков Корелли. Я переплыл гостиную и приблизился к закрытой двери в конце помещения. Тонкий луч света пробивался сквозь замочную скважину. Я открыл дверь и увидел, что она ведет к лестнице, которая спускается в недра подвала. И я поплыл вниз.

У подножия лестницы начинался овальный зал. В его центре, собравшись в круг, стояли люди. Заметив мое присутствие, они повернулись, и я увидел фигуры, облаченные в белое, в масках и перчатках. Над конструкцией, походившей на операционный стол, горели яркие белые лампы. Человек, лицо которого было просто смазанным пятном, лишенным черт и глаз, раскладывал предметы на подносе с хирургическими инструментами. Одна из фигур поманила меня, приглашая подойти. Я подчинился и тотчас ощутил, как меня подхватывают за плечи и туловище и укладывают на стол. Свет слепил глаза, но я ухитрился разглядеть, что меня окружали совершенно одинаковые люди с лицом доктора Триаса. Я молча посмеялся. Один из врачей держал в руках шприц и ловко воткнул мне иглу в шею. Я не почувствовал укола, лишь теплая волна прошла по телу, и все его члены охватило приятное онемение. Два доктора закрепили мою голову в фиксирующем приспособлении и начали прилаживать венец, состоявший из плоского обруча на винтах. Руки и ноги мне перехватили ремнями. Я не сопротивлялся. Когда мое тело от макушки до пят было обездвижено, один из докторов протянул ланцет своему близнецу, и тот склонился надо мной. Кто-то схватил меня за руку и не отпускал. Это оказался ребенок, мальчик, смотревший на меня с нежностью. У него было точно такое же лицо, как у меня в день, когда убили отца.

Тускло блеснуло лезвие скальпеля, опускавшееся сквозь слой темной воды, и я почувствовал, как сталь рассекла мне лоб. Боли не было. Я лишь ощутил, что из раны истекает нечто, и увидел черное облако, выплывавшее из раны и растворявшееся в воде. Кровь в воде походила на дым и поднималась к горящим лампам клубящимися кольцами, принимавшими самую причудливую форму. Я перевел взгляд на мальчика. Он улыбнулся мне и крепче сжал руку. И тогда я уловил странное движение. Нечто зашевелилось во мне. Нечто, что до последнего момента изо всех сил словно клещами цеплялось за мой мозг. И я почувствовал, как неведомое «нечто» покидает насиженное место, причем ощущение было такое, будто колючку, впившуюся в плоть до самой кости, тянут щипцами. Я запаниковал и попытался встать, но парализованное тело не слушалось.

Мальчик пристально смотрел на меня и кивал. Я не сомневался, что вот-вот исчезну вовсе или проснусь, но вдруг увидел это. Я увидел отражение на поверхности прожекторов над операционным столом. Из раны на лбу показались черные щупальца и поползли по коже. А потом появился черный паук размером с кулак. Он пробежал по моему лицу, но, прежде чем он успел прыгнуть со стола, один из хирургов пронзил тварь скальпелем и поднес к свету, чтобы я лучше разглядел его. Паук, освещенный прожектором, сучил лапами и сочился кровью. Белое пятно на его спине напоминало расправленные крылья. Ангел. Вскоре лапы бессильно повисли, и, соскользнув с ланцета, его тело безжизненно заколыхалось в воде. Мальчик протянул руку, желая потрогать тварь, и она рассыпалась в прах. Врачи развязали мои путы и ослабили тиски, сжимавшие голову. С помощью врачей я сел на ложе и потрогал рукой лоб. Разрез заживал. Повернувшись и посмотрев по сторонам, я обнаружил, что остался в одиночестве.

Лампы, освещавшие операционный стол, погасли, и зал окутали сумерки. Я вернулся к лестнице и поднялся по ступеням, вновь очутившись в гостиной. Первые лучи солнца пробивались сквозь толщу воды, поймав в ловушку мириады мельчайших частиц взбаламученной взвеси. Я устал. Устал так, как не уставал ни разу в жизни. С трудом добравшись до кресла, я рухнул без сил. Мое тело постепенно расслабилось, и наконец наступил покой. Расположившись на отдых в кресле, я увидел, что вода забурлила у потолка. Наверху образовалась тонкая воздушная подушка, и я понял, что уровень воды понижается. Вода, густая и поблескивающая, как желатин, кипящими струями вытекала сквозь щели в окнах, словно дом превратился в подводную лодку, всплывающую на поверхность. Я свернулся в кресле, наслаждаясь ощущением невесомости и покоя, с которым не хотелось расставаться никогда. Я закрыл глаза, прислушиваясь к журчанию воды вокруг. Приподняв веки, в полудреме я видел дождь, неторопливо капающий с потолка, как капали бы слезы, умеющие замедлять полет. Я устал, смертельно устал и мечтал только крепко заснуть.

Я проснулся в разгар солнечного жаркого дня. Яркий свет золотистой пылью сочился из окон. Сто тысяч франков по-прежнему лежали на столе, и это первое, что бросилось мне в глаза. Встав с кресла, я подошел к окну, раздвинул шторы, и поток ослепительного сияния хлынул в комнату. Барселона стояла на прежнем месте, подернутая рябью дымчатого марева, словно мираж в пустыне. Неожиданно я осознал, что непрерывный гул в ушах, обычно заглушаемый звуками дня, полностью прекратился. Я

вслушивался в тишину, незамутненную, как ключевая вода, какую, пожалуй, мне не доводилось слышать никогда. И я услышал свой смех. Я поднес руку к лицу и пощупал лоб. Давящая головная боль испарилась. Сознание было ясным, и мне казалось, будто мои пять чувств только что пробудились. Я поискал зеркало, но в гостиной его не нашлось. Я вышел, рассчитывая обнаружить ванную комнату или любое другое помещение, где могли оказаться зеркала. Я испытывал потребность удостовериться, что очнулся в собственном, а не чужом, теле и осязаемые плоть и кости действительно принадлежат мне. Все двери в доме были заперты на замок. Обследовав весь этаж, я не сумел открыть ни одной комнаты. Возвратившись в гостиную, я убедился, что приснившаяся мне ночью дверь на лестницу в подвал в реальности представляла собой картину, изображавшую ангела, пригорюнившегося на утесе над бескрайней бездной. Тогда я направился к лестнице на второй этаж, но, преодолев первый пролет, остановился. Там, куда не проникал свет, начиналось царство густого, непроницаемого мрака.

— Сеньор Корелли? — позвал я.

Мой голос канул в пространстве, словно ушел в вату, не вызвав ни эха, ни отклика. Я вернулся в гостиную и взглянул на деньги, покоившиеся на столе. Сто тысяч франков. Я взял пачку денег. Их приятная тяжесть пробуждала волнение. Купюры не обжигали рук. Я положил их в карман и повторил свой путь по коридору к выходу. Десятки лиц с портретов, как и вчера, с отчаянием и мольбой смотрели мне вслед. Мне не хотелось смотреть им в глаза, и я поспешил к двери. Но почти у самой двери я вдруг заметил среди многочисленных рамок одну пустую, без фотографии и подписи. Я почуял сладковатый, отдававший картоном запах, и он исходил от моих пальцев. Это был запах денег. Открыв парадную дверь, я вышел на дневной свет. Дверь гулко захлопнулась за спиной. Я повернулся посмотреть на дом, молчаливый и темный. Его мрачный облик совершенно не вязался с ослепительно ясным днем, голубым небом и сияющим солнцем. Взглянув на часы, я обнаружил, что уже второй час пополудни. Я проспал больше двенадцати часов кряду, скрючившись в старом кресле, однако я в жизни не чувствовал себя лучше. Я зашагал вниз по склону, возвращаясь в город со счастливым лицом и твердым убеждением, что впервые за долгое время, а может, в первый раз за всю мою жизнь, судьба улыбнулась мне.

Действие второе

Lux Aeterna

1

Я отпраздновал возвращение в мир живых, отдав дань почтения самому уважаемому храму в городе: главному отделению Испано-колониального банка на улице Фонтанелла. Увидев сто тысяч франков, директор, финансовые инспекторы и армия кассиров и бухгалтеров впали в экстаз и возвели меня на пьедестал, предназначенный для особых клиентов, внушающих преданность и обожание на грани обожествления. Покончив с положенными формальностями в банке, я решил провести другого коня Апокалипсиса и подошел к газетному киоску на площади Уркинаона. Открыв экземпляр «Голоса индустрии» на середине, я стал искать колонку происшествий, некогда бывшую моей вотчиной. В заголовках до сих пор чувствовалась опытная рука дона Басилио, и почти все подписи были мне знакомы, точно время остановилось. Шесть лет бархатной диктатуры генерала Примо де Риверы подарили городу затишье, тревожное, напоенное ядом, которое вовсе не пошло на пользу отделу криминальной хроники и трагических происшествий. В прессе почти не появлялись сообщения о бомбах и перестрелках. Барселона, внушавшая трепет «огненная роза», приобретала все большее сходство с закупоренным паровым котлом. Я собирался уже закрыть газету и отправиться дальше своей дорогой, когда увидел это сообщение. Всего лишь коротенькая заметка на последней странице хроники происшествий, напечатанная в столбце, где были выделены четыре самых впечатляющих события.

ОДИН ПОГИБШИЙ И ДВА ТЯЖЕЛОРАНЕННЫХ В НОЧНОМ ПОЖАРЕ В РАВАЛЕ

Жоан Марк Угет. Редакционные новости. Барселона

На рассвете в пятницу произошел сильный пожар в доме номер 6 на площади Ангелов, который является резиденцией

издательства «Барридо и Эскобильяс». В пожаре погиб управляющий фирмой, сеньор дон Хосе Барридо, и получил тяжелые ожоги его компаньон, сеньор дон Хосе Луис Лопес Эскобильяс, а также работник, сеньор Рамон Гусман, обгоревший при попытке оказать помощь руководителям компании. Пожарные предполагают, что причиной пожара стало возгорание химических веществ, использованных в процессе ремонта здания. В настоящий момент не исключаются и другие возможные причины, поскольку очевидцы происшествия утверждают, будто незадолго до появления пламени видели выходящего из дома мужчину. Жертвы были доставлены в городскую клиническую больницу, куда поместили труп и двух других пострадавших, которые находятся в очень тяжелом состоянии.

Я со всех ног поспешил в издательство. Запах гари начал ощущаться уже на бульваре Рамбла. Кучка любопытных соседей собралась на площади перед зданием. Белые волокна дыма поднимались от груды обломков, наваленной у входа. Я узнал нескольких сотрудников издательства, пытавшихся спасти из руин то небольшое, что уцелело. На улице громоздились обгоревшие ящики с книгами и обглоданная огнем мебель. Фасад дома почернел, стекла полопались от жара. Я протиснулся сквозь кольцо зевак и вошел внутрь. От едкого смрада у меня перехватило дыхание. Кое-кто из работников, не потерявших надежды выручить свое имущество, узнал меня и приветствовал наклоном головы.

— Сеньор Мартин... ужасное несчастье... — бормотали они.

Я пересек то, что недавно было приемной, и направился в кабинет Барридо. Пламя поглотило ковры и оставило от мебели лишь обугленные скелеты. Стена в углу обрушилась, и сквозь брешь открывался вид на задний дворик. Легкие хлопья сажи кружили по комнате. Пожар чудом пощадил один стул. Он стоял посередине кабинета, на нем, понурившись, сидела и плакала Отрава. Я опустился рядом с ней на колени. Она узнала меня и улыбнулась сквозь слезы.

— Ты в порядке? — спросил я.

Она кивнула.

— Он сказал, чтобы я шла домой, дескать, уже поздно и мне нужно отдохнуть, поскольку нам предстоит тяжелый день. Мы подводили баланс за месяц... Если бы я задержалась еще на минутку...

— Что здесь произошло, Эрминия?

— Мы работали допоздна. Где-то около полуночи сеньор Барридо сказал, чтобы я шла домой. Издатели ждали кабальеро, желавшего с ними встретиться...

— В полночь? Какой кабальеро?

— Кажется, иностранец. Речь шла о каком-то предложении, точно не знаю. Я бы охотно задержалась, но было уже поздно, и сеньор Барридо сказал мне...

— Эрминия, этот посетитель, ты помнишь, как его зовут?

Отрава отчужденно посмотрела на меня.

— Все, что я помню, я рассказала инспектору, приходившему утром. Он спрашивал о тебе.

— Инспектор? Обо мне?

— Полиция всех опрашивает.

— Ясно.

Отрава смотрела на меня пристально и недоверчиво, словно пытаясь прочесть мои мысли.

— Неизвестно, выживет ли он, — пробормотала она, имея в виду Эскобильяса. — Погибло все: архивы, контракты... всё. Издательство уничтожено.

— Мне жаль, Эрминия.

Кривая, недобрая усмешка обозначилась у нее на губах.

— Жаль? Разве не этого ты хотел?

— Как тебе такое пришло в голову?

Отрава подозрительно покосилась на меня.

— Теперь ты свободен.

Я сделал поползновение взять ее за руку, но Эрминия вскочила и отступила на шаг, будто мое присутствие внушало ей страх.

— Эрминия...

— Уходи, — сказала она.

Я оставил Эрминию среди дымящихся руин. На улице я столкнулся с компанией ребятишек, рывшихся в груды обгорелого скарба. Один из мальчишек выкопал из пепла книгу и рассматривал ее со смесью любопытства и пренебрежения. Обложка покрылась слоем копоти в пожаре, страницы обуглились по краям, но в остальном книга не пострадала. По надписи на корешке я понял, что это какой-то из романов серии «Города проклятых».

— Сеньор Мартин?

Повернувшись, я оказался лицом к лицу с тремя субъектами в костюмах казенного вида, совершенно не годивших для влажной и липкой

жары, раскалившей воздух. Тот, кто, по-видимому, был главным в этой троице, шагнул вперед с приветливой улыбкой опытного торговца. Два других типа, сложением и темпераментом походившие на гидравлический пресс, ограничились пронзительными враждебными взглядами в мою сторону.

— Сеньор Мартин, я инспектор Виктор Грандес, а это — мои коллеги, агенты Маркос и Кастело из корпуса следствия и охраны. Я хотел спросить, не будете ли вы так любезны уделить нам несколько минут.

— Конечно, — ответил я.

Имя Виктора Грандеса я впервые услышал в те далекие дни, когда вел колонку происшествий. Видаль изредка посвящал ему пару столбцов. В частности, я вспомнил заметку, где Грандес был охарактеризован как находка для корпуса, ценное приобретение, свидетельствовавшее о поступлении на службу в силы безопасности нового поколения первоклассных профессионалов, подготовленных лучше предшественников, неподкупных и крепких как сталь. Прилагательные и гиперболы употребил Видаль, не я. Я подумал, что инспектор Грандес с тех пор, должно быть, сильно продвинулся по служебной лестнице в управлении, и его появление тут подтверждало, что полиция взялась всерьез за расследование пожара в издательстве «Барридо и Эскобильяс».

— Если вы не возражаете, мы могли бы зайти в кафе, где нашему разговору не помешают, — предложил Грандес, причем его угодливая улыбочка ни на йоту не потускнела.

— Как вам угодно.

Грандес препроводил меня в небольшой бар на углу улиц Доктора Доу и Художника Фортунни. Маркос и Кастело шли сзади, не спуская с меня глаз. Грандес предложил мне папиросу. Я отказался, и он вновь спрятал пачку. Он не открывал рта, пока мы не пришли в кафе и меня не эскортировали к столику в глубине, где трое уселись, окружив меня со всех сторон. Если бы меня привели в темную и сырую тюремную камеру, обстановка и то показалась бы мне более сердечной.

— Сеньор Мартин, вы, наверное, уже знаете о том, что случилось ночью.

— Только то, о чем я прочитал в газете. И то, о чем рассказала Отрава...

— Отрава?!

— Простите. Сеньорита Эрминия Дуасо, помощница директоров.

Маркос и Кастело обменялись многозначительными взглядами. Грандес улыбнулся:

— Забавное прозвище. Скажите, сеньор Мартин, где вы были прошлой ночью?

Да здравствует наивность — вопрос застал меня врасплох.

— Это рутинный вопрос, — пояснил Грандес. — Мы пытаемся установить, где находились все лица, которые могли вступать в контакт с жертвами в последние дни. Сотрудники, поставщики, родственники, знакомые...

— Я гостил у друга.

Едва ответ сорвался с языка, я пожалел, что выбрал именно такие слова. Грандес тотчас за них уцепился.

— У друга?

— Он больше чем друг. Речь о человеке, тесно связанном с моей работой. Это издатель. Вчера вечером у меня с ним была назначена встреча.

— Вы могли бы уточнить, до которого часа вы находились в обществе этой персоны?

— Допоздна. На самом деле я в результате остался ночевать в его доме.

— Ясно. А имя человека, как вы изволили выразиться, связанного с вашей работой?

— Корелли. Андреас Корелли. Французский издатель.

Грандес записал имя в маленькую книжечку.

— Фамилия звучит как итальянская, — заметил он.

— Откровенно говоря, я точно не знаю, кто он по национальности.

— Это понятно. А сеньор Корелли, каково бы ни было его происхождение, в состоянии подтвердить, что провел вечер с вами?

Я пожал плечами:

— Полагаю, что да.

— Полагаете?

— Уверен, что да. Почему бы ему этого не сделать?

— Не знаю, сеньор Мартин. Существует какая-то причина, из-за которой вы сомневаетесь, что он не станет свидетельствовать?

— Нет.

— Тогда вопрос исчерпан.

Маркос и Кастело смотрели на меня так, словно я нес сплошную околесицу с тех пор, как мы сели за стол.

— Чтобы окончательно прояснить ситуацию, не могли вы сказать несколько слов о характере встречи, задержавшей вас на весь вечер в гостях у издателя неопределенного происхождения?

— Сеньор Корелли пригласил меня, чтобы сделать предложение.

— Предложение какого рода?
— Профессионального.
— Ага. Может, написать книгу?
— Именно.
— Скажите, после делового свидания вы всегда остаетесь на ночь в доме своего, скажем так, контрагента.
— Нет.
— Но вы упомянули, что остались ночевать у этого издателя.
— Я остался потому, что неважно себя чувствовал и сомневался, что доберусь домой.
— Может, вы отравились за ужином?
— В последнее время у меня были определенные проблемы со здоровьем.
Грандес кивнул с опечаленным видом.
— Головокружения, головная боль... — добавил я.
— Уместно ли предположить, что сейчас вам уже лучше?
— Да. Намного лучше.
— Я рад. Вы выглядите просто превосходно, впору позавидовать. Верно?
Кастело и Маркос неторопливо кивнули.
— Любой, глядя на вас, скажет, что вы избавились от тягостного бремени, — обронил инспектор.
— Не понимаю.
— Я имею в виду головокружения и прочие заботы, — пояснил Грандес, подавив раздражение. — Прошу простить мое невежество относительно аспектов вашей профессиональной деятельности, сеньор Мартин, но разве вы не подписали с издателями контракт, действие которого истекает только через шесть лет?
— Пять.
— Разве этот контракт не предоставлял эксклюзивные права на вас, если можно так выразиться, издательству «Барридо и Эскобильяс»?
— Таковы были условия.
— В таком случае с какой целью вы обсуждали новое предложение с конкурентом, если контракт не позволял вам принять его?
— Это была обычная беседа. Ничего более.
— Которая, однако, закончилась тем, что вы остались ночевать у названного кабальеро.
— Контракт не запрещает мне разговаривать с третьими лицами. А также не ночевать дома. Я имею полное право ночевать, где мне

вздумается, и беседовать с кем угодно и о чем угодно.

— Разумеется. Я вовсе не намекал на что-то иное, тем не менее спасибо за разъяснение.

— Я могу разъяснить еще что-нибудь?

— Лишь один крошечный нюанс. Принимая во внимание гибель сеньора Барридо и в случае, если, не дай Бог, сеньор Эскобильяс не оправится от полученных ожогов и тоже скончается, издательство прекратит существование, а вместе с ним и ваш контракт. Я не ошибаюсь?

— Я не знаю наверняка. Я не в курсе, каковы форма и структура предприятия.

— Но как по-вашему, такое возможно?

— Вероятно. Вам лучше задать этот вопрос адвокату издателей.

— А я уже его спрашивал. И он подтвердил, что при отсутствии преемников и в случае, если сеньор Эскобильяс отойдет в иной мир, так и произойдет.

— Значит, у вас есть ответ.

— А у вас — полная свобода принять предложение сеньора...

— Корелли.

— Скажите, вы его уже приняли?

— Можно узнать, какое отношение это имеет к причинам пожара? — процедил я сквозь зубы.

— Никакого. Чистое любопытство.

— Это все? — спросил я.

Грандес покосился на коллег, потом посмотрел на меня.

— Что касается меня, то да.

Я предпринял попытку встать. Полицейские сидели, словно пришитые.

— Сеньор Мартин, прежде чем мы распрощаемся, не согласитесь ли уточнить еще кое-что? Вы помните, как неделю назад сеньоры Барридо и Эскобильяс посетили ваш дом под номером тридцать по улице Флассадерс вместе с вышеупомянутым адвокатом?

— Помню.

— Это был деловой визит или светский?

— Издатели приходили выразить пожелание, чтобы я вернулся к работе над серией книг, которую прекратил писать несколько месяцев назад, занявшись другим проектом.

— Вы бы оценили беседу как дружественную или напряженную?

— Если мне не изменяет память, никто не повышал голоса.

— А вы помните, как заявили им — цитирую дословно: «Через

неделю вы будете покойниками»? Не повышая голоса, естественно.

— Да, — с тяжелым вздохом признался я.

— Что вы имели в виду?

— Я был рассержен и ляпнул первое, что взбрело в голову, инспектор. И это вовсе не означает, что я серьезно им угрожал. Бывает, сгоряча люди всякое говорят.

— Спасибо за откровенность, сеньор Мартин. Вы очень нам помогли. Всего доброго.

Я покинул кафе, ощущая кожей, как три пары глаз прожигают мне спину. И вышел с уверенностью, что отвечай я на каждый вопрос инспектора ложью, то и тогда не чувствовал бы себя таким виноватым.

2

Скверный привкус, оставшийся после встречи с Виктором Грандесом и парочкой василисков из его эскорта, выветрился шагов через сто, не больше, стоило мне выйти из кафе и прогуляться под ярким солнцем в новом, здоровом теле. Я с трудом узнавал его, не чувствуя спазмов и тошноты, шума в ушах и приступов мучительной головной боли, не ощущая слабости и не обливаясь холодным потом. От обреченности, уверенности в скорой смерти, душившей меня всего двадцать четыре часа назад, не осталось и следа. Внутренний голос подсказывал мне, что трагедия, разыгравшаяся ночью, повлекшая за собой гибель Барридо и практически смерть во цвете лет Эскобильяса, должна была бы опечалить меня и повергнуть в смятение. Однако я и моя совесть не испытывали ничего, помимо благостного равнодушия. В тот июльский день Рамбла праздновала, и героем был я.

Я прогулялся до улицы Санта-Ана, собираясь нанести неожиданный визит сеньору Семпере. Когда я вошел в магазин, Семпере-отец работал за стойкой, подбивая счета, а его сын, забравшись на лесенку, переставлял книги на полках. Заметив меня, букинист изобразил приветливую улыбку, и я понял, что в первый момент он меня не узнал. Спустя мгновение улыбка улетучилась, и, разинув от удивления рот, он обошел прилавков, чтобы обнять меня.

— Мартин! Это вы? Святая Дева Мария... Да вас ведь и не узнать! А я с ума сходил от беспокойства. Мы несколько раз заходили к вам домой, но вы не откликались. Я наводил справки во всех больницах и комиссариатах.

Сын Семпере недоверчиво взирал на меня с высоты лестницы. Поневоле мне пришлось вспомнить, что неделю назад они видели меня в состоянии, вполне подходящем для обитателя морга пятого района.

— Простите, что заставил поволноваться. Я уезжал на пару дней по делам.

— Но... как? Вы послушались меня и сходили к доктору, да?

Я кивнул.

— Оказалась сушная ерунда. Проблемы с давлением. Я попил немного тонизирующее средство — и опять как новенький.

— Вы должны сказать мне название лекарства. Посмотрим, поможет ли мне душ из вашего тоника... Но какая радость и утешение увидеть вас в добром здравии!

Эйфория быстро выветрилась, стоило перейти к злободневным новостям.

— Вы слышали о пожаре у «Барридо и Эскобильяса»? — спросил книготорговец.

— Я только что оттуда. Невозможно поверить.

— И не говорите. Нельзя сказать, чтобы я был их горячим поклонником, но вот так, такая трагедия... А скажите, на вас, на юридическую сторону, это как повлияет? Прощу прощения за бестактный вопрос.

— Откровенно говоря, не знаю. Думаю, что компаньоны обладали исключительными правами на предприятие. Наверное, есть наследники, но, возможно, если оба умрут, фирма прекратит существование. Как и мои обязательства перед ними. По крайней мере мне так кажется.

— То есть, если Эскобильяс, прости Господи, тоже преставится, вы станете свободным человеком.

Я кивнул.

— Ну и дилемма... — пробормотал букинист.

— Все в руках Божьих, — осмелился высказаться я.

Семпере согласился, но я чувствовал, будто что-то во всей этой истории не дает ему покоя, и он предпочел сменить тему:

— Между прочим, весьма удачно, что вы заглянули сегодня, поскольку я хотел попросить вас об одолжении.

— К вашим услугам.

— Предупреждаю, вам просьба не понравится.

— Если бы понравилась, это было бы уже не одолжение, а удовольствие. А если одолжение для вас, мне тем более будет приятно.

— На самом деле не для меня. Я вам сейчас объясню, а вы сами

решите. Без всяких обязательств, ладно?

Семпере облокотился о прилавок и приготовился повести рассказ с хорошо знакомым мне выражением лица, навевавшим столько воспоминаний о детстве и времени, проведенном в стенах этого магазина.

— Речь о девушке. Ее зовут Исабелла. Ей примерно лет семнадцать. Умна как черт. Она часто приходит сюда, и я даю ей книги. По ее словам, она хочет стать писателем.

— Знакомая история, — промолвил я.

— Дело в том, что около недели назад она оставила один из своих рассказов — небольшой, страниц двадцать или тридцать — и попросила, чтобы я высказал свое мнение.

— И что?

Семпере понизил голос, точно собирался под строжайшим секретом поведать страшную тайну.

— Шедевр. Лучше, чем девяносто девять процентов того, что было опубликовано за последние двадцать лет.

— Полагаю, меня вы причисляете к оставшемуся проценту. Или мне придется попать свою гордыню и засунуть ее подальше в мусорную корзину.

— К чему я и веду. Исабелла вас боготворит.

— Боготворит? Меня?

— Да, как если бы вы были Моренетой и младенцем Иисусом в одном лице. ^[34] Она перечитала всю серию «Города проклятых» десять раз, а когда я предложил ей «Шаги с неба», девушка сказала, что, сумеет она написать подобную книгу, могла бы умереть спокойно.

— Мне чудится тут какой-то подвох.

— Я так и знал, что вы попытаетесь улигнуть.

— Я не пытаюсь. Вы пока еще не сказали, в чем состоит услуга.

— Догадайтесь.

Я вздохнул. Семпере прищелкнул языком.

— Я говорил, что вам не понравится.

— Попросите, пожалуйста, о чем-нибудь другом.

— Нужно только поговорить с ней. Приободрить, посоветовать... выслушать ее, прочитать одну-две работы и задать ориентиры. Вам это ничего не будет стоить. Девушка соображает со скоростью пули. Она вам изумительно подходит. Вы подружитесь. И она сможет работать вашей помощницей.

— Мне не нужна помощница. Особенно незнакомая.

— Глупости. А кроме того, знакомая, вы ее уже знаете. По крайней

мере она так утверждает. Она говорит, что знакома с вами уже много лет, хотя вы ее, конечно, не вспомните. Похоже, парочка блаженных, являющихся ее родителями, считает, что из-за увлечения литературой она попадет в ад или останется старой девой. Правда, они пока не решили, поместить ее в монастырь или выдать замуж за какого-нибудь недоумка, от которого она нарожает десяток детишек и будет навечно прикована к кастрюлям и сковородкам. Если вы не предпримете ничего для ее спасения, это будет равносильно убийству.

— Не драматизируйте, сеньор Семпере.

— Послушайте, я не стал бы к вам обращаться, ибо мне известно, что вы склонны проявлять альтруизм так же, как и танцевать сардану^[35] по воскресеньям. Но всякий раз, когда она входит сюда и смотрит на меня своими огромными глазами, в которых отражаются и ум, и пылкие желания, я думаю о судьбе, которая ее ждет, и у меня разрывается сердце. Чему мог, я ее научил. Девушка схватывает все на лету. Кого она мне напоминает, так это вас в детстве.

Я вздохнул.

— Исабелла, а дальше?

— Хисперт. Исабелла Хисперт.

— Я ее не знаю. В жизни не слышал этого имени. Вас поймали на удочку.

Букинист едва заметно покачал головой.

— Исабелла говорила, что вы именно так и скажете.

— Талантливая и к тому же прорицательница. А что еще она вам говорила?

— Она подозревает, что как писатель вы намного лучше, чем как человек.

— Что за ангел эта Исабелита.

— Я могу передать ей, чтобы она зашла к вам? Без всяких обязательств?

Я сдался и согласился. Семпере победоносно улыбнулся и пожелал скрепить договор объятием, но я сбежал раньше, чем старый букинист получил возможность довести до конца миссию по превращению меня в хорошего человека.

— Вы не пожалеете, Мартин! — крикнул он мне в спину, когда я уже шагнул через порог.

Вернувшись домой, я обнаружил на ступенях у портала инспектора Виктора Грандеса. Он преспокойно сидел и с удовольствием курил папиросу. Увидев меня, он улыбнулся с фамильярностью конферансье на вечернем представлении, словно мы были старинными приятелями и он заглянул ко мне на огонек. Я уселся с ним рядом, и он протянул мне открытый портсигар. Я обратил внимание на марку папирос — «Житан». Я взял одну.

— А Ханс и Гретель?

— Маркос и Кастело, к сожалению, заняты. К нам поступил донос, и парни отправились в Пуэбло-Секо навестить одного старого знакомого. Он, возможно, нуждается в убеждении, чтобы освежить свою память.

— Бедолага.

— Если бы я их предупредил, что иду к вам, не сомневаюсь, они бы пришли. Вы произвели на них неизгладимое впечатление.

— Любовь с первого взгляда, как я погляжу. Чем могу помочь вам, инспектор? Не хотите ли войти в дом и выпить чашечку кофе?

— Не смею нарушать ваши планы, сеньор Мартин. Я всего лишь хотел лично сообщить вам новости до того, как вы узнаете их из других источников.

— Какие новости?

— Эскобильяс скончался сегодня около часа дня в Клинической больнице.

— Господи. Я не знал, — сказал я.

Грандес пожал плечами и продолжал молча курить.

— Этого следовало ожидать. Что тут сделаешь?

— Вам удалось выяснить, из-за чего возник пожар? — спросил я.

Инспектор пристально на меня посмотрел и утвердительно кивнул.

— Все следы как будто указывают на то, что некто облил бензином сеньора Барридо и поджег. Огонь распространился после того, как несчастный, охваченный паникой, попытался выбежать из кабинета. Его компаньон и другой сотрудник, бросившиеся к нему на помощь, оказались в огненной ловушке.

Я сглотнул. Грандес отечески мне улыбнулся.

— Адвокат издателей пояснил мне сегодня, что, учитывая личный характер обязательств, указанных в том варианте договора, который вы подписали с компаньонами, с их смертью контракт считается расторгнутым, хотя наследники сохраняют права на произведения, опубликованные ранее. Я полагаю, в свое время он напишет письмо, уведомляющее об этом. Но мне показалось, для вас было бы удобнее

узнать, как обстоят дела, раньше, если вдруг понадобится принимать решение насчет предложения упомянутого вами издателя.

— Спасибо.

— Не за что.

Грандес докурил папиросу, бросил окурок на землю и, добродушно ухмыльнувшись, встал. Хлопнув меня по плечу, он направился к улице Принцессы.

— Инспектор? — окликнул я его.

Грандес задержал шаг и обернулся.

— Вы только не подумайте...

Инспектор устало улыбнулся:

— Будьте осторожны, Мартин.

Я рано лег спать и проснулся внезапно в полной уверенности, что уже наступило утро. В следующий момент я имел возможность убедиться, что едва перевалило за полночь.

Во сне я видел Барридо и Эскобильяса, попавших в огненную западню в своем кабинете. Сначала языки пламени охватили одежду, и вскоре уже горел каждый сантиметр их тела. Вслед за одеждой полосами сошла кожа, и глаза, исполненные отчаяния, лопнули от жара. Их тела корчились в агонии и ужасе, пока не рухнули на обугленные обломки, и плоть стекала с костей, словно расплавленный воск, образовав у моих ног дымящуюся лужу. На поверхности как в зеркале отражалось мое лицо: я с улыбкой задувал спичку, которую держал в пальцах.

Я встал, чтобы выпить стакан воды. Поняв, что упустил поезд сна, я поднялся в кабинет и вынул из ящика письменного стола книгу, вызволенную с Кладбища забытых книг. Я зажег настольную лампу и повернул ножку, державшую абажур, таким образом, чтобы круг света падал непосредственно на страницы. Я открыл книгу и начал читать сначала.

Lux Aeterna

Д. М.

На первый взгляд книга представляла собой сборник текстов и плегарий, лишенных какого бы то ни было смысла. Мне достался оригинальный экземпляр рукописи — толстая пачка листов, отпечатанных на машинке и довольно небрежно переплетенных в кожу. Я продолжил чтение и через некоторое время стал улавливать определенную

композиционную структуру в изложении сюжетов, песней и рассуждений, включенных в текст. Язык навязывал свой ритм, и то, что поначалу выглядело как полное отсутствие художественности и стиля, складывалось в гипнотический речитатив, постепенно проникавший в сознание читателя, погружая его в пограничное состояние между дремотой и забытием. То же самое относилось и к содержанию, поскольку основная сюжетная линия выявлялась лишь в середине первой части, или песни, поскольку произведение, похоже, было построено на манер старинных эпических поэм, сложенных в те далекие времена, когда время и пространство существовали по собственным законам. В какой-то момент меня осенило, что этот «Lux Aeterna» является своего рода книгой мертвых — за неимением более точного сравнения.

Через тридцать или сорок страниц иносказаний и загадок читателя затягивало в продуманный и причудливый лабиринт молитв и воззваний: чем дальше, тем более тревожными и отчаянными они становились. Время от времени в стихах, далеких от совершенства, появлялся образ смерти — белый ангел с глазами змеи или лучезарный ребенок. Смерть представляла единственным и вездесущим божеством, проявляющим свою сущность в природе, желаниях и хрупкости бытия.

Кем бы ни был таинственный Д. М., в его поэзии смерть трактовалась как сила неистовая и вечная. Варварская мешанина заимствований из различных мифологий о рае и аде, перетолкованных на свой лад, преподносилась как единое целое. В представлении Д. М. имелись лишь начало и конец, только создатель и разрушитель, принимавший различные имена, чтобы смутить и запутать людей, испытав их на прочность. И это был единый Бог, чье истинное лицо имело две стороны: одна выражала доброту и милосердие, другая была жестокой и демонической.

До этого момента я еще был способен улавливать смысл, но дальше автор как будто полностью утратил нить повествования. Расшифровать аллюзии и образы, являвшиеся на страницах книги в пророческих видениях, становилось практически неосуществимой задачей. Реки крови и огня обрушивались на города и народы. Армии мертвецов в мундирах маршировали по бескрайним равнинам, уничтожая по пути все живое. Инфанты, повешенные на разорванных знаменах на воротах крепостей. Черные моря, где тысячи грешных душ терпели муки, дрейфуя в ледяной и ядовитой бездне. Тучи пепла и океаны костей и истерзанной плоти, кишачей червями и змеями. Адские, тошнотворные картины нескончаемой чередой сменяли одна другую до полного пресыщения.

Читая рукопись, я не мог отделаться от ощущения, будто шаг за шагом

повторяю путь, пройденный больным, извращенным сознанием. Строчка за строчкой автор текста бессознательно документировал свое падение в пропасть безумия. Последняя треть книги выглядела безнадежной попыткой выкарабкаться, повернуть вспять. Она звучала криком отчаяния из темницы сумасшествия, исполненным жаждой бежать из запутанного лабиринта ходов и тоннелей, опутавшего сознание. Мольба обрывалась на полуслове — открытый финал, многоточие без всяких пояснений.

К этому моменту у меня уже слипались глаза. Из окна меня обдавало ветерком, дувшим с моря и сметавшим туман с черепичных крыш. Я уже собирался закрыть книгу, но вдруг поймал себя на том, что меня беспокоит некая важная деталь, на которую я машинально обратил внимание, но не придавал значения. И эта отмеченная мною характерная особенность имеет отношение к полиграфическому оформлению рукописи. Я вернулся к первой странице и принялся заново просматривать текст. Причину беспокойства я обнаружил на пятой строчке. Далее она появлялась регулярно через две-три строки. Одна из букв, заглавная «С», слегка наклонялась вправо. Я достал из ящика чистый лист бумаги и заправил его в каретку «Ундервуда», стоявшего на столе. И напечатал первое попавшееся предложение из книги: «Соборные колокола Санта-Мария-дель-Мар торжественно звонили».

Вытащив листок, я внимательно рассмотрел шрифт в свете настольной лампы: «Соборные... Санта-Мария».

Я вздохнул. Книга «Lux Aeterna» была напечатана на моей пишущей машинке, и вполне возможно, за этим самым письменным столом.

Утром я вышел позавтракать в кафе, находившееся напротив портала церкви Санта-Мария-дель-Мар. В квартале Борн теснились грузовые фургоны, народ толпами стекался на рынок, и армия лавочников и оптовых торговцев, открывала свои магазины. Я выбрал один из столиков на улице и заказал кофе с молоком. Беспризорный экземпляр «Вангвардии» лежал на краю стола, и я взял его на попечительство. Бегло просматривая заголовки и вступления к статьям, я заметил девушку, поднимающуюся по лестнице к воротам церкви: она уселась на верхней ступени и принялась меня тайком разглядывать. Девушке было, наверное, лет шестнадцать-семнадцать. Она делала вид, что пишет что-то в тетради, и косилась на меня исподтишка. Я спокойно пил кофе с молоком. Через некоторое время я знаком подозвал

официанта.

— Видите сеньориту, которая сидит у дверей храма? Скажите ей, чтобы она заказала что захочет, я угощаю.

Официант кивнул и направился к девушке. Увидев, что к ней кто-то идет, девушка уткнулась в тетрадь, притворившись, будто с головой поглощена своим делом, что вызвало у меня улыбку. Официант остановился около девушки и кашлянул. Она подняла глаза от открытой тетради и посмотрела на него. Официант передал поручение и в конце краткой речи указал на меня. Девушка бросила в мою сторону встревоженный взгляд. Я помахал ей. Ее щеки вспыхнули огнем. Она встала и несмело приблизилась к столику, уставившись на носки своих туфель.

— Исабелла? — уточнил я.

Девушка вскинула голову и тяжело вздохнула, досадуя на свою неловкость.

— Как вы узнали? — спросила она.

— Сверхъестественная интуиция, — отвечал я.

Она подала руку, я холодно пожал ее.

— Можно сесть? — спросила она.

И, не дожидаясь ответа, девушка села за столик. За полминуты она раз шесть поменяла положение, пока не приняла первоначальную позу. Я наблюдал за ней с деланным равнодушием.

— Вы меня не помните, правда, сеньор Мартин?

— А я должен?

— Я много лет каждую неделю приносила вам корзину с заказом из «Кан Хисперт».

В памяти возник образ девочки, долгое время доставлявшей мне продукты из бакалейного магазина, и слился с лицом — повзрослевшим и чуть более угловатым — нынешней Исабеллы, превратившейся в женщину с мягкими формами и твердым взглядом.

— Девочка с чаевыми, — промолвил я, хотя от той девочки почти ничего не осталось.

Исабелла кивнула.

— Мне всегда было любопытно, на что ты тратила эти деньги.

— На покупку книг в «Семпере и сыновья».

— Если бы я знал...

— Если я вам мешаю, то уйду.

— Ты мне не мешаешь. Хочешь что-нибудь заказать?

Девушка покачала головой.

— Сеньор Семпере говорит, что у тебя есть талант.

Исабелла пожала плечами и одарила меня иронической улыбкой.

— Как правило, чем талантливее человек, тем сильнее он сомневается в своей одаренности, — заметил я, — и наоборот.

— Тогда я, должно быть, исключение, — отозвалась Исабелла.

— Добро пожаловать в нашу тесную компанию. Итак, что я могу для тебя сделать?

Исабелла набрала побольше воздуха в легкие.

— Сеньор Семпере сказал, что вы не откажетесь прочесть какую-нибудь из моих вещей, высказать свое мнение и дать совет.

Не отвечая, я несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза. Она выдержала мой взгляд не мигая.

— И все?

— Нет.

— Так я и думал. И каков же пункт второй?

Исабелла не раздумывала ни секунды.

— Если вам понравится работа и вы решите, будто у меня есть способности, я хотела бы попросить вас, чтобы вы позволили стать вашей помощницей.

— Почему ты вдруг вообразила, что мне нужна помощница?

— Я могла бы приводить в порядок ваши черновики, перепечатывать их на машинке, исправлять ошибки и недочеты...

— Ошибки и недочеты?

— Я вовсе не намекаю, что вы делаете ошибки...

— А тогда на что ты намекаешь?

— Ни на что. Но четыре глаза надежнее, чем два. И, кроме того, я могла бы заниматься корреспонденцией, отвечать на письма и помогать вам в поисках справочного материала. А еще я хорошо готовлю и умею...

— Ты просишь у меня место помощницы или кухарки?

— Я прошу дать мне шанс.

Исабелла потупилась. Я не смог сдержать улыбки. Помимо воли это забавное создание вызывало чувство симпатии.

— Давай поступим так. Принеси лучшие двадцать страниц из всего, что ты написала. Выбери вещь, которая, по твоему мнению, наиболее ярко отражает твое мастерство. И ни страницей больше, все равно я не буду это даже смотреть. Я внимательно прочитаю двадцать страниц, а потом мы поговорим.

Она просияла, и на миг печать суровости и напряжения, лежавшая на лице, изгладилась.

— Вы не пожалеете, — пообещала девушка.
Она встала и возбужденно посмотрела на меня.
— Можно, я принесу работу вам домой?
— Брось в почтовый ящик. Это все?
Она закивала и сделала несколько мелких неуверенных шажков назад.
Она уже была готова повернуться и убежать, когда я окликнул ее:
— Исабелла?
Она глянула вопросительно, и в глазах плескалось беспокойство.
— Почему ты выбрала меня? — спросил я. — Только не говори, что я твой любимый автор и прочую хвалебную чепуху, которой Семпере посоветовал тебе улестить меня. Если ты так сделаешь, то мы разговаривали с тобой сегодня в первый и в последний раз.
Исабелла колебалась всего мгновение. А потом посмотрела открытым взглядом и выпалила:
— Вы единственный писатель, которого я знаю.
Она смущенно улыбнулась и поспешила прочь со своей тетрадкой, неуверенной поступью и искренностью. Я видел, как она свернула за угол с улицы Миральерс и исчезла за собором.

5

Я вернулся домой примерно через час. Девушка ждала, сидя на ступенях у портала с пакетом в руках. Видимо, она вооружилась рассказом. Заметив меня, она встала и принужденно улыбнулась.
— Я говорил, чтобы ты бросила в почтовый ящик, — сказал я.
Исабелла кивнула и пожала плечами.
— В знак признательности я принесла немного кофе из магазина родителей. Колумбийского. Наивысшего качества. Кофе не пролезал в ящик, поэтому я решила, что лучше вас дождаться.
Подобное объяснение могло прийти в голову только начинающему романисту. Я со вздохом открыл дверь.
— Пойдем в дом.
Я поднялся по лестнице, Исабелла следовала за мной, отставая на пару ступеней, как комнатная собачка.
— Вы всегда завтракаете так долго? Это не мое дело, конечно, но так как я прождала вас три четверти часа, то начала волноваться, например, не подавились ли вы чем-нибудь, ведь я только что познакомилась с живым писателем, а с моим везением я бы не удивилась, если бы ему попала

маслина не в то горло, и тогда конец моей литературной карьере, — на едином дыхании выпалила девушка.

Я остановился посередине лестницы и воззрился на нее с самым грозным выражением лица, какое сумел изобразить.

— Исабелла, чтобы мы поладили, необходимо установить ряд правил. Правило первое: вопросы задаю я, а ты на них только отвечаешь. Когда у меня нет вопросов, ты со своей стороны не выдаешь ни ответов, ни спонтанных тирад. Правило второе: я завтракаю, обедаю или витаю в облаках столько, сколько мне заблагорассудится, и эта тема не подлежит обсуждению.

— Я не хотела вас обидеть. Я понимаю, что правильное пищеварение способствует вдохновению.

— Правило третье: до полудня никаких саркастических замечаний. Договорились?

— Да, сеньор Мартин.

— Правило четвертое: ты не называешь меня «сеньор Мартин» даже в день моих похорон. Я тебе, конечно, кажусь ископаемым, но сам лично считаю, что еще молод. Более того, так и есть, точка.

— Как мне вас называть?

— По имени — Давид.

Девушка кивнула. Я открыл входную дверь и жестом пригласил ее войти. Исабелла замешкалась на миг, затем решительно шагнула в прихожую.

— Мне кажется, вы выглядите довольно молодо для своего возраста, Давид.

Я ошеломленно уставился на нее.

— А сколько, по-твоему, мне лет?

Исабелла оценивающе оглядела меня с ног до головы.

— Где-то около тридцати? Но вы их неплохо прожили, правда?

— Сделай одолжение, замолчи и свари кофейник бурды, которую ты принесла.

— Где кухня?

— Поищи.

Замечательный колумбийский кофе мы вкушали вместе, сидя в галерее. Исабелла держала кружку и искоса наблюдала за мной, пока я читал ее рассказ, который она принесла. Каждый раз, перевернув страницу, я поднимал голову и встречал ее взгляд, исполненный ожидания.

— Если ты будешь таращиться на меня, как сова, мы далеко не уедем.

— А что, по-вашему, я должна делать?

— Разве ты не рвалась мне помогать? Помогай. Допустим, найди то, что требуется убрать, и убери.

Исабелла оглянулась по сторонам:

— Тут все вверх дном.

— Лови момент.

Исабелла кивнула и отправилась на битву с хаосом и беспорядком, царившими в моем жилище, с решимостью полководца. Я прислушался к шагам, удалявшимся по коридору, и продолжил чтение. В рассказе, который она мне дала, почти отсутствовала сюжетная линия. С изысканной простотой, в точно подобранных выражениях она описывала чувства, мысли и разочарования девушки, запертой в холодной мансарде в квартале Рибера, откуда она наблюдала за городом и людьми, сновавшими по тесным и темным переулкам. Образы и печальная музыка ее прозы выдавали одиночество на грани отчаяния. Девушка, героиня рассказа, часами блуждала в мире своих грез и временами вставала перед зеркалом и резала руки и бедра осколком стекла, оставляя шрамы подобно тем, что угадывались под обшлагами рукавов Исабеллы. Я почти дочитал рассказ, когда заметил, что девушка смотрит на меня из дверей галереи.

— Что?

— Простите, что прерываю, но что находится в комнате в конце коридора?

— Ничего.

— Оттуда неприятно пахнет.

— Сыростью.

— Если хотите, я могу ее прибрать и...

— Нет. Комната не используется. И, кроме того, ты не прислуга, и тебе незачем заниматься уборкой.

— Я только хотела помочь.

— Помоги, сварив мне еще чашечку кофе.

— Почему? От рассказа вас клонит в сон?

— Сколько времени, Исабелла?

— Наверное, часов десять.

— И это означает?..

— Что никаких саркастических замечаний до полудня, — закончила Исабелла.

Я торжествующе улыбнулся и протянул ей пустую кофейную чашку. Девушка взяла ее и отбыла в направлении кухни.

К тому моменту, когда она вернулась с чашкой дымящегося кофе, я дочитал последнюю страницу. Исабелла села напротив. Я улыбнулся ей и

невозмутимо пригубил отличный кофе. Девушка переплела пальцы и стиснула зубы, незаметно поглядывая на рукопись рассказа, которую я положил лицом вниз на стол. Исабелла продержалась с закрытым ртом всего несколько минут.

— И что? — спросила она наконец.

— Великолепен.

Она просияла.

— Мой рассказ?

— Кофе.

Она обиженно посмотрела на меня и встала, чтобы забрать свои странички.

— Оставь в покое, — велел я.

— Зачем? Ясно же, что вам не понравилось и вы считаете меня конченной дурой.

— Я этого не сказал.

— Вы ничего не сказали, что намного хуже.

— Исабелла, если ты действительно хочешь посвятить себя литературе или, во всяком случае, писать, чтобы тебя читали, придется привыкнуть, что иногда тебя будут игнорировать, оскорблять, презирать и почти всегда демонстрировать безразличие. Это одна из прелестей профессии.

Исабелла потупилась и глубоко вздохнула.

— Я не знаю, есть ли у меня талант. Но я знаю, что мне нравится писать. Или, вернее, что мне необходимо писать.

— Обманщица.

Она подняла взор и посмотрела на меня в упор.

— Ладно. У меня есть талант. И мне глубоко плевать, если вы считаете иначе.

Я ухмыльнулся:

— Вот это мне больше по вкусу. Полностью согласен.

Она в замешательстве уставилась на меня.

— С тем, что у меня есть талант, или с тем, что его у меня нет, с вашей точки зрения?

— А ты как думаешь?

— Следовательно, вам кажется, что у меня есть способности?

— Я считаю, что у тебя есть талант и желание, Исабелла. Больше, чем ты думаешь, и меньше, чем ожидаешь. Но на свете немало людей, кто обладает способностями и желанием, и многие не добиваются ничего. Это только предпосылки к тому, чтобы совершить что-то в жизни. Врожденный дар сродни силе атлета. Можно появиться на свет, обладая большими или

меньшими способностями, однако человек не становится атлетом только лишь по той причине, что родился высоким, сильным или быстрым. Выдающимся спортсмена или художника делает упорный труд, совершенствование в своем ремесле и технические приемы. Природный ум — не более чем стратегический запас. Чтобы с толком им распорядиться, необходимо преобразовать разум в оружие высокой точности.

— Уместна ли здесь военная терминология?

— Всякое произведение искусства агрессивно, Исабелла. И вся жизнь художника состоит из маленьких и больших войн, начиная с борьбы с самим собой и своей ограниченностью. Чтобы добиться поставленной цели, нужно в первую очередь честолюбие, а затем талант, знания и, наконец, возможность.

Исабелла поразмыслила над моими словами.

— Вы всем толкаете эту речь, или вас только что осенило?

— Речь не моя. Мне ее толкнул, как ты выразилась, один человек, которому я задавал те же вопросы, что сейчас задаешь мне ты. С тех пор прошло много лет, но и дня не проходит, чтобы я не вспомнил эти слова и не признал их правоту.

— Значит, вы возьмете меня помощницей?

— Я подумаю.

Исабелла удовлетворенно кивнула. Она сидела с той стороны стола, где лежал альбом с фотографиями, оставленный Кристиной. Девушка открыла его невзначай и замерла, разглядывая снимок свежее испеченной сеньоры Видаль, сделанный на пороге виллы «Гелиос» два или три года назад. У меня перехватило горло. Исабелла захлопнула альбом и обвела взглядом галерею, прежде чем остановить его на моей персоне. Я с нетерпением смотрел на нее. Девушка смущенно улыбнулась, будто подсматривала в замочную скважину и ее застали врасплох за этим занятием.

— У вас очень красивая невеста, — сказала она.

Одного моего взгляда хватило, чтобы ее улыбка исчезла как по мановению руки.

— Она не моя невеста.

— О!

Девушка надолго замолчала.

— Полагаю, правило пятое гласит: не суй нос, куда не просят, правильно?

Я не ответил. Исабелла кивнула своим мыслям и встала.

— Наверное, лучше, если я вас оставлю в покое и не буду больше

надоедать сегодня. Если не возражаете, я вернусь завтра, и мы начнем.

Сложив свою рукопись, она послала мне робкую улыбку. Я лишь молча кивнул в ответ.

Исабелла благоразумно ретировалась, растворившись в коридоре. Я слышал ее удаляющиеся шаги, затем хлопнула входная дверь. Когда она ушла, я впервые почувствовал, какая сверхъестественная тишина окутывала этот дом.

6

Возможно, дело было в избытке кофеина у меня в крови, или же разум торопился наверстать упущенное — так свет горит ярче после тотального отключения, — однако остаток утра я провел, прокручивая в голове теорию, которая меня совсем не радовала. С одной стороны, произошел пожар, в результате которого погибли Барридо и Эскобильяс. С другой стороны, я получил предложение от Корелли, с тех пор не подававшего признаков жизни, что меня настораживало. И, наконец, существовал необычный манускрипт, вызволненный с Кладбища забытых книг, написанный, как я подозревал, в моем кабинете. И было невозможно поверить, что эти явления не имеют между собой никакой связи.

Меня не прельщала перспектива явиться в дом Корелли без приглашения и расспрашивать о тревожном совпадении, выражавшемся в том, что наша беседа и пожар произошли приблизительно одновременно. Интуитивно я чувствовал, что как только издатель пожелает вновь со мной встретиться, он сделает это *motu proprio*.^[36] И меня в этой ситуации не утраивало только одно — время поджимало. Инспектор Виктор Грандес со своими легавыми, Маркосом и Кастело, взяли след и полным ходом вели расследование обстоятельств пожара. В их списке фаворитов я занимал, по моим понятиям, почетное место, а от них лучше всего было держаться подальше. В результате в качестве единственной приемлемой альтернативы оставался манускрипт и его мистическая связь с домом с башней. Я годами твердил себе, будто не случайно поселился в заброшенном особняке, и теперь этот факт приобретал особый смысл.

Я решил начать собственное следствие с помещения, куда сослал большую часть предметов и вещей, брошенных прежними обитателями дома с башней. Ключ от комнаты в конце коридора я разыскал в кухонном ящике, где он пролежал годы. Я не заглядывал в ту комнату с тех самых

пор, как рабочие из электрической компании сделали в доме проводку. Вставляя ключ в замочную скважину, я почувствовал дуновение холодного воздуха на пальцах — из отверстия сквозило, и я признал, что Исабелла была права: из комнаты исходил странный гнилостный запах, внушавший мысли об увядших цветах и сырой земле.

Я открыл дверь и прижал руку ко рту. Комнату наполняло густое зловоние. Я ощупью принялся искать на стене выключатель, но голая электрическая лампочка, висевшая под потолком, не реагировала. Света, проникавшего из коридора, хватало, чтобы разглядеть очертания штабелей коробок, кипы книг и баулов — вещи, которые я свалил тут много лет назад. Я с отвращением обозрел открывшуюся взору картину. У дальней стены, занимая всю ее целиком, стоял дубовый шкаф. Присев над коробкой, набитой старыми фотографиями, очками, часами и прочими мелочами, я принялся за раскопки, толком не понимая, что именно ищу. Вскоре я, безнадежно вздохнув, бросил это занятие. Если я рассчитывал что-то выяснить, требовалось составить план. Я намеревался уже встать и покинуть комнату, как вдруг услышал, что дверца шкафа у меня за спиной потихоньку открывается. Слабое дыхание ветра, пронизанное холодом и сыростью, коснулся моего затылка. Я медленно повернулся. Дверь шкафа слегка приоткрылась, позволяя различить ряд старых платьев и костюмов, висевших на вешалках. Истлевшие от времени, они чуть колыхались, точно водоросли в глубине пруда. Оттуда тянуло холодом и разложением. Я поднялся с колен и, не чуя под собой ног, приблизился к шкафу. Распахнув дверцы настежь, я раздвинул висевшую на вешалках одежду. Дерево задней стенки сгнило и начало рассыпаться. За ней угадывалась оштукатуренная стена с дыркой диаметром несколько сантиметров. Я наклонился, пытаюсь разглядеть, что находится за стеной, но там было слишком темно. Тусклый свет, падавший из коридора, просачивался сквозь отверстие и отбрасывал бледный, исчезающе-тонкий луч на противоположную сторону. Различить что-либо все равно не удавалось, понятно было только, что воздух в том помещении застоявшийся и затхлый. Я прильнул глазом к отверстию, надеясь получить хотя бы смутное представление о пространстве за перегородкой, и как раз в этот момент на краю дыры внезапно возник черный паук. Я резко подался назад, а паук проворно забрался в шкаф и скрылся в тени. Захлопнув дверь шкафа, я вышел из комнаты и бросил ключ в первый попавшийся ящик комода в коридоре. Зловоние, пропитавшее атмосферу всегда запертой комнаты, теперь ядовитыми миазмами расползлось по жилому этажу. Я проклял миг, когда мне пришлось в голову открыть ту дверь, и вышел на улицу в надежде забыть хотя бы на

пару часов о зловещей темноте, пульсировавшей в сердце дома с башней.

Неудачные мысли обычно приходят парами. Обнаружив в своем жилище нечто вроде потайной темной комнаты, я отправился в книжную лавку «Семпере и сыновья» с намерением пригласить букиниста отобедать в «Maison Doree», чтобы отметить это знаменательное событие. Семпере-отец читал коллекционное издание «Рукописи, найденной в Сарагосе» Потоцкого и даже слышать ничего не пожелал о ресторане.

— Если мне захочется полюбоваться на снобов и разгильдяев, которые задирают нос и нахваливают друг друга, мне не нужно платить деньги, Мартин.

— Не будьте букой. Я приглашаю.

Семпере отрицательно покачал головой. Его сын, слушавший разговор с порога подсобки, неуверенно посмотрел на меня.

— А если я уведу вашего сына, что тогда? Вы перестанете со мной разговаривать?

— Вам виднее, как лучше разбазаривать время и деньги. Я же останусь дома и почитаю, ибо жизнь коротка.

Сын Семпере являл собой образец застенчивости и скромности. Хотя мы познакомились в раннем детстве, с тех пор мне удалось поговорить с ним с глазу на глаз дольше пяти минут всего три или четыре раза. Насколько я знал, за ним не водилось каких-либо грешков или дурных привычек. Из надежного источника мне стало известно, что среди девушек квартала он считался признанным красавцем и завидным женихом. Многие барышни забежали под тем или иным предлогом в магазин и останавливались у витрины, вздыхая. Но сын Семпере (если он вообще их замечал) не предпринимал никаких шагов, чтобы извлечь дивиденды из щедрых авансов в виде влюбленных взглядов и приоткрытых губ. Любой другой на его месте сделал бы головокружительную карьеру повесы, заморочив голову десятой части столицы. Любой, только не сын Семпере, порой производивший впечатление настоящего блаженного.

— Если так пойдет дальше, парень останется бобылем, — жаловался иногда Семпере.

— Вы не пробовали добавить ему в суп чего-нибудь вроде острого перца, чтобы стимулировать приток крови к основным частям тела? — вопрошал я.

— Вам смешно, мошенник, а я дожил почти до семидесяти, так и не порадовавшись на внуков.

Нас встретил *maitre*, запомнившийся мне по последнему посещению ресторана, однако он не сиял раболепной улыбкой, да и лицо не выражало радости по поводу нашего появления. Когда я сообщил, что не заказывал столик, он с пренебрежительной миной щелкнул пальцами, подзывая мальчишку, препроводившего нас без лишних церемоний к столику, на мой взгляд, худшему в зале — в темном и шумном углу неподалеку от дверей в кухню. В течение следующих двадцати пяти минут никто к нам не подошел, даже чтобы предложить меню или подать стакан воды. Служащие сновали туда и обратно, хлопая дверьми и полностью игнорируя наше присутствие и попытки привлечь к себе внимание.

— Я подумал, может, нам не следовало сюда приходить? — спросил наконец Семпере-младший. — Что до меня, то я с удовольствием перекусил бы где угодно...

Не успел он закончить фразу, как я увидел их: Видаль с супругой торжественно шествовали к столику. Чету сопровождал *maitre* и два официанта. Свита рассыпалась в поздравлениях. Пара воссела за стол, и через несколько мгновений началась церемония целования рук: посетители ресторана один за другим подходили, чтобы пожелать счастья Видалю. Тот принимал доброхотов с дивной любезностью и тотчас отделялся от них с завидным мастерством. Сын Семпере, оценивший положение, с тревогой наблюдал за мной.

— Мартин, вы в порядке? Почему бы нам не уйти?

Я едва заметно кивнул. Мы встали и направились к двери, обогнув зал вдоль стены, самой дальней от столика Видаля. Покидая ресторан, мы прошли мимо *maitre*, который не потрудился даже взглянуть на нас. Приближаясь к выходу, я видел в зеркале, висевшем над дверным проемом, как Видаль наклоняется и целует Кристину в губы.

Как только мы очутились на улице, Семпере-младший удрученно посмотрел на меня.

— Я очень сожалею, Мартин.

— Пустяки. Неудачный выбор. Вот и все. Об этом, если вы не возражаете, вашему отцу...

— Ни слова, — заверил он.

— Спасибо.

— Не за что. А что вы скажете, если теперь я приглашу вас в местечко попроще? На улице Кармен есть одна чудная таверна.

Аппетит у меня пропал, но я охотно согласился:

— Идемте.

В таверне, располагавшейся поблизости от библиотеки, подавали

домашнюю еду по умеренным ценам для жителей квартала. Я едва притронулся к пище, хотя от нее исходил упоительный дух — намного аппетитнее, чем пахло любое блюдо, когда-либо приготовленное в «Maison Doree» с момента открытия. Тем не менее к десерту я один уговорил полторы бутылки красного вина, и голова у меня пошла кругом.

— Семпере, скажите мне одну вещь. Что вы имеете против улучшения человеческой породы? Почему же иначе мужчина, молодой и здоровый, наделенный Создателем такой внешностью, как у вас, пренебрегает некими потайными местечками?

Сын антиквара рассмеялся:

— А почему вы так решили?

Я дотронулся указательным пальцем до кончика носа и подмигнул. Семпере вздохнул:

— Рискаю показаться вам лицемером, все же осмелюсь сказать, что я жду.

— Чего? Когда машинка перестанет работать?

— Вы говорите совсем как мой отец.

— Умные люди мыслят и выражаются одинаково.

— По-моему, должно быть что-то еще, разве нет? — сказал он.

— Что ж еще?

Семпере развел руками.

— Если бы я знал, — ответил он.

— А я думаю, вы знаете.

— Ну, видите, к чему меня это привело.

Я собирался снова наполнить свой бокал, но Семпере остановил меня.

— Умеренность, — пробормотал он.

— И вы утверждаете, что вы не ханжа?

— Человек таков, каков он есть.

— Это лечится. Что, если нам с вами прямо сейчас пуститься в загул?

Семпере посмотрел на меня с сочувствием.

— Мартин, мне кажется, вам лучше всего пойти домой и поспать. Завтра наступит новый день.

— Вы ведь не скажете отцу, что я хватил лишку, правда?

Я шел домой с остановками, заруливая по пути в бары. Я посетил штук семь, не меньше, и в каждом снимал пробу с имевшегося в наличии ассортимента крепких напитков, пока под тем или иным предлогом меня не выставляли на улицу. Тогда я преодолевал сотню-другую метров до следующего порта, где бросал якорь. Я никогда серьезно не выпивал,

поэтому к концу вечера набрался до такой степени, что забыл даже, где живу. Я смутно помнил, как два официанта с постоянного двора «Два мира» на Королевской площади, подхватив меня под руки, сгрузили на скамью у фонтана, где я провалился в сон, вязкий и тяжелый.

Мне снилось, будто я пришел на похороны дона Педро. Небо, пышущее багрянцем, грозило раздавить лабиринт крестов и ангелов, раскинувшийся вокруг внушительного мавзолея рода Видаля на кладбище Монтжуик. Молчаливая процессия в черных покрывалах плавно шествовала вокруг портика мавзолея, представлявшего собой амфитеатр из потемневшего мрамора. Черные фигуры, шедшие в процессии, несли по большой белой восковой свече. В свете сотен языков пламени четко вырисовывался силуэт мраморной скульптуры скорбного ангела, горюющего на пьедестале. У подножия постамента зияла открытая могила моего наставника. В глубине могилы стоял стеклянный саркофаг. Тело Видаля, облаченное в белое, покоилось под стеклом. Глаза мертвеца были открыты, и черные слезы катились у него по щекам. Из толпы скорбящих выступила тень его вдовы, Кристины. Она упала на колени перед гробом, обливаясь слезами. Участники похоронной процессии вереницей проходили мимо покойного, и каждый клал на стеклянный гроб черную розу. Постепенно цветы полностью засыпали стекло, оставив на виду лишь лицо усопшего. Два могильщика опустили гроб в яму, на дне которой плескалась густая темная жидкость. Саркофаг заколыхался на волне крови. Кровь мало помалу просачивалась сквозь щели стеклянных запоров, и гроб медленно стал тонуть. Тело Видаля затопило, но прежде, чем его лицо окончательно погрузилось в кровь, глаза наставника пришли в движение, и он посмотрел на меня в упор. Взлетела стая черных птиц, и я бросился бежать, петляя по дорожкам необъятного города мертвых. Только отдаленные рыдания служили мне ориентиром в поисках выхода, и я сумел ускользнуть от темных фигур, то и дело заступавших путь: со стенаниями они умоляли забрать их с собой и спасти из царства вечной тьмы.

Меня разбудили патрульные, постучав резиновой дубинкой по ноге. Уже наступила ночь, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобраться, кто передо мной — агенты службы общественного порядка или эмиссары смерти, посланные с особым поручением.

— Послушайте, сеньор, идите-ка отсыпаться после попойки в свою постельку, договорились?

— Как прикажете, мой полковник.

— Шевелитесь, или я упрячу вас за решетку. Посмотрим, как вам понравится такая шутка.

Меня не пришлось долго уговаривать. Поднявшись не без труда, я взял курс на свое жилище, надеясь добраться туда раньше, чем снова сойбюсь с пути истинного и ноги сами приведут меня в третьесортный кабак. Дорога, на которую в нормальном состоянии я потратил бы десять-пятнадцать минут, в ту ночь оказалась раза в три длиннее. Наконец я чудом добрался до дверей собственного дома. Но надо мной, верно, висело какое-то проклятие, ибо я вновь увидел Исабеллу, на сей раз сидевшую и ждавшую меня во внутреннем дворике особняка.

— Вы пьяны, — заявила Исабелла.

— Наверняка, поскольку только в припадке белой горячки мне могло почудиться, что среди ночи я нахожу тебя, сонную, на пороге своего дома.

— Мне больше некуда идти. Мы с отцом поссорились, и он выгнал меня из дома.

Я закрыл глаза и вдохнул поглубже. Разум, отупевший от выпивки и горя, оказался не в состоянии облечь в приемлемую форму поток ругательств и проклятий, вертевшихся на языке.

— Ты не можешь здесь остаться, Исабелла.

— Пожалуйста, только на одну ночь. Умоляю вас, сеньор Мартин.

— Только не надо смотреть на меня как агнец, приготовленный к закланию.

— Между прочим, я оказалась на улице по вашей вине, — добавила она.

— По моей вине. Вот это мило! Не знаю, есть ли у тебя талант, чтобы писать, но больного воображения в избытке. Хотелось бы узнать хотя бы самую завалящую причину, чем я виноват, что сеньор папа выставил тебя на улицу?

— Когда вы пьяны, вы странно выражаетесь.

— Я не пьян. В жизни не напивался. Отвечай на вопрос.

— Я сказала отцу, что вы взяли меня помощницей и потому я отныне намерена заниматься литературой и больше не смогу работать в магазине.

— Что?

— Может, войдем? Я продрогла, и у меня онемела задница, оттого что я задремала на ступенях.

Я чувствовал головокружение, меня одолевала тошнота. Я возвел глаза к слабому сумеречному свету, проникавшему сквозь слуховое окно над верхней площадкой лестницы.

— Неужели это кара небесная, посланная для того, чтобы я покался в своей беспутной жизни?

Исабелла с любопытством проследила направление моего взгляда.

— С кем вы разговариваете?

— Ни с кем. Это монолог. Прерогатива пьяного. Но завтра с утра я намерен вступить в диалог с твоим отцом и положить конец бессмыслице.

— Не уверена, что это хорошая идея. Отец поклялся, что убьет вас, если увидит. Под прилавком он держит двуствольное ружье. Он такой. Однажды он застрелил из своей двустволки быка. Было лето, дело происходило близ Архентоны...

— Замолчи. Ни слова больше. Тихо.

Исабелла умолкла и уставилась на меня в ожидании. Я возобновил поиски ключа. В тот момент я был не в состоянии разбираться в хитросплетениях лжи болтливой отроковицы. Мне требовалось рухнуть в постель и забыться, причем желательно именно в таком порядке. Поиски ключей затянулись на несколько минут и явных результатов не принесли. Наконец Исабелла, не проронив ни слова, подошла ко мне и, покопавшись в кармане моего пиджака, который я уже обшарил сотню раз, достала ключ. Девушка показала его мне, и я обреченно кивнул.

Исабелла открыла дверь и помогла мне войти. Она довела меня до спальни, как инвалида, и уложила в постель. Девушка поправила подушки под головой и стащила с меня ботинки. Я посмотрел на нее в смнении.

— Успокойтесь, брюки я снимать не собираюсь.

Расстегнув пуговицы на воротнике, она присела со мной рядом, глядя на меня. И улыбнулась с печалью, не соответствовавшей юному возрасту.

— Никогда не видела вас в таком отчаянии, сеньор Мартин. Это из-за той женщины, да? С фотографии?

Она взяла мою руку и погладила ее, утешая.

— Все пройдет, поверьте мне. Все пройдет.

Помимо воли глаза мои наполнились слезами, и я отвернулся, чтобы она не увидела выражения лица. Исабелла погасила лампу на ночном столике и продолжала сидеть со мной в темноте, слушая, как плачет жалкий пьяный, не задавая вопросов и не предлагая иного участия, кроме своего присутствия и доброты, пока я не забылся сном.

Меня разбудили муки похмелья, капкан, сжимавший виски, и запах колумбийского кофе. Исабелла придвинула к кровати столик, на котором стояли кофейник со свежим кофе и тарелка с хлебом, сыром, ветчиной и одним яблоком. От вида еды меня затошнило, но я немедленно потянулся к

кофейнику. Исабелла, незаметно наблюдавшая за мной с порога, тотчас приблизилась и налила чашку кофе, радостно улыбаясь.

— Вот, выпейте, он крепкий, и вы станете как новенький.

Я взял кружку и сделал глоток.

— Сколько времени?

— Час дня.

Я присвистнул.

— Ты давно на ногах?

— Часов семь.

— И чем развлекалась?

— Мыла, наводила порядок, но у вас работы хватит на несколько месяцев.

Я снова принялся за кофе.

— Спасибо, — пробормотал я. — За кофе. И за мытье с уборкой, хотя тебе незачем этим заниматься.

— А я чищу все не для вашей милости, если именно это вас беспокоит. Я убираю для себя. Если я буду тут жить, то не хотела бы вляпаться во что-нибудь, ненароком схватившись.

— Жить здесь? Кажется, мы говорили, что...

Стоило мне повысить голос, как ослепляющая боль прервала мою речь и мысли.

— Ш-ш-ш, — прошептала Исабелла.

Я сдался, позволив себе небольшую передышку. У меня пока не было ни сил, ни желания пускаться в препирательства с Исабеллой. Еще придет время вернуть ее в лоно семьи, пусть только похмелье протрубит отступление. Третьим глотком я допил кофе и медленно встал. Раскаленные иглы — штук пять-шесть, не меньше — пронзили мою голову. Я не сдержал стона. Исабелла подхватила меня под руку.

— Я не инвалид. И в состоянии позаботиться о себе.

Исабелла попробовала отпустить меня в свободное плавание. Я осилил несколько шагов в сторону коридора. Исабелла неотступно следовала за мной, будто опасаясь, что я могу рухнуть в любой момент. Около ванной комнаты я остановился.

— Я имею право помочиться в одиночестве? — поинтересовался я.

— Только прицеливайтесь поаккуратнее, — промурлыкала девчонка. — Завтрак я накрою в галерее.

— Я не голоден.

— Вы должны поесть.

— Ты моя ученица или мать?

— Я ради вас стараюсь.

Захлопнув дверь ванной комнаты, я обрел убежище. Понадобилось время, чтобы глаза привыкли к тому, что видели. Ванную было невозможно узнать. Чистая и сверкающая. Каждая вещь лежала на своем месте. Новый брусок мыла на раковине. Безупречные полотенца, об обладании которыми я даже не подозревал. Запах щелока.

— Матерь Божья, — пробормотал я.

Сунув голову под кран, я пустил на пару минут струю холодной воды. Выбравшись в коридор, я медленно двинулся в галерею. Если ванная комната стала неузнаваемой, то галерея выглядела воплощением рая. Исабелла вымыла окна и полы, привела в порядок деревянную мебель и кресла. Свет, яркий и незамутненный, струился сквозь сияющие стекла, запах пыли исчез. Завтрак дожидался меня на столике у дивана, который девушка застелила свежим покрывалом. На полках стеллажей, забитых книгами, был наведен порядок, а стеклянные дверцы вновь стали прозрачными. Исабелла наливала мне вторую чашку кофе.

— Я знаю, что ты делаешь. Это не сработает, — заметил я.

— Наливаю кофе?

Исабелла сложила разбросанные книги, грудami громоздившиеся на столах и по углам. Она разобрала журнальные столики, не одно десятилетие погребенные под кучами хлама. Всего за семь часов она играючи вышвырнула вон копившиеся годами мглу и сумерки — одним своим присутствием и трудолюбием. И у нее еще остались время и желание шутить и улыбаться.

— Мне больше нравилось, как было раньше, — сказал я.

— Несомненно. Вам и сотне тысяч тараканов, арендовавших у вас жилье. Я выгнала их с квартиры с помощью свежего воздуха и аммиака.

— Так это тараканьим ядом так пахнет?

— Тараканий яд — это запах чистоты! — возмутилась Исабелла. — Могли бы почувствовать хотя бы капельку благодарности.

— Я чувствую.

— Незаметно. Завтра я поднимусь в кабинет и...

— Даже не вздумай.

Исабелла пожала плечами, однако ее взгляд по-прежнему был преисполнен решимости. Я понял, что через двадцать четыре часа кабинет в башне претерпит необратимые изменения.

— Кстати, сегодня утром я нашла письмо в прихожей. Наверное, кто-то подsunул его ночью под дверь.

Я покосился на нее поверх чашки и сообщил:

— Парадное внизу закрывается на ключ.
— И я так думала. Дело в том, что мне это показалось очень странным, и хотя на конверте написано ваше имя...
— Ты его открыла.
— Боюсь, что так. Случайно, я не хотела.
— Исабелла, распечатывать чужую корреспонденцию не пристало воспитанному человеку. В некоторых местах это считается преступлением, за которое сажают в тюрьму.
— Что я постоянно твержу своей матери. Она все время вскрывает мои письма. И до сих пор на свободе.
— Где письмо?

Исабелла вытащила из кармана повязанного на поясе передника конверт и протянула мне, избегая моего взгляда. Конверт был из плотной шершавой бумаги с зубчатыми краями, цвета слоновой кости, с оттиском ангела на красной сургучной печати (сломанной) и с моим именем, выведенным красными ароматическими чернилами. Я открыл его и вынул сложенный лист бумаги.

Уважаемый Давид,
надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и оговоренная сумма сполна Вами получена. Будет ли Вам удобно встретиться со мной сегодня вечером в моем доме, чтобы приступить к обсуждению подробностей нашего проекта? Легкий ужин будет подан к десяти часам. Жду с нетерпением.

Искренне Ваш,

Андреас Корелли.

Я вновь сложил листок и спрятал его в конверт. Исабелла следила за мной с любопытством.

— Хорошие новости?
— Тебя они не касаются.
— А кто он такой, этот сеньор Корелли? У него прекрасный почерк, в отличие от вашего.
Я сердито посмотрел на нее.
— Если я собираюсь вам помогать, по-моему, мне нужно знать, с кем вы ведете дела. Я имею в виду, вдруг мне придется кого-то выпроваживать.
Я фыркнул.
— Он издатель.

— Должно быть, хороший. Смотрите, какого качества бумага и какими конвертами он пользуется. А что за книгу вы для него пишете?

— К тебе это никакого отношения не имеет.

— Как мне вам помогать, если вы не говорите, над чем работаете? Нет, лучше не отвечайте. Я умолкаю.

В течение десяти волшебных секунд Исабелла молчала.

— А какой он, ваш сеньор Корелли?

Я холодно взглянул на нее.

— Станный.

— Рыбак рыбака... Все-все, я молчу.

Рядом с девушкой, наделенной благородным сердцем, я чувствовал себя еще более ничтожным, если такое возможно. И я понял, что чем скорее с ней расстанусь, пусть даже глубоко ранив ее, тем будет лучше для нас обоих.

— Почему вы так смотрите на меня?

— Сегодня вечером я иду в гости, Исабелла.

— Вам оставить что-нибудь на ужин? Вы вернетесь очень поздно?

— Я поужинаю в городе и не знаю, в котором часу вернусь. Но когда бы это ни произошло, я хочу, чтобы к моему возвращению тебя здесь уже не было. Я хочу, чтобы ты собрала свои вещи и ушла. Куда — меня не интересует. Здесь тебе не место. Понятно?

Ее лицо побелело, а глаза наполнились влагой. Она закусила губы и улыбнулась мне со щеками, исчерканными слезами.

— Более чем. Понятно.

— Не надо больше ничего мыть.

Я встал и оставил ее в галерее одну. Я спрятался в кабинете в башне. Первым делом я распахнул окна. Из галереи доносились рыдания Исабеллы. Я смотрел на город, распростертый под полуденным солнцем, и тянулся взором на другой его конец, туда, где мне чудилась сверкающая черепичная крыша виллы «Гелиос». И представлял, как Кристина, сеньора де Видаль, стоит у окна на высокой башне, глядя на квартал Рибера. Темная, мутная волна вдруг всколыхнулась в моей душе. Я забыл о страданиях Исабеллы и желал лишь одного: чтобы скорее пробил час встречи с Корелли и мы начали обсуждать его проклятую книгу.

Я просидел в кабинете на верхотуре, пока над городом, будто кровь в воде, не за клубились сумерки. Вечер выдался жарким, самым жарким за все лето, и крыши квартала Рибера словно вибрировали подобно дымке миража. Я спустился вниз и переоделся. Дом окутала тишина, жалюзи в

галерее были опущены, и на стеклах лежали янтарные отблески света, заливавшего центральный коридор.

— Исабелла? — окликнул я.

Ответа не последовало. Заглянув в галерею, я убедился, что девушка ушла. Но прежде чем покинуть дом, она не отказала себе в удовольствии вытереть и расставить по порядку полное собрание сочинений Игнатиуса Б. Самсона, годами томившееся в пыли и забвении в книжном шкафу, стеклянные дверцы которого ныне не оскверняло ни единое пятнышко. Девушка вынула один из томов и оставила его, раскрыв посередине, на конторке. Я прочел пару строк наугад и как будто совершил путешествие в прошлое, где все казалось столь же простым, сколь и predetermined:

«„Поэзию пишут слезами, романы — кровью, а историю — вилами по воде“, — сказал кардинал, натирая ядом лезвие кинжала в свете канделябра».

Нарочитая наивность сценки вызвала у меня улыбку, и сомнение, точившее меня постоянно, вновь напомнило о себе: может, было бы лучше для всех (и прежде всего для меня), если бы Игнатиус Б. Самсон не сводил счеты с жизнью, уступая место Давиду Мартину.

8

Уже стемнело, когда я вышел на улицу. Жара и духота вынудили многих обитателей квартала вынести на мостовую стулья, уповая на овевающий прохладой бриз, но ветра не было и в помине. Я огибал спонтанно возникавшие компании у парадных и на углах на пути к Французскому вокзалу, где в ожидании пассажиров всегда стояли два или три такси. Я взял на абордаж первую же машину в ряду. Поездка через город и подъем по склону холма, на вершине которого раскинулся призрачный лес архитектора Гауди, заняла у нас минут двадцать. Огни в окнах особняка Корелли виднелись издалека.

— Не знал, что здесь кто-то живет, — заметил шофер.

Как только я расплатился, не забыв дать чаевые, водитель в ту же секунду снялся с якоря, с места развил хорошую скорость. Я не стал сразу звонить в дверь, упиваясь сказочной тишиной, царившей вокруг. В лесу, что рос на холме у меня за спиной, все листья будто замерли в оцепенении. Небо, усеянное звездами и перышками облаков, простиралось в вышине без конца и края. Я слышал собственное дыхание, шелест одежды при движении и звук шагов, когда направился к двери. Я нажал на звонок и стал

ждать.

Дверь отворилась через мгновение. Человек с понурым взглядом и плечами, едва заметно кивнул, увидев меня, и жестом пригласил войти. Судя по одежде, он был, наверное, кем-то вроде мажордома или слуги. Он не проронил ни звука. Я последовал за провожатым по коридору, где, по моим воспоминаниям, вдоль стен висели старые фотографии. В конце коридора открывалась большая гостиная, из которой как на ладони был виден город в дали. Мажордом пропустил меня в гостиную и, слегка поклонившись, оставил одного, удалившись в той степенной манере, с какой он встретил меня и сопровождал в дом. Я подошел к широким окнам и сквозь щель в занавесях принялся обозревать окрестности, убивая время до появления Корелли. Через пару минут я заметил фигуру, наблюдавшую за мной из угла комнаты. Человек совершенно неподвижно сидел в кресле на грани сумрака и света от единственной свечи, позволявшего лишь угадывать очертания ног и рук, покоившихся на подлокотниках. Я узнал притаившегося человека по блеску глаз, никогда не мигавших, и мерцавшей в отблесках свечи броши с изображением ангела, которую он всегда носил на лацкане пиджака. Едва мой взгляд коснулся его, он встал и стремительными шагами — слишком стремительными — приблизился ко мне с хищной улыбкой, от которой кровь стыла в жилах.

— Добрый вечер, Мартин.

Я поклонился, пытаясь выдавить ответную улыбку.

— Я снова вас испугал, — оборонил он. — Простите. Желаете выпить, или мы приступим к ужину без преамбул?

— Откровенно говоря, я не голоден.

— Это, конечно, из-за жары. Если не возражаете, мы могли бы выйти в сад и побеседовать там.

Возник молчаливый мажордом и церемонно открыл двери в сад. Цепочка свечей, установленных на кофейные блюдца, вела к столу из белого металла с двумя стульями, один напротив другого. Пламя свечей горело ровно, без малейших колебаний. Луна испускала рассеянное голубоватое сияние. Я сел, Корелли последовал моему примеру. Мажордом налил из графина в два бокала напиток, напоминавший вино или ликер, — лично я его пробовать не собирался. При луне в три четверти Корелли выглядел моложе, черты лица его казались тоньше. Он смотрел на меня напряженно, буквально пожирая глазами.

— Вас что-то беспокоит, Мартин.

— Полагаю, вы уже слышали о пожаре.

— Печальный конец, хотя в метафизическом смысле справедливый.

— Вы считаете справедливым, что два человека приняли такую смерть?

— Менее жестокую смерть вы нашли бы более приемлемой? Понятие справедливости не является универсальным, оно зависит от точки зрения. Я не намерен изображать горе, если его не испытываю, и, думаю, вы тоже, как бы ни старались. Но мы можем почтить память покойных минутой молчания, коли таково ваше желание.

— В этом нет необходимости.

— Разумеется, нет. Молчание необходимо, когда у человека нет ничего за душой и сказать ему нечего. Молчание творит чудеса — даже законченный осел целую минуту будет выглядеть мудрецом. Что-то еще не дает вам покоя, Мартин?

— Полиция, кажется, подозревает, что я связан с происшествием. Меня расспрашивали о вас.

Корелли беззаботно махнул рукой.

— Полиция должна выполнять свою работу, а мы свою. Тема наконец исчерпана?

Я неохотно кивнул. Корелли улыбнулся.

— Пару минут назад, пока я вас ждал, мне пришло в голову, что мы с вами не удосужились обсудить один маленький риторический вопрос. Чем раньше мы снимем эту проблему, тем скорее сможем перейти к сути дела, — сказал он. — Для начала я хотел бы спросить, что для вас означает вера.

Я ненадолго задумался.

— Я никогда не был религиозным человеком. Вместо того чтобы верить или не верить, я сомневаюсь. Сомнение — вот моя религия.

— Очень благоразумно и весьма буржуазно. Но, выбрасывая мячи за линию, не выиграть матча. Почему, по-вашему, на протяжении всей истории то появляются, то исчезают верования разного толка?

— Не знаю. Думаю, тут играют роль социальные, экономические и политические факторы. Вы говорите с человеком, проучившимся в школе только до десяти лет. Я не силен в истории.

— История — это клоака биологии, Мартин.

— Я пропустил этот урок в школе.

— Такие уроки не преподают в классах, Мартин. Этот урок мы усваиваем, опираясь на здравый смысл и жизненный опыт. Подобные уроки никто не хочет учить, и именно поэтому мы должны проанализировать его тщательнейшим образом, чтобы успешно справиться с нашей задачей. Коммерческая прибыль в значительной степени

проистекает из неумения других решить простую и насущную проблему.

— Мы говорим о религии или экономике?

— Терминологию выбираете вы.

— Если я правильно понял вашу мысль, вера, то есть признание за истину мифов, доктрин, легенд о сверхъестественном, есть следствие биологии?

— Не более и не менее.

— Достаточно циничное суждение, если учесть, что оно исходит от издателя религиозных текстов, — заметил я.

— Профессиональный и беспристрастный подход, — возразил Корелли. — Человеческое существо верит, как дышит, чтобы выжить.

— Ваша собственная теория?

— Это не теория, а статистика.

— Мне приходит в голову, что как минимум три четверти населения земного шара едва ли согласятся с подобным утверждением, — сказал я.

— Бесспорно. Если бы они соглашались, то не являлись бы потенциальными верующими. Невозможно никого заставить воистину уверовать в то, во что ему нет нужды верить исходя из биологических потребностей.

— Стало быть, вы считаете, что человеку на роду написано жить обманутым?

— Человеку на роду написано выживать. Вера есть инстинктивный ответ на явления бытия, которые мы не в состоянии объяснить рационально, будь то пустая мораль, которую мы воспринимаем во Вселенной, неотвратимость смерти, загадка происхождения вещей, смысл нашей собственной жизни или отсутствие такового. Это элементарные вопросы, в высшей степени простые, но свойственная нам ограниченность мешает найти верные ответы на них. И по этой причине мы в качестве защитной реакции выдаем эмоциональный ответ. Все очень просто и относится исключительно к области биологии.

— Следуя вашей логике, получается, что все верования или идеалы — всего лишь вымысел.

— Любое истолкование и наблюдение за реальностью волей-неволей является вымыслом. В данном случае корень проблемы заключается в том, что человек — животное, наделенное душой, — заброшен в бездушный мир и обречен на конечное существование с одной только целью — чтобы не прерывался естественный жизненный цикл вида. Невозможно выжить, постоянно пребывая в состоянии реальности, во всяком случае, для человеческого существа. Большую часть жизни мы проводим во сне,

особенно когда бодрствуем. Чистейшая биология, как я и сказал.

Я вздохнул.

— И после всего этого вы хотите, чтобы я придумал сказку, которая повергнет ниц простодушных и внушит им, что они узрели свет и есть нечто такое, во что нужно верить, ради чего стоит жить и даже убивать.

— Именно. Я не прошу вас изобретать нечто, чего еще не изобретали в той или иной форме. Я прошу только помочь мне напоить истомленных жаждой.

— Намерение похвальное и благочестивое, — съязвил я.

— Нет, обычный коммерческий проект. Природа представляет собой большой свободный рынок. Закон спроса и предложения работает на молекулярном уровне.

— Может, вам следует поискать интеллектуала для этой работы? Что касается молекулярных и коммерческих аспектов, уверяю вас, что большинство в жизни не видело сотни тысяч франков сразу. Готов поспорить, что за малую толику этой суммы кто угодно охотно согласится продать душу или изобрести ее.

Металлический блеск в его глазах навел меня на подозрение, что он собирается опять разразиться одной из своих едких мини-проповедей. Я представил сальдо на своем счету в Испано-колониальном банке и подумал, что сто тысяч франков стоят мессы или новены.

— Интеллектуал — это, как правило, персонаж, который как раз не отличается высоким интеллектом, — изрек Корелли. — Он присваивает себе подобное определение, компенсируя слабость природных способностей, которую подсознательно ощущает. Это старо как мир, и так же верно: скажи мне, чем ты похваляешься, и я скажу, чего у тебя нет. Знакомая история. Невежда прикидывается знатоком, жестокий — милосердным, грешник — святошей, ростовщик — благотворителем, раб — патриотом, гордец — смиренным, вульгарный — утонченным, дуралей — интеллектуалом. Повторю снова: все является делом рук, творением природы, а она даже отдаленно не напоминает сильфиду, воспеваемую поэтами. Она жестокая, ненасытная мать. И ей необходимо питаться существами, которых она рождает, чтобы поддерживать свою жизнь.

От Корелли с его поэтизацией кровожадной биологии меня начало подташнивать. Мне стало не по себе от пылкой страсти и клокочущей ярости, которыми были пропитаны его речи, и я задался вопросом, существует ли во Вселенной нечто такое, что не казалось бы ему отвратительным и ничтожным, включая мою персону.

— Вам надо бы проводить наставительные беседы в школах и

приходах в Вербное воскресенье. Вы имели бы ошеломляющий успех, — посоветовал я.

Корелли холодно усмехнулся.

— Не отклоняйтесь от темы. Я ищу противоположность интеллектуалу, то есть человека умного. И я его уже нашел.

— Вы мне льстите.

— Даже больше, я вам плачу. И очень хорошо, поскольку это единственная по-настоящему лестная вещь в нашем продажном мире. Не советую принимать вознаграждение, если оно не напечатано на обратной стороне чека. Оно приносит пользу только тем, кто их дает. Ну а поскольку я вам плачу, то рассчитываю, что вы меня будете слушать и следовать указаниям. Поверьте, я искренне не заинтересован в том, чтобы вы попусту тратили свое время. А так как я вас нанял, ваше время также является и моим временем.

Его тон звучал дружелюбно, однако стальной блеск в глазах не оставлял места сомнениям.

— Нет нужды напоминать мне об этом каждые пять минут.

— Прошу простить мою настойчивость, друг мой Мартин. Наверное, я докучаю вам пространными отступлениями, но делаю это для того, чтобы поскорее покончить с ними. Я хочу получить от вас форму, а не суть. Суть всегда одна и та же, ее изобрели с момента возникновения человечества. Она запечатлена в сердце человека подобно серийному номеру. Я хочу, чтобы вы нашли толковый и привлекательный способ ответить на вопросы, которые мы все себе задаем. Вам следует опираться на собственное прочтение человеческой души и применить на практике свои умения и мастерство. Я хочу, чтобы вы преподнесли историю, бередящую душу.

— Не более...

— И не менее.

— Вы говорите об управлении эмоциями и чувствами. Не проще ли было бы убеждать людей с помощью разумных рассуждений, простых и понятных?

— Нет. Невозможно начать рациональный диалог с человеком о верованиях и понятиях, которые он не способен воспринять разумом. О чем бы ни шла речь, о Боге, расе или национальной гордости. Для этого мне необходимо более мощное средство, чем обычное риторическое рассуждение. Мне необходима сила искусства, сценическая постановка. Нам кажется, что нам вняты слова песни, но верим мы им или нет, зависит от музыки.

Я попытался проглотить всю эту чушь не подавившись.

— Успокойтесь, на сегодня уже достаточно разговоров, — резко сменил тему Корелли. — Теперь перейдем к практическим вопросам. Мы с вами будем встречаться приблизительно каждые пятнадцать дней. Вы сообщаете о том, как идут дела, и показываете уже сделанную работу. Если я сочту нужным внести изменения или у меня появятся замечания, я дам вам знать. Работа продлится двенадцать месяцев или часть этого периода — столько, сколько потребуется для полного завершения труда. По истечении года вы представляете мне произведение целиком, а также все сопутствующие материалы без исключения в соответствии с правом собственности и гарантиями прав, единственным обладателем которых являюсь я. Ваше имя как автора не будет упомянуто, и вы принимаете на себя обязательство не предъявлять на него претензий после издания книги, а также не обсуждать выполненную работу, как и условия данного соглашения, ни с кем, ни в частном разговоре, ни публично. Взамен вы получаете аванс в размере ста тысяч франков. Фактически он уже выплачен. Затем, завершив труд и получив предварительно мое одобрение, вы можете рассчитывать на дополнительное вознаграждение в размере пятидесяти тысяч франков.

Я проглотил слюну. Человеку не дано осознать масштабы алчности, притаившейся в глубине его души, пока он не услышит сладостный звон монет в своем кармане.

— Вы не хотите оформить контракт в письменном виде?

— Наш контракт есть договор чести. Вашей и моей. И он уже скреплен. Договор чести нельзя уничтожить, ибо это уничтожило бы и того, кто его заключил, — изрек Корелли тоном, заставившим меня задуматься, уж не лучше ли было подписать договор на бумаге, пусть даже кровью. — У вас есть вопросы?

— Да. Зачем?

— Я не понимаю, Мартин.

— Зачем вам понадобился такого рода материал, или как хотите его назовите. Что вы намерены с ним делать?

— Неужели совесть тревожит, Мартин? Теперь?

— Возможно, вы принимаете меня за типа бессовестного и беспринципного. Однако если мне предстоит участвовать в проекте, который вы предлагаете, я хотел бы знать: какова конечная цель? Полагаю, на это я имею право.

Корелли улыбнулся и накрыл мою руку своей ладонью. Я вздрогнул от прикосновения его кожи, холодной и гладкой, как мрамор.

— Затем, что вы хотите жить.

— Звучит несколько угрожающе.

— Простое и дружеское напоминание о том, что вы и так знаете. Вы поможете мне потому, что хотите жить, и вам безразличны цена и последствия. Поскольку совсем недавно вы стояли на пороге смерти, а ныне перед вами открыты вечность и возможность новой жизни. Вы поможете мне потому, что вы человек. И потому, что у вас есть вера, хотя вы не желаете этого признавать.

Я убрал руку, чтобы он не смог до нее дотянуться. Он встал и отступил в глубь сада. Я наблюдал за ним.

— Не волнуйтесь, Мартин. Все получится. Поверьте мне, — произнес Корелли сладким, обволакивающим, почти отеческим тоном.

— Я уже могу идти?

— Конечно. Не хочу задерживать вас дольше необходимого. Я получил удовольствие от нашей беседы. Теперь я покину вас. Оставшись наедине с собой, обдумайте как следует то, о чем мы говорили. Вот увидите, что вскоре, преодолев внутреннее сопротивление и отторжение, вы поймете, что знаете правильный ответ. На жизненном пути не встречается ничего такого, чего мы не знали бы заранее. Мы не узнаём ничего важного в жизни, а только вспоминаем.

Он повернулся и сделал знак молчаливому мажордому, ожидавшему на краю сада.

— Машина вас заберет и доставит домой. Встретимся через две недели.

— Здесь?

— Там видно будет, — сказал он, облизнув губы, будто смакуя удачную шутку.

Мажордом приблизился и жестом пригласил следовать за собой. Корелли кивнул на прощание и снова сел на свой стул, устремив задумчивый взор на город.

Машина (надо же ее как-то назвать) ждала у дверей особняка. Это был не обыкновенный автомобиль, а мечта коллекционера. Он показался мне заколдованной каретой, передвижным собором из сверкающих изогнутых линий, созданных из чистого знания, увенчанных фигуркой ангела на моторе наподобие скульптур, украшавших нос корабля. Иными словами, это был «роллс-ройс». Мажордом открыл передо мной дверь и отвесил

прощальный поклон. Я ступил в салон, более напоминавший апартаменты в гостинице, чем кузов моторизированной повозки. Едва я устроился на сиденье, как автомобиль тронулся с места и поехал вниз по косогору.

— Вы знаете адрес? — спросил я.

Водитель — темный силуэт по ту сторону стеклянной перегородки — слегка кивнул. Мы ехали по Барселоне в зачарованной тишине хромированной кареты, скользившей плавно, будто парившей над землей. Улицы и дома, проплывавшие за окнами автомобиля, напоминали расселины и ущелья на дне моря. Перевалило за полночь, когда черный «роллс-ройс» свернул с улицы Комерсио и покатился по бульвару Борн. Машина остановилась в начале улицы Флассадерс, слишком узкой, чтобы по ней можно было проехать.

Шофер вышел и с поклоном открыл мне дверь. Я покинул машину, он захлопнул дверцу и вновь сел за руль, не вымолвив ни единого слова. Я смотрел ему вслед, пока темная тень не скрылась за пологом сумрака. Спросив себя, за что мне все это, и предпочитая не угадывать ответ, отправился домой с отчетливым ощущением, что весь мир — тюрьма, откуда невозможно убежать.

Очутившись дома, я сразу поднялся в кабинет и распахнул настежь окна, впустив в комнату влажный знойный ветер. Кое-где на плоских крышах квартала можно было различить тела, распростертые на матрацах и простынях: люди искали спасения от жары и пытались заснуть. Вдалеке возносились к небесам три широкие трубы на Паралело. Точно погребальные костры, они выбрасывали облака белого пепла, хрустальной пылью припорошившего Барселону. Чуть ближе высилась статуя Меркурия, взлетавшего с купола церкви. Она напомнила мне ангела на капоте «роллс-ройса» и брошь, неизменно украшавшую лацкан пиджака Корелли. И я почувствовал, что город, после многих месяцев безмолвия, вновь говорит со мной и поверяет свои секреты.

Вдруг я увидел ее. Она притулилась, скорчившись на крыльце у какой-то двери в убогой тесной щели между старыми домами, именовавшейся улицей Москас. Исабелла. Меня разобрало любопытство, сколько времени она там просидела, а потом я сказал себе, что это не мое дело. Я собирался закрыть окно и удалиться за письменный стол, когда заметил, что у девушки появилась компания. Парочка типов, не внушавших доверия, неторопливо — пожалуй, даже слишком — приближалась к ней по переулку. Я вздохнул, взмолившись про себя, чтобы они прошли мимо. Как бы не так. Один из молодчиков встал в конце улочки, блокируя выход. Второй опустился на колени перед девушкой, протягивая к ней руки.

Девушка отпрянула. Спустя миг две тени сомкнулись над Исабеллой, и я услышал ее крик.

Я был на месте через минуту. Когда я прибежал, один субъект держал Исабеллу за руки, а второй задира юбку. Ужас искажал лицо девушки. Тот, второй тип, со смехом прокладывая себе путь между ее бедер, прижимал к горлу жертвы нож. Из пореза текли три струйки крови. Я огляделся по сторонам. У стены были свалены ящики с мусором, груда брусчатки и остатки строительных материалов. Я схватил то, что подвернулось под руку, — металлический брус в полметра длиной, прочный и увесистый. Первым мое присутствие заметил субъект с ножом. Я шагнул вперед, замахнувшись железным брусом. Его взгляд метнулся с бруса на мое лицо, и улыбка на его губах стерлась, когда он заглянул мне в глаза. Второй тоже повернулся и увидел, как я надвигаюсь на него с занесенной палкой. Оказалось достаточно легкого кивка, чтобы он выпустил Исабеллу и поспешил спрятаться за спиной приятеля.

— Давай, уходим, — пробормотал он.

Его дружок не отреагировал на разумные слова. Он прожигал меня горящим взглядом, сжимая в руке нож.

— Торопишься на свои похороны, сукин сын?

Я взял Исабеллу за руку и поднял с земли, не выпуская из виду вооруженного противника. Нашарив ключи в кармане, я протянул их девушке.

— Иди домой, — бросил я. — Делай, что говорю.

Исабелла заколебалась на миг, но потом послышались ее шаги по переулку, удалявшиеся в сторону Флассадерс.

Тип с ножом, заметив, что она уходит, злобно усмехнулся:

— Я тебя прирежу, подонок.

Я не сомневался, что он способен, а главное, хочет исполнить свою угрозу. Однако по выражению глаз моего противника я понял, что он не полный дурак. Он не спешил расправиться со мной, прикидывая, сколько может весить металлический брус, а также хватит ли мне силы, смелости и времени раскроить ему череп прежде, чем он воткнет в меня клинок навахи. ^[37]

— Попробуй, — подбодрил его я.

Субъект сверлил меня грозным взглядом несколько мгновений, а затем фыркнул. Его товарищ испустил вздох облегчения. Бандит сложил нож и плюнул мне под ноги. Развернувшись, он зашагал обратно в тень, из которой пришел, а приятель побежал следом, как верный пес.

Я обнаружил съезжившуюся на корточках Исабеллу на лестничной

площадке дома с башней. Она тряслась всем телом и держала ключи обеими руками. При моем появлении она резко вскочила.

— Хочешь, я вызову врача?

Она замотала головой.

— Ты уверена?

— Они не успели мне ничего сделать, — пробормотала девушка, глотая слезы.

— Мне так не показалось.

— Они ничего мне не сделали, понятно? — заспорила она.

— Понятно, — сказал я.

Я хотел поддержать ее, когда мы стали подниматься по ступеням, но она отстранилась.

Мы вошли в дом, и я проводил ее в ванную комнату и зажег там свет.

— У тебя есть смена чистой одежды, чтобы переодеться?

Исабелла показала мне сумку, которую держала, и кивнула.

— Давай, сполоснись, а я пока приготовлю что-нибудь на ужин.

— Неужели вы голодны в такой час?

— Представь, я хочу есть.

Исабелла прикусила нижнюю губу.

— Честно говоря, я тоже...

— Тогда конец спору, — отозвался я.

Закрыв дверь ванной, я подождал под дверью, пока не услышал, как потекла вода. Тогда я отправился на кухню и поставил кипятить воду. У меня оставалось немного риса, овощей и свинины из тех продуктов, что Исабелла принесла накануне утром. Я соорудил из всего этого импровизированное блюдо и ждал почти полчаса, когда Исабелла выйдет из ванной, успев за это время выпить полбутылки вина. Я слышал ее яростные рыдания за стеной. На пороге кухни девушка появилась с покрасневшими глазами, и выглядела она в это мгновение совсем ребенком.

— У меня, кажется, пропал аппетит, — пробормотала она.

— Сядь и поешь.

Мы уселись за небольшой стол, стоявший в центре кухни. Исабелла не без подозрения поглядела на тарелку риса с ломтиками ветчины, которую я поставил перед ней.

— Ешь, — приказал я.

Она зачерпнула немного риса ложкой и поднесла ко рту.

— Вкусно, — поделилась она.

Я налил ей полбокала вина и долил водой.

— Отец не разрешает мне пить вино.

— Я не твой отец.

Мы молча поужинали, поглядывая друг на друга. Исабелла съела дочиста свою порцию и кусок хлеба, который я ей отрезал. Потом девушка робко улыбнулась. Похоже, она толком даже не успела испугаться. Затем я довел ее до дверей спальни и зажег свет в комнате.

— Попробуй поспать немного, — сказал я. — Если тебе что-то понадобится, постучи в стену. Я буду в соседней комнате.

Исабелла закивала.

— Я ведь слышала, как вы храпите, прошлой ночью.

— Я не храплю.

— Наверное, это гудели водопроводные трубы. Или скорее кто-то из соседей держит медведя.

— Еще одно слово, и ты вновь окажешься на улице.

Исабелла улыбнулась и наклонила голову.

— Спасибо, — прошептала она. — Пожалуйста, не закрывайте плотно дверь. Только притворите ее.

— Спокойной ночи, — пожелал я, выключив свет и оставив Исабеллу в темноте.

Позднее, раздеваясь у себя в спальне, я заметил темное пятно на щеке, похожее на черную слезу. Я приблизился к зеркалу и стер его пальцем. Это была запекавшаяся кровь. И только тогда я почувствовал, что смертельно устал и у меня ноет все тело.

10

На следующее утро, раньше, чем Исабелла проснулась, я стоял у магазина бакалейных товаров, который ее семья держала на улице Миральерс. Только рассвело, и решетка магазина была наполовину закрыта. Я протиснулся внутрь и застал двух приказчиков, возводивших на прилавке башни из чайных коробок и прочих экзотических товаров.

— Закрыто, — сообщил один из продавцов.

— Я не собираюсь ничего покупать. Мне нужно увидеть хозяина.

Дождаясь хозяина, я развлекался осмотром семейного торгового предприятия неблагодарной наследницы Исабеллы, в своей бесконечной наивности отрекавшейся от сладких плодов коммерции, чтобы вкусить горького хлеба литературы. Магазин напоминал небольшую ярмарку чудес, привезенных из разных уголков мира. Там продавались разнообразные сорта мармелада, сладостей и чая. Кофе, специи и консервы. Фрукты и

вяленое мясо. Шоколад и копчености. Это был раблезианский рай для тугих кошельков. Дон Одон, отец небесного создания и управляющий фирмой, вскоре явился собственной персоной, облаченный в голубой халат, с лихо подкрученными усами. Почтенный торговец был весьма не в духе, и выражение его лица внушало опасения, что беднягу вот-вот хватит удар. Я решил взять быка за рога.

— Ваша дочь сказала, что под прилавком у вас припрятана двустволка, из которой вы поклялись застрелить меня, — начал я и раскинул руки на манер креста. — Вот он я.

— И кто вы такой, бесстыдник?

— Я тот бесстыдник, кто был вынужден приютить одну девушку, поскольку бесхребетный отец не в состоянии держать ее в руках.

Гримаса гнева сползла с его лица, сменившись кривой неуверенной улыбкой.

— Сеньор Мартин? Я вас не узнал... Как девочка?

Я вздохнул.

— Девочка здорова и невредима, спит у меня дома без задних ног, но с незапятнанными честью и добродетелью.

Лавочник с облегчением перекрестился два раза подряд.

— Бог вас вознаградит.

— И вам того же. Тем не менее я намерен просить вас об одолжении. Будьте любезны прийти и непременно забрать девушку в течение дня, или я разобью вам лицо, и ваше ружье меня не испугает.

— Ружье? — пробормотал смущенный торговец.

Его супруга, миниатюрная женщина с беспокойными глазами, подсматривала за нами, спрятавшись за шторой, отделявшей торговый зал от подсобного помещения. Что-то подсказало мне, что стрельбы не предвидится.

Дон Одон тяжело задышал. Казалось, он готов лишиться чувств.

— Как бы я хотел этого, сеньор Мартин. Но девочка не желает тут жить, — с горечью стал оправдываться он.

Поняв, что бакалейщик вовсе не был таким негодяем, каким его расписала Исабелла, я устыдился своей резкости.

— Так вы ее не выгоняли из дома?

Глаза дона Одона стали как блюдца, и в них отразилась скорбь. Его жена выступила вперед и взяла мужа за руку.

— Мы поссорились. Было сказано много, чего не следовало бы говорить, с обеих сторон. Но дело в том, что у девочки дар и ей нейдет, характер у нее дай Боже... Она пригрозила уйти и сказала, что мы больше

никогда ее не увидим. Ее мать, святая душа, чуть не умерла от разрыва сердца. Я повысил на нее голос и пообещал, что упрячу ее в монастырь.

— Верный способ убедить семнадцатилетнюю девчонку, — вставил я.

— Это первое, что пришло мне в голову... — возразил бакалейщик. — Каким образом я мог бы поместить ее в монастырь?

— Судя по тому, с чем столкнулся я, только призвав на помощь полк жандармерии.

— Не знаю, что вам порассказала дочка, сеньор Мартин, но не верьте этому. Мы люди простые, но никакие не чудовища. Ума не приложу, как с ней справиться. Я не тот человек, кто хватается за ремень и вколачивает науку с кровью. А моя супруга, которая перед вами, не обидит даже кошки. Понятия не имею, откуда у девочки взялся такой характер. Наверное, все беды из-за того, что она слишком много читала. А ведь нас предостерегали монахини. Еще мой отец, царствие ему небесное, говорил: в день, когда женщинам разрешат учиться читать и писать, мир покатится в пропасть.

— Великим мудрецом был ваш отец, однако это не решает ни вашу проблему, ни мою.

— А что мы можем сделать? Исабелла не хочет жить с нами, сеньор Мартин. Она заявляет, что мы тупицы, что мы ее не понимаем и хотим похоронить в этой лавке... Как бы я хотел ее понять! Я работаю в магазине с семи лет, от зари до зари, и единственное, что я понял, — это то, что мир наш безобразен и не проявит снисхождения к молоденькой девушке, которая витает в облаках, — рассуждал бакалейщик, прислонившись к бочке. — Больше всего я боюсь, что, если я заставлю ее вернуться, она действительно убежит и попадет в руки какому-нибудь проходимцу... Даже думать об этом не хочу.

— Это правда, — подтвердила его жена, говорившая с очень легким итальянским акцентом. — Поверьте, дочка разбила нам сердце, но так происходит не впервые. Она уродилась в мою мать, а у той был неаполитанский характер...

— О, *татта*, — протянул дон Одон, обреченный с благоговением чтить память тещи.

— Когда она сказала, что проживет несколько дней в вашем доме, помогая с работой, мы немного успокоились, — продолжала мать Исабеллы. — Мы ведь знаем, что вы человек хороший, ну и дочка, по большому счету, рядом с нами, всего в двух улицах отсюда. И мы думаем, вы сумеете уговорить ее вернуться.

Мне стало любопытно, что им наговорила обо мне Исабелла, чтобы убедить, что ваш покорный слуга ходит по воде.

— Как раз сегодня ночью, в двух шагах отсюда, избили до полусмерти пару поденщиков, возвращавшихся домой. Вы только подумайте. Исклечили, отделали железкой, как собак. Говорят, что один вряд ли выживет, а второй останется парализованным до конца дней, — сообщила мать. — Что за мир!

Дон Одон смущенно посмотрел на меня.

— Если я приведу ее назад, она снова убежит. И неизвестно, повезет ли ей во второй раз так, как с вами. Мы понимаем, нехорошо, когда девушка живет в доме холостого мужчины, но по крайней мере о вас нам известно, что вы человек порядочный и как следует позаботитесь о ней.

Бакалейщик был готов расплакаться. Я бы предпочел, чтобы он побежал за ружьем. Кстати, не исключалась возможность, что в любой момент у меня на пороге объявится какой-нибудь неаполитанский родственник, готовый постоять за честь девушки с мушкетом в руках. *Porca miseria.* ^[38]

— Вы даете слово, что присмотрите за ней, пока она не одумается и не вернется к нам?

Я тяжело вздохнул:

— Даю слово.

Я отправился домой, нагруженный яствами и деликатесами, которые дон Одон и его супруга всучили мне буквально насильно, угощая за счет фирмы. Я пообещал им, что позабочусь об Исабелле в течение нескольких дней, пока разум к ней не возвратится и она не поймет, что ее место — со своей семьей. Бакалейщики настойчиво предлагали мне деньги на ее содержание, но эту крайность я с негодованием отверг. У меня родился план, согласно которому к концу недели Исабелла должна была уже спать под отчим кровом. Но для этого следовало несколько дней подержать ее в заблуждении, будто она стала моей помощницей. И более неприступные крепости сдавались.

Я пришел домой и обнаружил девушку за столом на кухне. Она вымыла посуду, оставшуюся от ночного пиршества, сварила кофе и была одета и причесана, как святая на рождественской открытке. Исабелла, отличавшаяся редкой сообразительностью, прекрасно поняла, откуда я явился, и встретила меня во всеоружии — взглядом побитой собаки и покорной улыбкой. Я сложил пакеты с образцами изысканных товаров от дона Одона на мойку и посмотрел на Исабеллу.

— Отец не застрелил вас из ружья?

— У него закончились патроны, и он вел обстрел этими банками с мармеладом и кусками ламанчского сыра.

Исабелла сжала губы и скорчила подходящую случаю гримасу.

— Так, значит, Исабелла у нас пошла в бабушку?

— *Матта*, — подтвердила она. — В квартале ее прозвали Везувием.

— Охотно верю.

— Говорят, я немного на нее похожа. В смысле упорства.

«За доказательствами далеко ходить не требуется», — подумал я.

— Твои родители — хорошие люди, Исабелла. Ты их понимаешь не больше, чем они тебя.

Девушка не ответила. Она налила мне чашку кофе и теперь ждала приговора. В моем распоряжении имелись два варианта: выбросить ее на улицу и загнать в гроб чету бакалейщиков или взять себя в руки и вооружиться терпением на два-три дня. Я полагал, что сорока восьми часов пребывания рядом с самым циничным и неприятным из моих воплощений хватит за глаза, чтобы сломить железную решимость девчушки и отправить блудную дочь домой, под крылышко матери, с мольбой о прощении и проживании на полном пансионе.

— Можешь пока пожить здесь...

— Спасибо!

— Не так быстро. Ты можешь остаться с условием. Во-первых, каждый день ты навещаешь в магазин, чтобы повидать родителей и сказать им, что ты в порядке. Во-вторых, ты слушаешься меня и подчиняешься правилам этого дома.

Прозвучало это патриархально, но без должной решительности. Я сохранял суровое выражение на лице и решил разговаривать поостроже.

— И каковы правила этого дома? — спросила Исабелла.

— В основном те, что взбредут мне в голову.

— Я считаю, это справедливо.

— Тогда договорились.

Исабелла обогнула стол и с благодарностью обняла меня. Я всем существом ощутил жар и упругость форм семнадцатилетнего тела. Я мягко отстранил ее, отодвинув от себя по меньшей мере на метр.

— Первое правило таково: тут не пансион для благородных девиц и потому, пожалуйста, без женских штучек — мы не обнимаемся и не рыдаем по всякому поводу.

— Как скажете.

— А эту фразу мы сделаем девизом, на котором будет строиться наше существование: то, что скажу я.

Исабелла засмеялась и со всех ног понеслась в коридор.

— И куда, по-твоему, ты направляешься?

— Вымыть и прибрать ваш кабинет. Вы же не собираетесь оставить его в таком виде, не правда ли?

Мне требовалось место, где можно было спокойно подумать и спрятаться от хозяйственного рвения и одержимости чистотой моей новоиспеченной помощницы. Поэтому я отправился в библиотеку, занимавшую неф с готическими сводами в старинном средневековом приюте на улице Кармен. Вторую половину дня я провел в окружении книг, пахших папской усыпальницей, вникая в мифологию и историю религий, пока глаза у меня чуть не выпали на стол и не покатались по библиотеке. Я прикинул, что за несколько часов непрерывного чтения успел перелопатить миллионную долю материалов, хранившихся под сводами этого книжного святилища, не говоря уж о том количестве литературы, когда-либо написанной на данную тему. Я решил прийти сюда завтра и послезавтра, потратив не меньше недели на то, чтобы забить голову страницами и страницами о богах, чудесах, пророчествах, святых, видениях, озарениях и мистериях, давая пищу своему воображению. Все лучше, чем думать о Кристине, доне Педро и их супружеской жизни.

Поскольку у меня была теперь трудолюбивая помощница, я поручил ей сделать выписки из катехизиса и копии школьных текстов, которыми пользовались в нашем городе для преподавания Закона Божия, и попросил составить резюме каждого из них. Исабелла не оспаривала мои указания, однако нахмурилась, выслушивая их.

— Я хочу знать в мельчайших подробностях, как преподносят детям всю библейскую историю, от Ноева ковчега до чуда с пятью хлебами и рыбами, — объяснил я.

— И зачем вам это?

— Потому что я любопытный и у меня масса интересов.

— Вы собираете материалы для новой версии «Младенец Христос в моей жизни».

— Нет. Я задумал роман о похождениях монашки в армии. Твоя задача сводится к тому, чтобы делать, что я говорю, без возражений, или я отправлю тебя обратно в родительский магазин. Будешь продавать айвовое варенье в свое удовольствие.

— Вы деспот.

- Я рад, что мы начинаем узнавать друг друга.
- Это имеет какое-то отношение к книге, которую вам надо написать для того издателя, Корелли?
- Возможно.
- Сдается мне, что у подобной книги нет шансов на коммерческий успех.
- Что ты понимаешь!
- Гораздо больше, чем вам кажется. И ни к чему так себя вести, я ведь только пытаюсь помочь. Или вы решили оставить стезю профессионального писателя и стать любителем, жеманным завсегдатаем кафе?
- В настоящий момент у меня другое занятие, я работаю нянкой.
- Я не стала бы выяснять, кто кого нянчит, так как этот спор заранее выиграла.
- А какой спор по душе вашему превосходительству?
- Коммерческое искусство *versus* ^[39] нравоучительных глупостей.
- Дорогая Исабелла, мой маленький Везувий, в коммерческом искусстве, а все искусство, заслуживающее такого названия, рано или поздно становится коммерческим, глупость является неотъемлемой частью суждений критика.
- Вы обвиняете меня в глупости?
- Я обвиняю тебя в нарушении порядка. Делай, что я сказал. И точка. Молча.

Я указал ей на дверь. Исабелла, закатив глаза, удалилась. Шествуя по коридору, она бормотала проклятия, которые я толком не расслышал.

Пока Исабелла бегала по колледжам и библиотекам в поисках книг с текстами и катехизисов, из которых ей надлежало сделать выписки, я ходил в библиотеку на улице Кармен, дабы пополнить свое теологическое образование, подкрепляя энтузиазм изрядной долей кофе и стоицизма. Первые семь дней этого своеобразного созидания породили одни сомнения. Одно из немногих убеждений, вынесенных мною, заключалось в том, что подавляющее большинство авторов, почувствовавших призвание писать о божественном, человеческом и сакральном, наверное, были людьми учеными и в высшей степени благочестивыми, но совершенно бездарными писателями. Многострадающему читателю, вынужденному продирааться сквозь дебри их опусов, приходилось прикладывать титанические усилия, чтобы не впасть в коматозное состояние от тоски, навеваемой каждым новым абзацем.

Преодолев с большим трудом тысячи страниц, посвященных религиозной тематике, я стал подозревать, будто сотни верований, внесенных в каталог на протяжении истории книгопечатания, похожи между собой как две капли воды. Я отнес это впечатление на счет собственного невежества или отсутствия приличных документальных источников. Однако мне не удавалось отделаться от ощущения, будто все это время я просматривал краткое изложение десятков детективов: убийцей мог быть тот или иной персонаж, но сюжет оставался, в сущности, неизменным. Мифы и легенды, о чем бы они ни повествовали — божествах, сотворении мира или об истории народов и племен, — я стал воспринимать как картинки головоломок, практически ничем друг от друга не отличавшиеся. Они состояли из одних и тех же кусочков, которые просто собирались в другом порядке.

За два дня я подружился с Эвлалией, заведующей библиотекой. Она подбирала мне документы и книги в океане бумажного наследия, находившегося на ее попечении. Время от времени Эвлалия подходила к моему столу в уголке, чтобы поинтересоваться, не нужны ли мне новые материалы. Она была примерно моих лет и фонтанировала остроумиями, как правило, колкими шутками, слегка приправленными ядом.

— Вы читаете много о божественном, кабальеро. Решили стать служкой на старости лет?

— Всего лишь собираю материал.

— О, так все говорят.

Шутки и остроумие библиотекарки стали целебным бальзамом, питавшим душевные силы, благодаря чему я не скончался над зубодробительными текстами и продолжал странствие по морю документов. Когда у Эвлалии выдавалась свободная минутка, она подсаживалась ко мне и помогала разбираться в этой галиматее. На страницах книг, которых было великое множество, теснились рассказы об отцах и детях, добродетельных и святых женщинах, предательствах и обращениях в веру, пророчествах и мучениках-пророках, посланниках неба или рая. А также о детях, рожденных для спасения Вселенной, мифических существах, страшных как смертный грех и сложением сходных с животными, об эфирных созданиях с расово приемлемыми чертами. Последние представляли силы добра и выступали героями, претерпевавшими тяжелейшие испытания судьбы. И практически везде навязывалась концепция земного существования как своеобразного промежуточного состояния, что предполагало послушание и покорность року и требовало соблюдения законов племени. Ибо награда всегда

ожидала по ту сторону бытия и сулила райские кущи, изобиловавшие тем, чего не имелось в плотской жизни.

В четверг в полдень Эвлалия приблизилась к моему столу во время перерыва и спросила, не забываю ли я изредка поесть среди непрерывного чтения требников. Я пригласил ее пообедать в «Каса Леопольдо», ресторан, недавно открывшийся неподалеку от библиотеки. Пока мы отдавали должное превосходному жаркому из бычьего хвоста, она рассказала, что уже четыре года (из них два занимая нынешнюю свою должность) работает над романом, который еще не окончен. Местом действия она выбрала библиотеку на улице Кармен, а канву составляла цепочка таинственных преступлений, совершенных в библиотеке.

— Мне хотелось бы написать нечто похожее на романы Игнатиуса Б. Самсона, издававшиеся несколько лет назад, — сказала Эвлалия. — Вы их помните?

— Смутно, — отозвался я.

Эвлалия до сих пор не придумала основную интригу своей книги. Я посоветовал придать повествованию слегка зловещий тон и строить действие вокруг истории таинственной книги, принадлежавшей духу грешника, сдоблив чертовщиной второстепенные сюжетные линии.

— Так поступил бы на вашем месте Игнатиус Б., — рискнул предположить я.

— А какую цель на самом деле преследуете вы, читая столько книг об ангелах и демонах? И не убеждайте меня, что вы бывший семинарист, которого заела совесть.

— Я пытаюсь выяснить, есть ли общие корни у религиозных верований и мифов и каковы они, — объяснил я.

— И что вам удалось узнать?

— Почти ничего. Я не хочу утомлять вас мизерере. [\[40\]](#)

— Вы меня не утомляете. Расскажите.

Я пожал плечами:

— Пожалуй, пока самым интересным мне представляется то, что начало большинству конфессий было положено неким событием или личностью, более-менее исторически достоверными. Однако очень быстро учение перерастает в социальное движение, подчиненное соответствующим политическим, экономическим и общественным интересам группы, воспринявшей эти верования. Вы еще не уснули?

Эвлалия покачала головой.

— Львиная доля мифологии, которой обрастает любая доктрина, начиная от богослужения и заканчивая нормами и табу, создается

бюрократией, возникающей по мере эволюции учений, а не проистекает из гипотетического сверхъестественного явления, породившего их. Большая часть безыскусных и миролюбивых историй представляет собой симбиоз здравого смысла и фольклора. Но они непременно в конце концов получают воинственный заряд, а он формируется в результате позднейших интерпретаций первоначальной идеи, если не откровенных искажений, допускаемых вождями. Проблема руководства и возникновение иерархии занимают ключевое место в рамках развития вероучения. Истина на первых порах открывается всем. Однако вскоре появляются личности, считающие своим правом и долгом истолковывать, распоряжаться и в случае надобности изменять истину во имя общего блага. С этой целью они создают организацию, могущественную и потенциально репрессивную. Это явление, а биология учит нас, что подобное свойственно любой социальной группе животных, немедленно превращает доктрину в элемент политического контроля и борьбы. Ссоры, войны и разногласия становятся неизбежными. Рано или поздно слово становится плотью, а плоть истекает кровью.

Я почувствовал, что рассуждаю, как Корелли, и вздохну. Эвлалия вяло улыбалась и смотрела на меня с некоторой опаской.

— Именно этого вы жаждете? Крови?

— Наука дается кровью, а не наоборот.

— Я не стала бы утверждать столь категорично.

— По-моему, вы ходили в монастырскую школу.

— К кармелиткам. Восемь лет.

— А правду говорят, что учениц школ при женских монастырях обуревают самые темные и постыдные желания?

— Держу пари, что вам до смерти хотелось бы это узнать.

— Ставьте все фишки на «да».

— А что еще вы усвоили из ускоренного курса теологии для беспокойных умов?

— Очень немного. Мои первые выводы огорчают банальностью и непоследовательностью. И чтобы сделать подобные выводы, нет нужды глотать энциклопедии и трактаты о раздорах ангелов, настолько все кажется очевидным. Вероятно, я просто не способен преодолеть свои предубеждения. А может, в этих материях и разбираться нечего. И суть вопроса заключается всего-навсего в том, верить или не верить, не давая себе труда задуматься о причинах и истоках. Как вам мое красноречие? Вы все еще под впечатлением?

— У меня мурашки бегут по коже. Как жаль, что я не встретила вас в

годы учебы в монастырском колледже, в пору смутных желаний.

— Вы безжалостны, Эвлалия.

Библиотекарша весело рассмеялась и проникновенно посмотрела мне в глаза.

— Скажите, Игнатиус Б., кто так жестоко разбил ваше сердце?

— Вижу, вы умеете читать не только книги.

Мы посидели несколько минут молча, наблюдая за суетой официантов в обеденном зале ресторана «Каса Леопольдо».

— Знаете, что самое лучшее в разбитых сердцах? — спросила библиотекарша.

Я покачал головой.

— То, что разбить сердце можно только один раз. Потом на нем остаются лишь царапины.

— Используйте это в своей книге.

Я указал на ее обручальное кольцо.

— Не знаю, кто этот дурачок, но, надеюсь, ваш жених понимает, что он самый счастливый мужчина на свете.

Эвлалия грустно улыбнулась и кивнула. Мы возвратились в библиотеку и разошлись по своим местам. Она вернулась за конторку, а я — в свой укромный уголок. Мы попрощались на следующий день, ибо я решил, что более не могу и не собираюсь читать ни одной лишней строчки об озарениях и вечных истинах. По дороге в библиотеку я купил белую розу на лотке на бульваре Рамбла и положил ее на письменный стол, за которым никого не было. Я нашел Эвлалию в одном из проходов: она расставляла на полках книги.

— Уже покидаете меня, так скоро? — промолвила она, увидев меня. — Кто же теперь будет осыпать меня комплиментами?

— Да кто угодно.

Она проводила меня до дверей и пожала руку на верхней площадке лестницы, спускавшейся во внутренний дворик старого приюта. Я начал спускаться по ступеням, но на полпути обернулся. Она все еще стояла наверху и смотрела мне вслед.

— Удачи, Игнатиус Б. Желаю найти то, что вы ищете.

Мы ужинали с Исабеллой за столом в галерее. Я заметил, что моя новоиспеченная помощница искоса поглядывает на меня.

— Не нравится суп? Вы его так и не попробовали... — осмелилась подать голос девушка.

Я уставился на нетронутую тарелку супа, остывавшего на столе. Взяв ложку, я сделал вид, что пробую изысканное яство.

— Изумительно, — похвалил я.

— И вы не проронили ни слова, вернувшись из библиотеки, — добавила Исабелла.

— Еще жалобы есть?

Исабелла обиженно потупилась. Я через силу ел холодный суп, так как это был удобный предлог не продолжать беседу.

— Почему вы такой печальный? Из-за той женщины?

Я начал бесцельно гонять суп по тарелке. Исабелла тишком не спускала с меня взгляда.

— Ее зовут Кристина, — сказал я. — И я не печальный. Я рад за нее, поскольку она вышла замуж за моего лучшего друга и будет очень счастлива.

— А я царица Савская.

— Ты любопытная надоеда, вот ты кто.

— Вы мне больше нравитесь, когда ехидничаете и говорите правду.

— Посмотрим, как тебе понравится это: отправляйся к себе в комнату и оставь меня в покое один-единственный раз.

Она попыталась улыбнуться, но, когда я протянул к ней руку, ее глаза наполнились слезами. Она схватила грязные тарелки, свою и мою, и убежала на кухню. Я услышал, как посуда попадала в раковину, а несколько мгновений спустя громко хлопнула дверь ее спальни. Я вздохнул и попробовал вино — божественный напиток из магазина родителей Исабеллы. Через некоторое время я подошел к двери ее комнаты и тихонько постучал костяшками пальцев. Она не отозвалась, но изнутри до меня доносились ее всхлипывания. Я подергал дверь, но девушка заперлась на замок.

Я поднялся в кабинет. После того как тут похозяйничала Исабелла, он пах свежими цветами и выглядел как капитанская каюта крейсера. Исабелла расставила по порядку книги, вытерла пыль, навела блеск, преобразив все до неузнаваемости. Старый «Ундервуд» казался статуэткой, и буквы на клавишах вновь читались без труда. Стопка бумаги, аккуратно сложенная, покоилась на письменном столе — резюме школьных религиозных текстов, выписки из катехизиса вместе с текущей корреспонденцией. На кофейном блюдежке лежали две гаванские сигары, распространявшие упоительный аромат. Превосходного сорта, из числа

товаров, составлявших предметы роскоши и привезенных с Карибских островов. Эти сигары отцу Исабеллы из-под полы поставлял один знакомый табачник. Я взял одну и закурил. Она обладала терпким вкусом, внушая чувство, будто ее теплый фимиам вобрал все запахи и сладчайший дурман, вдохнув который человек может умереть спокойно. Усевшись за стол, я просмотрел дневную почту. И проигнорировал все письма, кроме одного, написанного на пергаменте цвета охры почерком, который я узнал бы когда угодно. В послании от моего нового издателя и мецената Андреаса Корелли мне назначалось свидание в полдень в воскресенье на верхушке башни новой канатной дороги, парившей над портом Барселоны.

Башня Сан-Себастьян поднималась ввысь метров на сто, одетая сталью и опутанная тросами, — при одном взгляде на этот клубок начиналось головокружение. Подвесная канатная дорога была с помпой открыта в том году по случаю Всемирной выставки, перевернувшей все в городе вверх тормашками и осыпавшей Барселону невиданными новшествами. Канатная дорога тянулась над внутренней гаванью порта и делилась на два отрезка: кабины стартовали с платформы башни Сан-Себастьян и скользили в пустоте к большой центральной вышке, напоминавшей Эйфелеву башню и служившей меридианом. Сделав остановку, воздушные вагончики преодолевали вторую половину пути до горы Монтжуик, где билось сердце выставки. Чудеса техники сулили вид на город, до сих пор доступный лишь дирижаблям, птицам высокого полета и ледяным шарикам града. По моему скромному разумению, человек и чайка не были рождены для того, чтобы делить одно воздушное пространство. Едва ступив в лифт, поднимавший на верхнюю площадку башни, я почувствовал, что мой желудок сжался до размеров теннисного мячика. Взлет показался мне бесконечным, а тряска жестяной капсулы оказалась упражнением на вызывание тошноты в чистом виде.

Корелли стоял у широкого окна, разглядывая гавань и панораму города. Он был поглощен созерцанием акварельных мазков на синем фоне — парусов и мачт, качавшихся на волнах. Облаченный в белый шелковый костюм, он вертел в руке мороженое, поедая шарик с волчьей жадностью. Я кашлянул, и патрон обернулся, сияя довольной улыбкой.

— Восхитительный вид, вы не находите? — спросил Корелли.

Я кивнул, побелев как полотно.

— Вас впечатляет высота?

— Я животное наземное, — отвечал я, стараясь держаться на разумном расстоянии от окна.

— Я позволил себе купить билеты на поездку туда и обратно, — сообщил он.

— Очень любезно с вашей стороны.

Я последовал за ним к сходням, по которым люди поднимались в подвесные кабины, болтавшиеся в пустоте на высоте почти сотни метров, что лично мне казалось сущей дикостью.

— Как прошла неделя, Мартин?

— За чтением.

Он бросил на меня мимолетный взгляд.

— Судя по вашему утомленному виду, читали вы не господина Александра Дюма.

— Скорее собрание сочинений замшелых академиков и их цементную прозу.

— О, интеллектуалов! А вы желали, чтобы я заключил договор с одним из них. Почему, любопытно, чем меньше у человека есть что сказать, с тем большей напыщенностью и педантизмом он излагает свои скудные мысли? — спросил Корелли. — Кого они хотят обмануть, весь мир или самих себя?

— Вероятно, и то и другое.

Патрон вручил мне билеты и пропустил вперед. Я протянул билеты служителю, придерживавшему открытую дверцу кабины. Забравшись в воздушную карету без всякого воодушевления, я решил застолбить место посередине, как можно дальше от застекленных окошек. Корелли лучился улыбкой, как восторженный ребенок.

— Возможно, отчасти ваша проблема заключается в том, что вы читали комментаторов, а не первоисточники. Распространенная ошибка, однако фатальная, если вы хотите узнать нечто полезное, — заметил Корелли.

Дверцы кабины закрылись, и сильный рывок вывел нас на орбиту. Я вцепился в железный поручень и сделал глубокий вдох.

— Подозреваю, что ученые и теоретики не внушают вам доверия, — сказал я.

— Я никому не доверяю, Мартин, а особенно тем, кто канонизирует сам себя или друг друга. Теория суть практика немощных. Мой совет, уберите с глаз долой энциклопедистов с их писаниной и обратитесь к истокам. Признайтесь, вы читали Библию?

Я колебался с ответом. Кабина скользила в вакууме. Я уставился в пол.

— Допустим, отрывочно, — пробормотал я.

— Так я и думал. Почти все так делают. Серьезная ошибка. Каждый

должен прочесть Библию. Читать и перечитывать. Верующий человек или нет, не важно. Я перечитываю Библию один раз в год как минимум. Это моя любимая книга.

— А вы верующий или скептик? — поинтересовался я.

— Я профессионал. И вы тоже. То, во что мы верим, никак не влияет на результаты нашей работы. Вера или неверие есть проявления малодушия. Можно знать или не знать, точка.

— Тогда я, пожалуй, не знаю ничего.

— Следуйте в этом направлении, и вы повторите путь великого философа. А между делом прочитайте Библию от корки до корки. Это одна из самых грандиозных историй, когда-либо рассказанных на свете. И не совершите ошибки, спутав Слово Божие с индустрией культа, которая существует за счет него.

Чем больше времени я проводил в обществе издателя, тем меньше понимал его.

— Кажется, я запутался. Мы ведем речь о легендах и сказаниях, а теперь вы утверждаете, что я должен воспринимать Библию как Слово Божие?

Тень нетерпения и раздражения затуманила его взгляд.

— Я говорю в переносном смысле. Бог не болтлив. Слова попусту тратит человек.

Патрон улыбнулся мне, как обычно улыбаются ребенку, который не способен уразуметь элементарные вещи, — улыбаются, чтобы не надавать подзатыльников. Глядя на него, я сообразил, что совершенно невозможно понять, когда издатель говорит серьезно, а когда шутит. Как невозможно догадаться и о подлинной цели фантастического проекта, за который он платит мне жалованье, достойное правящего монарха. Ко всем бедам кабина канатной дороги раскачивалась на ветру, как яблоко на ветке дерева в бурю. Никогда в жизни я так горячо не соглашался с Исааком Ньютоном.

— А вы трусишка, Мартин. Механизм абсолютно надежен.

— Я поверю этому, когда вновь почувствую твердую землю под ногами.

Мы приближались к промежуточному пункту нашего путешествия — башне Сан-Жауме, высившейся на пристани, ближайшей к зданию таможни.

— Вы не против, если мы сойдем здесь? — спросил я.

Корелли пожал плечами и неохотно согласился. Я вздохнул свободно, лишь очутившись в лифте башни и услышав, как он коснулся земли. Выйдя на набережную, мы нашли скамейку с видом на акваторию порта и гору

Монтжуик и сели, глядя на канатную дорогу, парившую в высоте, — я с чувством глубокого облегчения, а Корелли с сожалением.

— Поделитесь своими первыми впечатлениями. Какие мысли появились у вас после того, как вы посвятили несколько дней чтению и изучению предмета.

Я принялся подводить итоги, суммируя все, что узнал, по моему разумению, и чего не узнал за последние дни. Издатель слушал внимательно, кивая и жестикулируя. По завершении моего ученого доклада о мифах и верованиях человеческого существа Корелли заявил с уверенностью:

— Думаю, вы сделали превосходное обобщение. Вы не нашли пресловутую иголку в стоге сена и поняли: единственно ценное, что есть на этом сеновале, — та проклятая булавка, а все остальное — корм ослам. Кстати, об ослах, вам нравятся басни?

— В детстве я месяца два хотел быть Эзопом.

— Все мы расстаемся с большими надеждами по пути.

— А кем вы хотели быть в детстве, сеньор Корелли?

— Богом.

Его улыбка шакала стерла мою в мгновение ока.

— Мартин, басни, возможно, являются одним из самых любопытных литературных механизмов, изобретенных до сих пор. Знаете, чему они нас учат?

— Морали?

— Нет, они наглядно демонстрируют, что человеческие существа воспринимают и усваивают идеи и понятия с помощью рассказов, занимательных историй, а не научных лекций и теоретических рассуждений. И этот тезис подтверждают все значительные религиозные тексты. Все они представляют собой повествование, где есть сюжет и персонажи, которым приходится сталкиваться с жизнью, преодолевая разнообразные препятствия. Есть герои, ступившие на путь духовного обогащения, отмеченный соблазнами, терниями и озарениями. Все священные книги прежде всего — эпические сказания. Причем их фабула затрагивает основные свойства человеческой природы, помещая их в нравственный контекст, то есть рассматривает в рамках определенных догматов о сверхъестественном. Я доволен, что вы провели гнусную неделю, читая диссертации, трактаты, отзывы и комментарии. Ибо теперь вы осознали в полной мере, что ничему они научить не могут, поскольку сами фактически являются ученическими упражнениями, вольными или невольными попытками что-то понять, обычно, впрочем, безуспешными.

Но хватит научных штудий. Я хочу, чтобы с этого момента вы приступили к чтению сказок братьев Grimm, трагедий Эсхила, Рамаяны и кельтских легенд. Прочтите их самостоятельно. Я хочу, чтобы вы проанализировали, как работают эти тексты, как изложена основная идея и почему эти произведения вызывают эмоциональный отклик. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на структуру, форму, оставив в покое мораль. И я хочу, чтобы через две-три недели вы показали мне уже что-то собственного сочинения, начало истории. Я хочу, чтобы вы заставили верить в меня.

— Мне казалось, мы профессионалы и не можем позволить себе такой грех — верить в ничто.

Корелли улыбнулся, сверкнув зубами.

— В грешника можно превратиться, и легко, а в святого — никогда.

13

Дни проходили за чтением и в распрях. За долгие годы я привык к одиночеству и состоянию методической и недооцененной анархии, свойственному одинокому мужчине. Постоянное присутствие женщины, пусть молоденькой, строптивой и непредсказуемой, медленно, но верно подрывало основы моего образа жизни и меняло привычки. Я верил в безусловный беспорядок, Исабелла нет. Я верил, что предметы сами находят свое место в хаосе жилища, Исабелла нет. Я верил в одиночество и тишину, Исабелла нет. Всего через два дня я понял, что не в состоянии найти что-либо в собственном доме. Если мне нужен был нож для разрезания бумаги, стакан или пара ботинок, я был вынужден спрашивать у Исабеллы, куда ради всех святых, она их спрятала.

— Я ничего не прячу. Я кладу вещи на свои места, что совершенно другое дело.

Каждый божий день мне раз десять хотелось ее придушить. Стоило мне уединиться в кабинете, чтобы подумать в тишине и покое, Исабелла, сияя улыбкой, немедленно являлась вслед за мной с чашкой чая или печеньем. Она начинала кружить по кабинету, выглядывала в окно, принималась перекладывать вещи на письменном столе, а потом спрашивала, чем я занимаюсь и почему затаился тут, наверху. Я обнаружил, что семнадцатилетние девушки обладают неистощимым словарным запасом и каждые двадцать секунд мозг посылает сигналы им воспользоваться. На третий день я решил, что нужно найти ей жениха, по возможности глухого.

— Исабелла, как получается, что у такой привлекательной девушки, как ты, нет поклонников?

— Кто сказал, что их нет?

— И никто из молодых людей тебе не нравится?

— Все мои ровесники ужасно скучные. Сказать им нечего, а половина вообще — круглые дураки.

Я хотел сказать, что с возрастом мужчины умнее не становятся, но не стал развенчивать иллюзии.

— И какого возраста мужчины тебе нравятся?

— Пожилые. Как вы.

— Я, по-твоему, пожилой?

— Ну, вы, конечно, не совсем дряхлый.

Мне было легче считать, что она пошутила, чем пережить такой чувствительный удар по самолюбию. Я решил отплатить ей той же монетой, добавив несколько капель сарказма.

— Хорошие новости — молоденьким девушкам нравятся зрелые мужчины, и плохие новости — мужчинам в возрасте, особенно дряхлым и развратным, тоже нравятся молоденькие девушки.

— А я знаю. Не держите меня за простофилю.

Исабелла посмотрела на меня, явно что-то замышляя, и коварно улыбнулась. Меня охватило нехорошее предчувствие.

— А вам нравятся молоденькие девушки?

Она не успела закончить фразу, а ответ уже вертелся у меня на языке. Ровным наставительным тоном, точно учитель географии, я сообщил:

— Нравились, когда мне было столько же лет, сколько тебе. Как правило, мне нравятся девочки моего возраста.

— В вашем возрасте они уже не девочки, а сеньориты, или, простите, сеньоры.

— Конец дискуссии. У тебя внизу есть дела?

— Нет.

— Тогда садись писать. Я тебя взял не для того, чтобы ты мыла посуду и прятала вещи. Я взял тебя потому, что ты сказала, будто хочешь научиться писать, а я — единственный знакомый тебе идиот, кто может помочь в этом.

— Незачем сердиться. У меня просто нет вдохновения.

— Вдохновение появляется, когда локти у тебя прилипают к столу, зад к стулу, а лоб покрывается испариной. Выбери тему, идею и шевели мозгами, пока они не заболят. Вот что такое вдохновение.

— Тема у меня уже есть.

— Аллилуйя.

— Я собираюсь написать о вас.

В молчании мы сверлили друг друга взглядами, точно дуэлянты у барьера.

— Зачем?

— Затем, что вы мне кажетесь интересным. И странным.

— И старым.

— И обидчивым. Почти как мой ровесник.

Помимо воли я начал привыкать к обществу Исабеллы, к ее шпилькам и тому свету, который она принесла с собой в этот дом. Если так пойдет дальше, то сбудутся мои наихудшие опасения, и мы в конце концов станем друзьями.

— А вы? Вы уже придумали тему со всей этой скучищей, которую читаете?

Я подумал, что чем меньше Исабелла знает о моем заказе, тем лучше.

— Пока я на стадии сбора материала.

— Собираете материал? И как это работает?

— Сначала нужно прочесть сотни страниц, чтобы досконально изучить тему и ухватить ее суть, эмоциональную правду, а потом забыть все, чтобы начать с нуля.

Исабелла вздохнула:

— Что значит — эмоциональная правда?

— Искренность чувств в вымышленной ситуации.

— Следовательно, нужно быть честным и хорошим человеком, чтобы писать вымышленные истории?

— Нет. Необходимо владеть ремеслом. Эмоциональная правда не является нравственной категорией, это техника.

— Вы говорите, как ученый сухарь, — возмутилась Исабелла.

— Литература, во всяком случае, хорошая, есть сочетание науки и мук творчества. Подобно архитектуре или музыке.

— Мне казалось, искусство — нечто, что вырастает у художника само собой, внезапно.

— Сами собой у художника растут только волосы на теле и бородавки.

Исабелла восприняла мои откровения без энтузиазма.

— Вы так говорите для того только, чтобы я упала духом и отправилась домой.

— Тщетные мечты.

— Вы самый скверный учитель в мире.

— Ученики делают учителя, а не наоборот.

— С вами невозможно спорить, вы знаете все риторические уловки. Это несправедливо.

— Все несправедливо. В лучшем случае можно полагаться на логику. Справедливость — редкая болезнь в мире, в основном здоровом как дуб.

— Аминь. Вот это и происходит с человеком, когда он взрослеет? Он перестает верить во что-либо, как вы?

— Нет. Старея, люди продолжают верить во всякий вздор, причем чем дальше, тем глупее становятся вещи, в которые они верят. Я плыву против течения, поскольку мне нравится бросать вызов.

— Сомневаюсь. А я, когда стану старше, не потеряю веры, — пригрозила Исабелла.

— В добрый путь.

— И, кроме того, я верю в вас.

Она не отвела взгляда, когда я посмотрел на нее.

— Ты меня просто не знаешь.

— Вам только так кажется. Вы не настолько загадочны, как воображаете.

— Я и не стремлюсь прослыть загадочным.

— «Загадочный» — подходящая замена слову «неприятный». Я тоже кое-что понимаю в риторике.

— Это не риторика, а ирония. Разные вещи.

— Вам обязательно нужно выйти победителем в споре?

— Когда это так просто, то да.

— А тот человек, ваш патрон...

— Корелли?

— Корелли. Его переспорить тоже просто?

— Нет. Корелли искушен в риторике намного больше меня.

— Так я и думала. Вы ему доверяете?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Так вы ему доверяете?

— А по какой причине я должен ему не доверять?

Исабелла передернула плечами.

— А что именно он вам заказал? Вы мне не скажете?

— Я уже сказал. Он хочет, чтобы я написал для издательства книгу.

— Роман?

— Не совсем. Скорее сказку. Легенду.

— Детскую книгу?

— Вроде того.

— И вы собираетесь это сделать?

— Он очень хорошо платит.

Исабелла нахмурилась.

— Вы поэтому пишете? Потому, что вам хорошо платят?

— Иногда.

— А теперь?

— А теперь я намерен написать книгу потому, что должен.

— Вы ему обязаны?

— Наверное, можно и так выразиться.

Исабелла задумалась над проблемой. Мне показалось, она хотела что-то сказать, но удержалась, прикусив язык. Вместо этого она одарила меня невинной улыбкой и ангельским взглядом из своего арсенала, благодаря чему ей удавалось с легкостью перепорхнуть с одной темы на другую.

— Я бы тоже не возражала, если бы мне платили за то, что я пишу, — призналась она.

— Всей пишущей братии это пришлось бы по душе. Что, кстати, вовсе не означает, что никто не станет платить.

— А как этого добиться?

— Для начала нужно спуститься в галерею, взять бумагу...

— Воткнуть локти в стол и шевелить мозгами, пока они не заболят. Конечно.

Она с сомнением посмотрела мне в глаза. Уже полторы недели она жила в доме, и я не делал поползновений отправить ее к родителям. Похоже, она задавалась вопросом, когда я предприму попытку избавиться от нее и почему не сделал этого до сих пор. Я тоже спрашивал себя об этом и не находил ответа.

— Мне нравится быть вашей помощницей, хотя вы и такой, какой есть, — сказала она наконец.

Девушка смотрела на меня с таким выражением, как будто ее жизнь зависела от одного ласкового слова. Я поддался искушению. Добрые слова — одолжения, которые ничего не стоят, не требуют жертв и ценятся намного больше настоящего благодеяния.

— Я тоже рад, что ты помогаешь мне, Исабелла, хотя я такой, какой есть. И я порадуюсь тем паче, когда тебе уже не придется мне помогать и ты больше ничему не сможешь у меня научиться.

— Вы считаете, у меня есть способности?

— Несомненно. Через десять лет ты станешь мастером, а я подмастерьем, — вымолвил я, повторив слова, имевшие для меня вкус предательства.

— Обманщик, — сказала она, нежно поцеловав меня в щеку, и

выбежала из комнаты, помчавшись вниз по лестнице.

Вечером я оставил Исабеллу над стопкой чистой бумаги за столом, который мы водрузили для нее в галерее, и отправился в книжный магазин дона Густаво Барсело на улице Фернандо. Я собирался приобрести хорошее и, главное, читабельное издание Библии. Весь комплект Новых и Старых Заветов, хранившийся у меня дома, был напечатан микроскопическим шрифтом на тонкой, как луковая шелуха, полупрозрачной бумаге. Чтение этого текста, помимо религиозного пыла и божественного вдохновения, вызывало мигрень. У Барсело, кроме всего прочего, страстного коллекционера Священного Писания и христианских апокрифов, позади магазина имелся запасник, битком набитый разнообразными изданиями Евангелия, исповедями святых и блаженных и всякого рода религиозной литературой.

Заметив, что я вхожу в магазин, один из продавцов бросился в контору, находившуюся в подсобной части лавки, чтобы предупредить хозяина. Барсело вышел из своего кабинета. Вид у него был взволнованный.

— Глазам не верю. Семпере мне говорил, что вы словно родились заново, но то, что я вижу собственными глазами, — из области преданий. Вы точно Валентин, недавно вернувшийся из райских куш. Где же вы пропадали, плут вы этакий?

— То там, то тут, — неопределенно сказал я.

— Вы были везде, кроме свадебного банкета Видаля. Ваше отсутствие бросалось в глаза, друг мой.

— Позвольте усомниться.

Книготорговец вздохнул, давая понять, что уважает мое желание не распространяться на эту тему.

— Не хотите ли чашечку чая?

— Даже две. И Библию. По возможности, удобную в обращении.

— Ну, это не составит труда, — отозвался букинист. — Далмау!

Один из приказчиков послушно явился на зов.

— Далмау, любезному Мартину, который перед вами, необходим экземпляр Библии не в подарочном формате, а удобном для чтения. Я думаю, Торрес Алат тысяча восемьсот двадцать пятого года подойдет. Как вы считаете?

Одной из многих особенностей, отличавших лавку Барсело от других

книжных магазинов, было то, что здесь о книгах говорили как о марочных винах, обсуждая букет, аромат, консистенцию и урожай.

— Превосходное издание, сеньор Барсело, хотя лично я посоветовал бы обновленную и переработанную версию.

— Тысяча восемьсот шестидесятого?

— Тысяча восемьсот девяносто третьего.

— Разумеется. Приемлемо. Заверните книгу для нашего друга Мартина и запишите за счет фирмы.

— Ни в коем случае, — запротестовал я.

— Пусть разразит меня гром в тот день, когда за Слово Божие я возьму плату с закоренелого неверующего, как вы, и поделом.

Далмау поспешил за моей Библией, а я последовал за Барсело в кабинет. Букинист налил две чашки чая и предложил гаванскую сигару из сигарного ящичка. Я взял ее и прикурил от пламени свечи, протянутой мне Барсело.

— Высший сорт?

— Вижу, вы цените хороший вкус. У мужчины должны быть слабости, желательно изысканные, или в старости ему нечего будет вспомнить. Я, пожалуй, составлю вам компанию, черт побери.

Облако ароматного дыма накрыло нас, словно волна прилива.

— Несколько месяцев назад я побывал в Париже. Там я имел возможность навести справки об издательстве, о котором вы не так давно расспрашивали почтенного Семпере, — сказал Барсело.

— Издательство «Люмьер».

— Именно. Хотелось бы, конечно, раскопать побольше, но, к сожалению, с тех пор, как издательство закрылось, никто не получал каталогов, и мне было трудно наскрести что-то существенное.

— Вы говорите, оно закрылось? Когда?

— В тысяча девятьсот четырнадцатом, если мне не изменяет память.

— Вы, наверное, ошибаетесь.

— Нет, если речь идет об издательстве «Люмьер» на бульваре Сен-Жермен.

— Да, о нем.

— Послушайте, а я ведь записал все для верности, чтобы ничего не перепутать при встрече с вами.

Барсело покопался в ящичке письменного стола и вытащил маленькую записную книжку.

— Вот у меня отмечено: «Издательство „Люмьер“, издание религиозной литературы с филиалами в Риме, Париже, Лондоне и Берлине.

Основатель и издатель Андреас Корелли. Дата открытия первого предприятия в Париже 1881 год».

— Невозможно, — пробормотал я.

Барсело пожал плечами:

— Вероятно, я ошибаюсь, но...

— Вам удалось побывать в конторе?

— На самом деле я попытался, поскольку моя гостиница находилась напротив Пантеона, рядом с тем местом. Прежнее помещение издательства находилось ближе к южному концу бульвара, между *rue* Сен-Жак и бульваром Сен-Мишель.

— И что?

— Здание стоит пустое и заколоченное. Похоже, в нем был пожар или что-то вроде. Единственное, что сохранилось в целости и сохранности, — это дверной молоток, вещьца воистину элегантная, в форме ангела. Настоящая бронза, клянусь. Я бы его унес, если бы на меня не косился жандарм, и у меня не хватило духу спровоцировать дипломатический конфликт, чтобы, не дай Бог, Франция снова не вторглась к нам.

— Учитывая общую картину, французы скорее всего сделали бы нам одолжение.

— Кто знает... Однако, возвращаясь к нашей теме... Увидев, в каком запущенном состоянии дом, я поспрашивал в ближайшем кафе, и мне сказали, что здание стоит в таком виде больше двадцати лет.

— Вам удалось узнать что-нибудь об издателе?

— Корелли? Насколько я понял, издательство закрылось потому, что он решил отойти от дел, хотя в тот момент ему будто бы не исполнилось и пятидесяти. Кажется, он поселился на вилле на юге Франции, в Любероне, где вскоре умер. По слухам, его укусила змея. Ядовитая гадюка. Вот вам и тихая жизнь в Провансе.

— Вы уверены, что он умер?

— Пер Колиньи, бывший конкурент Корелли, показывал мне извещение о смерти. Колиньи вырезал его из газеты и вставил в рамку как трофей. По собственному признанию Колиньи, он смотрит на некролог каждый день, чтобы убедиться, что проклятый ублюдок мертв и похоронен. Передаю его слова буквально, хотя по-французски они звучат намного изящнее и музыкальнее.

— Колиньи не обмолвился, не было ли у издателя сына?

— У меня сложилось впечатление, что Колиньи не горел желанием вспоминать об этом Корелли. Он улизнул от меня при первой возможности. Вроде бы случился какой-то скандал из-за того, что Корелли переманил у

него одного из авторов, некоего Ламбера.

— Как это вышло?

— Самое забавное, что Колиньи даже никогда не встречался с Корелли. Все их знакомство сводилось к деловой переписке. Загвоздка заключалась в том, на мой взгляд, что monsieur Ламбер подписал контракт на книгу для издательства «Люмьер» за спиной Колиньи, обладавшим исключительными правами на его произведения. Ламбер был заядлым курильщиком опиума и обременен долгами. Деньгами, которые он был должен, он мог бы вымостить *rue* Риволи из конца в конец. Колиньи подозревал, что Корелли предложил ему астрономическую сумму, и бедняга, стоявший на пороге смерти, согласился, поскольку хотел обеспечить своих детей.

— А что за книга?

— Нечто религиозного содержания. Колиньи упомянул название, какое-то латинское, но оно выскользнуло из памяти. Вы же знаете, что все богословские труды на один лад. «*Rex Gloria Mundi*»^[41] или что-то похожее.

— И что произошло с книгой и самим Ламбером?

— Вот в том-то и дело. Похоже, несчастный Ламбер в припадке помешательства хотел сжечь рукопись и тоже был охвачен пламенем. Это произошло в стенах самого издательства. Многие считали, что от опиума у него окончательно помутился рассудок, однако Колиньи подозревал, что виновником трагедии был Корелли. Будто бы он подтолкнул бедолагу к самоубийству.

— Зачем ему было это делать?

— Бог его знает. Может, Корелли не захотел выплачивать автору сумму, которую посулил ему. А может, вся драма — лишь плод воображения Колиньи. Он, между нами, воздает должное «Божоле» двенадцать месяцев в году. Да вот вам пожалуйста, за подтверждением далеко ходить не надо. Представьте, Колиньи заявил мне, что Корелли собирался убить его, чтобы освободить от обязательств Ламбера, и оставил в покое только тогда, когда издатель решил расторгнуть договор с автором и отпустить на все четыре стороны.

— Разве он не говорил, что никогда не встречался с Корелли?

— Помилуйте, я решил, что Колиньи бредит. Посетив его жилище, я увидел больше распятий, мадонн и фигурок святых, чем в церковной лавке. У меня возникло ощущение, что он страдает помрачением рассудка. На прощание он заклинал меня держаться подальше от Корелли.

— Но он ведь сказал, что тот умер?

— *Ессо ква.* ^[42]

Я промолчал. Барсело поглядывал на меня, заинтригованный.

— Мне показалось, что результат моих изысканий вас несколько не удивил.

Я изобразил беспечную улыбку, стараясь разрядить атмосферу.

— Напротив. Я весьма признателен за то, что вы не пожалели времени на поиски.

— Не стоит. Мне просто доставляет удовольствие собирать сплетни и слухи в Париже, вы же знаете.

Барсело вырвал из записной книжки листок с досье и протянул мне:

— Надеюсь, вам это пригодится. Здесь собрано все, что мне удалось выяснить.

Я встал и пожал ему руку. Барсело проводил меня к выходу, где Далмау уже ждал со свертком.

— Если вы хотите открытку с изображением младенца Христа, из тех, где глаза кажутся то открытыми, то закрытыми в зависимости от того, как ее повернуть, такие у меня тоже есть. И еще с Пречистой Девой в окружении агнцев, которые превращаются в толстощеких херувимов, если открытку наклонить. Чудеса стереоскопических технологий.

— В настоящий момент мне достаточно слова Откровения.

— Как угодно.

Я был благодарен букинисту за стремление поддержать меня, однако чем дальше я уходил от книжной лавки, тем больше мною овладевала леденящая кровь тревога. Мне чудилось, будто улицы, как и моя судьба, проложены на зыбучих песках.

По дороге домой я задержался у витрины писчебумажного магазина на улице Архентерия. На фоне драпировки из сукна красовалась шкатулка, в которой лежали вставные перышки с ручкой из слоновой кости в пару к белой чернильнице с вырезанными на ней фигурками, напоминавшими муз или наяд. От прибора веяло мелодрамой, его словно стащили со стола какого-нибудь русского писателя, из тех, что изливают душу на тысячах страниц. Исабелла писала, мне на зависть, изящным почерком, таким же чистым и ясным, как ее душа, и мне показалось, что письменный прибор создан специально для нее. Я зашел в магазин и попросил показать его мне. Перышки были позолоченными, и потому игрушка стоила целое состояние.

Но я решил, что приветливость и терпение, с каким относилась ко мне моя юная помощница, заслуживают благодарности и небольшой знак внимания придется к месту. Я велел завернуть мне вещицу в глянцевую пурпурную бумагу и украсить бантом размером с карету.

Возвращаясь домой, я предвкушал эгоистическое удовольствие, какое испытывает человек, неожиданно появляясь с подарком в руках. Я представлял, как позову Исабеллу, словно она была верной собакой, которой нечего делать, кроме как преданно дожидаться возвращения хозяина. То, что я увидел, переступив порог, повергло меня в оцепенение. В коридоре было темно, как в пещере. Из приоткрытой двери комнаты в дальнем его конце по полу стелилась мерцающая полоска света.

— Исабелла? — крикнул я с пересохшим ртом.

— Я здесь.

Голос доносился из глубины комнаты. Я бросил сверток на столик в прихожей и устремился в конец коридора. Остановившись в дверном проеме, я заглянул в комнату. Исабелла сидела на полу. Она вставила свечу в высокий бокал и с упоением занималась тем, что являлось, после литературы, ее вторым призванием: разбирала чужое имущество и наводила порядок.

— Как ты вошла?

— Я была в галерее и услышала шум. Я подумала, что, наверное, вернулись вы, вышла в коридор и увидела, что дверь комнаты открыта. Мне казалось, вы говорили, что держите ее на замке.

— Уходи отсюда. Я не хочу, чтобы ты бывала в этой комнате. Тут слишком сыро.

— Вздор. Здесь работы непочатый край. Идите сюда, взгляните. Посмотрите, сколько я всего нашла.

Я колебался.

— Входите же.

Я вошел в комнату и опустился рядом с девушкой на колени. Исабелла рассортировала предметы и коробки по принадлежности, разложив по отдельности книги, игрушки, фотографии, одежду, туфли, очки. Я взирал на эти вещи с омерзением. Исабелла пребывала в экстазе, будто наткнулась на копи царя Соломона.

— Все это ваше?

Я покачал головой.

— Прежнего владельца дома.

— Вы его знали?

— Нет. Скарб лежал тут много лет, задолго до моего переезда.

Исабелла подбросила на руке пачку писем и показала ее мне, как будто речь шла о доказательствах состава преступления.

— Мне кажется, я выяснила, как его звали.

— Не может быть.

Исабелла улыбнулась, очень довольная своими детективными успехами.

— Марласка, — провозгласила она. — Его звали Диего Марласка. Вы не находите это любопытным?

— Что именно?

— Инициалы получаются такие же, как и ваши, — Д. М.

— Простое совпадение. В нашем городе найдутся десятки тысяч людей с подобными инициалами.

Исабелла мне подмигнула. Она от души наслаждалась ситуацией.

— Смотрите, что я нашла.

Исабелла выкопала из груды добра жестяную коробку, наполненную старыми фотографиями. Это были образы прошлого времени, давно стертые с лица земли: старые открытки в видах древней Барселоны; дворцы в парке Сьюдадела,^[43] снесенные после Всемирной выставки 1888 года; большие особняки, теперь разрушенные, и бульвары, заполненные людьми в парадных одеждах той эпохи, а также прогулочными колясками и воспоминаниями, окрашенными в тона моего детства. С фотографий ко мне были обращены лица и взгляды, затерявшиеся в тридцатилетней дали. На некоторых снимках я будто бы узнал черты актрисы, популярной в годы раннего моего отрочества и давным-давно забытой. Исабелла наблюдала за мной, притихнув.

— Узнаете ее? — спросила она.

— По-моему, ее звали Ирене Сабино, если я не путаю. Довольно известная актриса, игравшая на подмостках театров на Паралело. Очень давно. Тебя еще на свете не было.

— Тогда взгляните на это.

Исабелла протянула мне фотографию, где Ирене Сабино стояла, прислонившись к окну, узнать которое не представляло труда, ибо оно находилось в моем кабинете на верхнем этаже, в башне.

— Интересно, правда? — не унималась Исабелла. — Думаете, она здесь жила?

Я пожал плечами.

— Скорее всего она была возлюбленной этого Диего Марласки...

— В любом случае, полагаю, нас это не касается.

— Иногда вы бываете ужасным занудой.

Исабелла стала складывать фотографии в коробку, и одна карточка выскользнула у нее из рук, упав к моим ногам. Я поднял снимок и всмотрелся в изображение. Ирене Сабино в шикарном черном платье позировала с группой мужчин в вечерних костюмах в помещении, очень похожем на большой зал «Скакового круга». Обычная фотография с какого-то праздника, не стоившая внимания, если бы на втором плане, довольно расплывчатом, не выделялась фигура кабальеро с гривой седых волос, стоявшего на верхней площадке лестницы. Андреас Корелли.

— Вы побледнели, — заметила Исабелла.

Она взяла у меня фотографию и молча принялась изучать ее. Я поднялся с пола и поманил Исабеллу, приглашая ее покинуть комнату.

— Я не хочу, чтобы ты снова сюда входила, — сказал я упавшим голосом.

— Почему?

Я подождал, пока Исабелла выйдет, и запер за ее спиной дверь. Девушка смотрела на меня как на умалишенного.

— Завтра сходи в церковь и попроси монахинь, которые занимаются благотворительностью, забрать вещи. Пусть уносят все, а если что-то им не подойдет, пусть выбрасывают.

— Но...

— Не спорь со мной.

Мне не хотелось встречаться с ней взглядом, и я направился к лестнице, ведущей в кабинет. Исабелла наблюдала за мной из коридора.

— Кто этот человек, сеньор Мартин?

— Никто, — пробормотал я. — Никто.

Я поднялся в кабинет. Ночь была темной, без луны и звезд на небе. Я распахнул настежь окна и выглянул полюбоваться на город, окутанный сумраком. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветра, и жара обжигала кожу. Я сел на подоконник и закурил вторую сигару из тех, что Исабелла оставила у меня на столе несколько дней назад. Я ждал живительного порыва прохладного ветерка или свежего замысла, более пристойного, чем имеющаяся коллекция тривиальностей. Взяв на вооружение новую идею, можно было бы смело приниматься за выполнение заказа патрона. Я услышал, как в спальне Исабеллы этажом ниже открываются ставни. Прямоугольник света лег на плиты патио, и темный силуэт девушки

отчетливо вырисовывался на светлом фоне. Исабелла подошла к окну и некоторое время смотрела в темноту, не подозревая о моем присутствии. Я наблюдал, как девушка медленно раздевается. Затем я увидел, как она приблизилась к зеркалу платяного шкафа и стала разглядывать свое тело, легонько дотрагивалась кончиками пальцев до живота, проводила ими по шрамам от порезов, которые сама сделала на внутренней стороне бедер и рук. Она долго созерцала свое изображение, не прикрытое ничем, кроме загнанного взгляда, а потом погасила свет.

Вернувшись к письменному столу, я уселся перед кипой заметок и выписок, подготовленных для книги патрона, и бегло просмотрел их. Материалы изобиловали сообщениями о мистических откровениях и преданиями о пророках, которые, пережив тяжелейшие испытания, возвращались, осененные истиной. Эти рассказы чередовались с легендами о мессиях, в младенчестве подброшенных к дверям семейств простых и скромных, но чистых духом, подвергавшихся гонениям со стороны светской и духовной власти. В конспектах нашло отражение великое множество вариантов сказаний о райских куцах в ином мире, поселиться в которых светило, правда, лишь тому, кто смирился с роком и принял правила игры со спортивным задором. Мифология была перенасыщена божествами, праздными и антропоморфными, у которых нашлось только одно занятие: держать под телепатическим надзором сознание миллионов безвольных приматов, научившихся думать, чтобы вовремя осмыслить печальный факт, что они, слабые умом и телом, предоставлены равнодушной судьбе в заброшенном уголке Вселенной. Осознание собственного ничтожества и безграничное отчаяние привели несчастных к слепой вере, будто небо и преисподняя питают живой интерес к их обыденным жалким грешкам.

В который раз я с содроганием спросил себя, чем так привлекаю патрона, уж не продажным ли умом, готовым без возражений сплести любую историю. В том числе сказание, способное одурманить разум, усыпить ребенка или подтолкнуть отчаявшегося недотепу к убийству соседа в обмен на вечную благодарность идолов, исповедующих бандитскую этику. Несколько дней назад пришло очередное послание патрона, где назначалась новая встреча для текущего обсуждения работы. Устав от собственных колебаний, я сказал себе, что до встречи осталось меньше двадцати четырех часов, и если дело будет продвигаться такими же темпами, то я заявлюсь на свидание с пустыми руками и головой, полной сомнений и подозрений. Не имея иного выбора, я сделал то, что делал много лет, оказавшись в подобном положении. Я заправил чистый лист

бумаги а каретку «Ундервуда», занес руки над клавиатурой, словно пианист в ожидании такта, и напряг мозги — а дальше что получится.

— Любопытное начало, — заявил патрон, закончив чтение десятой и последней страницы. — Необычное, но любопытное.

Мы сидели на скамейке в золотистой тени павильона в парке Сьюдадела. Сквозь тонкий купол свет просачивался мелкой золотистой пылью, и растительность в саду отбрасывала резные узоры из света и тени, создавая вокруг нас причудливый светящийся полумрак. Я закурил папиросу и наблюдал, как дым поднимается от моих пальцев голубоватыми колечками.

— В ваших устах прилагательное «необычный» настораживает, — обронил я.

— Я употребил слово «необычное» как антоним «избитого», — уточнил Корелли.

— Но?

— Никаких «но», уважаемый Мартин. По-моему, вы нашли интересную завязку, открывающую большие возможности.

Для романиста, если кто-то говорит, что его текст любопытен и имеет перспективы, это звучит как сигнал, что дела обстоят неважно. Корелли как будто почувствовал мое беспокойство.

— Вы подошли к теме с противоположной стороны. Вместо того чтобы обратиться к мифологии, вы отталкиваетесь от весьма прозаической основы. Можно спросить, откуда явилась идея о воинственных мессиях? Обычно мессия выступает миротворцем.

— Вы вели речь о биологии.

— Все, что необходимо знать, написано в великой книге природы. Чтобы ее прочитать, достаточно обладать мужеством, ясностью ума и духа, — согласился Корелли.

— Я прочитал много книг, чтобы составить себе общую картину. В одной из них говорилось, будто мужчины достигают пика плодородия в возрасте семнадцати лет. Женщины достигают его позже и довольно долго сохраняют на высоком уровне. Женщины выступают отборщиками и судьями генов, подлежащих воспроизводству или непригодных для него. Мужчины, наоборот, лишь отдают, следовательно, истощаются намного быстрее. Возраст, когда они покоряют вершину репродуктивной силы,

наступает в момент наивысшего подъема боевого духа. Зеленый юноша является идеальным солдатом. Он обладает огромным запасом агрессивности и очень небольшими или нулевыми критическими способностями, чтобы проанализировать это чувство и оценить, в какое русло его направить. На протяжении истории практически все государства находили способ использовать этот естественный капитал агрессии, превращая отроков в солдат, пушечное мясо для завоевания соседей или для защиты от их вторжений. Интуиция подсказывает мне, что наш главный герой был посланником небес, но посланником, кто в ранней юности держал оружие в руках и пробивал дорогу истине ударами клинка.

— Вы решили соединить историю и биологию, Мартин?

— Как я понял из ваших слов, эти две дисциплины суть одно и то же.

Корелли улыбнулся. Вряд ли патрон это осознавал, но, улыбаясь, он напоминал голодного волка. Я проглотил комок в горле и попытался не обращать внимания на сходство, от которого мороз продирает по коже.

— Путем долгих размышлений я понял, что большинство мировых религий зародились или достигли наивысшего распространения и влияния в те периоды истории, когда общественные формации, их воспринявшие, располагали самой молодой и обнищавшей базой. Допустим, общество, семьдесят процентов населения которого насчитывает меньше восемнадцати лет, причем половину составляют зеленые юнцы, чья кровь кипит от агрессии и тяги к воспроизводству, являют собой благодатную почву, чтобы семена веры дали обильные всходы.

— Это упрощенный подход, но я догадываюсь, куда вы клоните, Мартин.

— Разумеется. Приняв за основу упомянутые тезисы, я подумал, почему бы не перейти непосредственно к сути, создав легенду вокруг мессии войны, крови и гнева. Такой герой спасает свой народ и гены, женщин и стариков, гарантов политической догмы, и непримирим к врагам, к которым причислены все, кто не принимает и не подчиняется его доктрине.

— Что происходит в зрелом возрасте?

— К трактовке взрослого человека мы подходим, апеллируя к его фрустрации. В течение жизни человек постепенно расстаётся с иллюзиями, мечтами, юношескими желаниями, и чем дальше, тем больше ощущает себя жертвой мира и других людей. Мы всегда находим виноватого в своих невзгодах и неудачах, кого-то, от кого хотим избавиться. Неизбежно поэтому приобщение к доктрине, которая подкрепит эту злость и вдохнет силы. Зрелый человек ощущает себя, таким образом, частью группы и

сублимирует свои страсти и утраченные желания через общину.

— Возможно, — признал Корелли. — Однако эта иконография смерти и войны... Не кажется ли она вам непродуктивной?

— Отнюдь нет. Мне она кажется весьма действенной. Сутана делает монаха, но главное — прихожанина.

— А что вы скажете о женщинах, о второй половине человечества? Сожалею, но я не представляю, чтобы большинство женщин какого-либо общества прониклись героикой войны. Психология бойскаутов свойственна детям.

— Всякая организованная религия, за редким исключением, принимает как должное подчинение и подавление женщины, нарочито не замечая ее в группе. Женщина вынуждена мириться с эфемерным присутствием, довольствуясь пассивной ролью и материнством. Она не смеет претендовать на власть или независимость, иначе ей приходится заплатить очень высокую цену. Возможно, она и занимает почетное место среди символов, но только не в иерархии. Так или иначе, но женщина в конце концов становится соучастником и творцом собственного порабощения.

— А старики?

— Старость что бальзам для доверчивости. Когда смерть маячит на пороге, скептицизм вылетает в окно. Достаточно одного сердечного приступа, и человек поверит даже в Красную Шапочку.

Корелли засмеялся.

— Берегитесь, Мартин, мне кажется, вы становитесь еще большим циником, чем я.

Я посмотрел на него как прилежный ученик, жаждущий одобрения строгого требовательного учителя. Довольно кивнув, Корелли похлопал меня по колену.

— Мне нравится. Мне нравится дух вашей истории. Я хочу, чтобы вы добросовестно потрудились и нашли достойную форму. Я дам вам больше времени. Мы встретимся через две или три недели, день и час я сообщу заблаговременно.

— Вы должны покинуть город?

— Издательские дела требуют моего внимания, и, боюсь, мне предстоит немного попутешествовать. Но я уезжаю с чувством удовлетворения. Вы хорошо поработали. Я знал, что нашел идеального кандидата.

Патрон встал с лавки и протянул мне руку. Я пожал ее, предварительно вытерев о штанину потную ладонь.

— Я буду скучать, — симпровизировал я.

— Не перебарщивайте, Мартин. Но начало было хорошим.

Я наблюдал, как он исчезает в полумраке павильона. Эхо его шагов растворилось в тени. Я остался на месте и просидел под навесом довольно долго, недоумевая, неужели патрон легко попался на удочку и принял за чистую монету гору чепухи, которую я нагородил. Я не сомневался, что сказал именно то, что он желал услышать. Он верил, что я пойду у него на поводу, и в настоящий момент удовлетворился этим ворохом нелепостей, убедившись, что ваш покорный слуга, злополучный неудачливый новеллист, проникся основной идеей. Я утешал себя, что стоило пойти на что угодно, только бы выиграть время и выяснить, куда я влип. Когда я наконец встал и вышел из павильона, у меня все еще дрожали руки.

18

Годы сочинительства детективных сюжетов не прошли даром. Накопленный опыт позволил вывести ряд закономерностей, задававших основные ориентиры в начале расследования. И один из основополагающих принципов сводился к тому, что практически любая приличная интрига, включая любовную, начиналась и заканчивалась запахом денег и правами на недвижимое имущества. Покинув павильон, я отправился в контору регистрации собственности на улице Совета ста и попросил разрешения посмотреть учетные книги, где содержались сведения о правах собственности на мой дом, его покупке и продаже. Архивы библиотеки регистрационной палаты содержали почти столько же информации о реалиях жизни, как и полное собрание сочинений самых спорных философов, а может, и больше.

Я начал поиски с нотариальных актов, сопутствовавших заключенной мною сделке аренды дома номер 30 по улице Флассадерс. В этом реестре я нашел необходимые ссылки, позволявшие проследить историю купли-продажи недвижимости до передачи ее в управление Испано-колониальному банку в 1911 году. Это произошло в порядке секвестра части имущества семьи Марласка, похоже, унаследовавшей дом после смерти владельца. В записях упоминался адвокат по имени С. Валера, представлявший интересы семьи на судебном процессе. Еще один скачок в прошлое позволил мне найти данные о приобретении особняка доном Диего Марлаской Понхилуппи в 1902 году у некоего Бернабе Массот-и-Кабалле. Я выписал на отдельный листок все сведения, от фамилии

адвоката и участников сделок до соответствующих дат. Один из служащих громким голосом предупредил, что регистрационная палата закрывается через пятнадцать минут, и я собрался уходить, но напоследок решил быстро проверить правовой статус резиденции Андреаса Корелли напротив парка Гуэль. Через пятнадцать минут, не добившись никакого успеха в своих изысканиях, я оторвался от страниц книги регистрации, поднял голову и встретил тусклый взгляд секретаря. Это был тщедушный субъект с лоснившимися от воска для волос усами и шевелюрой. Он проявлял враждебную медлительность, свойственную тем, кто возомнил свою должность последней инстанцией и на этом основании изрядно осложняет жизнь другим людям.

— Прощу прощения. Мне не удастся найти данные по одному владению, — сказал я.

— Значит, их либо не существует, либо вы не умеете искать. Мы уже закрылись.

На демонстрацию любезности и продуктивной деятельности я отвечал самой приветливой улыбкой из моего арсенала.

— Возможно, я найду с вашей квалифицированной помощью, — намекнул я.

Он брезгливо покосился на меня и вырвал из рук амбарную книгу.

— Приходите завтра.

Моим следующим пунктом назначения стало официозное здание Коллегии адвокатов на улице Майорка, расположенное всего через две улочки от регистрационной палаты. Я взошел по парадной лестнице, охраняемой стеклянными пауками и женской фигурой, по-видимому, олицетворявшей правосудие, с бюстом и обликом звезды с Паралело. Похожий на мышь человечек встретил меня в канцелярии обходительной улыбкой и осведомился, чем может помочь.

— Я ищу адвоката.

— Вы пришли в нужное место. Мы не знаем, как избавиться от лишних. Каждый день прибавление. Плодятся как кролики.

— Наступили новые времена. Того, кто мне нужен, зовут или звали Валера. С. Валера. Первая буква фамилии «В».^[44]

Человечек углубился в лабиринт картотечных шкафов, что-то тихо бормоча себе под нос. Я ждал, облокотившись на стойку, и разглядывал обстановку, пронизанную духом неумолимого закона. Через пять минут человечек вернулся с папкой.

— У меня набралось десять Валера. У двоих имя начинается с «С». Себастиан и Сопонсио.

— Сопонсио?

— Вы слишком молоды, но много лет назад это имя было довольно характерным и подходящим для юридической практики. Потом появился чарльстон, и все пошло прахом.

— Дон Сопонсио жив?

— Согласно архивам и ведомости членских взносов Коллегии, Сопонсио Валера-и-Меначо представился в 1919 году. *Memento mori*.^[45] Себастиан — его сын.

— Практикует?

— Непрерывно и в полном объеме. Чувствую, вы пожелаете узнать адрес.

— Если вас не затруднит.

Человечек записал адрес на небольшом листке бумаги и протянул его мне.

— Диагональ, четыреста сорок два, в двух шагах отсюда. Но уже два часа, а в это время маститые адвокаты обедают с богатыми вдовами, наследницами состояний, или фабрикантами мануфактуры и королями взрывчатки. Я подождал бы до четырех.

Я спрятал бумажку с адресом в карман.

— Я так и сделаю. Огромное спасибо за помощь.

— Для этого мы тут и находимся. С Богом.

Мне предстояло убить два часа до визита к адвокату Валере, поэтому я сел на трамвай, доезжавший до Виа-Лайетана, и вышел районе Графской улицы. Книжная лавка «Семпере и сыновья» находилась неподалеку оттуда, а я по опыту знал, что старый букинист, в русле заведенной в квартале практики торговли, не закрывался на сиесту. Я нашел его на обычном месте, за прилавком магазина. Он раскладывал книги, обслуживая большую группу посетителей, расхаживавших между столами и полками в надежде найти сокровище. Увидев меня, Семпере улыбнулся и подошел, чтобы поздороваться. За время, истекшее с нашей последней встречи, он заметно похудел и побледнел. Должно быть, букинист прочел тревогу в моих глазах. Пожав плечами, он состроил гримасу, стараясь смягчить тягостное впечатление.

— Одному дается, у другого отнимается. Вы стали важной персоной, а я старой развалиной, как видите, — сказал он.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Свеж, как огурчик. Это все проклятая грудная жаба. Ничего страшного. Что привело вас сюда, милый мой Мартин?

— Я собирался пригласить вас пообедать.

— Благодарю вас, но я не могу покинуть капитанский мостик. Мой сын поехал в Саррию оценивать собрание, а дела идут не так бойко, чтобы закрываться, когда покупатели стоят у дверей.

— Только не говорите, что у вас туго с деньгами.

— Это книжная лавка, Мартин, а не нотариальная контора. Здесь за слово берут по справедливости, а иногда и того меньше.

— Если вам нужна помощь...

Семпере остановил меня, вскинув руку.

— Если хотите помочь, купите у меня какую-нибудь книгу.

— Вы же знаете, что я в неоплатном долгу перед вами.

— Поэтому тем более не морочьте себе голову. Не беспокойтесь о нас, Мартин. Отсюда нас вынесут только в сосновом ящике. Но если желаете, предлагаю разделить со мной питательный обед — хлеб с изюмом и свежий сыр из Бургоса. С такой закуской и графом Монте-Кристо можно дожить до ста лет.

Семпере едва притронулся к еде. Он устало улыбался и с притворным интересом выслушивал мои замечания, но я заметил, что дышит он с трудом.

— Расскажите, Мартин, что вы сейчас пишете?

— Трудно объяснить. Книгу на заказ.

— Роман?

— Не совсем. Я даже не знаю, к какому жанру ее отнести.

— Важно, что вы работаете. Я всегда говорил, что праздность ослабляет дух. Необходимо, чтобы голова была непрерывно занята. А если головы нет, то хотя бы руки.

— Но случается, что работы становится чрезмерно много, сеньор Семпере. Может, вам немного отдохнуть, развеяться? Сколько лет вы несете здесь бессменную вахту?

Семпере оглянулся вокруг.

— Тут вся моя жизнь, Мартин. Куда мне идти? На скамейку на солнышке в парке кормить голубей и жаловаться на ревматизм? Я умру минут через десять. Мое место здесь. И сын пока еще не готов принять бразды правления, хотя думает иначе.

— Но он прекрасно работает. И он хороший человек.

— Слишком хороший, между нами. Иногда я смотрю на него и думаю, что с ним станет после моей смерти. Как он справится...

— Все родители беспокоятся об этом, сеньор Семпере.

— И ваш отец тоже? Простите, я не хотел...

— Ничего. У отца хватало собственных забот, чтобы взваливать на себя еще и хлопоты, которые я доставлял ему. Уверен, ваш сын крепче стоит на ногах, чем вам кажется.

Семпере с сомнением поглядел на меня.

— Знаете, чего, по моему мнению, ему не хватает?

— Хитрости?

— Женщины.

— Он не останется без невесты, учитывая, сколько пташек вьется у витрины, чтобы полюбоваться на него.

— Я говорю о настоящей женщине из той породы, что делает человека таким, каким он должен быть.

— Он молод. Пусть поразвлекается годик-другой.

— Это мне нравится! Если бы он еще развлекался. Я в его возрасте, если бы вокруг толпилось столько девушек, грешил бы, как кардинал.

— Зубов не стало, тогда и орехов принесли.

— Вот чего ему не хватает — зубов. И желания кусаться.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. У меня возникло подозрение, что букиниста осенила какая-то мысль.

— Пожалуй, вы могли бы ему помочь...

— Я?

— Вы светский человек, Мартин. И нечего гримасничать. Уверен, если вы постараетесь, то найдете славную девушку для моего сына. Хорошенькое личико будет при ней, а остальное вы ей объясните.

Я лишился дара речи.

— Разве вы не хотели мне помочь? — удивился букинист. — Вот те на!

— Но я говорил о деньгах.

— А я — о моем сыне и о будущем этого дома. О смысле моей жизни.

Я вздохнул. Семпере взял меня за руку и сжал ее с той небольшой силой, что у него оставалась.

— Обещайте, что не дадите мне покинуть этот мир, не увидев сына, женатого на достойной женщине, такой, ради которой стоит умереть. Женщине, которая подарит мне внука.

— Если бы я знал, то зашел бы перекусить в кафе «Навидадес».

Семпере усмехнулся:

— Порой я думаю, что вы должны были бы быть моим сыном,

Мартин.

Я посмотрел на букиниста, выглядевшего сегодня особенно старым и немощным — слабая тень сильного и внушительного мужчины, обитавшего по моим детским воспоминаниям в этом доме, и почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног. Я шагнул к нему и, повинувшись безотчетному порыву, сделал то, чего не делал никогда за годы нашего знакомства. Я поцеловал его в лоб, испещренный старческими пятнами и осененный четырьмя седыми волосинами.

— Обещаете?

— Обещаю, — сказал я и направился к выходу.

Контора адвоката Валеры занимала мансарду в экстравагантном доме в стиле модерн, уместившемся под номером 442 на бульваре Диагональ буквально в шаге от пересечения с бульваром Грасия. Особняк, за неимением иных сравнений, походил на помесь башенных часов с пиратским кораблем, декорированную колоссальными окнами и зеленой мансардной крышей. В любом другом уголке мира этот образчик барочно-византийского великолепия объявили бы одним из семи чудес света или же дьявольским порождением больного ума художника, одержимого бесами. В квартале Энсанче в Барселоне, где подобные сооружения произрастали повсюду подобно клеверу после дождя, он вызывал лишь легкое недоумение.

Я ступил в холл, где обнаружил лифт, который показался мне творением огромного паука, который плетет не паутину, а соборы. Швейцар открыл передо мной кабину и замуровал в странной капсуле, которая начала подниматься вверх вдоль центральной лестничной клетки. Сурового вида секретарша открыла мне дубовую резную дверь и предложила войти. Я назвалсся и предупредил, что не договаривался заранее о встрече и меня привело в контору дело, связанное с куплей-продажей недвижимости в квартале Рибера. В ее невозмутимом взгляде промелькнуло какое-то странное выражение.

— Дом с башней? — спросила секретарша.

Я подтвердил. Секретарша проводила меня к кабинету, где в тот момент никого не было, и жестом пригласила пройти. Я сообразил, что помещение не являлось официальным залом ожидания.

— Пожалуйста, подождите минуту, сеньор Мартин. Я сообщу адвокату

о вашем визите.

Следующие сорок пять минут я провел в кабинете в окружении шкафов, заполненных фолиантами размером с надгробную плиту и надписями на корешках типа: «1888–1889, Б. К. А. Часть первая. Раздел второй». Они пробуждали неодолимую тягу к чтению. Из широкого окна кабинета, выходящего на бульвар Диагональ, открывалась панорама города. Обстановка источала непередаваемый аромат благородной старины, настоящий на деньгах. Ковры и массивные кресла, обитые кожей, воссоздавали атмосферу британского клуба. Я попытался приподнять один из светильников, возвышавшихся на письменном столе, и прикинул, что он весит килограммов тридцать, не меньше. Большой масляный портрет, висевший над камином для солидности, навязывал самодовольное и довлеющее присутствие никого иного, как незабвенного дона Сопонсио Валеры-и-Меначо собственной персоной. Легендарного стряпчего украшали бакенбарды и усы, напоминавшие гриву стареющего льва, а его глаза, сверкавшие сталью, властвовали с того света над всем, что находилось в кабинете, неумолимо, как смертный приговор.

— Его уста немы, но если долго смотреть на портрет, то кажется, будто он вот-вот заговорит, — произнес голос у меня за спиной.

Я не слышал, как он вошел. Себастиан Валера двигался крадучись. Создавалось впечатление, что он большую часть жизни пытался осторожно выбраться из тени своего отца, а теперь, в пятьдесят с лишним лет, уже устал от бесплодных попыток. У него был умный проницательный взгляд, в котором таилось особое выражение, свойственное лишь принцессам крови и очень дорогим адвокатам. Он протянул руку, и я пожал ее.

— Сожалею, что заставил ждать, но я не ожидал вашего визита, — промолвил он, указывая на кресло.

— Напротив. Я признателен, что вы любезно меня приняли.

Валера улыбнулся, как улыбается тот, кто точно знает, сколько стоит каждая минута, и не упускает ни одной.

— Моя секретарша сказала, что вас зовут Давид Мартин. Писатель Давид Мартин?

Должно быть, помимо воли у меня на лице отразилось изумление.

— В моей семье всегда много читали, — пояснил он. — Чем могу быть полезен?

— Я хотел проконсультироваться с вами по поводу купли-продажи особняка, расположенного на...

— Дома с башней? — перебил адвокат, сама учтивость.

— Да.

— Вы знаете этот дом? — спросил он.

— Я в нем живу.

Валера пристально посмотрел на меня, сохраняя вежливую улыбку, а затем выпрямился на стуле, приняв вид настороженный и неприступный.

— Вы нынешний владелец собственности?

— В действительности я арендую особняк.

— И что вы хотели бы узнать, сеньор Мартин?

— Если возможно, я хотел бы уточнить, при каких обстоятельствах недвижимость перешла к Испано-колониальному банку, и получить какие-нибудь сведения о прежнем владельце.

— Дон Диего Марласка, — пробормотал адвокат. — Могу я спросить о причине вашего интереса?

— Казуистика. Недавно, при переделке дома, я нашел ряд вещей, по-видимому, принадлежавших ему.

Адвокат нахмурился.

— Вещи?

— Книгу. Или, вернее, рукопись.

— Сеньор Марласка был большим поклонником литературы. Более того, он написал множество книг по праву, а также по истории и на другие темы. Большой эрудит. Великий человек, хотя в конце жизни нашлись люди, пытавшиеся очернить его репутацию.

Адвокат заметил мое удивление.

— Полагаю, вам неизвестны обстоятельства смерти сеньора Марласки.

— Боюсь, что нет.

Валера вздохнул, словно решая вопрос, продолжать разговор или прекратить его.

— Вы ведь не станете писать ни об этом, ни об Ирене Сабино, правда?

— Нет.

— Обещаете?

Я обещал.

Валера пожал плечами.

— К тому же я вряд ли смогу сообщить больше того, что говорилось в свое время, — сказал он, скорее разговаривая с собой, чем со мной.

Адвокат бросил быстрый взгляд на портрет отца, затем обратил взор на меня.

— Диего Марласка был компаньоном и лучшим другом моего отца. Они вместе основали эту юридическую контору. Но он также, увы, был человеком тяжелым, подверженным длительным приступам меланхолии. И наступил момент, когда отец и сеньор Марласка сочли за благо расторгнуть

партнерство. Сеньор Марласка оставил адвокатуру, чтобы посвятить себя своему главному призванию — литературе. Говорят, что почти все адвокаты втайне мечтают бросить практику и сделаться писателями...

— Пока не сопоставят доходы.

— Дело в том, что дона Диего связывали узы дружбы с довольно известной актрисой того времени, Ирене Сабино. И для нее он хотел написать театральную пьесу. Только и всего. Сеньор Марласка был настоящим кабальеро и хранил верность жене, но вы же знаете, каковы люди. Сплетни. Пересуды и зависть. И распространились слухи, будто у дона Диего пылкий роман с Ирене Сабино. Жена не смогла простить ему этого, и брак распался. Сеньор Марласка, сломленный, приобрел дом с башней и переехал туда. Увы, он умер, не прожив там и года. Несчастный случай свел его в могилу.

— Какого рода несчастный случай?

— Сеньор Марласка утонул. Ужасная трагедия.

— Был скандал?

— Скажем, ядовитые языки утверждали, будто сеньор Марласка покончил с собой, не пережив разочарования в любви к Ирене Сабино.

— И это верно?

Валера снял очки и потер глаза.

— Если хотите услышать правду, то я не знаю. Не знаю и знать не хочу. Прошное пусть остается прошлым.

— А что случилось с Ирене Сабино?

Валера вновь водрузил очки на нос.

— Я полагал, ваш интерес ограничивается личностью сеньора Марласки и подробностями купли-продажи недвижимости.

— Простое любопытство. Среди личных вещей сеньора Марласки я нашел множество фотографий Ирене Сабино, а также ее письма к сеньору Марласке...

— Что вы надеетесь извлечь из всего этого? — резко спросил Валера. — Вы хотите денег?

— Нет.

— Это радует, поскольку никто вам их не даст. Старая история уже никого не волнует. Вы меня понимаете?

— Прекрасно, сеньор Валера. Я вовсе не собирался докучать вам или делать неуместные намеки. Прошу простить, если причинил беспокойство своими расспросами.

Адвокат улыбнулся и перевел дух, словно тяжелый разговор остался позади.

— Не принимайте близко к сердцу. И вы меня простите.

Воспользовавшись тем, что адвокат настроен миролюбиво, я призвал на помощь все свое обаяние.

— Может быть, донья Алисия Марласка, его вдова...

Валера сжался в кресле, явно почувствовав себя неудобно.

— Сеньор Мартин, не поймите меня превратно, но как семейный адвокат я, помимо прочего, обязан хранить секреты. Причины очевидны. Прошло много времени, но мне не хотелось бы, чтобы вы теперь бередили старые раны, что не приведет ни к чему хорошему.

— Я отдаю себе в том отчет.

Адвокат пытливо посмотрел на меня.

— Вы сказали, что нашли книгу? — переспросил он.

— Да... рукопись. Возможно, это пустяки.

— Возможно, и нет. Чему посвящен труд?

— Пожалуй, теологии.

Валера кивнул.

— Вы удивлены? — спросил я.

— Нет. Напротив. Дон Диего считался авторитетом в области истории религии. Человеком ученым. В этом доме о нем до сих пор вспоминают с теплотой. Скажите, а какие конкретно аспекты сделки по приобретению недвижимости вы хотели выяснить?

— Думаю, вы уже немало мне помогли, сеньор Валера. Мне не хотелось бы и дальше отнимать у вас время.

Адвокат выслушал мой ответ с облегчением.

— Это ведь дом, правильно? — спросил он.

— Да, место странное, — согласился я.

— Припоминаю, что в молодости я был там один раз, вскоре после того как дон Диего его купил.

— А вы знаете, почему он его купил?

— Он говорил, что дом завораживал его с юных лет и его не оставляла мысль, что ему понравилось бы там жить. Как это похоже на дону Диего. В чем-то он иногда походил на ребенка и был готов отдать все за призрачную иллюзию.

Я не вымолвил ни звука.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Превосходно. А вам известно что-нибудь о владельце, у которого сеньор Марласка купил дом? О некоем Бернабе Массоте?

— Индеец. Никогда не задерживался дольше одного часа в этом доме. Он купил его, когда вернулся с Кубы, и годами дом пустовал. Массот не

объяснял причин. Сам он поселился на вилле, построенной близ Аренис-де-Мар. А тот особняк продал за два реала. И ничего не хотел о нем слышать.

— А кому дом принадлежал до него?

— Кажется, там жил священник. Иезуит. Я не уверен. Мой отец занимался делами дона Диего и после его смерти уничтожил все архивы.

— Почему же он так поступил?

— Именно потому, о чем я вам рассказывал. Чтобы избежать слухов и в память о своем друге, я полагаю. Но в действительности он никогда мне не говорил о причинах. Мой отец не был склонен объяснять свои действия. Наверное, у него имелись свои мотивы. Несомненно, благие мотивы. Дон Диего был его близким другом, а не только компаньоном, и всю историю отец переживал очень болезненно.

— А что случилось с иезуитом?

— По-моему, у него возникли дисциплинарные проблемы в ордене. Он дружил с Жасинтом Вердагером и вроде бы оказался замешан в какие-то их делишки, ну вы понимаете.

— Экзорцизм.

— Слухи.

— Как мог позволить себе подобный дом иезуит, изгнанный из ордена?

Валера опять пожал плечами, и я подумал, что вычерпал сосуд до дна.

— Я охотно сделал бы для вас больше, сеньор Мартин, но мне нечего добавить. Честное слово.

— Спасибо, что уделили мне время, сеньор Валера.

Адвокат кивнул и нажал кнопку звонка на письменном столе. Секретарша, принимавшая меня вначале, появилась на пороге. Валера подал мне руку, и я пожал ее.

— Сеньор Мартин уходит. Проводите, Маргарита.

Секретарша наклонила голову и пошла впереди. Прежде чем покинуть кабинет, я оглянулся и посмотрел на адвоката, одолеваемого унынием под портретом отца. Я последовал за Маргаритой к выходу и в тот самый момент, когда она уже закрывала за мной дверь, обернулся и одарил ее невиннейшей из улыбок.

— Простите. Адвокат Валера дал мне адрес сеньоры Марласки, но я сейчас вдруг засомневался, что правильно запомнил номер дома...

Маргарита вздохнула, всей душой желая избавиться от меня.

— Тринадцать. Шоссе Вальвидрера, номер тринадцать.

— Конечно.

— Всего доброго, — сказала Маргарита.

Я не успел попрощаться в ответ — дверь захлопнулась у меня перед носом, величественная и несокрушимая, как Гроб Господень.

21

Возвратившись в дом с башней, я другими глазами увидел место, бывшее моим очагом и местом ссылки долгие и долгие годы. Когда я проходил через портал, у меня возникло ощущение, будто я ступаю в пасть существа из камня и тени. Поднимаясь по парадной лестнице, я словно углублялся в его нутро. Открыв дверь на первый этаж, я очутился в знакомом длинном и темном коридоре, конец которого терялся в полумраке и впервые он представился мне преддверием разума, недоверчивого и ядовитого. В глубине, на фоне алого сияния заката, сочившегося с галереи, я различил силуэт приближавшейся ко мне Исабеллы. Я закрыл дверь и зажег свет в прихожей.

Исабелла оделась, как утонченная сеньорита, сделала прическу и накрасилась, отчего стала выглядеть лет на десять старше.

— Ты очень красива и элегантна, — холодно заметил я.

— Почти как девушка вашего возраста, не так ли? Вам нравится платье?

— Где ты его взяла?

— В одном из кофров в дальней комнате. Наверное, оно принадлежало Ирене Сабино. Как вам? Оно хорошо на мне сидит?

— Я просил тебя договориться, чтобы все вещи забрали.

— Я пыталась. Утром я ходила в приходскую церковь, но мне сказали, что они не могут прийти и что-то взять, но если мы хотим, то можем принести сами.

Я безмолвно смотрел на нее.

— Это правда, — сказала она.

— Сними это и положи на место. И умойся. Ты выглядишь...

— Дешевкой? — закончила Исабелла.

Вздохнув, я покачал головой:

— Нет. Ты никогда не будешь выглядеть дешевкой, Исабелла.

— Конечно. Именно поэтому я вам так не нравлюсь, — пробормотала она, повернувшись и направляясь в свою комнату.

— Исабелла, — позвал я.

Она проигнорировала меня и вошла в спальню.

— Исабелла, — повторил я, повысив голос.

Она метнула в меня сердитый взгляд и громко хлопнула дверью. Я услышал, как она возится в спальне, подошел к двери и постучал. Отклика не последовало. Я постучал снова. Безрезультатно. Я открыл дверь и обнаружил, что девушка собирает немногочисленные пожитки, которые принесла с собой, и укладывает их в сумку.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Ухожу, вот что я делаю. Ухожу и оставляю вас с миром. Или войной, так как с вами ничего нельзя знать заранее.

— Можно узнать, куда ты собралась?

— Какое вам дело? Это вопрос риторический или иронический? Вам, конечно, все равно, но поскольку я умственно отсталая, то не способна заметить разницу.

— Исабелла, погоди минутку и...

— Не беспокойтесь за платье, я его сейчас сниму. И охотно верну вам письменный прибор. Я им не пользовалась, и он мне не нравится. Безвкусная безделушка для маленькой девочки.

Я приблизился к ней и положил руку на плечо.

Она резко отпрянула, словно от прикосновения змеи.

— Не дотрагивайтесь до меня.

Я молча ретировался к двери. У Исабеллы дрожали руки и губы.

— Исабелла, прости меня. Пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть.

Она посмотрела на меня с горькой улыбкой и слезами на глазах.

— Вы только этим и занимались. С тех пор, как я переступила порог вашего дома. Вы только и делали, что оскорбляли меня и относились так, словно я убогая идиотка, которая ничего не понимает.

— Прости, — повторил я. — Оставь в покое вещи. Ты не уходишь.

— Почему же?

— Потому что я тебя очень прошу.

— Если вам нужны сочувствие и милосердие, можете поискать их в другом месте.

— Дело не в милосердии или сочувствии, если только ты не испытываешь его. Я прошу тебя остаться потому, что идиот я и я не хочу быть один. Я не могу быть один.

— Как мило. Всегда думаете о других. Купите собаку.

Она уронила сумку на кровать и повернулась ко мне лицом, вытирая слезы и пылая долго копившимся гневом. Я сглотнул.

— Раз уж мы играем в игру «говорить правду», позвольте вам сказать, что вы всегда будете одиноким. Вы останетесь одиноким потому, что не

способны ни любить, ни сопереживать. Вы похожи на этот дом, от которого у меня мурашки бегут по спине. Меня не удивляет, что ваша прекрасная дама оставила вас с носом, да и все остальные тоже. Вы не умеете любить сами и не позволяете любить себя.

Я смотрел на нее, совершенно раздавленный. Она била наотмашь, не думая, куда попадают удары. Я пытался что-то сказать, но у меня получался лишь беспомощный лепет.

— Тебе действительно не понравился письменный прибор? — сумел выдать я наконец.

Исабелла в изнеможении закатила глаза.

— Не нужно смотреть на меня с видом побитой собаки. Я, конечно, дура, но не настолько.

Я стоял молча, прислонившись к дверному косяку.

Исабелла поглядывала на меня недоверчиво и сочувственно.

— Я не хотела говорить такое о вашей подруге, о той, с фотографии. Извините, — пробормотала она.

— Не извиняйся. Это правда.

Потупившись, я вышел из комнаты.

Я скрылся в кабинете и смотрел на темный город, затянутый туманом. Вскоре на лестнице послышались неуверенные шаги.

— Вы там, наверну? — окликнула девушка.

— Да.

Исабелла вошла в студию. Она переоделась и смыла с лица следы слез. Девушка улыбнулась мне, и я улыбнулся в ответ.

— Почему вы такой? — спросила она.

Я пожал плечами. Исабелла приблизилась и села рядом на подоконник. Мы наслаждались видом крыш старого города, окутанных сумерками и безмолвием, не испытывая потребности что-то говорить. Через некоторое время Исабелла посмотрела на меня с улыбкой.

— Что, если мы раскурим одну из сигар, подаренных вам отцом, и выкурим на двоих?

— И речи быть не может.

Исабелла погрузилась в долгое молчание, как она это умела, бросая на меня быстрые взгляды и улыбаясь. Я искоса наблюдал за ней, осознав вдруг простую вещь: только глядя на нее, намного легче было поверить, будто осталось еще что-то хорошее и достойное в этом поганом мире, и кто знает, может, и во мне самом тоже.

— Ты останешься? — спросил я.

— Назовите хорошую причину. Правдивую, или, в вашем случае,

эгоистическую. И лучше, если это не будет детской сказочкой, или я уйду сейчас же.

Исабелла отгородилась настороженным взглядом, ожидая услышать одно из моих иронических замечаний, и на мгновение она показалась мне единственным человеком в мире, которому я не мог и не хотел лгать. Я уставился вниз и впервые сказал правду, чтобы она прозвучала громко хотя бы для меня самого.

— Ты единственный друг, оставшийся у меня.

Напряженное выражение исчезло с ее лица, и я отвернулся, чтобы не видеть жалости в ее глазах.

— А как насчет сеньора Семпере и другого, этого самодовольного Барсело?

— Ты единственная осмеливаешься говорить мне правду.

— А ваш любезный патрон, он разве не говорит вам правды?

— Не бей лежачего. Патрон мне не друг. И сомневаюсь, чтобы он хоть раз в жизни сказал правду.

Исабелла внимательно посмотрела на меня.

— Видите? Я же знала, что вы ему не доверяете. У вас это на лице было написано с самого первого дня.

Я попытался спасти остатки достоинства, но, кроме колкости, ничего в голову не пришло.

— Чтение лиц относится к числу твоих талантов?

— Чтобы читать по вашему лицу, не нужно вообще никакого таланта, — парировала Исабелла. — Это все равно что читать сказку о Мальчике-с-пальчик.

— А что еще ты прочитала на моем лице, уважаемая пифия?

— Что вы боитесь.

Я через силу выдавил смешок.

— Не нужно стыдиться того, что вам страшно. Страх — одно из проявлений здравого смысла. Ничего не боятся только круглые дураки. Я читала в какой-то книге.

— В пособии по трусости?

— Напрасно вы думаете, что признание этого факта ущемит ваше мужское достоинство. Я ведь знаю, что вы, мужчины, считаете, что ваша честь напрямую зависит от степени упрямства.

— Это ты тоже вычитала в книге?

— Нет, это результат личных наблюдений.

Я развел руками, признавая справедливость сказанного.

— Хорошо. Признаю, что я испытываю смутную тревогу.

— Смутную, как же. Вы умираете от страха. Признайтесь.

— Не будем утрировать. Допустим, у меня есть определенные сомнения по поводу взаимоотношений с издателем, что вполне понятно, учитывая мой прошлый опыт. Насколько я знаю, Корелли порядочный человек, и наше деловое сотрудничество будет плодотворным и выгодным для обеих сторон.

— Поэтому у вас поджилки трясутся при упоминании его имени.

Я вздохнул, не имея сил спорить.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал, Исабелла?

— Что вы не будете на него больше работать.

— Я не могу так поступить.

— Почему же? Разве нельзя вернуть ему деньги и послать его подальше?

— Все не так просто.

— Но почему? Вы влипли в какие-то неприятности?

— Боюсь, что да.

— Какого рода?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. В любом случае я полностью несу ответственность за все, и мне же предстоит решить проблему. Тебе не о чем беспокоиться.

Исабелла посмотрела на меня, несколько не убежденная моими словами, но хотя бы на время она присмирела.

— Знаете, вы невозможный человек.

— Ты начинаешь открывать мне глаза.

— Если хотите, чтобы я осталась, правила в доме должны измениться.

— Я весь внимание.

— Конец просвещенному деспотизму. Отныне в доме наступает эра демократии.

— Свобода, равенство, братство.

— Бог с ним, с братством. Но вы больше не приказываете, не распоряжаетесь и не выкидываете фокусы в духе мистера Рочестера.

— Как скажете, мисс Эйр.

— И не стройте напрасных иллюзий, я не выйду за вас замуж, даже если вы ослепнете.

Я протянул ей руку, чтобы скрепить наш договор пожатием. Она с сомнением пожала ее, а потом обняла меня. Я позволил заключить себя в объятия и уткнулся лицом в ее волосы. Ее прикосновение дарило покой и ощущение, что ты нужен, и частичку жажды жизни семнадцатилетней девушки. Мне хотелось верить, что оно, наверное, походило на те объятия,

которых у моей матери не нашлось на меня.

— Друзья? — пробормотал я.

— Навеки.

Новые законы в стиле исабелино^[46] вступили в действие следующим утром в девять часов, когда моя помощница пожаловала на кухню и без околичностей сообщила, как отныне пойдут дела.

— Я подумала, что вам нужен распорядок дня. В противном случае вы теряетесь и ведете распушенный образ жизни.

— Где ты откопала это выражение?

— В одной из ваших книг. Рас-пу-щен-ный. Звучит хорошо.

— И рифмуется со словом «запущенный».

— Не уклоняйтесь от темы.

Окончательный вариант мирного договора выглядел следующим образом. В течение недели мы оба работаем каждый над своей рукописью. Ужинаем вместе, после она показывает, что написала за день, и мы это обсуждаем. Я поклялся быть искренним и давать ей дельные советы, а не лить бальзам на душу, чтобы не портить настроение. По воскресеньям планировалось отдыхать и предполагалось, что я буду водить ее в кино, в театр или на прогулку. Она помогает мне искать материалы в библиотеках и архивах и заботится о пополнении съестных припасов, принимая во внимание семейные связи с продуктовым магазином. Я готовлю завтрак, а она ужин. Обед готовит тот, кто свободен в данную минуту. Мы делим обязанности по уборке дома, и я обязуюсь смириться с непреложным фактом, что жилище необходимо убирать регулярно. Я не пытаюсь искать ей жениха ни при каких обстоятельствах, а она воздерживается от обсуждения причин, побудивших меня работать на патрона, и от высказывания своего мнения на сей счет, если только я не попрошу. Все остальные вопросы мы будем решать по мере поступления.

Я поднял чашку кофе, и мы выпили за мое поражение и безусловную капитуляцию.

Всего через пару дней я в полной мере испытал на себе прелести мирной и спокойной жизни вассала. Исабелла просыпалась медленно и тяжело. К тому моменту, когда она появлялась из спальни с полужакрытыми глазами, шаркая моими тапочками, в каждой из которых могли бы

уместиться две ее ступни, у меня уже был готов завтрак, кофе и свежая утренняя газета.

Распорядок дня — ключница вдохновения. Не прошло и сорока восьми часов после введения нового порядка, как я обнаружил, что начал вновь обретать работоспособность своих самых продуктивных лет. Часы заточения в кабинете претворялись в страницы и страницы прозы. И я, не без тени беспокойства, начал понимать, что работа достигла той степени сущности, когда замысел находит реальное воплощение.

Слова лились свободно, складываясь в блестящий, увлекательный текст. Он читался легко и воспринимался как легенда или мифологическая сага о чудесах и превратностях судьбы, изобилуя персонажами и сюжетами, связанными с пророчеством, сулившим надежду человечеству. Повествование подготавливало почву для появления спасителя-воина, которому предстояло освободить народ от горестей и унижений, дабы вернуть ему славу и гордость, посрамив коварных врагов, строивших козни всегда и испокон веку против народа, каким бы он ни был. Схема являлась безупречной и срабатывала безотказно применительно к любому верованию, народу или племени. Девизы, боги и проповеди были джокерами в колоде, при сдаче которой выпадал всегда один и тот же расклад. Учитывая характер работы, я предпочел использовать один из самых сложных приемов, трудных для практического осуществления в любом литературном произведении: кажущееся отсутствие каких-либо приемов. Язык был простым и ясным, голос звучал искренне и душевно — не рассказ, но исповедь откровения. Временами я прерывался, чтобы перечитать уже написанное, и мною овладевало суетное тщеславие, что запущенная моими усилиями машина работала точно, как часы. Я осознал, что впервые за длительный период времени сутками не вспоминал о Кристине и Педро Видале. И я сказал себе, что дела налаживаются. Возможно, по этой причине (ибо мне почудилось, что я наконец выбрался из трясины) я сделал то, что проделывал всегда, стоило моей жизни покатиться по накатанным рельсам, — разрушил все до основания.

Однажды утром, после завтрака, я облачился в один из своих костюмов респектабельного буржуа. Взойдя на галерею, чтобы попрощаться с Исабеллой, я увидел, что она склонилась над письменным столом, перечитывая то, что написала вчера.

— Сегодня вы не пишете? — спросила она, не поднимая головы.

— День на раздумья.

Я заметил рядом с ее тетрадкой перышки из набора и чернильницу с музами.

— Кажется, ты считала прибор безвкусной безделушкой, — сказал я.

— И все еще считаю. Но мне семнадцать лет, и я имею полное право баловаться безделушками. Как вы с вашими гаванскими сигарами.

Почуяв запах одеколона, она метнула на меня любопытный взгляд. Обнаружив, что я одет для выхода, девушка нахмурилась.

— Снова собираетесь поиграть в детектива? — поинтересовалась она.

— Немного.

— Телохранители не нужны? Или доктор Ватсон? Человек, обладающий здравым смыслом?

— Не начинай искать повод не писать до того, как научишься писать. Это привилегия профессионалов, ее следует заслужить.

— Я полагала, что раз я ваша помощница, это распространяется на все сферы деятельности.

Я безмятежно улыбнулся:

— Теперь, когда ты об этом упомянула, я сообразил, что есть кое-что, о чем я хотел тебя попросить. Нет, не пугайся. Тебе нужно повидаться с Семпере. Я узнал случайно, что у него туго с деньгами, и книжная лавка под угрозой.

— Не может быть.

— К сожалению, это факт. Но ничего ужасного не произойдет, поскольку мы не допустим, чтобы дело зашло так далеко.

— Послушайте, сеньор Семпере очень гордый человек, и он не позволит, чтобы... Вы ведь уже пытались, правда?

Я кивнул.

— Вот поэтому я решил, что нам нужно действовать хитрее и прибегнуть к нетрадиционным и недостойным средствам.

— Вы на этом собаку съели.

Я пропустил мимо ушей укоризненный тон и продолжал развивать свою мысль:

— Я подумал вот что: будто бы случайно ты заглянешь в книжную лавку и скажешь Семпере, что я чудовище и ты сыта по горло...

— До сих пор все абсолютно правдоподобно.

— Не перебивай. Ты скажешь все это и добавишь, что за работу помощницы я плачу тебе сущие гроши.

— Но вы же действительно не платите мне ни сентима...

Я глубоко вздохнул, вооружившись терпением.

— Когда он скажет, как ему прискорбно это слышать, а он непременно

скажет, ты состроишь мину несчастной девушки и признаешься, если возможно, подпустив слезу, что отец тебя лишил наследства и хочет отдать в монахини. И потому ты думаешь, что лучше бы тебе попробовать работать в книжной лавке по два-три часа в день за три процента комиссионных от проданных книг, чтобы обеспечить свое будущее помимо монастыря как женщине свободной, преданной стороннице распространения просвещения.

Исабелла подозрительно покосилась на меня.

— Три процента? Вы хотите помочь Семпере или обобрать его?

— Я хочу, чтобы ты надела платье, как тогда вечером, прихорошилась, как умеешь, и нанесла визит, когда его сын будет находиться в магазине, а обычно это происходит во второй половине дня.

— Мы говорим о том красавце?

— Сколько сыновей у сеньора Семпере?

Исабелла сложила два и два и, сообразив, куда дует ветер, обожгла меня испепеляющим взглядом.

— Если бы мой отец знал, насколько у вас извращенный ум, он точно купил бы двустволку.

— Единственное, о чем я говорю, — это чтобы сын положил на тебя глаз. И, главное, чтобы отец увидел, как сын на тебя смотрит.

— Вы еще хуже, чем я думала. Теперь вы решили заняться сводничеством.

— Всего лишь христианское милосердие. И кроме того, ты первая признала, что сын Семпере хорош собой.

— Хорош собой и слегка туповат.

— Не будем преувеличивать. Семпере *junior* всего лишь робеет в присутствии прекрасной половины человечества, которую, заметь, весьма уважает. Он образцовый гражданин, кто, осознавая, что перед его внешностью и статью устоит редкая женщина, тем не менее практикует самоконтроль и аскетизм, ибо уважает и почитает незапятнанную добродетель барселонских женщин. И не убеждай меня, что подобное поведение не облагораживает его, наделяя аурой притягательности, вызывающей к твоим инстинктам, материнским и всем остальным.

— Иногда мне кажется, что я ненавижу вас, сеньор Мартин.

— Прислушайся к этому чувству, но не вини бедного младшего Семпере в моем человеческом несовершенстве, поскольку он, скажем прямо, святой мальчик.

— Мы договорились, что вы не станете искать мне жениха.

— Никто и не говорит о браке. Если ты дашь мне закончить, я

расскажу остальное.

— Продолжайте, Распутин.

— Когда Семпере-отец согласится, а он согласится, я хочу, чтобы каждый день ты пару часов проводила за прилавком книжного магазина.

— Одевшись каким образом? Как Мата Хари?

— Одевшись нарядно и со вкусом, свойственным тебе. Стильно, соблазнительно, но не вызывающе. Если необходимо, извлеки на свет божий одно из платьев Ирене Сабино, только поскромнее.

— Есть два или три, от которых я без ума, — заметила Исабелла, жмурясь от предвкушения.

— Тогда надень то, которое больше тебе к лицу.

— Вы ретроград. А как насчет моего литературного образования?

— Где ты найдешь аудиторию лучше, чем лавка «Семпере и сыновья», чтобы его пополнить? Там тебя будут окружать шедевры, из которых ты почерпнешь массу полезного.

— И как я это сделаю? Вдохну поглубже, авось что-нибудь да подхвачу?

— Это всего на пару часов в день. А потом ты можешь продолжать работать здесь, как было до сих пор, и получать от меня бесценные советы, следуя которым ты превратишься в новую Джейн Остен.

— А в чем хитрость?

— Хитрость в том, что ежедневно я буду давать тебе несколько песет. Каждый раз, получая деньги от покупателя и открывая кассу, ты незаметно станешь подкладывать их.

— Следовательно, это и есть ваш план...

— В моем плане, как видишь, нет ничего предосудительного.

Исабелла нахмурилась:

— Не получится. Сеньор Семпере поймет, что происходит что-то странное. У него ум острый как бритва.

— Получится. А если Семпере удивится, скажи ему, что покупатели, увидев за прилавком молодую и хорошенькую девушку, раскошеливались, демонстрируя чудеса щедрости.

— Такое происходит в низкопробных кабаках, завсегдаем коих вы являетесь, а не в книжном магазине.

— Возражение. Я прихожу в книжную лавку и вижу такую очаровательную приказчицу, как ты. И я готов купить у нее даже последнюю национальную премию по литературе.

— Это потому, что у вас воображение еще грязнее, чем насест в курятнике.

— Кроме того, я, или, вернее, мы оба, в неоплатном долгу перед Семпере.

— Удар ниже пояса.

— Так не вынуждай меня применять еще более бесчестные приемы.

Любая стратегия убеждения, достигающая цели, апеллирует сначала к любопытству, затем к тщеславию и, наконец, к доброте или угрызениям совести. Исабелла потупилась и неохотно кивнула.

— И когда вы предполагаете привести в действие свой план с тайной благотельницей?

— Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Сегодня?

— Сегодня днем.

— Скажите правду. Цель этого замысла — отмыть деньги, которые вам платит патрон, и очистить совесть, или что у вас есть в том месте, где ей положено находиться?

— Ты же знаешь, я всегда руководствуюсь эгоистическими соображениями.

— А что произойдет, если сеньор Семпере откажет?

— Убедись, что его сын находится в лавке, и приходи, одетая в воскресное платье, только не для мессы.

— Унизительный и оскорбительный план.

— И он тебе нравится.

Исабелла все-таки улыбнулась, плутовка.

— А что, если сын в порыве отваги решится зайти далеко?

— Гарантирую, наследник тебя пальцем не тронет без согласия священника и официального разрешения церкви.

— Каждому свое.

— Ты сделаешь это?

— Для вас?

— Для литературы.

Когда я вышел на улицу, внезапно налетел холодный пронзительный ветер, спешивший вымести улицы, и я понял, что осень вступает на цыпочках в Барселону. На пласа Паласио я сел в трамвай, пустой вагон, похожий на большую мышеловку из кованого железа. Я сел у окна и купил у контролера билет.

— До Саррии? — спросил он.

— До главной площади.

Я прислонился головой к окну, и вскоре трамвай с толчком тронулся с места. Закрыв глаза, я погрузился в то дремотное состояние, насладиться которым дано лишь пассажирам механического средства передвижения — сон современного человека. И снилось мне, что я еду на поезде, сделанном из черных костей, с вагонами, имевшими форму гроба. Поезд мчался по пустынной Барселоне, усеянной кучками одежды, как будто тела, некогда облаченные в эти вещи, бесследно испарились. Плантация беспризорных шляп и платьев, костюмов и ботинок покрывала улицы, скованные тишиной. За локомотивом тянулся шлейф багрового дыма, растекавшегося по небу, словно пролитая краска. Моим попутчиком был улыбавшийся патрон, одетый во все белое и в перчатках. Какая-то темная, вязкая субстанция капала с кончиков его пальцев.

— Что случилось со всеми?

— Верьте, Мартин. Верьте.

Я пробудился, когда трамвай неспешно въезжал на главную площадь в Саррии. Я выскочил из вагона до того, как он полностью остановился, и зашагал вверх по крутой улице Майор-де-Саррия. Через пятнадцать минут я достиг цели своего путешествия.

Шоссе Вальвидрера начиналось в тенистой аллее, тянувшейся позади замка из красного кирпича, где размещалась Коллегия Сан-Игнасио. Улица поднималась в гору, окаймленная особняками, и устланная ковром палых листьев. Низкие облака скользили вдоль склона, расползаясь клочьями тумана. Я пошел по нечетной стороне улицы, разглядывая стены и садовые решетки, пытаюсь прочитать номера домов. За оградами виднелись фасады из потемневшего камня и пересохшие фонтаны на песчаных дорожках, заросших сорняками. Я миновал длинный участок пути, затененный вереницей кипарисов, и обнаружил, что за одиннадцатым номером дома следует пятнадцатый. Я остановился в растерянности и отступил, повернув назад в поисках дома номер тринадцать. У меня уже начали закрадываться подозрения, что секретарша адвоката Валеры оказалась хитрее, чем я думал, и снабдила меня неверным адресом, как вдруг наткнулся на проулок, уходившим вбок от главной улицы. Примерно через полсотни метров он упирался в черную решетку ворот с частым гребнем заостренных пик по верхней кромке.

Я ступил в узкий переулок, вымощенный брусчаткой, и приблизился к воротам.

Сад, густо заросший и неухоженный, перебрался на внешнюю сторону ограды, и ветви эвкалипта проросли сквозь прутья, словно руки узника, молитвенно простертые из камеры. Я раздвинул листья, укрывавшие часть стены, и прочитал буквы и цифры, вырезанные на камне: «Каса Марласка, 13».

Я двинулся вдоль ограды, опоясывавшей сад, пытаюсь заглянуть внутрь. Метров через двадцать я набрел на железную калитку, вмурованную в каменную стену. На металлической створке, покрытой глубоко въевшейся ржавчиной, висел дверной молоток. Калитка была приотворена. Я толкнул ее плечом, и она подалась, открывшись настолько, что я сумел просочиться в щель, не порвав одежды о торчавшие из стены острые камни. В воздухе витал густой дух сырой земли.

Меж деревьев пролежала дорожка, выложенная мраморными плитами, которая заканчивалась на лужайке, вымощенной светлым камнем. Сбоку виднелся гараж с распахнутыми настежь воротами. В гараже стояли развалины того, что было некогда машиной «мерседес-бенц», а ныне напоминало катафалк, брошенный на произвол судьбы. Дом являл собой образчик архитектуры в стиле модерн — три этажа изогнутых линий, накрытых неровной волной мансард, вздыбившейся башенками и арками. Фасад, испещренный рельефами и горгульями, прорезали узкие стрельчатые окна, заостренные, как кинжалы. В стеклах отражались облака, безмолвно плывшие по небу. Мне показалось, что в одном из окон нижнего этажа белеет чье-то лицо.

Плохо понимая зачем, я поднял руку и приветственно помахал. Наверное, мне не хотелось, чтобы меня приняли за вора. Человек наблюдал за мной, застыв неподвижно, точно паук. Я на миг отвел глаза, а когда посмотрел вновь, силуэт исчез.

— Добрый день! — сказал я.

Подождав несколько мгновений и не получив ответа, я медленно направился к дому. Вдоль восточной стены особняка лежал овальный бассейн. С другой стороны тянулась застекленная галерея. Вокруг бассейна стояли потрепанные парусиновые шезлонги. В темную гладь воды вдавался увитый плющом трамплин. Я приблизился к краю бассейна: он был усеян палыми листьями и водорослями, плавно колыхавшимися на поверхности. Разглядывая свое отражение в воде, я вдруг заметил, что у меня за спиной вырастает темная фигура.

Я резко обернулся и увидел перед собой мрачное лицо с заострившимися чертами. Женщина пристально изучала меня с беспокойством и подозрением.

— Кто вы такой и что здесь делаете?

— Меня зовут Давид Мартин, и я пришел от адвоката Валеры, — сказал я первое, что пришло в голову.

Алисия Марласка поджала губы.

— Вы сеньора Марласка? Донья Алисия?

— А что случилось с тем, кто обычно приходил? — спросила она.

Я сообразил, что сеньора Марласка приняла меня за одного из служащих конторы Валеры и полагает, будто я принес бумаги на подпись или какое-то сообщение от адвокатов. На миг я заколебался, размышляя, не стоит ли поддержать ее в этом заблуждении, но что-то в выражении лица женщины подсказывало, что в своей жизни она уже услышала достаточно лжи, чтобы покорно проглотить еще одну.

— Я не работаю в адвокатской конторе, сеньора Марласка. Цель моего визита сугубо личная. Не могли бы вы уделить мне несколько минут, чтобы поговорить о собственности, некогда принадлежавшей вашему покойному мужу, дону Диего?

Вдова побледнела и отвела взгляд. Она опиралась на трость, и у входа в галерею я заметил инвалидную коляску, где, как предположил, она проводила больше времени, чем хотела бы признать.

— Никакой собственности моего мужа больше не осталось, сеньор...

— Мартин.

— Все забрали банки. Все, кроме этого дома, который благодаря советам сеньора Валеры-отца записан на мое имя. Остальное досталось стервятникам...

— Я имею в виду дом с башней на улице Флассадерс.

Вдова вздохнула. Я прикинул, что ей лет шестьдесят-шестьдесят пять, и по ее лицу все еще можно было угадать, хотя и с трудом, что когда-то она была ослепительной красавицей.

— Забудьте о том доме. Это проклятое место.

— К сожалению, не могу. Я там живу.

Сеньора Марласка нахмурилась.

— Я думала, что там никто не захочет жить. Дом пустовал много лет.

— Я нанял его уже довольно давно. Причина моего визита в том, что в ходе некоторых переделок в доме я нашел личные вещи, принадлежавшие, похоже, вашему мужу и, по-видимому, вам.

— В том доме нет ничего моего. Должно быть, вы нашли вещи той женщины...

— Ирене Сабино?

Алисия Марласка с горечью усмехнулась.

— Что вы на самом деле хотите узнать, сеньор Мартин? Скажите правду. Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы вернуть старые вещи моего покойного мужа.

Мы молча смотрели друг на друга, и я понял, что ни за что на свете не могу и не хочу лгать этой женщине.

— Я пытаюсь выяснить, что произошло с вашим мужем, сеньора Марласка.

— Зачем?

— Затем, что, как мне кажется, со мной происходит то же самое.

В «Каса Марласка» царила атмосфера заброшенного пантеона, свойственная большим домам, прозябающим без хозяев и должного внимания. Дни былого процветания и великолепия канули в Лету. Давно прошли времена, когда армия прислуги поддерживала его в первозданном состоянии, начищая до блеска. Теперь от дома остались жалкие руины. Фрески на стенах осыпались, каменные плиты пола расшатались, мебель была источена холодом и сыростью, потолки обваливались, прекрасные ковры истерлись и полиняли. Я помог вдове сесть в инвалидное кресло и, следуя указаниям, привез в библиотеку, где уже почти не оставалось ни книг, ни картин.

— Мне пришлось продать большую часть имущества, чтобы выжить, — пояснила вдова. — Если бы не адвокат Валера, который продолжает выплачивать мне каждый месяц небольшое содержание за счет фирмы, я не знаю, что со мною случилось бы.

— Вы живете тут одна?

Вдова кивнула.

— Это мой дом. Единственное место, где я была счастлива, хотя с тех пор прошло очень много лет. Я прожила здесь всю жизнь, здесь и умру. Простите, что не предложила вам ничего. Ко мне давно никто не приходит, и я уже забыла, как принимать гостей. Не хотите ли кофе или чаю?

— Я в порядке, спасибо.

Сеньора Марласка улыбнулась и указала на кресло, в котором я устроился:

— Любимое кресло мужа. Он обычно сидел в нем у камина и читал допоздна. А я иногда садилась тут, с ним рядом, и слушала. Ему нравилось рассказывать мне всякие вещи, по крайней мере в то время. Мы были очень счастливы в этом доме...

— А что случилось потом?

Вдова пожала плечами, устремив невидящий взгляд на пепел в камине.

- Вы уверены, что хотите услышать всю историю?
— Прошу вас.

— Откровенно говоря, я не знаю, когда мой муж Диего с ней познакомился. Я только помню, что однажды он упомянул о ней вскользь, и вскоре дня не проходило, чтобы я не слышала от него ее имени: Ирене Сабино. Муж говорил, что его ей представил человек, которого звали Дамиан Роурес. Он устраивал спиритические сеансы в салоне на улице Элисабетс. Диего занимался изучением религиозных верований и посещал иногда такие сеансы как наблюдатель. В те дни Ирене Сабино была самой популярной актрисой с Паралело. Красавица, этого нельзя отрицать. А в остальном сомневаюсь, что она умела считать дальше десяти. По слухам, она родилась в трущобах пляжа Багатель, и мать бросила ее в Соморростро, так что выросла она среди попрошайек и сброда, скрывавшегося в тех местах. Она начала танцевать в кабаре и кабаках Раваля и на Паралело лет в четырнадцать. Танцевать — громко сказано. Думаю, она начала торговать собой, еще не научившись грамоте, если только вообще девица умела читать... Довольно долго она была звездой сцены в «Ла Криолле», по крайней мере так говорили. Потом она работала в других заведениях, более высокого класса. По-моему, в «Аполо» она познакомилась с неким Хуаном Корберой, которого все называли Хако. Хако стал ее агентом и, возможно, любовником. Именно Хако придумал имя «Ирене Сабино», а также легенду, будто бы она была тайной дочерью знаменитой актрисы парижского варьете и европейского аристократа. Я не знаю, каково ее настоящее имя. И не уверена, что оно у нее вообще было. Хако стал использовать ее на сеансах спиритизма, видимо, с подачи Роуреса. Эти двое делили пополам прибыль, продавая ее мифическую невинность состоятельным и пресытившимся мужчинам, посещавшим этот фарс, чтобы развеять скуку. Поговаривали, что она оказывала особые услуги, развлекая парочки.

Однако Хако и его партнер Роурес не подозревали о том, что Ирене была одержима спиритическими сеансами и искренне верила, что во время этих пантомим возможно установить связь с миром духов. Она пребывала в убеждении, будто мать посылает ей весточки с того света, и продолжала приходить на сеансы, чтобы вступить ней в контакт, даже когда стала знаменитой. Там с ней встретился мой муж Диего. Мы в ту пору

переживали разлад, полагаю, как это бывает у всех супружеских пар. Диего давно хотел бросить адвокатуру и всецело посвятить себя литературному труду. Признаю, он не нашел у меня поддержки, в которой нуждался. Я считала, если он так поступит, то погубит свою жизнь, но, возможно, я лишь боялась потерять все — дом, слуг... Их я и так потеряла, и его тоже. Окончательно нас оттолкнула друг от друга потеря Исмаэля. Исмаэлем звали нашего сына. Диего любил его без памяти. Никогда не видела отца, столь беззаветно преданного сыну. Исмаэль, а не я, был главным в его жизни. Мы ссорились в спальне на нижнем этаже. Я упрекала мужа, что он тратит слишком много времени на свои литературные упражнения, из-за чего его компаньон Валера, которому до смерти надоело тащить на плечах двойной груз работы, выдвинул ультиматум и собирался расторгнуть партнерство и открыть собственную контору. Диего отвечал, что его это не волнует и он намерен продать свою долю в фирме и посвятить себя тому, что считал своим призванием. Днем мы хватились Исмаэля. Его не было ни в его комнате, ни в саду. Я подумала, что, услышав, как мы ссоримся, он испугался и убежал из дома. Он так уже делал. За несколько месяцев до того мы обнаружили его на лавке на площади Саррии, в слезах. Когда стемнело, мы отправились на поиски. Сын исчез бесследно. Мы ходили к соседям, в больницы... Мы искали его всю ночь, а вернувшись на рассвете домой, нашли его тело на дне бассейна. Он утонул накануне днем, и мы не слышали его призывов о помощи потому, что кричали друг на друга. Ему было семь лет. Диего до конца дней не смог простить ни меня, ни себя самого. Вскоре каждый из нас уже не мог выносить присутствия другого. Всякий раз, когда мы смотрели друг на друга или начинали разговор, перед глазами вставала ужасная картина: тело нашего мертвого сына на дне проклятого бассейна.

Однажды я проснулась утром и узнала, что Диего ушел от меня. Он расстался с адвокатской конторой и поселился в особняке в квартале Рибера, в доме, давно занимавшем его мысли. Он говорил, что пишет и получил очень серьезный заказ от издателя из Парижа, так что мне нечего беспокоиться о деньгах. Я знала, что он с Ирене, хотя Диего в том не признавался. Он был сломленным человеком. Он пребывал в убеждении, что жить ему осталось недолго. Он считал, что заразился какой-то болезнью, подцепил некую разновидность паразита, пожиравшего его изнутри. И говорил только о смерти. Никого не слушал. Ни меня, ни Валеру... Только Ирене и Роуреса, морочивших ему голову всякими рассказами о духах и тянувших с него деньги, обещая установить связь с Исмаэлем.

Как-то раз я пришла в дом с башней и умоляла открыть мне дверь.

Диего не впустил меня. Он сказал, что занят и работает над книгой, которая поможет ему спасти Исмаэля. Тогда я поняла, что он начинает терять рассудок. Муж верил, что если напишет эту проклятую книгу для парижского издателя, то наш сын восстанет из мертвых. Я думаю, что Ирене, Роурес и Хако вступили в сговор, чтобы выманить у него последние деньги, наши последние деньги...

Через несколько месяцев, а к тому моменту он уже ни с кем не встречался и все время проводил взаперти в этом ужасном доме, его нашли мертвым. Полиция заявила, что произошел несчастный случай, но я никогда этому не верила. Хако исчез, и не обнаружилось никаких следов денег. Роурес клялся, что ничего не знает. Он утверждал, что в течение нескольких месяцев не виделся с Диего. Будто бы муж сошел с ума и Роурес боялся его. По его словам, во время последних посещений спиритических сеансов Диего пугал собравшихся историями о проклятых душах, и Роурес запретил ему приходить. Диего рассказывал, что под городом лежит большое озеро крови. Он рассказывал, что сын разговаривает с ним во сне и что Исмаэль находится во власти тени в коже змеи, которая прикидывается другим мальчиком и играет с ним... Никто не удивился, когда его нашли мертвым. Ирене кричала, что Диего расстался с жизнью по моей вине и что холодная расчетливая жена, допустившая гибель сына потому, что не хотела отказаться от жизни в роскоши, довела его до смерти. Еще она говорила, что единственная искренне любила его и никогда не брала у него ни сентима. В этом, как мне кажется, она не солгала. Думаю, Хако использовал ее, чтобы соблазнить и обобрать Диего. Но затем, когда наступил решающий момент, он обманул ее и сбежал, не поделившись с сообщницей ни сентимом. Так считали в полиции, во всяком случае, некоторые полицейские. Мне всегда казалось, что они не хотят возбуждать дело, и потому версия самоубийства их весьма устраивала. Но я не верю, что Диего покончил с собой. Не верила тогда и не верю сейчас. Я полагаю, что его убили Ирене и Хако. И не только из-за денег. Было что-то еще. Припоминаю, что один из полицейских, кому поручили расследование, очень молодой человек по имени Сальвадор, Рикардо Сальвадор, тоже так думал. Он говорил, что были факты, не укладывавшиеся в официальную версию происшествия, и кто-то скрывает подлинную причину смерти Диего. Сальвадор всеми силами старался выяснить истину, и в результате его отстранили отдела, а спустя какое-то время выгнали из полиции. Но даже тогда он продолжал расследование на свой страх и риск. Иногда он навещал меня. Мы подружились... Я была одинокой, разорившейся, отчаявшейся женщиной. Валера убеждал меня

снова выйти замуж. Он тоже винил меня за то, что случилось с моим мужем, стал намекать, что существует немало холостых торговцев, кому вдова с аристократическими манерами и приятной наружностью может согреть постель в золотые годы. Со временем даже Сальвадор перестал приходить ко мне. Я его не осуждаю. В попытке помочь мне он погубил свою жизнь. Порой мне кажется, что это единственное, в чем я преуспела на этом свете — разрушать жизнь других людей... До сих пор я никому не рассказывала эту историю, сеньор Мартин. Если хотите совета, забудьте о том доме, обо мне, о моем муже и о том, что произошло. Уезжайте подальше. Этот город проклят. Проклят.

Я покинул «Каса Марласка» с упавшим сердцем и побрел бесцельно по лабиринту пустынных улиц, ведущих к Педральбес. Небо было покрыто паутиной серых облаков, едва пропускавших солнце. Тонкие лучи пробивались сквозь это полотнище и омывали склон горы. Я проследил взглядом за нитями света и смог разглядеть, как они касаются глазурированной крыши виллы «Гелиос». Окна сверкали издалека. Презрев здравый смысл, я направился в ту сторону. Чем ближе я подходил к особняку, тем больше темнело небо, и резкий порыв ветра взметал буруны сухих листьев у меня под ногами. Я остановился в начале улицы Панамы. Вилла «Гелиос» возвышалась напротив. Я не осмелился пересечь улицу и приблизиться к стене, окружавшей сад. Я простоял там бог знает сколько времени, не в силах ни убежать, ни шагнуть к двери и позвонить. А потом я вдруг увидел Кристину: она шла мимо большого окна на втором этаже. У меня похолодели внутренности. Я начал отступать, и вдруг она обернулась и задержала шаг. Кристина приблизилась к стеклу, и мне почудилось, что она смотрит прямо мне в глаза. Она вскинула руку, словно в приветствии, но так и не разжала пальцы. У меня не хватило духу выдержать ее взгляд, я повернулся и пошел прочь вниз по улице. Руки у меня дрожали, и я спрятал их в карманы, чтобы не было видно моего состояния. Прежде чем завернуть за угол, я один раз оглянулся и удостоверился, что она по-прежнему стоит у окна и смотрит мне вслед. Как бы я хотел возненавидеть ее, но не мог.

Я вернулся домой, продрогнув (во всяком случае, я предпочитал так думать) до костей. Нырнув под своды портала, я заметил конверт, торчавший из почтового ящика в подъезде. Сургуч и пергамент. Весточка

от патрона. Я вскрыл конверт, поднимаясь вверх по лестнице. Витиеватым почерком меня приглашали на свидание на следующий день. Добравшись до лестничной площадки, я обнаружил, что дверь приоткрыта и Исабелла с улыбкой ждет меня.

— Я была в кабинете и видела, как вы пришли, — сообщила девушка.

Я попытался улыбнуться ей, но, наверное, не преуспел, поскольку выражение лица Исабеллы тотчас сделалось озабоченным, едва она поймала мой взгляд.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Пустяки. По-моему, я немного простыл.

— У меня бульон на плите, простуду как рукой снимет. Проходите.

Исабелла взяла меня под руку и повела в галерею.

— Исабелла, я не инвалид.

Она выпустила мой локоть и потупилась.

— Простите.

У меня не было сил спорить с кем-либо, особенно со своей упрямой помощницей, так что я позволил проводить себя до одного из кресел в галерее и рухнул в него, точно мешок с костями. Исабелла уселась напротив и с тревогой посмотрела на меня.

— Что случилось?

Я выдавил улыбку, постаравшись успокоить девушку.

— Ничего. Ничего не случилось. Ты не дашь мне чашку бульона?

— Сию секунду.

Она умчалась на кухню, и я слышал, как она там возится. Я вздохнул поглубже и закрыл глаза, просидев так, пока слух не уловил приближающиеся шаги Исабеллы.

Она протянула мне дымящуюся чашку утрированно больших размеров.

— Напоминает ночной горшок, — заметил я.

— Выпейте и не говорите гадости.

Я понюхал бульон. Аромат от него исходил восхитительный, однако мне не хотелось сдаваться слишком быстро.

— Странно пахнет, — сказал я. — Из чего он?

— Пахнет курицей, потому что сварен из курицы, а также там соль и капелька хереса. Выпейте.

Я выпил глоток и возвратил девушке чашку. Исабелла помотала головой:

— До дна.

Я сделал еще глоток. Бульон показался мне вкусным.

— Итак, как прошел день? — спросила Исабелла.

— Так, были свои нюансы. А как твои успехи?

— Перед вами новая лучшая приказчица торгового дома «Семпере и сыновья».

— Превосходно.

— До пяти часов я продала уже два экземпляра «Портрета Дориана Грея» и собрание сочинений Лампедусты весьма высокопоставленному господину из Мадрида, который дал мне чаевые. Нечего кривиться, чаевые я тоже положила в кассу.

— А Семпере-младший, что он сказал?

— Сказать почти ничего не сказал. Все время проторчал как столб, притворяясь, что не смотрит в мою сторону, и при этом не спускал глаз. Мне даже сидеть трудно из-за того, что он обжигал мне взглядом зад всякий раз, когда я забиралась на лестницу, чтобы достать книгу. Довольны?

Я улыбнулся и кивнул.

— Спасибо, Исабелла.

Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Повторите.

— Спасибо, Исабелла. От всего сердца.

Она зарделась и отвернулась. Мгновение мы мирно хранили молчание, наслаждаясь моментом дружеского взаимопонимания, когда слова становятся лишними. В меня больше не вмещалось ни капли, но я мужественно допил бульон и показал девушке пустую чашку. Она удовлетворенно кивнула.

— Вы встречались с ней, да? С той женщиной, Кристиной, — сказала Исабелла, избегая моего взгляда.

— Исабелла, кто умеет читать по лицам...

— Скажите правду.

— Я только видел ее издалека.

Исабелла лукаво покосилась на меня, словно решая про себя, сказать или не сказать о чем-то, что занимало ее мысли.

— Вы любите ее? — просила она наконец.

— Я не умею любить. Ты же знаешь. Я эгоист, и все такое. Поговорим о чем-нибудь другом.

Исабелла уступила. Ее взгляд задержался на конверте, торчавшем у меня из кармана.

— Новости от патрона?

— Ежемесячное randevu. Многоуважаемый сеньор Андреас Корелли

изволит встретиться со мной завтра в семь утра у ворот кладбища Пуэбло-Нуэво. Не мог выбрать другого места.

— Вы думаете пойти?

— Что мне остается?

— Вы можете сесть на поезд сегодня же ночью и исчезнуть навсегда.

— Сегодня ты вторая, кто советует мне сделать это. Исчезнуть из города.

— Стоило бы.

— А кто станет твоим провожатым и наставником на тернистом пути литературы?

— Я поеду с вами.

Я улыбнулся и взял ее за руку.

— С тобой — хоть на край света, Исабелла.

Исабелла рывком выдернула руку и обиженно посмотрела на меня.

— Вы смеетесь надо мной.

— Исабелла, если однажды мне придет в голову посмеяться над тобой, я лучше застрелюсь.

— Не надо так говорить. Мне не нравится, когда вы так разговариваете.

— Прости.

Моя помощница вернулась к своему письменному столу и погрузилась в длительное молчание. Я наблюдал, как девушка перечитывает написанное за день, правит и вычеркивает целые абзацы, пользуясь набором перьев, который я ей подарил.

— Я не могу сосредоточиться, когда вы на меня смотрите.

Я встал и обошел вокруг ее стола.

— Тогда я покидаю тебя. Продолжай работать, а после ужина покажешь мне все, что есть.

— Вещь еще не готова. Я должна поправить, переписать и...

— Работа всегда не готова. Привыкай. Мы прочтем вместе после ужина.

— Завтра.

Я покорился:

— Завтра.

Она кивнула, и я собрался оставить ее наедине со словами. Закрывая дверь в галерею, я услышал, что она зовет меня.

— Давид?

Я молча остановился по ту сторону двери.

— Неправда. Неправда, что вы не умеете любить.

Я скрылся в своей комнате и запер дверь. Я лег поперек кровати, сжался в комок и закрыл глаза.

Я вышел из дома, едва рассвело. Низкие черные тучи ползли по небу, задевая крыши и стирая все краски на улицах. Я пересекал парк Сьюдадела, когда первые капли дождя забарабанили по листьям деревьев и залпом грянули по дороге, взметнув фонтанчики пыли, словно настоящие пули. На противоположном краю парка лес фабрик и газовых вышек множился, простираясь до горизонта. Багровое свечение их труб размывалось темным дождем, проливающимся с неба смоляными слезами. Я бегом миновал неприветливую аллею кипарисов, что вела к воротам Восточного кладбища, — знакомая дорога, по которой я столько раз ходил вместе с отцом. Патрон уже прибыл. Я заметил его издалека. Он спокойно дожидался меня под дождем, стоя у подножия одного из каменных ангелов, охранявших главный вход на освященную землю. Он был одет в черное, и только глаза отличали его от сотен статуй за прутьями ограды. У него не дрогнула ни одна ресница, пока расстояние между нами не сократилось до пары метров и я, не зная, как себя вести, не помахал ему рукой. Было холодно, и ветер нес запах извести и серы.

— Случайные приезжие наивно думают, что в этом городе всегда жарко и солнечно, — промолвил патрон. — Но я полагаю, что древняя душа Барселоны, темная и тревожная, рано или поздно просто обязана найти отражение в небесах.

— Вам следовало бы издавать туристические путеводители вместо религиозных текстов, — подал я идею.

— Результат получится таким же. Что значат в наши дни мир и спокойствие? Как ваши успехи? Вам есть чем меня порадовать?

Я расстегнул пиджак и протянул ему сложенную пополам пачку бумаги. Мы зашли на территорию кладбища в поисках приемлемого укрытия от дождя. Патрон остановил выбор на старом мавзолее с куполом, опиравшимся на мраморные колонны и окруженном ангелами с заостренными лицами и слишком длинными пальцами. Мы сели на холодную каменную скамью. Патрон одарил меня характерной хищной улыбкой и подмигнул. Желтые поблескивающие зрачки сузились до черных точек, в которых я видел отражение своего лица, бледного и внешне бесстрастного.

— Расслабьтесь, Мартин. Вы придаете слишком большое значение антуражу.

Патрон невозмутимо принялся за чтение принесенного мною отрывка.

— Пожалуй, я погуляю, пока вы читаете, — сказал я.

Корелли кивнул, не отрываясь от текста.

— Не убегайте далеко, — пробормотал он.

Я удалился так быстро, как мог, стараясь, чтобы мой уход не выглядел бегством, и затерялся среди тропинок и закоулков некрополя. Я огибал обелиски и гробницы, устремившись в сердце кладбища. Надгробная плита была на месте, отмеченная пустой посудиною, где стоял остов мумифицированного букета. Видадь оплатил погребение и даже заказал довольно известному в похоронной гильдии скульптору изваяние Сострадания, стоявшее на страже у могилы, воздев очи к небу и молитвенно сложив руки на груди. Я опустился на колени у плиты и очистил от мха надпись, выбитую резцом:

Хосе Антонио Мартин Кларес

1875–1908

Герой филиппинской войны

Страна и друзья никогда тебя не забудут

— Здравствуй, отец, — сказал я.

Я смотрел на мутные струи дождя, стекавшие по лицу Сострадания, и прислушивался к гулу ливня, хлеставшего по надгробиям, и улыбнулся, пожелав удачи друзьям, которых у него никогда не было, и стране, пославшей его умирать заживо ради обогащения четырех вождей, не подозревавших о его существовании. Я сел на плиту и положил руку на мрамор.

— Ну кто бы мог сказать, а?

Отец, влачивший жизнь на грани нищеты, упокоился навечно в могиле уважаемого буржуа. В детстве я недоумевал, почему газета решила заплатить за похороны с приличным священником, плакальщиками, цветами и захоронением, подобающим сахарному магнату. Мне никто не сказал, что сам Видадь взял на себя расходы, чтобы отдать последнюю дань человеку, умершему вместо него. Впрочем, я всегда об этом догадывался и объяснял благородный поступок бесконечной добротой и щедростью, коими небо сполна наградило моего идола и наставника, великого дона Педро Видаля.

— Я должен попросить у тебя прощения, отец. Много лет я ненавидел

тебя за то, что ты оставил меня здесь одного. Я убеждал себя, что ты сам напросился на такую смерть. Потому я никогда не приходил к тебе. Прости.

Отец презирал слезы. Он считал, что мужчины не плачут по другим, только о себе. Но если мужчины так делают, то они слабаки и не заслуживают никакой жалости. Я не хотел плакать о нем и подвел его снова.

— Мне хотелось, чтобы ты увидел мое имя на обложке книги, хотя ты и не смог бы ее прочитать. Мне хотелось бы, чтобы ты был тут, рядом со мной, и знал, что твой сын сумел пробить себе дорогу и может делать то, что тебе никогда не позволялось. Мне хотелось бы познакомиться с тобой, отец, и чтобы ты познакомился со мной. Я считал тебя чужим, чтобы забыть, а теперь чужим стал я сам.

Я не слышал, как он приблизился, но, подняв голову, увидел, что патрон стоит в паре метров от могилы и молча наблюдает за мной. Я поднялся и подошел к нему, как хорошо выдрессированный пес. Мне было любопытно, знал ли он, что тут похоронен мой отец. Может, он назначил встречу на кладбище именно по этой причине? Наверное, у меня на лице патрон читал все тайные мысли, как в раскрытой книге, поскольку, положив мне руку на плечо, покачал головой:

— Я не знал. Извините.

Я не был расположен открывать эту дверь к дружбе и взаимопониманию. Повернувшись, чтобы избавиться от прикосновения, выражавшего расположение и сочувствие, я крепко зажмурился, сдерживая слезы ярости. Не дожидаясь патрона, я зашагал к выходу. Патрон замешкался на пару мгновений, а затем решил последовать за мной. Бок о бок мы молча дошли до главных ворот. Там я остановился и посмотрел на него с нетерпением.

— Итак? У вас есть замечания?

Патрон не обратил внимания на враждебность, сквозившую в моем тоне, и снисходительно улыбнулся:

— Превосходная работа.

— Однако...

— Если все же требуется мое мнение, то я сказал бы, что вы, полагаю, попали в яблочко, рассказывая историю с точки зрения очевидца событий, который ощущает себя жертвой и выступает от имени народа, ожидающего спасителя-воина. Я хотел бы, чтобы вы продолжали в том же ключе.

— Вам не показалось это вымученным, искусственным?

— Напротив. Ничто не склоняет нас к вере больше, чем страх, ощущение опасности. В момент, когда мы чувствуем себя жертвой, все

наши поступки и верования обретают законное основание, сколь бы спорными они ни были. Наши противники или просто соседи теряют равный с нами статус и превращаются во врагов. Мы же перестаем быть агрессорами и становимся защитниками. Зависть, алчность или обида, движущие нами, делаются священными, ибо мы утверждаем, что действуем в свою защиту. Зло, угроза всегда гнездятся в других. Первый шаг к пламенной вере — страх. Страх потерять свою личность, жизнь, положение и верования. Страх — это порох, а ненависть — фитиль. Догма, в конце концов, всего лишь зажженная спичка. Однако в вашем сюжете есть парочка упущений.

— Поясните мне кое-что. Вы хотите веру или догму?

— Нам недостаточно, чтобы люди верили. Они обязаны верить именно в то, во что мы хотим, чтобы они верили. Им не полагается испытывать сомнений или прислушиваться к голосу тех, кто сомневается. Догма должна стать частью самой личности. И любой усомнившийся — наш враг, то есть зло. И наше право и долг дать ему отпор и уничтожить его. И это есть единственный путь к спасению. Верить ради того, чтобы выжить.

Я вздохнул и отвел взгляд, неохотно кивнув.

— Кажется, вы не убеждены, Мартин. Скажите, о чем вы думаете? Считаете, я ошибаюсь?

— Не знаю. По-моему, вы упрощаете вещи самым опасным образом. Вся ваша теория не более чем механизм для возбуждения и управления ненавистью.

— Вы хотели употребить прилагательное «отвратительный» вместо «опасный», но я не принимаю это близко к сердцу.

— Почему мы должны свести веру лишь к акту отторжения и слепого повиновения? Почему нельзя верить в ценности иного рода — согласие, взаимопонимание?

Патрон усмехнулся, развеселившись.

— Верить можно во что угодно, Мартин, в свободный рынок и мышонка Переса. И даже верить в то, что мы ни во что не верим, как вы, что является пределом доверчивости. Я прав?

— Клиент всегда прав. А какие упущения вы усмотрели в повествовании?

— Не хватает злодея. Большинству из нас, осознаем мы это или нет, скорее свойственно противоборствовать кому-то или чему-то, а вовсе не поддерживать кого-то. Намного проще произвести ответное действие, чем действовать самому, если можно так выразиться. Ничто так не укрепляет веру и приверженность догме, как сильный противник. И чем он

неправдоподобнее, тем лучше.

— Я думал для большей убедительности вывести образ зла абстрактно. Антагонист будет неверующим, чужим, кем-то за пределами группы.

— Да, но мне хотелось бы большей детализации. Трудно ненавидеть идею. Для этого необходима определенная интеллектуальная дисциплина или одержимый и больной дух, что встречается не так часто. Гораздо легче ненавидеть субъекта с узнаваемым лицом, которого можно обвинить во всем, что нам мешает жить. И не обязательно это должен быть конкретный человек. Это может быть народ, племя, какая-то группа... Кто угодно.

От хладнокровного и неприкрытого цинизма патрона проняло даже меня. Я фыркнул, преисполнившись презрения.

— Не стройте из себя образцового гражданина, Мартин. Вам ведь безразлично, а нам нужен злодей в этом водевиле. И вы это, должно быть, понимаете лучше всех. Нет драмы без конфликта.

— Какого злодея вы бы предпочли? Тирана-захватчика? Лжепророка? Разбойника?

— Антураж я оставляю на ваше усмотрение. Меня устроит любой сомнительный тип. Одна из функций отрицательного персонажа — дать нам возможность сыграть роль жертвы и заявить о нравственном превосходстве. Необходимо наделить его всеми теми качествами, которые мы не смеем признать в самих себе, и демонизировать согласно нашим практических интересам. Это азы фарисейства. Повторяю: вам следует внимательно читать Библию. Она содержит ответы на все вопросы.

— Не сомневаюсь.

— Достаточно убедить ханжу, что он безгрешен, как он начнет с воодушевлением бросать камни или бомбы. И, в сущности, больших усилий не требуется, поскольку убеждение достигается с помощью минимального вдохновения и ограниченного количества фактов. Не знаю, как объяснить точнее.

— О, вы чудесно все объясняете. Ваша аргументация столь же изящна, как плавильная печь.

— Мне совсем не нравится ваш снисходительный тон, Мартин. Может, вам кажется, что все это не на высоте вашей безупречной этики и блестящего интеллекта?

— Ни в коем случае, — пробормотал я малодушно.

— Что же тогда тревожит вашу совесть, друг мой?

— То же, что и раньше. Сомневаюсь, что вам нужен нигилист.

— Но вы им не являетесь. Нигилизм — это поза, а не доктрина.

Подержите горящую свечу между ног нигилиста, и вы убедитесь, как быстро он увидит вечный свет бытия. Вас беспокоит что-то другое.

Я поднял голову и, собравшись с духом, заговорил самым вызывающим тоном, на который был способен, глядя патрону в глаза:

— Пожалуй, меня беспокоит то, что я в состоянии понять, о чем вы говорите, но не чувствую этого.

— Я плачу вам, чтобы вы чувствовали?

— Порой чувствовать и думать означает одно и то же. Ваша мысль, не моя.

Патрон усмехнулся, выдерживая драматическую паузу, как школьный учитель, приготовившийся сделать убийственный выпад, чтобы утихомирить строптивого плюгавого ученика.

— И что же вы чувствуете Мартин?

Сарказм и презрение в его голосе придали мне смелости, и я открыл кран сосуда, где многие месяцы тайно копилось унижение. Гнев и стыд за то, что рядом с ним я испытывал страх и покорно выслушивал рассуждения, сочившиеся ядом. Гнев и стыд за то, что он заставил меня увидеть (хотя я предпочитал думать, что мною руководило отчаяние), что моя душа столь же ничтожна и жалка, как и его гуманизм, достойный клоаки. Гнев и стыд от того, что я чувствовал, знал, что он всегда был прав, особенно в тех случаях, когда соглашаться с ним оказывалось наиболее болезненно.

— Я задал вопрос, Мартин. Что *чувствуете* вы?

— Я чувствую, что лучше было бы оставить все как есть и вернуть вам деньги. Я чувствую, что, какова бы ни была подоплека сей безумной затеи, мне следовало бы держаться от всего этого подальше. Но больше всего я сожалею, что познакомился с вами.

Патрон опустил веки и погрузился в длительное молчание. Отвернувшись, он чуть-чуть удалился, сделав десяток шагов в сторону ворот некрополя. Я смотрел на темный силуэт, четко выделявшийся на фоне мраморного сада, на его неподвижную тень под дождем. Меня охватил страх, животный ужас, рождавшийся где-то в глубине существа и пробуждавший детское желание просить прощения и принять любое наказание, какое он сочтет нужным, только бы не выносить больше это гробовое молчание. И еще я испытывал отвращение. Меня мутило от его присутствия, но главным образом от себя самого.

Патрон повернулся и подошел. Остановившись буквально в нескольких сантиметрах от меня, он близко склонился к моему лицу. Я ощутил холодное дыхание и утонул в бездонном омуте черных глаз. Теперь

его голос и тон были ледяными, лишенными искусственной и точно выверенной сердечности, которой он уснащал речь и манеры.

— Я говорю один раз. Вы выполняете свои обязательства, а я свои. И это единственное, что вы можете и должны чувствовать.

Не отдавая себе в тот отчета, я мелко кивал, пока патрон не вынул из кармана свернутую рукопись и не протянул мне. Он разжал пальцы прежде, чем я ее взял. Ветер закружил бумагу вихрем и понес к воротам кладбища. Я предпринял поспешную попытку спасти работу от дождя, но отдельные листки спланировали в лужи и теперь истекали в воде чернилами, как кровью, — слова тонкими волокнами отделялись от бумаги. Я собрал рукопись, превратившуюся в мокрый комок бумаги. Когда я поднял глаза и огляделся по сторонам, патрон уже ушел.

Никогда прежде я не нуждался так в дружеском плече, на которое можно было бы опереться. Заслуженное здание «Голоса индустрии» выглядывало из-за стен кладбища. Я двинулся в том направлении, надеясь найти своего старого учителя, дона Басилио, одного из тех редких людей, кто неуязвим для мирской глупости. Он всегда мог преподать полезный совет. Я вошел в штаб-квартиру ежедневной газеты и обнаружил, что до сих пор узнаю большую часть персонала. Казалось, минуты не прошло с тех пор, как я покинул эти стены много лет назад. Те, кто меня узнавал, в свою очередь, смотрели на меня с опаской и отводили взгляд, чтобы избежать необходимости поздороваться. Я проскользнул в редакционный зал и прошел прямо в кабинет дона Басилио, находившийся в конце. Кабинет был пуст.

— Кого ищите?

Я обернулся и встретился лицом к лицу с Росселем из плеяды редакторов, казавшихся мне уже очень старыми, когда я работал тут зеленым юнцом. Его именем была подписана опубликованная газетой ядовитая рецензия на «Шаги с неба», где меня окрестили «составителем рекламных объявлений».

— Сеньор Россель, я Мартин. Давид Мартин. Вы меня помните?

Россель несколько мгновений разглядывал меня, притворившись, что ему стоит большого труда узнать меня, но в конце концов сдался.

— А где дон Басилио?

— Он уволился месяца два назад. Вы найдете его в редакции

«Вангвардии». Если увидите его, передавайте привет.

— Непременно.

— Жаль, что так вышло с вашей книгой, — сказал Россель со снисходительной улыбкой.

Я прошел через редакционный зал, лавируя среди косых взглядов, кривых улыбок и бормотания, исполненного тайного недоброжелательства. Время все расставляет по местам, подумал я, кроме правды.

Через полчаса такси высадило меня у дверей резиденции «Вангвардии» на улице Пелайо. В отличие от катастрофического упадка и обветшания прежнего моего издательства здесь все дышало благородным достатком и процветанием. Я назвался у стойки портье, и мальчик, по некоторым признакам служащий без вознаграждения, тотчас напомнивший мне меня самого в возрасте Пепито Грильо, был отправлен сообщить дону Басилио о посетителе. Львиный облик моего старинного наставника с течением лет нисколько не изменился, по-прежнему внушая трепет. В парадном облачении с иголки, под стать новым декорациям, дон Басилио представлял собой фигуру столь же внушительную и грозную, как в свое время в «Голосе индустрии», если только такое возможно. Глаза его вспыхнули от радости, когда он меня увидел. Вопреки всем своим железным правилам он заключил меня в объятия, в которых я рисковал лишиться двух-трех ребер, если бы не присутствие зрителей, а дону Басилио волей-неволей приходилось соблюдать формальные приличия и репутацию.

— Становимся примерным буржуа, дон Басилио?

Мой бывший начальник пожал плечами, давая понять, что окружавшая его новая обстановка не имеет ровным счетом никакого значения.

— Не обольщайся.

— Не скромничайте, дон Басилио. Вы теперь среди избранных. Вы уже в строю?

Дон Басилио извлек свой неизменный красный карандаш и продемонстрировал мне его, подмигнув.

— Публикуемся четыре раза в неделю.

— На два раза меньше, чем в «Ла Вос».

— Дай мне время, а то есть тут у меня выдающиеся личности, кто ставит знаки препинания наугад и думает, что «шапка» — это местный головной убор из провинции Логроньо.

Несмотря на ворчливые слова, не вызывало сомнений, что дон Басилио чувствует себя весьма комфортно на новом месте, а также вид

имеет вполне цветущий.

— Только не говорите, что пришли просить работу, а то я ведь могу вам ее и дать, — пригрозил он.

— Я признателен вам, дон Басилио, но вы же знаете, что я подрастерял все навыки, и к тому же журналистика — это не мое.

— Так скажите наконец, чем вам может быть полезен старый брюзга.

— Мне нужна информация об одном старом деле для сюжета, над которым я сейчас работаю. Меня интересуют сведения о смерти известного адвоката по имени Марласка, Диего Марласка.

— О каком времени речь?

— Тысяча девятьсот четвертый год.

— Давненько дело было. Сколько воды с тех пор утекло.

— Недостаточно, чтобы отмыть грязь с этого дела, — обронил я.

Дон Басилио положил мне руку на плечо и повел за собой в недра редакции.

— Не волнуйтесь, вы пришли куда нужно. Ребята здесь собрали архив, которому позавидует сам Ватикан. Если в прессе что-то появлялось, то мы это найдем. И, кроме того, заведующий архивом — мой добрый приятель. Но предупреждаю, что я Белоснежка по сравнению с ним. Не обращайтесь на его манеру нагонять страх на людей, в глубине души — на самом доньшке — он белый и пушистый.

Я пересек вслед за доном Басилио просторный холл, отделанный ценными породами дерева. Сбоку находился овальный зал с большим круглым столом и коллекцией портретов, с которых на нас взирал сонм аристократов с суровыми лицами.

— Зал, где происходит шабаш ведьм, — пояснил дон Басилио. — Тут главные редактора встречаются с помощником редактора, то есть вашим покорным слугой, и редактором. И, как истинные рыцари Круглого стола, мы приобщаемся к Святому Граалю каждый день в семь вечера.

— Впечатляет.

— Вы еще пока ничего не видели, — сказал дон Басилио, подмигивая. — Вот, поглядите.

Дон Басилио встал под одним из августейших портретов и надавил на деревянную стенную панель. Панель со скрежетом подалась, открывая проход в потайной коридор.

— Ну, что скажете, Мартин? И это всего лишь один из многих тайных ходов в здании. Даже у Борджиа не было такого лабиринта.

Я последовал за доном Басилио по коридору. Мы пришли в большой читальный зал, окруженный стеклянными витринами, — хранилище

служебной библиотеки «Вангвардии». В глубине зала, в лучах света, падавшего от лампы с зеленоватым прозрачным абажуром, можно было различить фигуру человека средних лет, изучавшего с лупой какой-то документ. Заметив наше появление, он поднял голову и послал нам взгляд, способный обратить в камень человека помладше или более трепетного.

— Представляю вам дона Хосе Марию Бротонса, владыку подземелья и шефа катакомб этого святого дома, — провозгласил дон Базилио.

Бротонс, не выпуская из рук лупы, уставился на меня колючими глазами, словно ржавеющими при соприкосновении с объектом. Я приблизился к нему и подал руку.

— Мой бывший ученик, Давид Мартин.

Бротонс неохотно пожал мне руку и повернулся к дону Базилио:

— Это он писатель?

— Он самый.

Бротонс тяжело вздохнул.

— Надо иметь мужество, да уж, выходить на улицу после той взбучки, которую ему задали. Что он тут делает?

— Он пришел просить у вас помощи, благословения и совета по вопросу научного исследования и археологических раскопок документов, — разъяснил дон Базилио.

— И где кровавая жертва? — пробурчал Бротонс.

Я сглотнул и переспросил:

— Жертва?

Бротонс посмотрел на меня как на идиота.

— Коза, ягненок, каплун, на худой конец...

Я растерялся. Бротонс, не мигая, гипнотизировал меня взглядом в течение нескольких бесконечно долгих мгновений. А затем, когда у меня спина зачесалась от выступившего пота, заведующий архивом и дон Базилио разразились хохотом. Они хохотали взахлеб, утирая слезы, пока у них не перехватило дыхание. Я не мешал им веселиться за мой счет. Очевидно, дон Базилио нашел родственную душу в новом коллеге.

— Идите сюда, юноша, — велел Бротонс, сбросив свирепую маску. — Посмотрим, что можно для вас найти.

Архиву газеты было отведено помещение в подвале здания. Этажом выше размещалась ротационная машина, порождение поствикторианской

технологии, казавшаяся гибридом чудовищного вида паровоза и механизма для производства молний.

— Представляю вам печатный станок, больше известный как Левиафан. С ним держите ухо востро, говорят, он уже проглотил не одного ротозея, — сказал дон Басилио. — Как кит Иону, только предварительно разрезав на куски.

— Так удобнее.

— Как-нибудь можно скормить ему нового стажера. По слухам, он племянник Масиа и корчит из себя всезнайку, — предложил Бротонс.

— Назначайте день и час, и мы как следует отметим это событие, — согласился дон Басилио.

И оба захихикали, как мальчишки-школяры. Два сапога пара, решил я.

Арихивный зал скрывался в лабиринте коридоров, образованных стеллажами три метра высотой. Два бледных создания, выглядевшие так, словно пятнадцать лет не покидали этого подвала, являлись помощниками Бротонса. Увидев начальника, они подбежали к нему, как верные псы в ожидании приказаний. Бротонс вопросительно посмотрел на меня:

— Что ищем?

— Тысяча девятьсот четвертый. Смерть адвоката Диего Марласки. Он был заметным членом барселонского общества, один из основателей партнерской фирмы «Валера, Марласка и Сентис».

— Месяц?

— Ноябрь.

По знаку Бротонса помощники отправились разыскивать периодику за ноябрь 1904 года. В то время смерть составляла неотъемлемую часть колорита эпохи, и первые страницы газет пестрели некрологами. Легко было догадаться, что новости о личности такого масштаба, как Марласка, наверняка подхватили многие городские газеты, и его кончина стала темой заголовков на первых страницах. Помощники архивариуса принесли несколько томов подшивок и положили их на широкий письменный стол. Мы разделили материалы на пятерых и вскоре обнаружили извещение о смерти дона Диего Марласки на первой полосе, как и предполагалось. Номер газеты был от 23 ноября 1904 года.

— Имеем труп, — возвестил Бротонс, которому принадлежала честь открытия.

Всего было опубликовано четыре некролога: о его смерти сообщалось от имени семьи, от адвокатской конторы, коллегии адвокатов Барселоны и, наконец, от Барселонского литературного общества «Атеней».

— Вот что значит богатство. Умираешь пять или шесть раз, —

резюмировал дон Басилио.

В самих некрологах не содержалось ничего примечательного: возносились молитвы за упокой души усопшего, указывалось, что в похоронах примет участие только узкий круг близких и друзей, также не обошлось без цветистых панегириков достойному гражданину, ученому и незаменимому члену барселонского общества и все в таком же духе.

— То, что вас интересует, возможно, печаталось в номерах за день-два до смерти или после, — рассудил Бротонс.

Мы начали листать газеты, вышедшие на той неделе, когда умер Марласка, и нашли серию статей, посвященных этому событию. В первой из них говорилось, что известный адвокат погиб в результате несчастного случая. Дон Басилио зачитал текст заметки вслух.

— Это писал орангутанг, — сделал он вывод. — Три многословных абзаца, где нет ровным счетом ничего, и только в конце упоминается, что причиной смерти стала трагическая случайность, причем не уточняется, какого рода.

— А вот тут у нас кое-что любопытнее, — сказал Бротонс.

В материале, опубликованном на другой день после гибели адвоката, была информация, что полиция расследует обстоятельства смерти, чтобы выяснить причины происшествия. Главное, в статье было отмечено, что, как следовало из отчета судебной экспертизы, Марласка утонул.

— Утонул? — перебил дон Басилио. — Как? Где?

— Тут не говорится. Возможно, заметку пришлось сократить, чтобы поместилась такая актуальная и пространная апология сарданы, растянутая на три колонки под названием: «Под звуки музыки: душа и святилище», — поделился соображениями Бротонс.

— Сказано, кто вел расследование? — спросил я.

— Упомянут некто Сальвадор. Рикардо Сальвадор, — ответил Бротонс.

Мы просмотрели оставшиеся материалы, освещавшие смерть Марласки, но ничего нового не нашли. Тексты вторили один другому и тянули одну и ту же песню, подозрительно созвучную официальной версии, предложенной адвокатской конторой «Валера и компания».

— Все это очень смахивает на попытку спрятать концы в воду, — прокомментировал Бротонс.

Я вздохнул, упав духом. Я весьма рассчитывал найти нечто существенное, помимо слащавых некрологов и пустых заметок, несколько не проливавших свет на случившуюся трагедию.

— Разве у вас нет хороших связей в полицейском управлении? —

встрепенулся дон Басилио. — Как зовут вашего знакомого?

— Виктор Грандес, — напомнил Бротонс.

— Возможно, он сумеет свести его с этим Сальвадором.

Я кашлянул, и патриархи воззрились на меня, нахмутив брови.

— По причинам, которые не относятся к делу или, напротив, касаются его слишком близко, я предпочел бы не вовлекать инспектора Грандеса в эту историю, — пояснил я.

— Так. Еще кого-то нужно вычеркнуть из списка?

— Маркоса и Кастело.

— Вижу, вы не утратили таланта повсюду заводить друзей, — заметил дон Басилио.

Бротонс потер подбородок:

— Не стоит волноваться. Уверен, я придумаю другой выход, не возбудив подозрений.

— Если вы разыщете Сальвадора, я пожертвую вам что угодно, даже свинью.

— Из-за подагры я не ем жирного, но не откажусь от гаванской сигары, — выдвинул условия Бротонс.

— Две гаванские сигары, — поправил дон Басилио.

Пока я бегал в лавочку на улице Тальерс за двумя самыми лучшими и дорогими гаванскими сигарами, Бротонс сделал пару деликатных звонков в полицейское управление. Он выяснил, что Сальвадор действительно оставил службу, скорее вынужденно, и начал работать, нанимаясь телохранителем к промышленникам или выполняя частные расследования для адвокатских контор города. Вернувшись в редакцию, я преподнес своим благодетелям по отличной сигаре, и начальник архива протянул мне листок бумаги, на котором был записан адрес: Рикардо Сальвадор, улица Льеона, 21, мансарда.

— Бог вам обоим воздаст, — сказал я.

— И вам того же.

Улица Льеона, больше известная среди местного населения как улица «Трех Лит» в честь известного дома терпимости, обосновавшегося там, была узкой и почти столь же мрачной, как и ее репутация. Она уходила в тень из-под арок пласа Реаль, превращаясь в не ведавшую солнца сырую щель между старыми зданиями, громоздившимися друг на друге и

сплетенными вечной паутиной натянутых бельевых веревок. Краска с обветшавших фасадов облупилась, и каменные мостовые пропитались кровью за годы расцвета бандитизма. Я не раз выбирал эту улицу местом действия в «Городе проклятых», и даже теперь, пустынная и заброшенная, для меня она по-прежнему была пронизана духом интриг и пороха. Эта унылая сцена наводила также на мысли, что вынужденное увольнение комиссара Сальвадора из полицейского корпуса не принесло ему дивидендов.

Дом номер 21 оказался убогим строением, зажатым между другими зданиями, будто стремившимися раздавить его. Подъезд стоял нараспашку и напоминал сумрачный колодец, где начиналась узкая крутая лестница, спиралью поднимавшаяся вверх. Пол подтапливало, из щелей между каменными плитами сочилась темная вязкая жидкость. Я с трудом вскарабкался по лестнице, цепляясь за перила, правда, внушавшие мне некоторые опасения. На каждой лестничной площадке было по одной квартире и, учитывая размеры здания, я сомневался, что жилье здесь где-нибудь превышало сорок квадратных метров. Маленькое слуховое окно венчало лестничную шахту, проливая слабый свет на верхние пролеты. Дверь в мансарду находилась в конце короткого коридорчика. Меня удивило, что она открыта. Я постучал, но ответа не получил. Сразу за дверью начиналась крошечная гостиная, где стояли кресло, стол и этажерка с книгами и жестяными коробками. Некое подобие кухни с мойкой помещалось в смежной каморке. Единственным достоинством этого жилища была терраса, выходящая на крышу. Дверь на террасу также оказалась открыта, и оттуда тянуло ветерком, приносящим запах еды и выстиранного белья, развешанного на крышах старого города.

— Есть кто дома? — снова позвал я.

Не дождавшись отклика, я прошел до балконной двери и выглянул на террасу. Со всех сторон вздымались джунгли крыш, башен, водосборников, громоотводов и каминных труб. Не успел я шагнуть на асотею, как почувствовал прикосновение холодного металла к затылку, раздался характерный металлический щелчок взводимого револьверного курка. Мне не пришло в голову ничего умнее, чем поднять руки и застыть неподвижно, даже не моргая.

— Меня зовут Давид Мартин. Мне дали ваш адрес в полиции. Я хотел поговорить с вами о деле, которое вы расследовали, когда служили в корпусе.

— Вы всегда входите в дом не постучавшись, сеньор Давид Мартин?

— Дверь была открыта. Я стучал, но вы, наверное, меня не слышали.

Можно опустить руки?

— А я вам и не приказывал их поднять. Что за дело?

— Смерть Диего Марласки. Я арендую особняк, где он прожил последние дни. Дом с башней на улице Флассадерс.

Мне не ответили. Зато ствол револьвера по-прежнему твердо прижимался к затылку.

— Сеньор Сальвадор? — окликнул я.

— Я думаю, уж не лучше ли вышибить вам мозги прямо сейчас.

— И вам неинтересно узнать мою историю?

Давление револьвера ослабло. Я услышал, как Сальвадор ставит оружие на предохранитель. Я медленно повернулся. Рикардо Сальвадор был импозантным мужчиной с мрачным лицом, седеющей шевелюрой, светло-голубыми глазами и острым, как иглы, пронизывающим взглядом. Я прикинул, что ему, должно быть, около пятидесяти, но мало нашлось бы людей вдвое его моложе, кто осмелился бы перейти ему дорогу. Я проглотил комок в горле. Сальвадор опустил револьвер и повернулся ко мне спиной, возвращаясь в квартиру.

— Прошу прощения за грубый прием, — пробормотал он.

Я прошел вслед за ним до кухни и остановился на пороге. Сальвадор положил револьвер на мойку и поджег одну из горелок на плите бумагой и картоном. Достав банку кофе, он вопросительно посмотрел на меня.

— Нет, благодарю.

— Это единственная приличная вещь у меня в доме, предупреждаю, — сказал он.

— Тогда я составлю вам компанию.

Сальвадор насыпал две полные ложки молотого кофе в кофейник, наполнил его водой из кувшина и поставил на огонь.

— Кто вам рассказал обо мне?

— Несколько дней назад я посетил сеньору Марласку, вдову. Она и обмолвилась о вас. По ее словам, вы — единственный человек, пытавшийся выяснить правду, и это стоило вам службы.

— Можно и так выразиться, наверное, — сказал он.

Я заметил, что при упоминании вдовы в его глазах промелькнуло волнение, и мне стало любопытно, что же на самом деле произошло между ними в те печальные дни.

— Как она? — спросил Сальвадор. — Сеньора Марласка.

— Полагаю, что скучает по вашему обществу, — осмелел я.

Сальвадор кивнул. Его злость полностью улетучилась.

— Я давно уже не бывал у нее.

— Она убеждена, что вы вините ее в случившемся. Думаю, ей было бы приятно снова встретиться с вами, хотя прошло уже столько времени.

— Пожалуй, вы правы. Мне действительно следовало бы навестить ее...

— Вы можете мне объяснить, что тогда произошло?

Выражение лица Сальвадора вновь сделалось суровым. Он наклонил голову.

— Что вы хотите узнать?

— Вдова Марласки сказала, что вы никогда не признавали версию, согласно которой ее муж наложил на себя руки, и вы находили обстоятельства его смерти подозрительными.

— Более чем. Вам уже сообщили, как умер Марласка?

— Я знаю только, что, по слухам, произошел несчастный случай.

— Марласка утонул. По крайней мере так было написано в заключительном рапорте полиции.

— Как он утонул?

— Существует только один способ утонуть, но об этом позже. Самое любопытное — где.

— В море?

Сальвадор улыбнулся. Улыбка его была мрачной и горькой, как кофе, начинавший подниматься в кофейнике. Сальвадор вдохнул исходящий от напитка аромат.

— Вы уверены, что хотите услышать историю до конца?

— В жизни ни в чем не был уверен больше.

Протянув мне полную чашку, он оглядел меня с ног до головы, словно оценивая.

— Догадываюсь, что вы уже побывали у этого сукина сына, Валеры?

— Если вы имеете в виду компаньона Марласки, то старик умер. Я беседовал с его сыном.

— Тоже сукин сын, только характер не тот. Не знаю, что он вам порассказал, но ручаюсь, он не признался, что это они тайком устроили так, что меня выкинули из корпуса, и я превратился в парию, кому даже милостыню никто не подаст.

— Боюсь, он упустил этот момент в своем изложении событий, — согласился я.

— Я не удивлен.

— Вы собирались рассказать, как утонул Марласка.

— А вот тут начинается самое интересное, — сказал Сальвадор. — Вам известно, что сеньор Марласка, помимо того, что он был адвокатом,

ученым и писателем, дважды побеждал в рождественских заплывах в порту, организованных Клубом пловцов Барселоны?

— Как может утонуть чемпион по плаванию? — удивился я.

— Вопрос — где. Тело сеньора Марласки нашли в резервуаре на асоте водосборника в парке Сьюдадела. Знаете это место?

Я проглотил слюну и кивнул. Там я впервые встретился с Корелли.

— Если вы его видели, то представляете, что, когда резервуар полон, его глубина не превышает метра, по сути, это пруд. В тот день, когда адвоката нашли мертвым, резервуар был полупустым, то есть уровень воды не достигал и шестидесяти сантиметров.

— Чемпионы по плаванию не тонут на глубине шестидесяти сантиметров просто так, — заметил я.

— О чем и речь.

— Были другие версии?

Сальвадор горько усмехнулся:

— Для начала сомнительно, что он утонул. Судебный врач, производивший вскрытие, нашел немного воды в легких, но в заключении он указал, что смерть была вызвана остановкой сердца.

— Не понимаю.

— Когда Марласка упал в резервуар, или когда его кто-то туда толкнул, он был охвачен пламенем. На трупке имелись ожоги третьей степени — на торсе, руках и лице. По мнению судебного врача, тело горело около минуты, прежде чем попало в воду. Следы, обнаруженные на одежде адвоката, указывали на присутствие какого-то растворителя в волокнах ткани. Марласку сожгли заживо.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы переварить информацию.

— Зачем кому-то понадобилось это делать?

— Сведение счетов? Обычная жестокость? На ваш выбор. На мой взгляд, кто-то пытался затруднить опознание тела Марласки, чтобы выиграть время и сбить с толку полицию.

— Кто?

— Хако Корбера.

— Агент Ирене Сабино.

— Который исчез в день смерти Марласки с большой суммой денег, снятой с личного счета адвоката в Испано-колониальном банке, о котором его жена не подозревала.

— Сто тысяч французских франков, — промолвил я.

Сальвадор покосился на меня с любопытством.

— Как вы узнали?

— Не важно. Но что делал Марласка на асоте водосборника? Случайно там оказаться невозможно.

— Это второй неясный момент. В кабинете Марласки мы нашли ежедневник, где он сделал пометку о предстоящем свидании в том месте в пять часов дня. По крайней мере впечатление складывалось именно такое. В ежедневнике были записаны только час, место и инициал. Буква «К». Возможно, Корбера.

— И что, по вашему мнению, произошло? — спросил я.

— По моему мнению, и оно косвенно подтверждается уликами, Хако обманул Ирене Сабино, чтобы иметь возможность влиять на Марласку. Известно, что адвокат увлекался этими мошенническими сеансами спиритизма и прочими подобными фокусами, особенно после смерти сына. У Хако был партнер, Дамиан Роурес, подвизавшийся в этой сфере. Настоящий прохиндей. Вдвоем, с помощью Ирене Сабино, они заморочили Марласке голову, обещая, что смогут установить связь с погибшим мальчиком в мире духов. Марласку обуревало отчаяние, и он был готов поверить чему угодно. Троица кровососов превосходно устроила свои делишки, только Хако оказался из них самым жадным и хитрым. Некоторые считали, что Сабино не имела злых умыслов, поскольку искренне любила Марласку и верила во всю эту спиритическую чушь, как и он. Мне подобная версия представляется неубедительной, но на исход дела это в любом случае не повлияло. Хако проведал, что у Марласки лежит крупная сумма в банке, и задумал отнять у него все и сбежать с деньгами, запутав следы. Свидание, назначенное на асоте водосборника, могло быть фальшивой уликой, оставленной Сабино или Хако. Нет доказательств, что Марласка сделал запись своей рукой.

— А откуда взялись сто тысяч франков на счету у Марласки в Испанокониальном?

— Сам Марласка внес наличные за год до гибели. Представления не имею, где он раздобыл такую сумму. Зато я знаю точно, что остаток денег обналичили утром в день смерти Марласки. Адвокаты потом твердили, что деньги были переведены на особый счет попечительского фонда, а вовсе не пропали, будто бы Марласка решил перераспределить свои средства. Но мне с трудом верится, что человек, желая реорганизовать финансы, снимает со счета утром почти сто тысяч франков, а вечером сгорает заживо, и эти события не связаны между собой. Сомневаюсь, что деньги поступили в какой-то таинственный фонд. До настоящего времени ничто меня не разубедило, что деньги не прибрали к рукам Хако Корбера и Ирене Сабино. Хотя бы на первых порах, так как считаю, что в дальнейшем она не увидела

ни сентима. Хако удрал с деньгами. И как в воду канул.

— И что с ней случилось?

— Эта сторона дела также наводит меня на мысль, что Хако надул Роуреса и Ирене Сабино. Вскоре после смерти Марласки Роурес завязал с загробными делами и открыл лавку магических предметов на улице Принцессы. Насколько мне известно, он до сих пор там. Ирене Сабино пару лет проработала в кабаре и других заведениях, опускаясь с каждым разом все ниже. Затем она занималась проституцией в Равале и прозябала в нищете. И это последнее, что я о ней слышал. Очевидно, что она не видала тех франков как своих ушей. Как, впрочем, и Роурес.

— А Хако?

— Скорее всего он покинул страну под чужим именем, живет себе где-нибудь в уютном местечке и стрижет купоны.

Услышанная история не только не прояснила для меня картину, но породила еще больше сомнений и вопросов. Сальвадор, должно быть, почувствовал мое огорчение и улыбнулся с сочувствием.

— Валера с приятелями из мэрии позаботились, чтобы пресса опубликовала версию о несчастном случае. Он устроил королевские похороны, чтобы никто не совал нос в дела конторы, ибо эти дела главным образом имели отношение к мэрии и членам городского совета. Ему удалось обойти молчанием странное поведение сеньора Марласки в последние двенадцать месяцев жизни, после того как тот ушел из семьи, расторг партнерство и купил ветхий дом в квартале, где прежде ноги его в безупречной обуви не бывало, чтобы посвятить себя, по словам бывшего компаньона, литературе.

— Валера говорил, что собирался написать Марласка?

— Книгу стихов или что-то вроде.

— А вы как думаете?

— На службе я повидал много странных вещей, друг мой, однако состоятельные адвокаты, которые бросают все, чтобы писать сонеты, в списке не значатся.

— Следовательно?

— Следовательно, с моей стороны было бы разумнее, послушавшись совета, забыть о деле.

— Но вы поступили иначе.

— Да. И не потому, что был героем или кретином. А потому, что всякий раз, когда я встречался с этой бедной женщиной, вдовой Марласки, у меня внутри все переворачивалось. Я не мог смотреть себе в глаза в зеркале, не сделав того, за что мне будто бы платили.

Он повел рукой, указывая на убогую, холодную дыру, служившую ему домом, и усмехнулся.

— Поверьте, если бы я знал, то предпочел бы пойти на попятную и не выпадать из обоймы. Не могу пожаловаться, что меня не предупреждали. Адвокат был мертв и погребен, настало время перевернуть страницу и обратить усилия на поимку умирающих от голода анархистов и школьных учителей, пропагандировавших сомнительные теории.

— Вы сказали, погребен... А где похоронен Диего Марласка?

— Думаю, что в семейном склепе на кладбище Сан-Жервасио, неподалеку от дома, где обитает вдова. Можно спросить, чем вызван ваш интерес к данному делу? Только не говорите, что в вас случайно проснулось любопытство только потому, что вы живете в доме с башней.

— Трудно объяснить.

— Хотите дружеский совет? Посмотрите на меня и не повторяйте моих ошибок. Не касайтесь больше этого дела.

— Был бы счастлив. Но проблема в том, что я не уверен, что дело перестанет меня касаться.

Сальвадор пристально посмотрел на меня и кивнул. Он взял лист бумаги и написал номер.

— Номер телефона моих соседей снизу. Они отзывчивые люди, и только у них в нашем подъезде есть телефон. По этому номеру вы сможете связаться со мной или оставить сообщение. Спросите Эмилио. Если понадобится помощь, не стесняйтесь, звоните. И будьте осторожны. Хако исчез со сцены много лет назад, но еще остались люди, не заинтересованные ворошить прошлое. Сто тысяч франков — большие деньги.

Я взял бумажку с номером и спрятал в карман.

— Спасибо.

— Не за что. Итак, я могу что-то еще для вас сделать?

— Нет ли у вас фотографии Диего Марласки? Я не нашел ни одной в доме.

— Уж не знаю... Наверное, где-то должна быть. Дайте посмотреть.

Сальвадор подошел к письменному столу в углу гостиной и вытащил набитую бумагами жестянку.

— Я все еще храню материалы дела. Как видите, годы мало чему меня научили. Вот, взгляните. Эту фотографию мне дала вдова.

Он протянул мне старый студийный портрет, где на фоне бархата улыбался в камеру высокий красивый мужчина сорока с лишним лет. Чистый открытый взгляд завораживал, и я недоумевал, возможно ли, чтобы

за безмятежным челом тайлся сумеречный мир кошмаров, открывшийся мне на страницах «Lux Aeterna».

— Можно мне ее взять?

Сальвадор заколебался.

— Ладно, возьмите. Только не потеряйте.

— Обещаю вернуть ее вам.

— Лучше обещайте соблюдать осторожность для моего спокойствия.

А если не получится и вы попадете в переделку, дайте мне знать.

Я протянул ему руку, и он пожал ее.

— Договорились.

Солнце садилось, когда я распрощался с Рикардо Сальвадором на холодной асоте и вернулся к пласа Реаль, омытой рассеянным приглушенным светом, окрашивавшим в красноватые тона силуэты праздных гуляк и прохожих. Я пустился в путь, и ноги сами принесли меня в единственное убежище в этом городе, где я всегда чувствовал себя желанным и защищенным. Я добрался до улицы Санта-Ана, когда книжная лавочка «Семпере и сыновья» уже закрывалась. Сумерки напоздали на город, на небе оставалась лишь одна светящаяся голубовато-сизая полоска. Я остановился у витрины. Семпере-сын провожал к дверям попрощавшегося покупателя. Заметив меня, молодой человек улыбнулся и приветствовал меня с той застенчивостью, что более всего сродни скромности и достоинству.

— Я как раз вспоминал о вас, Мартин. Все в порядке?

— Лучше не бывает.

— Это и по лицу видно. Прощу, входите, сейчас сварим кофе.

Он отворил передо мной дверь лавки и посторонился, пропуская. Я вошел в книжную лавку и вдохнул фимиам бумаги и магии, необъяснимым образом сохранявшийся здесь в первозданном виде. Семпере-младший пригласил меня пройти в подсобное помещение, где он собирался приготовить кофе.

— А ваш отец? Как он? На днях мне показалось, что он сильно ослабел.

Семпере-сын слегка наклонил голову, словно выражая признательность за вопрос. И я понял, что ему, возможно, даже не с кем обсудить эту важную проблему.

— Бывали и лучшие времена, это верно. Врач говорит, что с грудной жабой нужно побережиться, но отец упорно работает, даже больше, чем прежде. Иногда мне приходится с ним ссориться, но он как будто считает, что, если оставит лавку на мое попечение, торговля придет в упадок. Сегодня утром, проснувшись, я попросил его сделать мне одолжение и денек полежать в постели, не спускаясь вниз, за прилавок. И, представьте, через три минуты я обнаружил его в столовой. Он обувался.

— Он человек твердых убеждений, — согласился я.

— Он упрям как мул, — ответил Семпере-младший. — К счастью, сейчас нам немного помогают, так что...

Я с легкостью изобразил неведение и любопытство, будто непринужденно достал из кармана необходимую маску.

— Девушка, — пояснил сын Семпере. — Исабелла, ваша помощница. Собственно, именно по этому поводу я и думал о вас. Надеюсь, вы не против, чтобы она каждый день некоторое время проводила у нас. Откровенно говоря, при том, как обстоят дела, помощь нам не помешает, но если вам это причинит неудобство...

Я подавил улыбку, услышав, как он произносит, словно смакуя, имя Исабеллы.

— Ну, если только временно. Если честно, Исабелла очень хорошая девочка. Умная и работающая, — сказал я. — Ей можно полностью доверять. Мы изумительно ладим.

— Только она вот называет вас деспотом.

— Неужели?

— Она даже придумала вам прозвище: мистер Хайд.

— Ангелочек. Не обращайтесь внимания. Вы же знаете, каковы женщины.

— Да, знаю, конечно, — откликнулся Семпере-младший таким тоном, что становилось понятно: он знал множество интересных вещей, но как раз о женщинах не имел ни малейшего понятия.

— Исабелла говорит обо мне. Но почему вы решили, что она ничего не рассказывает мне о вас? — пустил я пробный шар.

Его лицо дрогнуло. Я подождал, пока мои слова медленно, но верно подточат его броню. Он протянул мне чашку кофе с вопрошающей улыбкой и продолжил тему, подав реплику, которая не сгодились бы даже для второсортной оперетты.

— Интересно, что же она обо мне говорит? — проронил он.

Я выдержал паузу, позволив его неуверенности настояться.

— Вам хотелось бы знать? — небрежно переспросил я, спрятав

ухмылку в кофейной чашке.

Семпере-сын пожал плечами.

— Она говорит, что вы очень хороший и великодушный человек. Люди вас плохо понимают, поскольку вы немного робки, и потому видят только — цитирую дословно — обаятельного молодого человека с внешностью киногероя.

Семпере поперхнулся и уставился на меня в изумлении.

— Я не стал бы вам лгать, любезный Семпере. Послушайте, на самом-то деле я рад, что вы подняли тему, поскольку вот уже несколько дней мне хотелось обсудить это с вами, но я не знал, как начать.

— Обсудить что?

Я понизил голос и посмотрел ему прямо в глаза.

— Между нами, Исабелла захотела тут работать потому, что восхищается вами и, боюсь, тайно в вас влюблена.

Семпере остолбенело посмотрел на меня, казалось, он на грани обморока.

— Но любовью чистой, заметьте. Духовной. Как героиня Диккенса, чтобы не было недопонимания. Никаких детских шалостей. Исабелла хоть и очень юная, но женщина до кончиков ногтей. Вы, полагаю, и сами заметили...

— Теперь, когда вы упомянули.

— И я имею в виду не только, если позволите, восхитительно пышные формы, но и тот неистощимый запас доброты и внутренней красоты, который она хранит в душе и ждет часа, чтобы явить их миру, сделав какого-нибудь достойного человека самым счастливым мужчиной на земле.

Семпере не знал, куда деваться от смущения.

— И, кроме того, у нее множество скрытых талантов. Она знает древние языки, божественно играет на пианино. И в математике соображает не хуже Исаака Ньютона. Не говоря уж о том, что она чертовски хорошая повариха. Посмотрите на меня. Я набрал несколько килограммов с тех пор, как она у меня работает. Деликатесы, которые не подают даже в «Серебряной башне»... Неужели вы не подозревали об этом?

— Она ведь не говорила, что готовит...

— Я о стрелах Амура.

— Нет, пожалуй...

— Знаете, что происходит? Девушка хотя внешне и кажется колючей и непокорной, но по существу она невероятно кроткая и болезненно застенчивая. Виноваты в том монахини, чье образование сводится к

отупляющим рассказам о преисподней и урокам шитья. Я поддерживаю развитие свободных школ.

— Но я ведь готов был головой поручиться, что она считает меня немногим лучше дурачка, — стал уверять меня Семпере.

— Вот вам и доказательство. Неопровержимое. Дорогой мой Семпере, если женщина начинает относиться к вам как к слабоумному, это значит, что у нее активизировались половые железы.

— Вы уверены?

— Больше, чем в надежности Банка Испании. Послушайте меня, я в таких вещах чуточку разбираюсь.

— И отец так же говорит. Так что же мне делать?

— Зависит от обстоятельств. Вам нравится девушка?

— Нравится ли? Не знаю. Как это можно понять?

— Очень просто. Вы поглядываете на нее тайком, и не хочется ли вам, допустим, укусить ее?

— Укусить?

— Например, за задницу?

— Сеньор Мартин...

— Не надо меня стыдить, мы ведь в тесной мужской компании, а мужчины, как известно, занимают промежуточную ступень между пиратом и свиньей. Так нравится она вам или нет?

— Пожалуй, Исабелла привлекательная девушка.

— А еще?

— Умная. Милая. Работящая.

— Дальше.

— И примерная христианка, полагаю. Не то чтобы у меня был большой опыт, но...

— И не говорите. В Исабелле больше благочестия, чем в церковной кружке для пожертвований. Монахини, я же говорил.

— Но кусать ее мне как-то, правда, в голову не приходило.

— И даже теперь, когда я об этом сказал?

— Вынужден заметить, что, по-моему, непочтительно говорить в таком тоне о ней, да и о любой женщине тоже, и вам должно быть совестно... — возмутился Семпере-младший.

— *Mea culpa*, ^[47] — повинился я, вскинув руки в знак капитуляции. — Но не важно, ибо каждый выражает страсть на свой лад. Я человек фривольный и поверхностный, и отсюда мои животные устремления. Но вам, с вашей цельной и здоровой натурой, свойственны глубокие чувства и мистические переживания. Важно то, что девушка вас обожает и ее чувство

взаимно.

— Хорошо...

— Ни плохо, ни хорошо. Дела таковы, как они есть, Семпере. Вы человек респектабельный и ответственный. Я на вашем месте времени зря не терял бы, но вы ведь не станете играть чистыми и благородными чувствами целомудренной дамы. Я ошибаюсь?

— Нет, наверное...

— Тогда пора.

— Что пора?

— Разве не ясно?

— Нет.

— Пора ухаживать.

— Простите?

— Любезничать или, говоря научным языком, ворковать. Послушайте, Семпере, по какой-то непонятной причине, проделав многовековый путь от варварства к так называемой цивилизации, мы оказались в положении, когда нельзя подкатить к женщине в укромном уголке или незатейливо предложить выйти замуж. Сначала нужно оказать ей знаки внимания.

— Замуж? Вы сошли с ума.

— Я только хочу объяснить, что надо сделать, а, по сути, именно этого вы и хотите в глубине души, хотя пока не отдаете себе в том отчета. Лучше всего, если сегодня, завтра или послезавтра вы, перестав дрожать как осиновый лист и распускать слюни, после того, как Исабелла закончит работу в лавке, пригласите ее на обед в какое-нибудь местечко с домашней кухней. Вы тотчас поймете, что созданы друг для друга. Выберем «Четырех котов». Там хозяева такие скупердяи, что зажигают свет, который едва теплится, чтобы сэкономить электричество, а это очень помогает в подобных случаях. Вы закажете девушке творог, щедро сдобренный медом, — это блюдо возбуждает аппетит. Затем вы как бы невзначай вольете в нее пару рюмок москателя, который так легко кружит голову, и, положив ей руку на колено, сразите ее даром красноречия, которое столь тщательно скрываете, хитрец.

— Но я решительно ничего не знаю ни о ней, ни о том, что ей нравится...

— Ей нравится то же, что и вам, — книги, литература, запах сокровищ, собранных у вас тут, и обещание романтики и приключений, как в дешевых романах. Ей хочется развеять одиночество, не теряя времени на то, чтобы понять: в нашем поганом мире нет ничего стоящего, если нам не с кем это разделить. Основное вы теперь знаете. А остальное узнаете сами, получив

по пути огромное удовольствие.

Семпере задумался. Взгляд его метался от нетронутой чашки кофе к вашему покорному слуге, который правдами и неправдами сохранял на лице улыбку биржевого маклера.

— Даже не знаю, благодарить ли вас или сдать в полицию, — сказал он наконец.

Именно в этот момент в лавке послышались грузные шаги Семпере-отца. Через пару мгновений он заглянул в подсобное помещение и воззрился на нас, нахмурившись.

— Что это значит? Магазин брошен, а вы тут устроили посиделки, как в престольный праздник. А если придет покупатель? Или какой-нибудь мошенник воспользуется случаем стащить товар?

Семпере-младший тяжело вздохнул и возвел глаза к небу.

— Не беспокойтесь, сеньор Семпере. Книги — это единственная вещь на свете, которую не воруют, — сказал я, подмигивая ему.

Заговорщическая улыбка осветила его лицо. Семпере-сын воспользовался моментом, чтобы вырваться из моих лап, ускользнув в торговый зал книжной лавки. Его отец, усевшись рядом со мной, понюхал кофе, который сын так и не пригубил.

— А что говорит врач о вреде кофеина для сердца? — вмешался я.

— Да он и задницы не найдет, даже с анатомическим атласом. Что он может знать о сердце?

— Наверняка больше, чем вы, — ответил я, отнимая у него чашку.

— Я здоров как бык, Мартин.

— Упрямы вы как мул. Сделайте милость, поднимитесь в квартиру и ложитесь в постель.

— В постели имеет смысл лежать, когда ты молод и в очаровательной компании.

— Компанию я вам найду, если хотите, хотя не уверен, что специально для сердечника мне предложат большой выбор.

— Мартин, в моем возрасте человек способен смаковать только гоголь-моголь ^[48] и любоваться на зады вдов, вот и вся эротика. В этом смысле меня больше волнует мой наследник. Есть успехи в данном направлении?

— Удобраем и засеваем почву. Пока на этой стадии. Посмотрим, как на нас поработает время и какой мы снимем урожай. Я бы оценил в шестьдесят или семьдесят процентов, что результат будет в течение двух-трех дней.

Семпере умиротворенно улыбнулся.

— Мастерский ход — прислать ко мне Исабеллу в качестве

помощницы, — сказал он. — Но вам не кажется, что она слишком юная для моего сына?

— Говоря начистоту, мне кажется, что это он немного зелен. Или он встряхнется, или Исабелла проглотит его живьем в пять минут. Неплохо, что он доброй закваски, так что почему бы и нет...

— Как мне вас отблагодарить?

— Подняться в квартиру и лечь в постель. Если вам нужна легкомысленная компания, прихватите «Фортунаду и Хасинту».

— Вы правы. Дон Бенито никогда не подводит.

— Ни в коем случае. Отправляйтесь в постель.

Семпере встал. Движения давались ему с трудом, и дышал он тяжело, с хриплым присвистом на выдохе, отчего волосы на затылке становились дыбом. Я взял букиниста под руку, чтобы помочь, и почувствовал, какая у него холодная кожа.

— Не пугайтесь, Мартин. Это всего лишь метаболизм, слегка замедленный.

— Вы сегодня совсем как в «Войне и мире».

— Надо немного вздремнуть, и я буду как новенький.

Я решил проводить его до квартиры, где жили отец с сыном, находившейся непосредственно над магазином, и убедиться, что букинист лег под одеяло. Нам потребовалось четверть часа, чтобы преодолеть лестничный пролет. По пути мы встретили соседа, обходительного профессора по имени дон Ансельмо. Он преподавал древние языки и литературу в иезуитском колледже в Каспе и теперь возвращался после занятий домой.

— Как жизнь, любезный Семпере?

— Встает на дыбы, дон Ансельмо.

С помощью профессора мне удалось добраться до второго этажа с Семпере, практически висевшим у меня на шее.

— С вашего позволения, я удаляюсь на отдых после долгого дня битвы со стаей приматов, которые числятся моими учениками, — объявил профессор. — Я предрекаю, что эту страну ожидает вырождение. Словно крысы, они готовы сожрать друг друга.

Семпере махнул рукой, давая понять, что не стоит придавать большое значение словам дона Ансельмо.

— Хороший человек, — пробормотал букинист, — но утонет в стакане воды.

Мы вошли в квартиру, и меня затопили воспоминания о том, как много лет назад я прибежал сюда утром, окровавленный, стискивая в руках книгу

«Большие надежды». Семпере принес меня наверх, домой, на руках, и угостил чашкой горячего шоколада, который я выпил, пока мы ждали врача. Семпере шепотом утешал меня и стирал кровь с тела влажным полотенцем с такой нежностью, какой я ни от кого до тех пор не видел. Тогда Семпере был сильным человеком, он казался мне гигантом во всех отношениях, и без него я, наверное, вряд ли выжил бы в те годы суровых лишений. От былой силы осталось мало, почти ничего, когда я поддерживал его, укладывая в постель и накрывая двумя одеялами. Я присел рядом и взял его за руку, не зная, что сказать.

— Послушайте, если мы вдвоем разрыдаемся, как безутешные вдовы, вам лучше удалиться, — сказал он.

— Берегите себя, ладно?

— Буду почивать на перине, не бойтесь.

Я кивнул и шагнул к выходу.

— Мартин?

Я обернулся с порога. Семпере смотрел на меня с такой же тревогой, как и в то утро, когда я лишился пары зубов и большей части иллюзий. Я ушел прежде, чем он спросил, что со мной происходит.

Одним из первых приемов из арсенала профессионального писателя, которому Исабелла научилась у меня, оказалось искусство и практика *прокрастинации*.^[49] Каждый заслуженный автор знает, что любое занятие, от затачивания карандаша до подсчета количества мух, имеет неоспоримый приоритет перед необходимостью сесть за стол и начать шевелить мозгами. Исабелла на физиологическом уровне впитала этот основополагающий урок, поэтому, вернувшись домой, я не нашел ее за письменным столом, а застал на кухне. Она наносила последние штрихи, накрывая ужин, который пах и выглядел так, будто на его приготовление ушло несколько часов.

— У нас праздник? — поинтересовался я.

— Судя по выражению вашего лица, вряд ли.

— Чем пахнет?

— Утка, глазурированная печеными грушами с шоколадным соусом. Я нашла рецепт в одной из ваших кулинарных книг.

— У меня нет кулинарных книг.

Исабелла подхватила и принесла фолиант в кожаном переплете, положив его на стол. На обложке красовалось: «101 лучший рецепт

французской кухни Мишеля Арагона».

— Вы глубоко заблуждаетесь. Во втором ряду на полках в библиотеке я нашла абсолютно все, включая пособие по супружеской гигиене доктора Перес-Агуадо с иллюстрациями самых пикантных моментов и рассуждениями типа: «По божественному промыслу женщине неведомо плотское желание, и его духовная и эмоциональная реализация находит высшее выражение в естественных заботах материнства и работе по дому». У вас там копи царя Соломона.

— А можно узнать, что ты искала во втором ряду на книжных полках?

— Вдохновение. И я его нашла.

— Но в области кулинарии. Мы же договорились, что ты пишешь каждый день, есть у тебя вдохновение или нет.

— Я в тупике. И в этом виноваты вы, заставив меня работать на двух работах и вовлекая в ваши интриги с непорочным ангелом Семпере-младшим.

— По-твоему, хорошо насмехаться над человеком, который безнадежно влюблен в тебя?

— Что?

— То, что слышала. Семпере-сын признался мне, что потерял из-за тебя сон. В буквальном смысле. Он не спит, не ест, не пьет, даже помочиться не может, бедняга, думая о тебе день и ночь.

— Вы бредите.

— Это несчастный Семпере бредит. Ты могла бы заметить. Он на грани и готов даже застрелиться, чтобы избавиться от горя и отчаяния, бушевающих его.

— Да он меня в упор не видит, — возразила Исабелла.

— Он просто не знает, как открыть свое сердце, и не в силах подобрать слова, чтобы излить чувства, которые переполняют его душу. Таковы все мужчины. Грубые и примитивные.

— Однако он с легкостью подбирал слова, когда отчитывал из-за того, что я расставила собрание «Национальных эпизодов»^[50] в неверном порядке. Жалкий болтун.

— Но это совсем разные вещи. Одно дело — долг управляющего, а язык страсти — совершенно другое.

— Глупости.

— В любви нет ничего глупого, уважаемая помощница. И, отклоняясь от темы, мы собираемся ужинать?

Исабелла сервировала стол под стать приготовленным яствам. Она выставила целую коллекцию тарелок, приборов и рюмок, которых я

никогда прежде не видел.

— Ума не приложу, почему вы, обладая такими прелестными вещами, ими не пользуетесь. Все это лежало в ящиках в кладовой рядом с прачечной, — сказала Исабелла. — И что вы за человек!

Я взял нож и стал рассматривать его под свечами, которые зажгла Исабелла. Я быстро понял, что имущество принадлежало Диего Марласке, и аппетит у меня пропал начисто.

— Что-то случилось? — спросила Исабелла.

Я отрицательно качнул головой. Моя помощница наполнила две тарелки и выжидательно смотрела на меня. Я попробовал кусочек и одобрительно улыбнулся.

— Очень вкусно, — оценил я.

— Жестковато, по-моему. В рецепте сказано, что птицу нужно томить на медленном огне неизвестно сколько, а с вашей плитой огонь или гаснет или возгорается до небес, промежуточное положение отсутствует.

— Очень вкусно, — повторил я, продолжая есть без всякого желания.

Исабелла искоса поглядывала на меня. Мы ужинали в молчании, и оживляло обстановку лишь позвякивание приборов.

— Вы серьезно сказали о Семпере-младшем?

Я кивнул, уткнувшись в тарелку.

— А что еще он говорил обо мне?

— Он говорил, что у тебя классическая красота, что ты умная и необыкновенно женственная, это производит на него очень сильное впечатление, и он чувствует, что между вами существует духовная связь.

Исабелла пронзила меня убийственным взглядом и потребовала:

— Поклянитесь, что вы это все не придумали.

Я возложил правую руку на кулинарную книгу, поднял правую и провозгласил:

— Клянусь на «Сто одном лучшем рецепте французской кухни».

— Клянутся другой рукой.

Я поменял руки и повторил формулу с подобающей случаю торжественностью. Исабелла фыркнула.

— И что мне теперь делать?

— Не знаю. Что делают влюбленные? Гуляют, танцуют...

— Но я-то не влюблена в этого сеньора.

Я продолжал вкушать глазурованную утку, игнорируя настойчивый взгляд девушки. Спустя несколько мгновений Исабелла стукнула кулаком по столу.

— Сделайте одолжение, смотрите мне в лицо. Ведь все из-за вас.

Я аккуратно отодвинул тарелку, тщательно вытер губы салфеткой и взглянул на нее.

— Что мне делать? — снова спросила Исабелла.

— Зависит от ситуации. Тебе нравится Семпере или нет?

Облачко сомнения затуманило ее лицо.

— Не знаю. Во-первых, он староват для меня.

— Мы с ним почти ровесники, — возразил я. — Он старше меня максимум на один или два года. А может, три.

— Ну да, четыре или пять.

Я вздохнул.

— Он в самом расцвете сил. Мы, кажется, выяснили, что тебе нравятся мужчины постарше.

— Не издевайтесь.

— Исабелла, кто я такой, чтобы указывать тебе, что делать...

— Вот это мило.

— Позволь закончить. Я хочу сказать, это касается только Семперемладшего и тебя. Если ты спрашиваешь совета, я порекомендовал бы дать ему шанс. Ничего больше. Если на днях он решится сделать первый шаг и пригласит тебя, допустим, пообедать, не отказывайся. Вы или разговоритесь, познакомитесь получше и в итоге подружитесь, или нет. Но мне кажется, что Семпере хороший человек, и его интерес к тебе искренний. И осмелюсь предположить, если ты немного подумаешь, то поймешь, что в глубине души тоже испытываешь что-то к нему.

— У вас навязчивые идеи.

— Но у Семпере их нет. И, на мой взгляд, не отнестись хотя бы с уважением к нежному чувству и восхищению, которые он питает к тебе, было бы низко. А ты не такая.

— Это эмоциональный шантаж.

— Нет, это жизнь.

Исабелла испепелила меня взглядом. Я улыбнулся в ответ.

— По крайней мере сделайте милость, доешьте ужин.

Я опустошил тарелку, подобрал остатки кусочком хлеба и удовлетворенно перевел дух.

— Что у нас на десерт?

После ужина я оставил впавшую в задумчивость Исабеллу дозревать с ее сомнениями и тревогами и поднялся в кабинет в башне. Я вынул фотографию Диего Марласки, которую мне одолжил Сальвадор, и поставил ее, прислонив к настольной лампе. В следующий момент я обвел взглядом

небольшую цитадель из блокнотов, записок и разрозненных листов бумаги, накопившихся за период работы для патрона. Я все еще ощущал на ладонях холод столовых приборов Диего Марласки, и потому мне было нетрудно представить, как он сидит тут, созерцая ту же панораму крыш квартала Рибера. Я вытащил наугад одну страницу написанного мною текста и начал читать. Я узнавал слова и предложения, поскольку их сочинил я, но мятежный дух, питавший и наполнявший их, казался как никогда далеким. Я бросил листок на пол и, подняв голову, увидел свое отражение на оконном стекле — чужое лицо на фоне сизых сумерек, окутавших город. Мне стало ясно, что я не смогу работать сегодня ночью, ибо был не в состоянии нацарапать ни единого абзаца для патрона. Я погасил свет на письменном столе и сидел в темноте, слушая, как ветер шуршит у окна, и рисуя в воображении картину: Диего Марласка, охваченный пламенем, падает в водоем, последние пузырьки воздуха вырываются изо рта, а ледяная жидкость просачивается в легкие.

Я проснулся на рассвете. Тело затекло в кресле и теперь ломило. Я встал, прислушиваясь к скрипу суставов в собственном теле. Проковыляв к окну, я открыл его настежь. Крыши старого города сверкали изморозью, и пурпурное небо клубилось над Барселоной. Грянули колокола церкви Санта-Мария-дель-Мар, и с голубятни сорвалась и взмыла ввысь туча трепещущих темных крыльев. Холодный резкий ветер доносил запах пристани и дыма жженого угля, курившегося над каминными трубами квартала.

Я спустился на жилой этаж и отправился на кухню варить кофе. Заглянув в продуктовый шкаф, я замер. С тех пор как в доме поселилась Исабелла, моя кладовая напоминала магазин «Килес» на Рамбла-де-Каталуния. Среди рядов экзотических яств, которые поступали в бакалею отца Исабеллы из-за границы, я обнаружил жестяную коробку английских галет с шоколадной глазурью и решил их попробовать. Всего через полчаса, после массивного выброса кофеина и сахара в кровь, заработал мозг, и меня осенила гениальная мысль начать день, усложнив свою жизнь еще больше, если такое возможно. Я решил, как только откроются торговые заведения, нанести визит в лавку магических и фальшивых артефактов на улице Принцессы.

— Что вы тут делаете в такую рань?

Голос моей совести, Исабелла, смотрела на меня с порога.

— Ем галеты.

Исабелла уселась за стол и налила себе чашку кофе. Выглядела она так, словно ночью не сомкнула глаз.

— Отец говорит, что это любимое печенье королевы-матери.
— Поэтому она так хорошо сохранилась.
Исабелла взяла галету и надкусила ее с отсутствующим видом.
— Размышляешь, что тебе делать? С Семпере, я имею в виду...
Исабелла смерила меня ядовитым взглядом.
— А вы что собираетесь сделать сегодня? Ничего хорошего, конечно.
— Кое-какие дела.
— Ах вот как.
— Как так? «О как!» — современное словечко?
Исабелла поставила чашку на стол и повернулась ко мне лицом, решительно настроенная выяснять отношения.
— Почему вы вообще ничего никогда не рассказываете о своих делах с этим типом, патроном?
— Среди прочего — ради твоего блага.
— Для моего блага! Конечно. А я не догадалась. И, кстати, забыла сказать, что вчера сюда заглядывал ваш приятель, инспектор.
— Грандес? Он приходил один?
— Нет. В компании двух громил, здоровых, как шкафы, и с бульдожьими физиономиями.
Желудок у меня сжался в комок, когда я представил Маркоса и Кастело у дверей своего дома.
— И что хотел Грандес?
— Он не сказал.
— А что он тогда сказал?
— Спросил, кто я такая.
— Что же ты ответила?
— Что я ваша возлюбленная.
— Очень мило.
— Одному из верзил показалось, что я слишком хороша для вас.
Исабелла взяла второе печенье и с аппетитом его сгрызла. Заметив, что я за ней искоса наблюдаю, она перестала жевать.
— А что я такого сказала? — спросила она с полным ртом, выпустив фонтанчик крошек.

Дымчатый перст солнечного света пробился сквозь плотную пелену облаков, и от его прикосновения ярко полыхнула выкрашенная красной

краской вывеска на фасаде лавки магических товаров на улице Принцессы. Магази́нчик прятался под деревянной резной маркизой. Сквозь стеклянную дверь едва просматривались очертания полутемного помещения с занавесями из черного бархата, драпировавшими витрины, наполненные масками и механизмами с викторианским душком, краплеными колодами, дагами^[51] с нарушенным балансом, книгами по магии и флаконами из полированного стекла с зельями, переливавшимися всеми цветами радуги и, вполне вероятно, разлитыми в Альбасете. Колокольчик над дверью звякнул, возвестив о моем приходе. За прилавком в глубине магазина никого не было. Я подождал немного, обозревая коллекцию ярмарочных диковинок. Пытаясь поймать собственное лицо в зеркале, в котором как на ладони отражалась вся лавка, кроме меня, я заметил краем глаза, что из-за портьеры, отделявшей подсобное помещение, вынырнула крошечная фигурка.

— Забавный эффект, правда? — спросил седой как лунь человечек с пронизательным взглядом.

Я согласился с ним.

— Как оно работает?

— Пока не знаю. Мне привезли эту штучку пару дней назад от мастера хитрых зеркал из Стамбула. Создатель называет фокус преломляющим смещением.

— Вещь служит напоминанием, что все внешнее обманчиво, — прокомментировал я.

— Кроме магии. Чем могу служить вам, кабальеро?

— Я имею честь говорить с сеньором Дамианом Роуресом?

Человечек медленно кивнул, глядя на меня в упор, не моргая. Маска добродушия на лице с нарисованной улыбкой была столь же обманчивой, как и его зеркало. Глаза человечка оставались холодными и настороженными.

— Мне порекомендовали обратиться в ваш магазин.

— Интересно, кто был столь любезен?

— Рикардо Сальвадор.

Фальшивая улыбка стерлась с губ.

— Я не знал даже, что он еще жив. Не встречался с ним двадцать пять лет.

— А с Ирене Сабино?

Роурес, вздохнув, слегка покачал головой. Он обошел прилавок и шагнул к двери. Повесив табличку «закр́то», он повернул ключ в замке.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Мартин. Я пытаюсь выяснить обстоятельства, связанные со смертью сеньора Диего Марласки. Насколько я понял, вы его знали.

— Я полагал, все обстоятельства были выяснены давным-давно. Сеньор Марласка покончил с собой.

— У меня сложилось иное впечатление.

— Не знаю, что вам наговорил этот полицейский. Обида оказывает влияние на память, сеньор... Мартин. Сальвадор уже пытался в свое время протолкнуть идею о заговоре, не имея ровным счетом никаких доказательств. Всем известно, что он согрел постель вдовы Марласки и лез из кожи вон, чтобы выглядеть героем. Как и следовало ожидать, начальство его приструнило, а затем его выгнали из полиции.

— Он считает, что в действительности была сделана попытка скрыть правду.

Роурес фыркнул.

— Правду... Не смешите меня. На самом деле хотели замять скандал. Адвокатская контора Валеры и Марласки грела руки почти на каждом дельце, что проворачивалось в этом городе. Никто не был заинтересован в том, чтобы сомнительная история получила огласку. Марласка отказался от своего положения в обществе, работы и брака, заперся в старом особняке и занимался бог знает чем. Любой, у кого есть голова на плечах, мог предсказать, что ничем хорошим это не кончится.

— Что не помешало вам лично и вашему компаньону Хако выгодно воспользоваться помешательством Марласки. Вы ведь пообещали ему на спиритических сеансах установить связь с тем, кто отошел в мир иной...

— Ничего я ему не обещал. Сеансы спиритизма устраивались только для развлечения. Все это понимали. Я вовсе не пытался наживаться на мертвых, я просто честно зарабатывал на жизнь.

— А ваш партнер Хако?

— Я отвечаю только за себя. И не несу ответственности за действия Хако.

— Значит, он что-то сделал.

— Что вы хотите от меня услышать? Что он похитил деньги, якобы лежавшие на тайном счете в банке, как упорно твердил Сальвадор? Что он убил Марласку и надул нас всех?

— А разве нет?

Роурес пристально посмотрел на меня.

— Не знаю. Я не видел его со дня смерти Марласки. Все, что знал, я рассказал тогда Сальвадору и другим полицейским. Я не лгал. Никогда не

лгал. Если Хако приложил к этому руку, я понятия о том не имел и в его делах не участвовал.

— А что вы можете сказать об Ирене Сабино?

— Ирене любила Марласку. У нее даже в мыслях не было навредить ему.

— Что с ней случилось? Она еще жива?

— Думаю, да. По слухам, она работала в какой-то прачечной в Равале. Ирене была доброй женщиной. Слишком доброй. Потому так и кончила. Она верила во всякую чепуху. Верила в любовь.

— А Марласка? Что ему понадобилось на том свете?

— Марласка ввязался во что-то, не спрашивайте, во что именно. Нечто такое, чего ни я, ни Хако ему не продавали и не могли продать. Мне известно только то, что я случайно подслушал из его разговора с Ирене. Похоже, Марласка познакомился с кем-то, кого я не знал, а поверьте, я знаю каждого на своем профессиональном поле. Тот человек пообещал Марласке в обмен на услугу, я не знаю какую, вернуть его сына Исмаэля с того света.

— Ирене не говорила, кто этот незнакомец?

— Она его никогда не видела. Марласка не разрешал ей встречаться с ним. Но она не сомневалась, что адвокат боится.

— Боится чего?

Роурес причмокнул языком.

— Марласка верил, что проклят.

— Поясните, пожалуйста.

— Я ведь уже вам говорил. Марласка был болен. Он твердил, что в него вселилось нечто.

— Нечто?

— Дух. Паразит. Не представляю. Послушайте, в моей профессии приходится сталкиваться со множеством людей, у кого не все дома. Они переживают личную трагедию, например лишаются возлюбленного или состояния, и теряют почву под ногами. Мозг — самый хрупкий орган человеческого тела. Сеньор Марласка был не в своем уме, и это становилось понятно каждому после пятиминутного разговора с ним. Потому он ко мне и пришел.

— И вы сказали ему то, что он жаждал услышать.

— Нет. Я сказал ему правду.

— Ваш вариант правды.

— Мне известен лишь один. Мне показалось, что человек этот серьезно повредился рассудком, и я не хотел пользоваться его состоянием. Такие вещи добром не кончаются. В моей деятельности существует черта,

которую нельзя переступать, если понимаешь, что к чему. Тому, кто ищет развлечений, острых ощущений или утешения в ином мире, предоставляется такая возможность и взимается соответствующая плата за оказанную услугу. Но тех, кто пребывает на грани безумия, следует отправлять домой. Спиритический сеанс — это театральная постановка, не хуже любой другой. И публика должна состоять из зрителей, а не «озаренных».

— Образцовая этика. Что же тогда вы сказали Марласке?

— Я сказал, что наши спектакли — вымысел, сказки. И я обычный комедиант, кто зарабатывает на жизнь, устраивая спиритические сеансы для несчастных, потерявших близких и желающих укрепиться в вере, что возлюбленные, родители и друзья ждут их в загробном мире. Я объяснил ему, что на том свете нет ничего, только беспредельная пустота, и мир живых — единственный, которым мы располагаем. Я посоветовал ему забыть о духах и вернуться в семью.

— И он вас послушался?

— Очевидно, нет. Он больше не приходил на сеансы и обратился за помощью в другое место.

— Куда?

— Ирене выросла в бараках Багателя, и хотя она прославилась, выступая на подмостках на Паралело, те места оставались для нее родными. Она рассказывала мне, что водила Марласку к женщине, звавшейся Ведьмой из Соморростро, чтобы попросить защиты от человека, которому адвокат был обязан.

— Ирене не упоминала имени этого человека?

— Если и упоминала, я его не запомнил. Я говорил, они оба перестали приходить на сеансы.

— Может, Андреас Корелли?

— Никогда не слышал этого имени.

— Где можно найти Ирене Сабино?

— Я уже выложил вам все, что знал, — вышел из себя Роурес.

— Последний вопрос, и я уйду.

— С трудом верится.

— Вы не помните, Марласка никогда не упоминал в какой-либо связи название «Lux Aeterna»?

Роурес наморщил лоб, а потом покачал головой.

— Спасибо за помощь.

— Не за что. И, если можно, больше сюда не возвращайтесь.

Я кивнул и направился к выходу. Роурес провожал меня

подозрительным взглядом.

— Пойдите, — окликнул он меня прежде, чем я переступил порог лавочки.

Я вернулся. Человек с сомнением смотрел на меня.

— Кажется, я вспомнил. «Lux Aeterna». Так назывался своего рода религиозный памфлет, который мы иногда использовали на сеансах в салоне на улице Элисабетс. Книжка входила в собрание других подобных книжонок. По-моему, мы позаимствовали их в библиотеке мошенников из общества «Будущее». Возможно, вы имели в виду эту вещь.

— Не помните, о чем там шла речь?

— Лучшее всего содержание знал мой партнер Хако, именно он проводил сеансы. Если не ошибаюсь, «Lux Aeterna» представлял собой поэму о смерти и семи именах Сына Грядущего, Несущего Свет.

— Несущий Свет?

Роурес расплылся в улыбке:

— Люцифер.

Я вышел на улицу, собираясь возвращаться домой. Меня мучил вопрос, что делать дальше. Я почти дошел до улицы Монткада, как вдруг заметил его. Инспектор Грандес стоял, прислонившись к стене, с удовольствием курил сигару и улыбался мне. Я помахал ему рукой и перешел через дорогу, направляясь к нему.

— Не знал, что вы интересуетесь магией, Мартин.

— Я тоже не знал, что вы за мной следите, инспектор.

— Я за вами не слежу. Поскольку вас трудно застать на месте, я решил, что если гора не идет ко мне, то я пойду к горе сам. У вас есть пять минут, чтобы пропустить стаканчик? За счет главного управления полиции.

— Раз так... Вы сегодня без сопровождения?

— Маркос и Кастело сидят в управлении, занимаясь бумажной работой. Но если бы я им сообщил о свидании с вами, они бы непременно явились.

Мы спустились по узкому ущелью между средневековыми дворцами до «Эль Ксампаниет» и потребовали столик у дальней стены. Официант, вооруженный тряпкой, от которой несло щелоком, вопросительно уставился на нас, и Грандес заказал две кружки пива и порцию ламанчского сыра. Когда подали пиво и закуску, инспектор предложил мне тарелку, но я

отказался от его любезности.

— Не возражаете? В это время дня я обычно умираю от голода.

— *Bon appetit.*

Грандес бросил в рот кубик сыра, проглотил его и облизнулся, зажмурившись.

— Вам не сказали, что я заходил вчера к вам домой?

— Мне передали, но с опозданием.

— Понятно. Послушайте, а девочка просто загляденье. Как ее зовут?

— Исабелла.

— Живут же некоторые, бесстыдники. Я вам завидую. Сколько лет куколке?

Я обжег его взглядом. Инспектор добродушно улыбнулся.

— Одна птичка мне на хвосте принесла, что последнее время вы играете в детектива. Хотите отнять хлеб у нас, профессионалов?

— Как звать вашу птичку?

— Скорее это старый индюк. Один из моих начальников — близкий друг адвоката Валеры.

— Вас тоже поставили на довольствие?

— Пока нет, друг мой. Вы же меня знаете. Старая школа. Честь и прочая дребедень.

— Жаль.

— А скажите, как поживает бедолага Рикардо Сальвадор? Представьте, я не слышал о нем уже лет двадцать. Считали, что он давно умер.

— Диагноз немного скоропалительный.

— И как он?

— Одинокий, преданный и забытый.

Инспектор потряс головой.

— Поневоле задумаешься о будущем, которое сулит эта работа, не так ли?

— Держу пари, что ваша судьба сложится не в пример удачнее и восхождение на самую вершину служебной лестницы — вопрос пары лет. Я легко могу представить, как вы, став главным начальником полиции до сорока пяти лет, лобызаете руки епископам и армейским генерал-капитанам на торжественном шествии в честь праздника Тела Христова.

Грандес прохладно кивнул, проигнорировав саркастический тон.

— Кстати, насчет целования рук. Вы слышали, что произошло у вашего приятеля Видаля?

Грандес никогда не приступал к беседе, не припрятав туза в рукаве.

Теперь он с улыбкой наблюдал за мной, наслаждаясь моим замешательством.

— И что же? — пробормотал я.

— Говорят, недавно ночью его жена пыталась покончить с собой.

— Кристина?

— А ведь верно, вы же знакомы...

Я даже не заметил, как вскочил и что у меня трясутся руки.

— Успокойтесь. Сеньора Видаль жива и здорова. Кажется она перестаралась с лауданумом... Сделайте одолжение, сядьте, Мартин. Пожалуйста.

— Когда это случилось?

— Два или три дня назад.

В памяти у меня всплыла сценка, разыгравшаяся несколько дней назад: Кристина стоит у окна виллы «Гелиос» и поднимает руку, приветствуя меня, а я стараюсь ускользнуть от ее взгляда и поворачиваюсь спиной.

— Мартин? — позвал инспектор, помахав у меня перед глазами рукой, возвращая к действительности.

— Что?

Выражение лица инспектора наводило на мысль, что он искреннее встревожен.

— Вам нечем со мной поделиться? Знаю, вы мне не доверяете, но я хотел бы помочь.

— Несмотря на то что уверены, будто бы я убил Барридо и его компаньона?

Грандес покачал головой.

— Я никогда в это не верил, хотя некоторые не прочь свалить все на вас.

— Тогда почему вы копаете под меня?

— Расслабьтесь. Я не копаю под вас, Мартин. И никогда этого не делал. В тот день, когда я начну до вас докапываться, вы не ошибетесь. Пока я наблюдаю. Вы мне нравитесь, и я огорчен, что вы угодили в какую-то переделку. Почему бы вам не довериться мне и не рассказать, что происходит?

Наши взгляды скрестились, и на миг я почувствовал искушение исповедаться ему. Возможно, я бы так и поступил, если бы знал, с чего начинать.

— Ничего не происходит, инспектор.

Грандес вздохнул и посмотрел на меня с сожалением, а может, и

разочарованием. Он хлопнул меня ладонью по плечу и встал.

— Будьте осторожны, Мартин. И смотрите не оступитесь. Далеко не все расположены к вам, как я.

— Я учту.

Я вернулся домой около полудня, не в силах отделаться от мыслей о том, что мне рассказал инспектор. Я приблизился к порталу дома с башней и медленно поднялся по ступеням лестницы: каждый шаг давался с трудом, словно даже душа обладала непомерным весом и придавливала меня к земле. Открывая дверь, я внутренне трепетал от перспективы встретить Исабеллу в словоохотливом настроении. В доме царила тишина. Я прошел по коридору в галерею и там нашел девушку мирно спящей на диване. На груди у нее лежала раскрытая книга — один из моих старых романов. Я не удержался от улыбки. В доме ощутимо похолодало в эти осенние дни, и я забеспокоился, что Исабелла может простудиться. Я вспомнил, что иногда она ходит по комнатам, закутавшись в шерстяную шаль. Тогда я решил принести из спальни девушки накидку и тихонько укрыть ее. Дверь в спальню была приоткрыта, и хотя дом принадлежал мне, я совершенно точно не переступал порога этой комнаты с тех пор, как Исабелла тут поселилась, и чувствовал некоторую неловкость, входя туда теперь. Я издали заметил сложенную на стуле шаль и вошел, чтобы взять ее. В комнате витал сладковатой аромат с ноткой цитрусовых, присущий Исабелле. Кровать все еще была разобрана. Я наклонился, чтобы расправить простыни и одеяла, поскольку уже усвоил, что, когда выполняю мелкие хозяйственные обязанности, мой моральный облик стремительно набирает очки в глазах юной помощницы.

Убирая постель, я заметил, что между пружинным матрасом и тюфяком что-то спрятано. Из складок простыни торчал бумажный уголок. Потянув его, я убедился, что в тайнике лежит пакет. Я вытащил его целиком, и у меня в руках оказалось около двух десятков голубоватых конвертов, перевязанных ленточкой. Я почувствовал, как меня затопляет холод, хотя все мое существо протестовало против открывшейся истины. Я развязал ленточку и вынул из пачки один из конвертов. На конверте значились мое имя и адрес. Там, где указывается отправитель, было написано просто: «Кристина». Я сел на кровать спиной к двери и один за другим перебрал все письма. Первому посланию исполнилось несколько недель, последнее пришло три дня назад. Все конверты были распечатаны. Я закрыл глаза, и конверты выскользнули у меня из рук. Затем я услышал за спиной ее дыхание. Исабелла неподвижно стояла в дверях.

— Простите меня, — прошептала девушка.

Она тихо приблизилась и опустилась на колени, чтобы поднять с пола рассыпавшиеся письма. Собрав конверты, все до единого, она аккуратно сложила их стопкой и протянула мне, глядя на меня с отчаянием.

— Я сделала это, чтобы защитить вас, — сказала она.

Ее глаза наполнились слезами, и, протянув руку, она коснулась моего плеча.

— Уходи, — вымолвил я.

Оттолкнув ее, я встал. Исабелла опустилась на пол со стоном, словно нестерпимая боль терзала ее тело.

— Уходи из этого дома.

Я покинул дом, не позаботившись закрыть за собой дверь. Выбравшись на улицу, я очутился в мире фасадов и лиц, чужих и далеких. Я пошел куда глаза глядят, не чувствуя холода и пронизывающего ветра, предвестника дождя, азартно стегавшего город с силой проклятия.

Трамвай остановился у ворот башни Бельесгуард, там, где у подножия холма город прекращал существование. Я двинулся к входу на кладбище Сан-Жервасио, следуя по дорожке желтоватого света, которую прокладывали под дождем огни трамвая. Стены некрополя вздымались на пятидесятиметровую высоту, напоминая мраморную крепость, над которой выступал сонм памятников цвета скорби. У ворот прилепилась будка, где сторож, кутаясь в пальто, грел руки над жаровней. Я возник из дождя, изрядно напугав его. Он пристально изучал меня несколько мгновений, прежде чем отворить калитку.

— Мне нужна усыпальница семьи Марласка.

— Через полчаса стемнеет. Приходите лучше завтра.

— Чем скорее вы объясните, где находится мавзолей, тем быстрее я уйду.

Сторож сверился с описью и показал мне расположение усыпальницы, ткнув пальцем в план-карту кладбища, висевшую на стене. Я удалился, не поблагодарив его.

Усыпальницу оказалось нетрудно найти среди скопища теснившихся на кладбище могил и мавзолеев. Строение покоилось на мраморном фундаменте. Построенный в модернистском стиле, пантеон имел форму арки, образованной двумя широкими лестницами, расположенными

амфитеатром. Они поднимались к галерее, опиравшейся на колонны, с атриумом, обрамленным мемориальными плитами. Галерею венчал купол, его вершину украшала скульптура из потемневшего мрамора. Лицо статуи скрывала вуаль, но по мере приближения к пантеону казалось, что фигура, поставленная на часах у гроба, поворачивает голову и следит за вами взглядом. Я взошел по ступеням одной из лестницы и, ступив на площадку галереи, остановился и посмотрел назад. В отдалении сквозь пелену дождя виднелись огни города.

Я вошел в галерею. В центре помещения располагалось изваяние женщины, прильнувшей к кресту в молитвенном порыве. Лицо было изуродовано ударами, и кто-то размалевал черной краской глаза и губы, отчего статуя обретала зловещий вид. И это были не единственные следы осквернения усыпальницы. Мемориальные плиты покрывали сколы и царапины, нанесенные острым предметом, некоторые были отмечены непристойными рисунками и словами, едва различимыми в темноте. Могила Диего Марласки находилась в глубине. Я приблизился к ней и дотронулся до надгробия. Потом достал фотографию Марласки, которую мне дал Сальвадор, и всмотрелся в лицо на потрете.

Неожиданно с лестницы, ведущей к пантеону, донеслись шаги. Я спрятал карточку в карман и повернулся лицом к входу на галерею. Шаги смолкли, и слышалось только, как дождь выбивает дробь на мраморе. Я осторожно подобрался к выходу и выглянул наружу. Человек стоял спиной ко мне, глядя на далекий город. Это была женщина в белых одеждах с головой, покрытой шалью. Она медленно повернулась и взглянула на меня. Женщина улыбалась. Несмотря на прошедшие годы, я тотчас узнал ее. Ирене Сабино. Я шагнул к ней и лишь тогда осознал, что у меня за спиной кто-то есть. От удара по затылку из глаз брызнули искры. Я почувствовал, что падаю на колени. В следующее мгновение я растянулся на залитом лужами мраморе. На фоне дождя возник силуэт. Ирене присела рядом со мной. Ее рука скользнула по моим волосам и ощупала место, куда пришелся удар. Потом я увидел ее пальцы, обагренные кровью. Она провела ими по моему лицу. Ирене Сабино достала парикмахерскую бритву и медленно открыла ее. Серебристые капли дождя стекали по опускавшемуся надо мной лезвию. И это последнее, что я запомнил, проваливаясь в беспамятство.

Я открыл глаза от ослепительного света, исходящего от масляного фонаря. Надо мной маячило бесстрастное лицо сторожа, не отражавшее никаких чувств. Я попытался зажмуриться, тогда как мой затылок плавился

от обжигающей боли.

— Живой? — поинтересовался сторож, не уточнив, обращается ли он ко мне, или вопрос его был чисто риторическим.

— Да, — прохрипел я. — Им не пришло в голову меня закопать.

Сторож помог мне сесть. Каждое движение отдавалось вспышкой свирепой боли в затылки.

— Что произошло?

— Вам лучше знать. Уже час, как мне пора закрываться, но так как вы не объявились, я пришел сюда проверить, что случилось. И вижу, вы тут разлеглись.

— А женщина?

— Какая женщина?

— Их было двое.

— Две женщины?

Я, вздохнув, покачал головой.

— Вы не поможете мне встать?

Уцепившись за сторожа, я кое-как поднялся. И тогда ощутил острую боль и жжение. Рубашка на мне была расстегнута, и грудь расчертили неглубокие порезы.

— Послушайте, это скверно выглядит...

Я запахнул пальто, а затем пощупал внутренний карман. Фотография Марласки исчезла.

— У вас есть телефон в будке?

— Да, в турецких банях.

— Можете по крайней мере помочь мне дойти до башни Бельесгуард, чтобы я мог вызвать оттуда такси?

Сторож выругался и подставил мне плечо.

— Говорил же, приходите завтра, — пробурчал он, смирившись со своей участью.

До дома с башней я добрался наконец за несколько минут до полуночи. Едва открыв дверь, я понял, что Исабелла ушла. Эхо моих шагов в коридоре зазвучало иначе. Я не потрудился зажечь свет. В полной темноте я прошел по дому и заглянул в комнату, где она спала. Исабелла вымыла и прибрала комнату. Опрятно сложенная кipa одеял и простыней возвышалась на стуле, матрац был голым. Ее аромат все еще витал в

воздухе. Я вернулся в галерею и сел за письменный стол, за которым работала моя помощница. Исабелла остро наточила карандаши и аккуратно поставила их в стакан. На подносе лежала ровная стопка чистой бумаги. Набор перьев, подаренный мною, покоился на краю стола. Дом никогда не казался мне таким пустым.

Я снял в ванной промокшую одежду и приложил спиртовой компресс к затылку. Боль постепенно утихала, превратившись в тупую пульсацию, а общее состояние мало чем отличалось от тяжелого похмелья. В зеркале порезы выглядели тонкими линиями, начерченными пером. Ранки были ровными и неглубокими, но саднили от этого не меньше. Я протер их спиртом, надеясь, что они не воспалятся.

Я забрался в постель и укрылся до подбородка двумя или тремя одеялами. У меня болело все тело, за исключением тех его членов, которые заоченели под дождем до полной потери чувствительности. Я ждал, пока согреюсь, прислушиваясь к ледящей тишине, тишине вакуума, пустоты, воцарившейся в доме. Перед уходом Исабелла положила пачку писем Кристины на ночной столик. Протянув руку, я взял одно наугад. Конверт был датирован двумя неделями ранее.

Дорогой Давид,

дни проходят, и я по-прежнему пишу письма, на которые тебе, наверное, не хочется отвечать, даже если ты их открываешь. Мне стало казаться, что я пишу их только для себя, чтобы побороть одиночество и поверить на мгновение, что ты рядом. Целыми днями я думаю о том, что с тобой и что ты делаешь.

Иногда мне приходит в голову, что ты уехал из Барселоны навсегда, и воображаю тебя на новом месте с незнакомыми людьми, и ты начинаешь сначала жизнь, в которой мне нет места. А временами я думаю, что ты ненавидишь меня и уничтожаешь мои письма, не желая иметь со мной ничего общего. Я тебя не виню. Странно, как невероятно легко верить бумаге наедине с собой то, что никогда не осмелился бы сказать при встрече.

Мне живется непросто. Педро не мог бы относиться ко мне с большей добротой и пониманием, так что порой его терпение и желание сделать счастливой выводят меня из себя. Усвоив уроки Педро, я поняла, что у меня пустое сердце и я не заслуживаю ничьей любви. Он проводит почти все время со мной, не желая оставлять меня в одиночестве.

Я улыбаюсь и улыбаюсь целыми днями и делю с ним

постель. Он часто спрашивает, люблю ли я его, и я отвечаю, что да, но когда вижу правду в глубине его глаз, мне хочется умереть. Он никогда не бросает мне эту правду в лицо. И очень много говорит о тебе. Ты бы удивился. Поэтому иногда мне кажется, будто именно тебя он любит больше всех на свете. И я с болью вижу, как сам он стареет, причем в самой худшей компании, какую можно представить, — в моей. Я не прошу тебя простить меня, но если у меня еще осталось какое-то желание, так это чтобы ты простил его. Я не стою того, чтобы ты лишил его своей дружбы и общества.

Вчера я дочитала одну из твоих книг. У Педро собраны они все, и я читаю их, поскольку только так я могу почувствовать себя рядом с тобой. Это печальная и странная история о двух куклах, сломанных и брошенных в бродячем цирке. Всего на одну ночь они оживают, зная, что умрут на рассвете. Когда я читала ее, мне казалось, что ты писал о нас.

Несколько недель назад мне приснилось, что я снова вижу тебя. Будто бы мы столкнулись на улице и ты меня не узнал. Ты улыбнулся мне и спросил, как меня зовут. И ничего не знал обо мне. И не питал ко мне ненависти. Каждую ночь, когда Педро засыпает подле меня, я закрываю глаза и молю небеса или преисподнюю, чтобы мне послали тот самый сон.

Завтра, а может, через день, я напишу снова, чтобы сказать, как люблю тебя, хотя тебе это безразлично.

Кристина

Я уронил письмо на пол, не в силах читать дальше. Завтра наступит новый день, сказал я себе. Едва ли хуже нынешнего, ибо хуже быть не могло. Но я и не подозревал, что сюрпризы дня сегодняшнего еще только начались. Я проспал, наверное, в общей сложности часа два, и был внезапно разбужен посреди ночи. Кто-то из всех сил колотил в дверь особняка. Несколько мгновений я ошалело шарил в темноте, нащупывая провод с выключателем. Удары в дверь возобновились. Я зажег свет, встал с постели и направился в прихожую. Я открыл глазок. На лестничной площадке меня поджидали знакомые лица. Инспектор Грандес, а за ним Маркос и Кастело. И все трое не мигая уставились на глазок. Я сделал пару глубоких вдохов, прежде чем отпереть дверь.

— Доброй ночи, Мартин. Извините, что так поздно.

— А сколько сейчас, по вашему, времени?

— Пора шевелить задницей, сукин сын! — прорычал Маркос, вызвав улыбку Кастело. Об эту улыбку я без труда мог бы порезаться.

Грандес с упреком посмотрел на них и вздохнул.

— Начало четвертого утра, — сказал он. — Можно войти?

Я досадливо вздохнул, но отступил в сторону. Инспектор знаком велел своим прихвостням ждать на лестнице. Маркос и Кастело неохотно подчинились, наградив меня змеиным взглядом. Я захлопнул дверь у них перед носом.

— С этой парочкой вам следовало бы держаться поосторожнее, — предупредил Грандес, непринужденно прошагав мимо меня по коридору.

— Не стесняйтесь, будьте как дома, — пригласил я.

Вернувшись в спальню, я наспех оделся, натянув первое, что подвернулось под руку, — грязные вещи, сваленные в кучу на стуле. Грандеса уже и след простыл, когда я вновь выглянул в коридор.

Я прошел в галерею и обнаружил инспектора там. Мой гость наблюдал сквозь широкие окна за низкими облаками, наползавшими на террасы.

— А куколка? — осведомился он.

— У себя дома.

Грандес с улыбкой повернулся.

— Умный человек не возьмет женщину на полное содержание, — промолвил он, указав на кресло. — Садитесь.

Я рухнул в кресло. Грандес остался на ногах, пристально меня разглядывая.

— В чем дело? — не выдержал я наконец.

— Плохо выглядите, Мартин. Ввязались в драку?

— Я упал.

— Ага. Насколько я понял, сегодня вы посетили магазин магических предметов на улице Принцессы, принадлежащий сеньору Дамиану Роуресу.

— Вы своими глазами видели, как я выходил оттуда около полудня. К чему вы клоните?

Грандес окинул меня холодным взглядом.

— Наденьте пальто, шарф или что-нибудь. На улице холодно. Поедем в комиссариат.

— Зачем?

— Делайте, как я сказал.

Полицейская машина дожидалась нас на бульваре Борн. Маркос и Кастело затолкали меня в салон без лишних церемоний, а сами уселись по бокам, зажав меня в середине.

— Вам удобно, юноша? — спросил Кастело, двинув меня локтем в ребра.

Инспектор сел на переднее сиденье рядом с шофером. Никто из них не разомкнул губ за те пять минут, которые заняла поездка до Виа-Лайетана, пустынной и затянутой рыжеватым туманом. По прибытии в центральный комиссариат, Грандес вышел из машины и направился в здание, не став никого ждать. Маркос и Кастело подхватили меня под руки, вцепившись мертвой хваткой каждый со своей стороны, словно намеревались раздробить мне кости, и протащили по лабиринту лестниц, переходов и закутков до комнаты без окон, где воняло потом и мочой. Посередине стоял ветхий стол и два колченогих стула. Электрическая лампочка без абажура свисала на шнуре с потолка. В центре, в том месте, где стыковались две слегка покатые плоскости, составлявшие поверхность пола, находилась решетка сливного отверстия. Холодно было зверски. Прежде чем я успел что-либо сообразить, дверь с силой захлопнулась у меня за спиной. Я услышал удаляющиеся шаги. Я обошел камеру раз двенадцать, потом опустился на стул, пошатнувшийся подо мной. В течение следующего часа я не слышал ни звука, кроме собственного дыхания, скрипа стула и эха капли, хотя откуда оно доносилось, я так и не смог определить.

Прошла вечность, и послышалось новое эхо — приближавшихся шагов. Вскоре дверь открылась. Маркос сунул голову в камеру и заулыбался. Придержав дверь, он пропустил инспектора Грандеса. Инспектор вошел, не глядя на меня, и сел на второй стул на противоположном конце стола. Он кивнул Маркосу, и тот закрыл дверь, успев послать мне безмолвный поцелуй и подмигнуть. Инспектор соизволил посмотреть мне в глаза лишь секунд через тридцать.

— Если вы хотели произвести на меня впечатление, вам это удалось, инспектор.

Грандес не обратил внимания на сарказм и уставился на меня так, словно видел впервые в жизни.

— Что вам известно о Дамиане Роуресе? — спросил он.

Я пожал плечами:

— Немного. Он держит лавку магических товаров. В сущности, всего несколько дней назад я даже не подозревал о его существовании. Мне о нем рассказал Рикардо Сальвадор. Сегодня, то есть вчера — понятия не имею, который час, — я зашел к нему, чтобы разузнать о бывшем владельце дома, где я живу. Сальвадор мне сообщил, что Роурес и прежний владелец...

— Марласка.

— Да, Диего Марласка. Итак, Сальвадор упомянул, что Роурес имел с ним дело много лет назад. Я задал ряд вопросов, и Роурес на них ответил, как мог или что знал. И больше ничего.

Грандес покивал в ответ.

— И это ваша версия?

— Не знаю. А у вас есть другая? Давайте сравним, и я хотя бы пойму, какого дьявола я мерзну посреди ночи в вонючем подвале.

— Не повышайте голоса, Мартин.

— Простите, инспектор, но, по-моему, вы могли бы снизить до объяснения, почему я здесь.

— Я вам скажу почему. Часа три назад человек, который живет по соседству с магазином сеньора Роуреса, возвращаясь поздно ночью домой, проходил мимо витрины и заметил, что дверь не заперта и в помещении горит свет. Сосед очень удивился и вошел. Хозяина не было, и он не откликнулся на зов, поэтому сосед заглянул в подсобное помещение. Там он и увидел Роуреса на стуле, в луже крови со связанными проволокой руками и ногами.

Грандес выдержал длинную паузу, продолжая сверлить меня взглядом. Я подумал, что он сказал не все. Грандес всегда наносил решающий удар в конце.

— Он был мертв?

— Вполне. Кто-то позабавился, выколол ему глаза и вырезав язык ножницами. По мнению судебного медика, он умер, захлебнувшись собственной кровью через полчаса.

Мне стало душно. Грандес обошел вокруг меня и остановился за спиной. Я услышал, что он закуривает папиросу.

— Как вы получили удар по голове? Рана выглядит свежей.

— Я поскользнулся во время дождя и ударился затылком.

— Не считайте меня идиотом, Мартин. Вам это невыгодно. Или вы предпочитаете, чтобы я ненадолго оставил вас в обществе Маркоса и Кастело, чтобы они научили вас хорошим манерам?

— Хорошо. Меня ударили.

— Кто?

— Не знаю.

— Разговор начинает мне надоедать, Мартин.

— Представьте, как он мне надоел.

Грандес вновь уселся напротив меня и улыбнулся примирительно.

— Неужели вы думаете, что я имею какое-то отношение к смерти этого человека?

— Нет, Мартин. Не думаю. Я думаю, что вы не говорите мне правду, и каким-то образом смерть бедняги связана с вашим визитом. Как, кстати, смерть Барридо и Эскобильяса.

— Что наводит вас на такие мысли?

— Назовем это шестым чувством.

— Я рассказал все, что знаю.

— Я предупреждал, чтобы вы не принимали меня за идиота. Маркос и Кастело за дверью ждут не дождутся случая потолковать с вами наедине. Вы хотите этого?

— Нет.

— Тогда помогите мне вытащить вас из этой передраги и отпустить домой, пока не остыла постель.

— Что вы хотите услышать?

— Правду, например.

Я толкнул стул назад и встал, охваченный злостью и отчаянием. Я промерз до костей, голова была готова взорваться. Я принялся ходить вокруг стола, швыряя в инспектора слова, будто камни.

— Правду? Я скажу вам правду. Правда в том, что я не знаю, в чем правда. И не знаю, что вам рассказывать. Не знаю, зачем встречался и с Роуресом, и с Сальвадором. Не знаю, ни чего ищу, ни что со мной происходит. Вот вам правда.

Грандес проявил себя стойким.

— Перестаньте ходить кругами и сядьте. У меня голова закружилась.

— Что-то не хочется.

— Мартин, вы с тем же успехом могли бы не говорить ни слова, поскольку так ничего и не сказали. Я всего лишь прошу оказать помощь мне, чтобы я мог помочь вам.

— Вы не смогли бы мне помочь, даже если бы очень хотели.

— А кто сможет?

Я вновь рухнул на стул.

— Не знаю, — прошептал я.

Мне показалось, что в глазах инспектора мелькнуло выражение сочувствия, а может, это просто была усталость.

— Итак, Мартин. Вернемся назад. Сделаем, как вам удобнее. Расскажите мне историю. Начните с самого начала.

Я молча смотрел на него.

— Мартин, не воображайте, что из-за симпатии к вам я не буду выполнять свою работу.

— Делайте что считаете нужным. Позовите Ханса и Гретель, если вам

хочется.

В этот миг я заметил легкое беспокойство на лице инспектора. В коридоре раздались шаги, и что-то мне подсказывало, что инспектор не ожидал гостей. Послышались голоса, и Грандес, встревожившись, подошел к двери. Он трижды постучал костяшками пальцев, и Маркос, стороживший снаружи, открыл. Человек, одетый в пальто из верблюжьей шерсти и соответствующий костюм, вошел в комнату, огляделся с недовольной миной, затем, неторопливо снимая перчатки, одарил меня лучезарной улыбкой. Я ошеломленно взирал на него, узнав адвоката Валеру.

— Вы в порядке, сеньор Мартин? — спросил он.

Я кивнул. Стряпчий увлек инспектора в дальний угол, и я слышал, как они шептались. Грандес жестикулировал со сдержанным бешенством. Валера холодно смотрел на него и отрицательно качал головой. Их спор продолжался около минуты. Наконец Грандес зафырчал и опустил руки.

— Возьмите шарф, сеньор Мартин, поскольку мы уходим, — распорядился Валера. — Инспектор уже задал все вопросы.

У него за спиной Грандес, закусив губы, прожигал взглядом Маркоса. Тот пожимал плечами. Сохраняя на лице доброжелательную уверенную улыбку, Валера взял меня под руку и вывел из подвала.

— Надеюсь, эти агенты обращались с вами корректно, сеньор Мартин.

— Да, — сообразил промямлить я.

— Минутку, — обратился к нам вдогонку Грандес.

Валера остановился и, знаком велел мне молчать, повернулся.

— С любым вопросом, который возникнет у вас к сеньору Мартину, вы можете обратиться в нашу контору, где вас всегда охотно примут. Однако, учитывая, что у вас нет серьезного повода задерживать сеньора Мартина в этом учреждении, мы в настоящий момент откланиваемся, желаем вам спокойной ночи и благодарим за любезность, о чем я не премину сообщить вашему начальству, в частности, главному инспектору Сальгадо, с которым, как вам известно, нас связывает тесная дружба.

Сержант Маркос рванулся к нам, но инспектор его придержал. Наши взгляды напоследок скрестились, прежде чем Валера вновь подхватил меня под руку и подтолкнул к выходу.

— Не задерживайтесь, — пробормотал он.

Мы прошли длинным коридором, вдоль которого по обеим стенам горели тусклые лампочки, поднялись по лестнице выводящей в другой длинный коридор. Он заканчивался узкой дверью, позволявшей попасть в вестибюль на первом этаже и к выходу, где нас ожидал «мерседес-бенц» с

заведенным мотором. Шофер, завидев Валеру, открыл перед нами дверь. Я расположился в салоне. В машине работала печка и кожаные сиденья были теплыми на ощупь. Валера сел рядом со мной и постучал в стеклянную перегородку, отделявшую пассажирский салон от кабины водителя, подавая сигнал трогаться с места. Как только автомобиль набрал скорость и вырулил на центральную полосу Виа-Лайетана, Валера улыбнулся мне как ни в чем ни бывало и указал на туман, встававший у нас на пути, как заросли сорняка.

— Скверная ночь, да? — небрежно бросил он.

— Куда мы едем?

— К вашему дому, конечно. Если только вы не предпочитаете переночевать в гостинице или...

— Нет, все правильно.

Машина небыстро катилась по Виа-Лайетана. Валера равнодушно скользил взглядом по пустынным улицам.

— Что вы тут делаете? — спросил я в конце концов.

— А как вы думаете? Представляю вас и защищаю ваши интересы.

— Попросите водителя остановиться, — сказал я.

Шофер поймал взгляд Валеры в зеркале заднего обзора.

Валера покачал головой и сделал знак двигаться дальше.

— Не говорите глупостей, сеньор Мартин. Уже поздно, погода холодная, и я подвезу вас домой.

— Я лучше пойду пешком.

— Будьте разумны.

— Кто вас прислал?

Валера вздохнул и потер глаза.

— У вас хорошие друзья, Мартин. В жизни очень важно иметь надежных друзей, а особенно — их не терять, — промолвил он. — Так же важно, как вовремя понять, что не стоит упорствовать, выбрав неправильный путь.

— Не ведет ли неправильный путь к «Каса Марласка» под номером тринадцать по шоссе Вальвидрера?

Валера терпеливо улыбнулся, словно ласково корил капризного ребенка.

— Сеньор Мартин, вы напрасно не верите мне, когда я говорю, что чем дальше вы будете держаться от названного дома и этого дела в целом, тем лучше для вас. Послушайте меня, хотя я не настаиваю, а всего лишь советую.

Шофер свернул с бульвара Колумба и теперь искал выезд на бульвар

Борн по улице Комерсио. Фургоны с мясом и рыбой, льдом и специями начали выстраиваться рядами вдоль ограды рынка. У нас на пути четверо парней разгружали разделанную телячью тушу, источавшую резкий запах крови и дыма.

— Вы живете в весьма живописном районе, исполненном очарования, сеньор Мартин.

Водитель остановился в начале улицы Флассадерс и вышел из кабины, чтобы открыть перед нами дверцу. Адвокат покинул машину вместе со мной.

— Я провожу вас до порога, — сказал он.

— Можно подумать, что мы жених и невеста.

Мы углубились в сумрачное ущелье переулка, который вел к моему дому. У портала адвокат протянул мне руку, соблюдая ритуал профессиональной вежливости.

— Спасибо, что вытащили меня из этого гнусного места.

— Не меня благодарите, — отвечал Валера, вынимая конверт из внутреннего кармана пальто.

Даже в тени, отбрасываемой фонарем, вделанным в стену у нас над головой, я узнал печать с изображением ангела на сургуче. Валера протянул мне конверт и, кивнув на прощание, удалился, возвращаясь к ожидавшей его машине. Я открыл входную дверь и поднялся по лестнице на площадку жилого этажа. Очутившись дома, я, не задерживаясь, прошел в кабинет и положил конверт на письменный стол. Распечатав его, я вынул сложенный лист бумаги, исписанный почерком патрона.

Уважаемый Мартин,

надеюсь и верю, что мое письмо застанет Вас в добром здравии и хорошем душевном расположении. Ввиду того, что я нахожусь проездом в городе, мне доставило бы удовольствие провести время в Вашем обществе и встретиться с Вами в ближайшую пятницу в семь часов вечера в бильярдном зале ресторана «Скаковой круг», чтобы обсудить наш проект.

Искренне Ваш,

Андреас Корелли

Вновь сложив листок, я аккуратно убрал его в конверт. Чиркнув спичкой, я взял конверт за уголок и поднес его к языку пламени. Я наблюдал, как он горит, пока сургуч не пролился на стол пурпурными

слезами, а мои пальцы не покрылись пеплом.

— Отправляйся к дьяволу, — пробормотал я. А сквозь окна сочилась сгустившаяся в предутренние часы тьма.

Я ждал рассвета, который не спешил наступать, сидя в кресле в кабинете, пока не разъярился и не вышел на улицу с твердым намерением пренебречь советом адвоката Валеры. Повеяло колючим холодом, предвестником зимнего утра. Когда я переходил бульвар Борн, мне почудились шаги за спиной. Я мгновенно обернулся, но не увидел никого, кроме рабочих с рынка, разгружавших фургоны, и продолжил путь. На пласа Паласио я издали заметил огни первого трамвая, застывшего в клубах пара, поднимавшегося от дверных скатов. Голубоватые змейки искрились вокруг контактов электролинии. Я забрался в вагон и сел впереди. Тот же контролер, что и намедни, взял у меня плату за билет. Мало-помалу набралось около дюжины пассажиров, пришедших по одному. Вскоре трамвай дернулся, и мы покатали по рельсам. А в это время в небе разворачивалась сеть красноватых нитей, вплетенных в темные тучи. Не нужно было быть поэтом или ученым, чтобы предсказать, что грядущий день не сулит ничего хорошего.

К тому моменту, когда трамвай достиг Саррии, наступило пасмурное утро, и в его тусклом свете все краски блекли, обретая сероватый оттенок. Я шел к горе пустынными переулками. Иногда мне мерещилось, будто за спиной снова раздаются шаги, но всякий раз, оборачиваясь, я не видел ни души. Наконец я добрался до проулка, который вел к дому Марласки, и начал прокладывать дорогу среди толстого слоя палой листвы, шуршавшей у меня под ногами. Я медленно пересек патио и поднялся по ступеням к парадной двери, не спуская глаз с окон фасада. Я трижды постучал дверным молотком и отступил на шаг. Прождав минуту и не получив отклика, я постучал снова. Было хорошо слышно, как эхо ударов затихает в недрах дома.

— Доброе утро! — крикнул я.

Роща, окружавшая особняк, словно поглотила все отзвуки моего голоса. Я обогнул дом, направляясь к павильону с бассейном, и приблизился к застекленной галерее. Окна темнели закрытыми ставнями, мешавшими заглянуть внутрь. Но одно окно, находившееся рядом со

стеклянной дверью в галерею, было слегка приотворено. Сквозь стекло виднелась щеколда, запиравшая дверь. Я просунул руку в незакрытое окно и отодвинул защелку. Дверь подалась с металлическим лязгом. Я еще раз оглянулся назад и, убедившись, что за мной никто не следит, проник в дом.

Глаза постепенно привыкали к сумраку, и я начал различать очертания гостиной. Я подошел к окнам и приоткрыл ставни, чтобы обеспечить себе хоть какое-то освещение. Клинки света веером прорезали темноту и сообщили четкость рисунку интерьера.

— Есть кто-нибудь? — позвал я.

Я прислушался: мой голос тонул в глубине дома, точно монета, падающая в бездонный колодец. Я направился в дальнюю часть комнаты, где резная деревянная арка соединяла гостиную с темным коридором, окаймленным рядами картин, которые почти сливались с бархатной обивкой стен. В противоположном конце открывался круглый зал с мозаичными полами и цветным витражом с изображением белого ангела с простертой дланью и полыхающими перстами. Широкая каменная лестница спиралью возносилась вверх вдоль стен зала. Я задержался у подножия лестницы и снова крикнул:

— Здравствуйте! Сеньора Марласка?

Дом был объят тишиной, и слабое эхо подхватило мои слова. Я поднялся по лестнице на второй этаж и остановился на площадке, откуда просматривался круглый зал и панно с витражом. Сверху мне была отчетливо видна цепочка моих следов, хорошо заметных на тонком слое пыли, покрывавшем пол. Насколько я мог судить, помимо моих собственных следов, единственным свидетельством, что в доме теплится какая-то жизнь, была странная дорожка, прочерченная в пыли двумя непрерывными линиями, тянувшимися параллельно на расстоянии двух или трех пядей, и отпечатками ботинок между ними. Довольно крупными отпечатками. Я растерянно созерцал эти линии, пока не понял, что они означают. Следы колес инвалидного кресла и отпечатки ног человека, его толкавшего.

Мне показалось, что за спиной раздался какой-то шорох, и я повернулся. Приоткрытая дверь в конце коридора слегка покачивалась. Я медленно направился к той двери. По пути я мельком заглядывал в помещения по обе стороны коридора. Это были спальни, где стояла мебель, накрытая чехлами и холстом. Закрытые окна и плотный сумрак наводили на мысль, что комнаты не использовались уже очень давно, за исключением одной, более просторной — супружеской спальни. В эту комнату я зашел и

убедился, что атмосфера пропитана своеобразным запахом духов и болезни, свойственным пожилым людям. По-видимому, комната принадлежала вдове, но в тот момент женщина явно отсутствовала.

Напротив идеально заправленной кровати находился комод, на котором стояла целая галерея фотографий в рамках. На всех снимках без исключения был запечатлен светловолосый улыбающийся мальчик. Исмаэль Марласка. На некоторых фотографиях он позировал вместе с матерью или другими детьми. И никаких следов Диего Марласки.

Скрип двери в коридоре снова заставил меня вздрогнуть, и я покинул спальню, вернув фотографии на прежнее место. Дверь комнаты в конце коридора по-прежнему тихонько колыхалась. Я подошел к ней и замешкался на миг, прежде чем войти. Потом, набрав побольше воздуха в легкие, я открыл ее.

Комната сияла белизной. Стены и потолок выкрасили в чисто белый цвет. Шелковые шторы были белыми. Маленькая кровать застлана белым покрывалом. На полу лежал белый ковер. Этажерки и шкафы — тоже белые. После полумрака, царившего в доме, пиршество белого цвета ослепило меня на пару мгновений. Комната как будто выпала в явь из какого-то сновидения, став воплощением фантазии из волшебной сказки. На полках стояли игрушки и детские книги. Фарфоровый арлекин в натуральную величину сидел за туалетным столиком, глядя в зеркало. Вентилятор с белыми лопастями висел под потолком. На первый взгляд — обычная комната избалованного ребенка, Исмаэля Марласки. Однако ее отличала давящая атмосфера погребальной камеры.

Я присел на кровать и задумался. И лишь тогда почувствовал неладное. Что-то было не так. И прежде всего тревожил запах. Тянуло сладковатым смрадом. Я встал и настороженно огляделся. На сундуке стояло фарфоровое блюдо с оплившей свечой черного цвета. Воск застыл потеками темных слез. Я повернулся. Вонь как будто исходила от изголовья кровати. Я открыл ящик ночного столика и нашел распятие, разбитое на три части. Неприятный запах усугубился. Я обошел несколько раз помещение, но не сумел определить источник зловония. И вдруг я его заметил. Под кроватью лежал какой-то предмет. Я опустился на колени и заглянул под матрац. И увидел жестяную коробку, в каких дети обычно хранят свои немудреные сокровища. Вытащив коробку, я поставил на постель. Сильнее повеяло едким, удушливым смрадом. Преодолевая тошноту, я открыл жестянку. На дне коробки покоилась белая голубка с сердцем, пронзенным иглой. Я отшатнулся, зажимая рот и нос, и

опрометью выскочил в коридор. Глаза скалившегося арлекина наблюдали за мной из зеркала. Я бросился назад, к лестнице, и устремился вниз, мечтая попасть в коридор, выводивший в библиотеку и к двери в сад, которую мне удалось открыть. В какой-то момент мне показалось, что я заблудился и дом, наделенный волей подобно живому существу, поменял местами коридоры и комнаты, не желая выпустить меня на волю. Наконец, завидев застекленную галерею, я со всех ног помчался к двери. И только тогда, воюя с задвижкой, я услышал зловещий смех за спиной и понял, что не один в доме. Я быстро обернулся и различил темную фигуру, следившую за мной из глубины коридора. Человек сжимал в руке поблескивающий продолговатый предмет. Нож.

Щеколда подалась под моими пальцами, и я толчком открыл дверь. Сила инерции увлекла меня вперед, и, не удержавшись на ногах, я растянулся ничком на мраморных плитах, уложенных вокруг бассейна. Поверхность воды оказалась всего в пяди от моего лица, и я почувствовал запах застоявшейся воды. Мгновение я разглядывал сгусток сумрака, плескавшийся на дне бассейна. В облаках открылся просвет, и луч солнца, проникнув сквозь толщу воды, заскользил по выщербленному мозаичному полу. Видение длилось всего лишь миг. Внизу, завалившись вперед, обломком крушения лежало инвалидное кресло. Продолжая свой путь, солнечный луч подобрался к самому глубокому месту бассейна. И там я увидел ее. Мне почудилось тело, облаченное в белые лохмотья, распростертое у стены. В первый миг я подумал, что это кукла. Алые губы попортила вода, а глаза сверкали точно сапфиры. Рыжие волосы медленно колыхались в протухшей воде, кожа имела синюшный оттенок. Это была вдова Марласки. В следующую секунду просвет в тучах заволокло, и вода в бассейне вновь превратилась в темное зеркало, на поверхности которого смутно отражалось лишь мое лицо и возникший за спиной на пороге галереи расплывчатый силуэт с ножом в руке. Я стремительно вскочил и припустил в сад, продираясь сквозь заросли кустарника, царапавшего лицо и руки. Наконец показалась железная калитка и выход в переулок. Я продолжал бежать, пока не достиг шоссе Вальвидрера. Только очутившись там, едва переводя дух, я обернулся и с облегчением убедился, что особняк «Каса Марласка» скрылся из поля зрения в глубине узкой улочки, вновь став невидимым для мира.

Я возвратился домой на том же трамвае. В городе стремительно темнело, ледяной ветер гнал сухие листья по улицам. Я вышел на пласа Паласио и ненароком услышал, как два моряка, возвращавшихся с причала, говорили о буре, надвигавшейся с моря, которая обрушится на город до наступления ночи. Подняв голову, я увидел, что небо заволакивает пеленой багровых туч, растекавшейся над морем, словно пролитая кровь. В квартале, прилегавшем к бульвару Борн, жители энергично захлопывали двери и окна, торговцы закрывали магазины раньше времени, а дети высыпали на улицы бороться с ветром, раскинув руки крестом и хохоча, слышав отдельные раскаты грома. Мигали фонари, и вспышки молний серебрили фасады. Я поспешил к portalу дома с башней и стремглав взбежал по лестнице. Рокот бури приближался и проникал сквозь стены.

В доме стоял такой холод, что дыхание обрело зримые очертания, когда я переступил порог прихожей. Я сразу направился в помещение, где находилась древняя угольная печка, которой я пользовался всего четыре или пять раз с тех пор, как поселился тут. Я растопил печь пачкой старых высохших газет, а также разжег камин в галерее и уселся на пол у огня. Руки у меня тряслись, не знаю только, от холода или от страха. Я терпеливо ждал, пока согреюсь, наблюдая за причудливыми зигзагами молний, загоравшихся в небе.

Дождь собрался только к вечеру, но когда наконец разверзлись хляби небесные, на землю обрушилась слепая завеса водопада, затопившего крыши и переулки бурным потоком, с яростью колотившимся в стены и стекла. Постепенно общими усилиями угольной печки и камина дом стал отогреваться, но меня по-прежнему пробирала дрожь. Я встал и направился в спальню за одеялами, чтобы в них завернуться. Распахнув шкаф, я принялся копать в больших нижних ящиках. Шкатулка лежала там, спрятанная в глубине. Я вынул ее и поставил на кровать.

Я открыл шкатулку и уставился на старый револьвер отца — все, что у меня от него осталось. Взяв револьвер, я нежно погладил указательным пальцем гашетку. Затем открыл барабан и вставил в гнезда шесть патронов, достав их из коробки, находившейся в потайном отделении шкатулки. Ящик я оставил на ночном столике, а револьвер и одеяло унес в галерею. В галерее я растянулся на диване, укрывшись теплым одеялом, положил револьвер на грудь и стал смотреть в окно, созерцая буйство стихии. На каминной полке тикали часы. Мне не требовалось смотреть на циферблат, чтобы узнать, что осталось меньше получаса до встречи с патроном, назначенной в бильярдном зале «Скакового круга».

Я смежил веки, и перед мысленным взором предстала картина: патрон едет по улицам города, пустынным и залитым водой. Он сидит в глубине салона своей машины, его золотистые глаза сияют в темноте, а серебряный ангел на капоте «роллс-ройса» прокладывает путь посреди бури. Я представлял его неподвижным как статуя, без дыхания, улыбки и выражения на лице. Потом я услышал, как потрескивают горящие дрова в камине и мерный стук дождя в окна, и заснул, сжимая в руке револьвер, твердо зная, что на свидание не пойду.

Я открыл глаза вскоре после полуночи. Камин почти погас, и галерею наполняли колышущиеся тени от голубоватых языков пламени, плясавших над последними угольками. Дождь по-прежнему лил как из ведра. Я все еще держал револьвер, согретый у меня в руках. Несколько мгновений я лежал неподвижно, даже не моргая. Я почувствовал, что кто-то стоит у двери, еще до того, как раздался стук.

Сбросив одеяло, я сел. Опять послышался стук — костяшками пальцев в дверь. Я встал, не выпуская оружие, и прошел в коридор. Снова постучали. Я шагнул к двери и остановился. Воображение нарисовало, как он стоит на лестничной площадке, улыбаясь, и ангел на лацкане пиджака поблескивает в темноте. Я взвел курок. Вновь кто-то стукнул кулаком в дверь. Я попытался зажечь свет, но электричество отсутствовало. Я продвигался вперед, пока не уткнулся в дверную створку. Меня подмывало открыть глазок, но я не осмелился и замер у порога, едва дыша, подняв револьвер и прицелившись в сторону двери.

— Уходите! — крикнул я слабым голосом.

А потом я услышал плач и опустил оружие. Отворив дверь в темноту, я нашел ее там. Она промокла и дрожала. Ее кожа была ледяной. Увидев меня, она бросилась мне на шею и едва не лишилась чувств. Я поддержал ее и, не найдя слов, крепко обнял. Она робко улыбнулась и, когда я поднял руку, чтобы погладить ее по щеке, поцеловала мою ладонь, опустив веки.

— Прости меня, — прошептала Кристина.

Она открыла глаза и посмотрела на меня отчаянным, загнанным взором, который будет преследовать меня и в аду. Я улыбнулся ей.

— Добро пожаловать домой.

Я раздел Кристину при свете свечи. Я снял с нее туфли, полные воды

из луж, промокшую насквозь одежду, порванные чулки и вытер тело и волосы чистым полотенцем. Кристина все еще дрожала от холода, и, уложив ее в кровать, я вытянулся рядом и обнял, желая согреть. Мы лежали вместе довольно долго, молчали и слушали шум дождя. Постепенно ее тело потеплело в моих объятиях, дыхание сделалось глубоким. Я решил, что Кристина уснула, как вдруг послышался ее голос в темноте:

— Твоя приятельница приходила ко мне.

— Исабелла.

— Она призналась, что прятала мои письма к тебе. И делала это не из злого умысла. Она считала, что так лучше для тебя, и скорее всего была права.

Я склонился к ней и попытался заглянуть в глаза, потом ласково коснулся ее губ, и Кристина впервые улыбнулась.

— Я думала, ты забыл меня, — промолвила она.

— Я пытался.

У нее было утомленное лицо. За несколько месяцев, что мы не виделись, на коже появились тонкие линии морщинок, а в глазах застыло выражение тоски и одиночества.

— Мы уже не молоды, — сказала она, словно прочитав мои мысли.

— А когда мы были молоды, ты и я?

Я откинул одеяло в сторону и посмотрел на обнаженное тело, распростертое на белой простыне. Я погладил ее шею и грудь, едва касаясь кожи кончиками пальцев, нарисовал круг на животе и прочертил контуры выступавших на бедрах косточек. Потом позволил пальцам зарыться в полупрозрачный пушок между ног.

Кристина смотрела на меня, чуть прикрыв глаза, не вымолвив ни слова, с печальной растерянной улыбкой.

— Что нам делать? — спросила она.

Я нагнулся к ней и поцеловал в губы. Она обняла меня, и мы лежали, прижавшись друг к другу, пока свеча медленно догорала.

— Что-то должно случиться, — прошептала она.

Я проснулся, когда только рассвело, и обнаружил, что нахожусь один в постели. Я рывком вскочил, испугавшись, что Кристина снова ушла посреди ночи. Но, увидев на стуле ее одежду и туфли, вздохнул с облегчением. Я нашел ее в галерее. Закутавшись в одеяло, Кристина сидела на полу у камина, где голубоватым пламенем тлело полено, распространяя живительное тепло. Я сел рядом с Кристиной и поцеловал ее в шею.

— Я не могла заснуть, — сказала она, не отрываясь глядя на огонь.

— Надо было меня разбудить.

— Я побоялась. У тебя было такое лицо, словно ты уснул в первый раз за много месяцев. И я решила осмотреть твой дом.

— Ну и как?

— Дом заражен унынием, — сказала она. — Почему бы тебе его не сжечь?

— И где мы будем жить?

— Во множественном числе?

— Почему бы и нет?

— Я думала, ты уже не пишешь сказок.

— Это как кататься на велосипеде. Однажды научившись...

Кристина пытливо на меня посмотрела.

— Что находится в той комнате в конце коридора?

— Ничего. Старый хлам.

— Она заперта на ключ.

— Хочешь взглянуть?

Она покачала головой.

— Это всего лишь дом, Кристина. Куча камней и воспоминаний. И все.

Кристина кивнула без особой уверенности.

— Почему бы нам не уехать? — спросила она.

— Куда?

— Далеко.

Я не сдержал смеха, но она не поделила моего веселья.

— Насколько далеко? — уточнил я.

— Как можно дальше, туда, где никто нас не знает и не станет обращать внимания.

— Ты именно этого хочешь? — спросил я.

— А ты нет?

Я поколебался мгновение и все-таки задал вопрос, буквально подавившись словами:

— А как же Педро?

Она уронила одеяло, прикрывавшее плечи, и посмотрела на меня с вызовом.

— Тебе необходимо его разрешение, чтобы спать со мной?

Я прикусил язык. Глаза Кристины наполнились слезами.

— Прости, — прошептала она. — Я не имела права так говорить.

Я поднял с пола одеяло и хотел укутать ее, но Кристина отпрянула, оттолкнув мои руки.

— Педро оставил меня, — призналась она срывающимся голосом. —

Вчера он переехал в «Ритц», чтобы дожидаться, когда я уйду. Он сказал, что знает, что я его не люблю. И что я вышла за него замуж из благодарности или жалости. Но он заявил, что не нуждается в моем сочувствии и каждый день, который я провожу с ним, притворяясь, будто люблю, я причиняю ему боль. Но несмотря ни на что, он будет любить меня всегда, а потому не хочет больше видеть.

Руки у нее дрожали.

— Он любит меня всем сердцем, а я только и сумела, что сделать его несчастным, — пробормотала она.

Кристина зажмурилась, лицо ее исказилось, превратившись в маску боли. Мгновение спустя она испустила протяжный стон и начала бить себя кулаками по лицу и телу. Я бросился к ней и обхватил так, что она не могла пошевелиться. Кристина вырывалась и кричала. Я прижал ее к полу, удерживая за руки. Постепенно она сдавалась, обессилив. Лицо ее было покрыто слезами и слюной, глаза покраснели. Мы оставались в таком положении около получаса, пока я не почувствовал, что тело Кристины обмякло, и она надолго умолкла. Я укрыл ее одеялом и обнял, прижав спиной к себе, пряча собственные слезы.

— Мы уедем далеко, — прошептал я ей на ухо, не зная, может ли она сейчас меня услышать и понять. — Мы уедем далеко, туда, где никто нас не знает и не станет обращать внимания. Обещаю.

Кристина наклонила голову и посмотрела на меня. Она выглядела опустошенной, как будто душу ее порвали в клочья. Я крепко сжал ее в объятиях и поцеловал в лоб. Дождь все еще хлестал в окна. Очутившись в плену у сереньких и тусклых сумерек безжизненного рассвета, я вдруг подумал, что мы тонем.

В то утро я бросил работу для патрона. Пока Кристина спала, я поднялся в кабинет и положил папку со всеми черновиками, заметками и материалами к проекту в старый кофр, стоявший у стены. Первым порывом было сжечь бумаги, но у меня не хватило силы воли. Меня никогда не покидало ощущение, что написанные вещи, которыми отмечен мой жизненный путь, составляли часть моего существа. Обычные люди производят на свет детей. Мы, писатели, создаем книги. Мы обречены вкладывать в них душу, хотя книги редко платят благодарностью. Мы обречены умирать на их страницах, и порой случается так, что мы

позволяем им в конце концов отобрать у нас жизнь. Из всех странных созданий из бумаги и чернил, которыми я населил наш убогий мир, детище, сотворенное на заказ по обету патрону, получилось самым гротескным. Этот плод целиком и полностью, до последней страницы, заслуживал огня, и ничего иного, но вопреки всему он оставался плотью от плоти моей, и я не нашел в себе мужества уничтожить его. Я оставил рукопись на дне кофра и вышел из кабинета, весьма огорченный, даже пристыженный собственной трусостью, а также отеческими чувствами, которые мне внушала эта дьявольская работа. Возможно, патрон оценил бы иронию ситуации, но лично меня от этой двойственности просто тошнило.

Кристина проспала добрую половину дня. Я воспользовался моментом и выскочил в молочную лавку, расположенную рядом с рынком, чтобы купить молока, хлеба и сыра. Дождь наконец закончился, но на мостовых стояли лужи, и сырость в воздухе была осязаемой на ощупь, как холодная пыль. Она впитывалась в одежду и пробирала до костей. Дожидаясь своей очереди у молочного прилавка, я спиной почувствовал, будто кто-то наблюдает за мной. Когда я снова вышел на улицу и переходил бульвар Борн, то оглянулся через плечо и заметил, что за мной по пятам следует мальчик не старше пяти лет. Я замедлил шаг и посмотрел на него в упор. Мальчик застыл на месте и стойко выдержал мой взгляд.

— Не бойся, — обратился я к нему. — Иди сюда.

Мальчик сделал несколько шагов вперед и замер в паре метров от меня. Ребенок был бледен до синевы, словно никогда не видел солнечного света. Он был в черном, и на ногах сверкали новые лакированные ботинки. Глаза у него тоже были темные, из-за расширенных зрачков белки едва угадывались.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Мальчик улыбнулся и поманил меня пальцем. Я собирался к нему подойти, но он бросился бежать и вскоре затерялся на бульваре Борн.

Возвратившись домой, я нашел в двери портала конверт. Сургучная печать с оттиском ангела еще не высохла. Я огляделся по сторонам, но никого на улице не увидел. Я вошел и запер за собой дверь на два оборота. Остановившись у подножия лестницы, я распечатал конверт.

Любезный друг,

глубоко сожалею, что Вы не смогли встретиться со мной ночью. Надеюсь, Вы в добром здравии и с Вами не произошло ничего непредвиденного или бедственного. Я огорчен, что

лишился удовольствия насладиться Вашим обществом, но надеюсь и верю, что, какова бы ни была причина, помешавшая Вам составить мне компанию, проблема найдет быстрое и благополучное разрешение и в следующий раз обстоятельства сложатся более благоприятно, позволив нам увидеться. Дела вынуждают меня покинуть город на несколько дней, но как только я вернусь, немедленно дам Вам знать. С нетерпением ожидая известий о Вас и о достигнутых успехах в нашем совместном проекте, как всегда, с уважением, искренне Ваш,

Андреас Корелли.

Я скомкал письмо и затолкал его в карман. В квартиру я вошел на цыпочках и тихо прикрыл дверь. Заглянув в спальню, я убедился, что Кристина по-прежнему спит. Я отправился на кухню сварить кофе и приготовить легкий завтрак. Вскоре за спиной послышались шаги Кристины. Она смотрела на меня с порога, одетая в мой старый свитер, прикрывавший ее до середины бедер. Волосы у нее были спутаны, глаза подпухли. На губах и скулах выделялись темные кровоподтеки от ударов, как после жестокой драки. Она избегала смотреть мне в глаза.

— Прости, — пробормотала она.

— Ты голодна? — спросил я.

Кристина покачала головой, но я проигнорировал ее жест и велел садиться за стол. Я подал ей чашку кофе с молоком и сахаром, ломоть свежее испеченного хлеба с сыром и добавил ветчины. Она не пошевелилась, чтобы взять тарелку.

— Всего один кусочек, — принялся уговаривать я.

Кристина повертела бутерброд с ветчиной и слабо улыбнулась.

— Вкусно, — похвалила она.

— Когда ты его попробуешь, он покажется тебе еще вкуснее.

Мы молча ели. Кристина, к моему удивлению, опустошила половину тарелки. Потом она спряталась за чашкой с кофе и поглядывала на меня украдкой.

— Если хочешь, я сегодня уйду, — сказала она. — Не беспокойся. Педро дал мне денег и...

— Я не хочу, чтобы ты куда-нибудь уходила. Я не хочу, чтобы ты вообще уходила. Ты слышишь?

— Со мной не очень весело, Давид.

— Мы оба хороши.

— Ты правду сказал? Что мы уедем?

Я кивнул.

— Мой отец любил говорить, что второго шанса жизнь обычно не дает.

— Дает только тем, кому никогда не давала первого. В сущности, это подержанные шансы, которыми не воспользовался кто-то другой, но это лучше, чем ничего.

Кристина грустно улыбнулась и вдруг попросила:

— Пойдем погуляем.

— Куда ты хочешь пойти?

— Я хочу попрощаться с Барселоной.

40

В середине дня солнце пробилось сквозь пелену облаков, оставленных бурей на память. Улицы, сверкающие дождевой водой, превратились в зеркала, отражавшие янтарное сияние неба, и по этим золотистым зеркалам скользили прохожие. Я помню, что мы прогулялись до конца бульвара Рамбла, до того места, где из тумана выступала статуя Колумба. Мы шли молча, глядя на фасады домов и толпу так, словно они были миражом, а город давно стоял необитаемый и забытый. Барселона никогда не представляла передо мной такой красивой и печальной, как в тот вечер. На закате мы с Кристиной приблизились к букинистической лавке «Семпере и сыновья» и притаились под сенью портала на противоположной стороне улицы, где никто не мог нас заметить. Из витрины старой лавки на влажную, поблескивающую брусчатку мостовой падал сноп света. Без труда можно было увидеть, что происходит в помещении. Исабелла, вскарабкавшись на лестницу, расставляла книги на верхней полке стеллажа. Семпере-сын, искоса разглядывал ее щиколотки, притворившись, что проверяет записи в учетной книге за стойкой. Устроившись в уголке, сеньор Семпере, состарившийся и усталый, наблюдал за ними с грустной улыбкой.

— Это место, где прошли самые лучшие минуты моей жизни, — сказал я не раздумывая. — Я не хочу с ним прощаться.

Мы вернулись в дом с башней затемно. Когда мы вошли, на нас пахнуло теплом камина, который я растопил перед уходом. Кристина, не проронив ни слова, направилась в глубь коридора, раздеваясь на ходу и

отмечая свой путь кучками брошенной одежды. Я нашел ее в постели, распростертой в ожидании. Я лег рядом и позволил ей направлять мои руки. Лаская Кристину, я чувствовал, как мышцы ее тела твердеют под кожей. В ее глазах не отражалась нежность, в них горели пылкое желание и жажда. Я растворился в податливой плоти, неистово ее пронзая, и чувствовал, как ногти Кристины с силой впиваются мне в кожу. Я слышал, как она стонет, задыхаясь, от муки и блаженства. Наконец мы вытянулись рядом, обессиленные и в поту. Кристина склонила голову мне на плечо и заглянула в глаза.

— Твоя приятельница сказала, что у тебя неприятности.

— Исабелла?

— Она очень волнуется за тебя.

— Исабелла имеет склонность воображать себя моей матерью.

— Думаю, так далеко дело не заходит.

Я избегал ее взгляда.

— Она рассказала, что ты работаешь над новой книгой по заказу иностранного издателя. Она называет его патроном. По ее словам, он щедро платит тебе, но тебе противно брать у него деньги. Она говорит, ты боишься этого человека, патрона, и в этом деле что-то нечисто.

Я фыркнул с негодованием.

— А что еще Исабелла тебе поведала?

— Пусть это останется между нами, — ответила Кристина, подмигивая. — Может, она меня обманула?

— Не обманула, занималась спекуляциями.

— А о чем книга?

— Детская сказка.

— Исабелла предупреждала, что ты так и скажешь.

— Если Исабелла просветила тебя по всем пунктам, зачем ты спрашиваешь?

Кристина строго посмотрела на меня.

— Ради тебя и ради спокойствия Исабеллы я бросил книгу. *C'est fini*, [52] — признался я.

— Когда?

— Утром, пока ты спала.

Кристина нахмурилась и недоверчиво покачала головой.

— А тот человек, патрон, знает?

— Я с ним не беседовал. Но, думаю, он догадывается. А если нет, то сообразит очень скоро.

— Значит, ты должен вернуть ему деньги?

— Полагаю, деньги его волнуют меньше всего.
Кристина погрузилась в долгое молчание.
— Можно прочитать? — спросила она наконец.
— Нет.
— Почему?
— Это черновик без начала и конца. Там только наброски, обрывочные мысли, бессвязные фрагменты. Читать совершенно нечего. Ты уснешь от скуки.
— И все же мне хотелось бы прочесть.
— Зачем?
— Затем, что это ты написал. Педро любит говорить, что писателя по-настоящему можно узнать только по оставленному им следу чернил. И человек, который кажется нам знакомым, всего лишь пустая оболочка, а правду всегда нужно искать в вымысле.
— Должно быть, он прочел это на какой-нибудь открытке.
— На самом деле он заимствовал эту мысль из твоей книги. Я знаю потому, что тоже ее читала.
— Плагиат не отменяет глупости сказанного.
— А по-моему, в этом есть смысл.
— Тогда, может, так и есть.
— Значит, можно прочитать книгу?
— Нет.

Мы поужинали остатками утреннего хлеба и сыра, сидя напротив друг друга за столом в кухне и время от времени переглядываясь. Кристина жевала без аппетита, внимательно изучая под свечой каждый кусочек хлеба, который собиралась отправить в рот.

— Есть поезд, который отправляется завтра в середине дня с Французского вокзала в Париж, — сказала она. — Это не слишком поспешный отъезд?

Я не мог избавиться от видения, представляя, как Андреас Корелли поднимается по лестнице и стучит в мою дверь. С трепетом я ожидал, что это может произойти в любой момент.

— Наверное, не слишком, — согласился я.

— Я знаю маленькую гостиницу напротив Люксембургского сада, где сдаются комнаты на месяц. Немного дороговато, но... — добавила она.

Я предпочел не спрашивать, откуда она знает о гостинице.

— Цена не имеет значения, но я не говорю по-французски, — заметил я.

— А я говорю.

Я опустил глаза.

— Посмотри на меня, Давид.

Я неохотно поднял голову.

— Если ты хочешь, чтобы я ушла...

Я торопливо замотал головой. Кристина схватила мою руку и поднесла ее к губам.

— Все будет хорошо. Вот увидишь, — прошептала она. — Я знаю. Пусть это будет первое, что получится в моей жизни как надо.

Я с болью смотрел на нее: сломленная женщина со слезами на глазах, окутанная сумерками. И больше всего на свете мне хотелось вернуть ей то, чего она никогда не имела.

Мы вместе легли на диван в галерее, укрывшись одеялами, и смотрели на горящие в камине угли. Я заснул, перебирая волосы Кристины и с мыслью о том, что провожу последнюю ночь в этом доме. Дом стал казаться мне тюрьмой, где я похоронил свою юность. Мне приснилось, будто я бегу по улицам Барселоны, наводненным часами, и стрелки у них крутятся в обратную сторону. Переулки и бульвары изменяли направление у меня на пути, словно наделенные собственной волей и разумом. Узкие тоннели между домами образовывали живой лабиринт, насмехавшийся над моими попытками продвинуться вперед. Наконец под полуденным солнцем, пылавшим в небе, как раскаленный железный шар, мне удалось добраться до Французского вокзала. Я помчался к перрону, от которого уже отходил поезд. Я бежал за ним со всех ног, но состав набирал скорость, и я успел только коснуться металлического бока кончиками пальцев. Я летел, задыхаясь, и в конце перрона провалился в пустоту. Когда я поднял голову, было уже поздно. Поезд удалялся, и Кристина смотрела на меня из окна последнего вагона.

Открыв глаза, я увидел, что Кристины нет рядом. Огонь в камине погас, обратившись в едва тлевшую горстку пепла. Я встал и подошел к окну. Светало. Я прижался лицом к стеклу и вдруг заметил мерцающий огонек в кабинете. Я бросился к винтовой лестнице, ведущей в башню. Медное зарево заливало ступени. Я медленно поднялся и остановился на пороге кабинета. Кристина сидела на полу, спиной к двери. Кофр, стоявший у стены, был открыт. Кристина держала папку с рукописью для патрона и развязывала тесемки.

Услышав мои шаги, она замерла.

— Что ты здесь делаешь? — спросили, пытаясь скрыть тревогу в

голосе.

Кристина с улыбкой обернулась.

— Копаюсь в твоих вещах.

Проследив за направлением моего взгляда, устремленного на папку в ее руках, она хитро прищурилась.

— Что в этой папке?

— Ничего. Записи, наброски. Ничего интересного...

— Обманщик. Держу пари, что там книга, которую ты пишешь, — сказала она, снова взявшись за тесемки. — Я умираю от желания ее прочитать...

— Я бы не хотел, чтобы ты это делала, — сказал я самым небрежным тоном, какой мне удалось изобразить.

Кристина нахмурилась. Я воспользовался моментом, встал перед ней на колени и мягко отобрал у нее папку.

— Что происходит, Давид?

— Ничего, ничего особенного, — заверил я ее с глупейшей улыбкой, прилипшей к губам.

Я вновь завязал тесемки и положил папку обратно в кофр.

— На ключ запереть не будешь? — поинтересовалась Кристина.

Я повернулся, чтобы извиниться, но Кристина уже спускалась по лестнице. Я со вздохом закрыл крышку кофра.

Я нашел Кристину внизу, в спальне. Мгновение она смотрела на меня, словно увидела впервые. Я остановился в дверях.

— Прости меня, — начал я.

— Тебе нет нужды просить у меня прощения, — отозвалась Кристина. — Мне не следовало совать нос куда не просят.

— Дело не в этом.

Она одарила меня ледяной улыбкой, сопроводив ее небрежным жестом. Ее улыбка буквально заморозила воздух.

— Не важно, — обронила она.

Я сдался, решив отложить следующий штурм до более подходящего времени.

— Кассы на Французском вокзале скоро откроются, — сказал я. — Я подумал, что мне лучше пойти туда к открытию и купить билеты на дневной поезд. Потом я загляну в банк и сниму деньги.

Кристина ограничилась легким кивком:

— Хорошо.

— А ты могла бы тем временем собрать какие-нибудь вещи в дорогу. Я вернусь часа через два максимум.

Кристина едва заметно улыбнулась:

— Я буду ждать.

Я подошел к ней и обхватил ее лицо ладонями.

— Завтра вечером мы будем в Париже, — пообещал я, поцеловал Кристину в лоб и вышел.

Пол в зале ожидания Французского вокзала стелился у моих ног зеркалом, в котором отражались большие часы, висевшие под потолком. Стрелки показывали семь часов тридцать пять минут утра, но билетные кассы были все еще закрыты. Уборщик, вооруженный шваброй и чувством прекрасного, наводил глянец на полу. Он насвистывал куплет и, насколько позволяла ему хромота, не без изящества двигал в такт бедрами. От нечего делать я принялся наблюдать за ним. Это был крошечный человечек, которого судьба, казалось, мяла и корежила, пока не отняла все, кроме улыбки и удовольствия надраивать перрон с таким рвением, как будто речь шла о Сикстинской капелле. В зале, кроме меня, никого не было, и уборщик в какой-то момент осознал, что на него смотрят. На пятом марше с тряпкой поперек зала, он очутился напротив моего наблюдательного поста — я устроился на лавке, одной из многих, стоявших вдоль стен зала ожидания. Уборщик остановился и, опершись на рукоять швабры обеими руками, набрался смелости посмотреть мне в лицо.

— Никогда не открывают вовремя, — завязал он разговор, махнув в сторону билетных касс.

— А зачем тогда повесили табличку, где сказано, что кассы открываются в семь?

Человечек пожал плечами и вздохнул с философским видом.

— Более того, для поездов составляют расписание, но за пятнадцать лет, что я здесь работаю, я ни разу не видел, чтобы поезд тронулся или прибыл в указанное время, — высказался он.

Уборщик отправился дальше драить полы, а через пятнадцать минут я услышал возню у окошка кассы. Я подошел и улыбнулся служащему.

— Я думал, вы работаете с семи, — заметил я.

— Так написано в объявлении. Что вы хотели?

— Два билета первого класса на дневной поезд до Парижа.

— На сегодня?

— Если вас не затруднит.

На оформление билетов кассир потратил почти пятнадцать минут. Завершив свой капитальный труд, он неохотно выложил билеты на стойку.

— Отправление в час. Четвертая платформа. Не опаздывайте.

Заплатив, я продолжал стоять у кассы и был награжден враждебным испытующим взглядом.

— Что-то еще?

Я улыбнулся и покачал головой, и служащий, воспользовавшись моментом, захлопнул окошечко кассы у меня перед носом. Я повернулся и пересек зал, сверкавший чистотой милостью уборщика, который издала помахал мне рукой и пожелал *bon voyage*.^[53]

Здание на улице Фонтанелла, где находилось центральное отделение Испано-колониального банка, больше всего напоминало храм. Величественная колоннада предвляла неф, вдоль которого рядами выстроились скульптуры. Неф простирался вдаль, завершаясь вереницей высоких окон, в ансамбле создававших подобие алтаря. У стен с обеих сторон стояли дубовые столы и мягкие кресла. И все это хозяйство находилось на попечении небольшой армии финансовых инспекторов и служащих, безупречно одетых и вооруженных арсеналом сердечных улыбок. Я снял со счета четыре тысячи франков наличными и получил подробные инструкции, как пользоваться депозитом в филиале, открытом банком на пересечении *rue* де Ренн и *boulevard* Распай в Париже, неподалеку от гостиницы, где хотела поселиться Кристина. Положив в карман кругленькую сумму, я откланялся, не слушая увещаний клерка о том, как опасно ходить по улицам, имея при себе целое состояние.

Солнце поднималось по голубому небосводу, переливавшемуся радужными оттенками, и свежий ветер был пропитан запахом моря. Я шел легко, будто избавившись от непосильного бремени: в глубине души затеплилась надежда, что город решил отпустить меня с миром. На бульваре Борн я задержался, чтобы купить цветов Кристине — букет белых роз, перевязанный красной ленточкой. Я взлетел по лестнице, перескакивая через ступеньки, с широкой улыбкой на лице, окрыленный уверенностью, что этот день положит начало новой жизни. Прекрасной жизни, которую я рисовал в своем воображении, осознавая, что она никогда не станет явью. Я собирался открыть дверь, но как только вставил ключ в замочную скважину, дверь подалась. Она была не заперта.

Я толкнул дверь и вошел. В доме царила тишина.

— Кристина?

Положив цветы на консоль в прихожей, я заглянул в спальню. Кристины там не оказалось. По коридору я добежал до галереи. Никаких следов ее присутствия. Я остановился у подножия лестницы в кабинет и крикнул снизу:

— Кристина!

Мой голос вернулся эхом. Пожав плечами, я взглянул на часы, стоявшие в одном из библиотечных шкафов в галерее. Было без малого девять утра. Я подумал, что Кристина вышла за покупками. Избалованная образом жизни на Педральбес, где обязанность следить за дверями и замками возлагалась на слуг, она оставила дверь открытой. Я решил, пока дожидаясь Крестину, полежать на диване в галерее. Солнце вливалось сквозь окна — чистое и ослепительное зимнее солнце, — навевая негу. Я смежил веки и стал размышлять, что мне нужно взять с собой из багажа. Я полжизни провел в окружении всех этих вещей и теперь, когда предстояло с ними распрощаться, не мог составить даже коротенький список самых необходимых предметов. Постепенно, сам того не осознавая, убаюканный теплыми лучами солнца и робкими надеждами, я безмятежно заснул.

Проснувшись, я посмотрел на часы в библиотеке. Они показывали половину первого дня. До отправления поезда оставалось всего полчаса. Я стремительно вскочил и помчался в спальню.

— Кристина?

На сей раз я обследовал весь дом, комната за комнатой, и наконец поднялся в кабинет. Там было пусто, но мне почудился странный запах, витавший в комнате. Пахло фосфором. В воздухе повисло еле заметное кружево голубоватых нитей дыма, пойманное в ловушку света, падавшего из окна. Я прошелся по кабинету и обнаружил на полу две горелые спички. Охваченный внезапной тревогой, я бросился к кофру. Опустившись на колени, я поднял крышку и вздохнул с облегчением. Папка с рукописью лежала на месте. Я собирался захлопнуть кофр, как вдруг заметил, что бант, которым были завязаны красные тесемки на папке, распущен. Я схватил папку и открыл. Проверив содержимое, я убедился, что ничего не пропало. Я снова закрыл папку, завязав ее теперь двойным узлом, и бросил обратно в кофр. Закрыв его, я опять спустился вниз. В галерее я сел в кресло, повернутое к длинному коридору, который вел к входной двери, и приготовился ждать. Минуты безжалостно утекали в небытие.

Постепенно смысл происходящего стал проникать в сознание, и все вокруг поплыло. Желание верить и доверять обернулось горечью и разочарованием. Вскоре я услышал, как колокола церкви Санта-Мария

бьют два часа. Поезд на Париж уже ушел, а Кристина так и не появилась. И тогда я понял окончательно, что она ушла, и то короткое время, что мы провели вместе, было всего лишь миражом. Я посмотрел в окно. Яркий солнечный день больше не окрашивался радужными тонами. Я рисовал в воображении картину, как она возвращается на виллу «Гелиос» в надежные объятия Педро Видаля. Я чувствовал, как постепенно от гнева закипает кровь, и посмеялся над собой и своими нелепыми надеждами. Я сидел, не в силах пошевелиться, и смотрел, как город тускнеет с наступлением сумерек и удлиняются тени на полу кабинета. Я встал и подошел к окну. Открыв его настежь, я высунулся наружу. Подо мной зияла пропасть. Достаточно глубокая пропасть, чтобы раздробить кости, превратив их в кинжалы, пронзающие плоть, и погасить искру жизни в луже крови в патио. Я размышлял, будет ли боль такой ужасной, как мне представлялось, и хватит ли силы удара, чтобы оглушить все чувства и подарить быструю и необратимую смерть.

И вдруг послышались удары в дверь. Один, второй, третий. Громкие и настойчивые. Я повернулся, еще не освободившись до конца от наваждения. Постучали снова. Кто-то ломился в дверь. Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, и я ринулся вниз по лестнице, не сомневаясь, что вернулась Кристина, что произошло непредвиденное и она просто задержалась. И мои жалкие, презренные, злобные измышления абсолютно беспочвенны, и, несмотря ни на что, сегодняшний день все-таки был первым днем обетованной жизни. Я подбежал к двери и распахнул ее. Она стояла там, в полумраке, одетая во что-то белое. Я рванулся обнять ее, но потом увидел лицо, залитое слезами, и осознал, что эта женщина не Кристина.

— Давид, — прошептала Исабелла дрожащим голосом. — Сеньор Семпере умер.

Действие третье

Игра ангела

1

Уже стемнело, когда мы подошли к книжной лавке. Золотистое сияние потеснило сизую ночную тень у дверей «Семпере и сыновья», где собралось около сотни человек, державших в руках горящие свечи. Одни молча плакали, другие переглядывались, не находя слов. Некоторых я узнал в лицо. Это были друзья и покупатели Семпере, люди, кому старый библиофил дарил книги, читатели, пристрастившиеся к чтению с его подачи. По мере того как скорбная новость распространялась по кварталу, армия друзей и читателей увеличивалась. Никто не мог поверить, что сеньор Семпере умер.

В магазине горели все лампы. Сквозь витрину можно было рассмотреть донна Густаво Барсело. Глава цеха букинистов обнимал молодого человека, едва державшегося на ногах. Я узнал в нем сына Семпере, только когда Исабелла, вцепившись в мою руку, втащила меня в лавку. Увидев меня, Барсело поднял голову и обреченно улыбнулся. Сын букиниста рыдал у него на груди. Он был не в состоянии подойти к нам и поздороваться. Исабелла первая приблизилась к нему и положила руку на плечо. Семпере-младший повернулся, обратив к ней страдальческое лицо. Исабелла отвела его к стулу и усадила. Сын Семпере, словно тряпичная кукла, обессиленно рухнул на сиденье. Исабелла опустилась перед ним на колени и обняла. Никем я никогда так не гордился, как в тот миг Исабеллой. Она казалась уже не юной девушкой, но зрелой женщиной, более сильной и мудрой, чем все, кто находился в лавке.

Барсело подошел ко мне и протянул дрожащую руку. Я пожал ее.

— Это случилось около двух часов назад, — хрипло сказал дон Густаво. — Он остался в лавке один всего на минуту, а когда сын вернулся... Говорят, он с кем-то спорил... Я не знаю. По словам доктора, сердце не выдержало.

Я проглотил комок в горле.

— Где он?

Барсело кивнул на дверь подсобного помещения. Я поблагодарил и

направился в соседнюю комнату. У двери я глубоко вздохнул и сжал кулаки. Переступив порог, я увидел его. Он лежал на столе со сложенными на груди руками. Кожа у него стала белой как бумага, а черты лица казались ломкими, будто вырезанными из картона. Его глаза все еще были открыты. Я почувствовал, что задыхаюсь, словно получил чудовищной силы удар в солнечное сплетение. Ухватившись за край стола и набрав в легкие воздуха, я наклонился и опустил ему веки. Погладив его по щеке, я обвел взглядом тот мир страниц и грез, который он создал. Мне хотелось верить, что Семпере по-прежнему среди нас, среди своих книг и друзей. Заслышав шаги за спиной, я повернулся. Барсело привел двух субъектов постного вида в черных костюмах, чья профессия не вызывала сомнений.

— Сеньоры из похоронной конторы, — представил их Барсело.

Оба поклонились с должной серьезностью. Один, высокий и тощий, сделал весьма приблизительные обмеры и дал какие-то указания спутнику. Тот кивнул и записал распоряжения в маленький блокнот.

— Предварительно, похороны состоятся завтра днем на Восточном кладбище, — сказал Барсело. — Я осмелился взять на себя все хлопоты, поскольку сын полностью деморализован, как вы могли заметить. А в таких делах чем скорее...

— Спасибо, дон Густаво.

Букинист обратил взгляд на давнего своего друга и грустно улыбнулся сквозь слезы.

— И как мы будем теперь жить без старика? — промолвил он.

— Я не знаю...

Один из служащих похоронного бюро деликатно кашлянул, давая понять, что хочет обсудить с нами кое-какие вопросы.

— Если не возражаете, мы с коллегой сейчас отправимся подбирать гроб и...

— Делайте все, что необходимо, — оборвал его я.

— Есть особые пожелания по поводу погребального обряда?

Я посмотрел на него в растерянности.

— Покойный был верующим?

— Сеньор Семпере верил в книги, — сказал я.

— Понятно, — ответил он, отступая.

Я обратил взгляд на Барсело, тот пожал плечами.

— Позвольте, я спрошу сына, — добавил я.

Я вернулся в торговый зал лавки. Исабелла бросила на меня вопросительный взгляд и встала, оставив на время младшего Семпере. Она подошла ко мне, и я шепотом поделился с ней сомнениями.

— Сеньор Семпере близко дружил с приходским священником местной церкви Санта-Ана. Сплетничали, что высшие чины из архиепископства уже давно хотели устранить его за строптивость и непослушание, но поскольку он очень стар, то предпочли подождать, пока он умрет, только чтобы с ним не связываться.

— Такой человек нам и нужен, — сказал я.

— Я сама с ним поговорю, — пообещала Исабелла.

Я указал на младшего Семпере:

— Как он?

Исабелла заглянула мне в глаза.

— А вы?

— Нормально, — солгал я. — Кто останется с ним этой ночью?

— Я, — ответила она без малейшего колебания.

Я кивнул и поцеловал ее в щеку, а потом возвратился в подсобное помещение. Барсело сидел подле своего старого друга. Похоронных дел мастера снимали мерки и выясняли вопрос насчет костюма и туфель, а Барсело тем временем налил две рюмки бренди и одну протянул мне. Я сел с ним рядом.

— За нашего друга Семпере, научившего нас всех читать, а возможно, и жить, — сказал Барсело.

Мы молча выпили. Мы оставались у тела, пока не вернулись служащие похоронного бюро с гробом и одеждой, в которой должны были похоронить Семпере.

— Если вы не против, мы обрядим его сами, — предложил тот, кто казался шустрее. Я не стал возражать. Прежде чем перейти в торговую часть лавки, я взял памятный ветхий экземпляр «Больших надежд», который так и не удосужился забрать, и вложил его в руки сеньора Семпере.

— В дорогу, — сказал я.

Минут через пятнадцать работники бюро вынесли гроб и поставили его на большой стол в центре магазина. Огромная толпа, собравшаяся на улице, ждала в полном молчании. Я шагнул к двери и открыл ее. Один за другим друзья фирмы «Семпере и сыновья» заходили в лавку, чтобы увидеть букиниста. Многие не могли сдержать слез. Зрелище было душераздирающим, поэтому Исабелла, взяв за руку сына Семпере, увела его в квартиру над магазином, где он прожил с отцом всю свою жизнь. Пока длилось прощание, мы с Барсело стояли в почетном карауле рядом с Семпере. Некоторые, самые близкие люди, присоединялись к нам. Бдение продолжалось всю ночь. Барсело пробыл до пяти утра. Я задержался еще,

но на рассвете спустилась вниз Исабелла и велела мне отправляться домой, хотя бы для того чтобы переодеться и побриться.

Я посмотрел на бедного Семпере и улыбнулся ему. Я не мог поверить, что больше никогда не увижу его за прилавком, переступив этот порог. Я вспомнил, как впервые пришел в лавку еще малышом и букинист показался мне высоким и могучим. Несокрушимым. Самым мудрым человеком на свете.

— Идите домой, прошу вас, — прошептала Исабелла.

— Зачем?

— Пожалуйста...

Она вышла проводить меня на улицу и обняла.

— Я знаю, как он был вам дорог и как много значил для вас, — сказала она.

«Никто не знает, — подумал я. — Никто». Но не стал спорить и, поцеловав ее в щеку, отправился куда глаза глядят. Я шел по улицам, более пустынным, чем обычно, отчаянно цепляясь за мысль, что если я не остановлюсь, если буду идти дальше, то не успею осознать, что знакомый мне мир рухнул.

2

Толпа народу собралась у ворот кладбища в ожидании прибытия катафалка. Никто не осмеливался заговорить. Издалека доносились гул морского прибоя и приглушенное гроыхание товарного поезда, катившего в город от фабричного комплекса, растянувшегося за погостом. Было холодно, и в воздухе кружила снежная крупа. Вскоре после трех дня катафалк, запряженный черными лошадьми, повернул на аллею Инкария, окаймленную кипарисами и старыми амбарами. Тело сопровождал сын Семпере с Исабеллой. Шестеро братьев Семпере по цеху букинистов Барселоны, в том числе и дон Густаво, подняли гроб на плечи и внесли его на территорию кладбища. За ними последовали провожающие, образовав молчаливую процессию, которая двигалась по дорожкам и огибала сооружения кладбища под мрачным покровом туч, колыхавшихся, словно ртутное озеро. Краем уха я слышал разговоры, что сын букиниста за одну ночь словно постарел на пятнадцать лет. Его называли сеньором Семпере, поскольку он стал теперь хозяином магазина. А на протяжении вот уже четырех поколений эта исполненная очарования книжная лавочка на улице Санта-Ана не меняла названия и принадлежала кому-то из сеньоров

Семпере. Исабелла вела его под руку, и мне показалось, что без нее он упал бы, как марионетка с оборванными нитками.

Приходской священник церкви Санта-Ана, почтенный человек, ровесник покойного, ожидал у могилы — строгой мраморной плиты без украшений, казавшейся совсем незаметной. Шесть библиофилов, которые несли гроб, опустили его подле могилы. Барсело, заметив меня, поздоровался со мной кивком. Я предпочитал держаться поодаль, не знаю, из трусости или почтения. Метрах в тридцати от того места, где я стоял, виднелась могила моего отца. Как только провожающие собрались вокруг гроба, священник поднял голову и улыбнулся.

— Мы дружили с сеньором Семпере почти сорок лет, и все это время вели разговоры о Боге и, при случае, о таинстве жизни. Почти никто об этом не знает, но многоуважаемый Семпере не переступал порога церкви с тех пор, как похоронил свою супругу Диану, рядом с которой мы ныне предаем его земле, чтобы они навечно упокоились вместе. Возможно, по этой причине многие считали его атеистом, но он был человеком верующим. Он верил в дружбу, в истинную суть вещей и еще в нечто, чему он не осмеливался давать ни имени, ни формы, ибо говорил, что на то существуем мы, священники. Сеньор Семпере верил, будто все мы являемся частью целого, и когда мы покидаем сей мир, то наши воспоминания и мечты не исчезают, а становятся воспоминаниями и мечтами тех, кто приходит нам на смену. Он толком не знал, то ли мы сами сотворили Бога по собственному образу и подобию, то ли он создал нас, плохо понимая, что делает. Однако он верил, что Бог, или та сила, что наделила нас жизнью, находит выражение в каждом нашем поступке, в каждом слове и проявляется в том главном, что отличает нас от глиняных болванчиков. Сеньор Семпере верил, что Бог в малой — или большой — степени присутствует в книгах, и потому он всю жизнь стремился их постигнуть и сберечь. Он трепетно заботился о том, чтобы страницы книг, подобно нашим воспоминаниям и мечтам, не исчезли никогда. Ибо он свято верил и убедил в этом также и меня, что, пока в мире существует хоть один человек, способный прочитать эти страницы и проникнуться их смыслом, в них сохраняется частичка Бога или жизни. Я знаю, что моему другу не понравилось бы, если бы мы провожали его в последний путь молитвами и песнопениями. Я знаю, что ему было бы довольно, что друзья — все те, кто пришел сегодня проститься с ним, — всегда помнили о нем. Я уверен, что Господь, хотя старина Семпере не надеялся на это, возьмет к себе на небеса нашего дорогого друга. И я не сомневаюсь, что он останется навсегда в сердцах тех, кто пришел сегодня сюда, тех, кто в один

прекрасный миг открыл для себя магию книг благодаря его вере, и всех тех, кто, не будучи знаком с ним, однажды переступил порог маленькой книжной лавки, где, как он любил говорить, только что началась история. Покойся с миром, друг Семпере, и мы, с Божьей помощью, будем чтить твою память и возносить благодарности Всевышнему за то, что имели честь знать тебя.

Глубокое молчание воцарилось на кладбище, когда священник закончил речь и отступил назад, благословив гроб и потупив взор. По знаку шефа погребальной бригады могильщики выступили вперед и на веревках медленно опустили гроб в яму. Гроб с глухим стуком встал на дно, и в толпе послышались сдавленные рыдания. Я помню, что прирос к месту, не в силах ступить ни шагу, наблюдая, как могильщики накрывают захоронение большой мраморной плитой, на которой можно было прочесть лишь одно слово «Семпере» и то, что его супруга Диана покоится тут тому уже двадцать шесть лет.

Постепенно толпа рассредоточилась. Провожавшие возвращались к воротам кладбища и там собирались небольшими группами, не зная, куда направиться, поскольку никому не хотелось уходить, покинув бедного сеньора Семпере. Исабелла и Барсело вели сына букиниста, поддерживая его с двух сторон. Я стоял неподвижно, пока все не разошлось, и только тогда отважился приблизиться к могиле Семпере. Я опустил на колени и положил руку на мрамор.

— До скорого... — прошептал я.

Я услышал шаги за спиной и понял, кто это, еще до того, как увидел его. Я выпрямился и повернулся. Педро Видадь протягивал мне руку с улыбкой, грустнее которой мне видеть не доводилось.

— Не хочешь подать мне руку? — удивился он.

Я не пошевелился, и секунду спустя Видадь, кивнув своим мыслям, убрал ладонь.

— Что вы тут делаете? — зло сказал я.

— Семпере был и моим другом, — отозвался Видадь.

— Неужели? И вы пришли один?

Видадь растерянно посмотрел на меня.

— Где она? — спросил я.

— Кто?

Я горько рассмеялся. Барсело, следивший за сценой издали, поспешил к нам с обеспокоенным видом.

— Чем вы подкупили ее теперь?

Взгляд Видаля сделался жестким.

— Ты не ведаешь, что говоришь, Давид.

Я приблизился к нему вплотную, так что его дыхание коснулось моего лица.

— Где она? — потребовал я ответа.

— Я не знаю.

— Естественно, — пробормотал я, отводя глаза.

Я повернулся, намереваясь двинуться к выходу, но Видадь схватил меня за локоть и остановил.

— Давид, подожди...

Не успев осознать, что делаю, я развернулся и ударил его изо всех сил. Мой кулак врезался ему в лицо, и он стал падать навзничь. Я увидел кровь на своих пальцах и услышал звук торопливо приближавшихся шагов. Чьи-то руки обхватили меня и оттащили от Видаля.

— Ради Бога, Мартин... — выдохнул Барсело.

Букинист опустился на колени подле Видаля. Дон Педро тяжело дышал, изо рта у него текла кровь. Я бросился бежать оттуда, натываясь по пути на участников прощальной церемонии, останавливавшихся, чтобы понаблюдать за дракой. Я не смел смотреть этим людям в лицо.

3

Несколько дней я не выходил из дома, спал когда придется и практически ничего не ел. По ночам я сидел в галерее у камина и вслушивался в тишину, надеясь услышать шаги за дверью. Мне хотелось верить, что Кристина вернется. Узнав о смерти сеньора Семпере, она вернется ко мне хотя бы из жалости, а в тот момент я был бы счастлив и этим. Примерно через неделю после смерти букиниста, уже поняв, что Кристина не появится, я начал снова подниматься в кабинет. Я извлек из сундука рукопись патрона и стал перечитывать, наслаждаясь каждым словом и фрагментом. То, что я читал, вызывало у меня одновременно тошноту и муторное чувство удовлетворения. Вспоминая о ста тысячах франков — сумме, ошеломившей меня вначале, — я усмехался про себя и думал, что сукин сын купил меня очень дешево. Тщеславие заглушало горечь, а боль запирала на замок совесть. В припадке высокомерия я прочитал еще раз пресловутый «Lux Aeterna» Диего Марласки, своего предшественника, и предал манускрипт огню в камине. Где Марласка потерпел поражение, я добьюсь успеха. Где он заблудился, я найду выход из лабиринта.

На седьмой день я приступил к работе. Дождавшись полуночи, я уселся за письменный стол. Чистый лист бумаги был заправлен в каретку «Ундервуда», а за окнами лежал темный город. Слова и образы бурным потоком лились с кончиков пальцев, как будто ждали своего часа, затаив ярость, в темнице души. Страницы текли одна за другой на едином дыхании, не требуя ни размышлений, ни сосредоточенности. Текст складывался сам собой, минимальных усилий стоило только ввести мозг в состояние оцепенения и отравить все чувства и разум. Я думать забыл о патроне, его требованиях и вознаграждении. Впервые в жизни я писал только для себя. Я писал, чтобы разжечь мировой пожар и сгореть самому в его пламени. Я работал ночи напролет, пока не падал от усталости. Я барабанил по клавишам машинки, покуда не сбивал в кровь пальцы и горячее марево не застилало глаза.

Однажды январским утром, давно потеряв счет времени, я услышал стук в дверь. Я лежал в постели, созерцая старую детскую фотографию Кристины, где она идет за руку с незнакомцем по причалу, вдающемуся в море света. Мне казалось, будто эта карточка — единственное, что у меня осталось хорошего, и она же служила ключом ко всем загадкам. Я не обращал внимания на стук в дверь, но потом услышал ее голос и понял, что сдаваться она не собирается.

— Открывайте немедленно. Я знаю, что вы там. И я не уйду, пока вы не откроете, или я разобью эту дверь.

Когда я открыл, Исабелла отпрянула и в ужасе уставилась на меня.

— Это я, Исабелла.

Исабелла ужом проскользнула мимо меня и ринулась напрямик в галерею открывать все окна. Потом она отправилась в ванную комнату и пустила воду, чтобы наполнить ванну. Схватив за руку, она потащила меня мыться. Усадив на бортик, девушка заглянула мне в глаза, приподняв веки пальцами и недовольно качая головой. Ни слова не говоря, она принялась расстегивать на мне рубашку.

— Исабелла, у меня нет настроения.

— Что это за порезы? Откуда они?

— Всего лишь пара царапин.

— Я хочу, чтобы вас осмотрел врач.

— Нет.

— Не смейте спорить со мной, — сурово сказала девушка. — Сейчас вы ляжете в ванну, намылитесь и хорошенько вымоетесь, а потом побреетесь. У вас есть выбор: вы сделаете это самостоятельно или с моей помощью. Не думайте, что я постесняюсь.

Я улыбнулся:

— Уверен, что нет.

— Делайте, что сказано. А я пока схожу за врачом.

Я собирался возразить, но она вскинула руку, заставив замолчать.

— Ни слова. Если воображаете, что вы единственный, кому плохо, то ошибаетесь. Вам, может, и все равно, если вы издохнете как собака. Но по крайней мере имейте мужество вспомнить, что другим это небезразлично, хотя, честно говоря, не понимаю почему.

— Исабелла...

— В воду. И сделайте любезность, снимите брюки и нижнее белье.

— Я умею мыться.

— Глядя на вас, не скажешь.

Исабелла побежала за врачом, а я тем временем, подчинившись ее приказу, принял крещение холодной водой и мылом. Я не брился со дня похорон Семпере, и мое отражение в зеркале выглядело дико. Глаза налились кровью, а цвет кожи стал мертвенно-бледным. Переодевшись в чистое, я решил скоротать ожидание в галерее. Исабелла вернулась минут через двадцать в компании эскулапа, которого я будто бы встречал пару раз в нашем квартале.

— Вот пациент. Не обращайтесь внимания на то, что он вам скажет, поскольку он спесивый обманщик, — объявила Исабелла.

Доктор мельком взглянул на меня, пытаясь на глазок определить степень моей враждебности.

— Принимайтесь за дело, доктор, — щедро предложил я. — Считайте, что меня нет.

Доктор приступил к деликатной процедуре осмотра: измерил давление, послушал легкие и сердце, проверил зрачки, заглянул в рот, задал ряд вопросов таинственного назначения, многозначительно косился, иными словами, проделал все ритуальные действия, составляющие основу медицинской науки. Обследуя раны, нанесенные бритвой Ирене Сабино, он поднял брови и строго посмотрел на меня.

— А это что?

— Долго объяснять, доктор.

— Вы сами это сделали?

Я покачал головой.

— Я выпишу мазь, но, боюсь, шрамы все равно останутся.

— Наверное, так и было задумано.

Доктор продолжал осмотр. Я покорно вытерпел все, глядя на Исабеллу, с тревогой наблюдавшую за доктором с порога. Я понял, как

отчаянно мне ее не хватало и как я ценил ее дружбу.

— Напугали, нечего сказать, — с упреком пробормотала она.

Доктор взглянул на мои руки и нахмурился, увидев, что подушечки пальцев стерты почти до мяса. Он тщательно забинтовал мне пальцы, один за другим, бурча что-то себе под нос.

— Сколько времени вы уже не ели?

Я пожал плечами. Доктор переглянулся с Исабеллой.

— Причин для беспокойства нет, но я хотел бы, чтобы вы не позднее завтрашнего дня пришли ко мне в клинику.

— Увы, это невозможно, доктор, — заявил я.

— Он придет, — пообещала Исабелла.

— Кроме того, я рекомендую горячее питание. Начинайте с бульона, а потом можно перейти к более существенным блюдам. Побольше пейте, но ни капли кофе и возбуждающих средств. Но главное — отдых. Не помешает прогулка на свежем воздухе на солнце, но не переутомляться. У вас классическая картина истощения и обезвоживания, анемия в начальной стадии.

Исабелла вздохнула.

— Ерунда, — подал голос я.

Доктор с сомнением на меня посмотрел и встал.

— Встретимся завтра у меня в кабинете в четыре дня. Тут у меня нет ни инструментов, ни условий для более тщательного обследования.

Он закрыл саквояж и попрощался со мной вежливым поклоном. Исабелла проводила его к выходу, и я слышал, как они шептались несколько минут на лестничной площадке. Я снова оделся и, как примерный пациент, стал ждать, сидя на кровати. Затем хлопнула дверь и раздались шаги доктора, спускавшегося вниз. Я понял, что Исабелла стоит в прихожей и тянет время, прежде чем войти в спальню. Когда она наконец появилась, я встретил ее улыбкой.

— Я приготовлю вам поесть.

— Я не голоден.

— А меня это не волнует. Вы поедите, а потом мы отправимся дышать свежим воздухом. И точка.

Исабелла сварила бульон, куда я, совершив над собой насилие, по克罗шил сухарей, и проглотил это блюдо с приятной миной, хотя меня чуть не стошнило. Я опустошил тарелку и продемонстрировал ее Исабелле, которая стояла рядом, пока я ел, и бдительно следила за мной, как сержант за рядовым. Далее она отвела меня в спальню и разыскала в шкафу пальто. Затем она нацепила на меня перчатки и шарф и потащила к двери. Мы

вынырнули из портала. На улице гулял холодный ветер, но на небе пылало закатное солнце, позолотившее мостовые. Исабелла взяла меня под руку, и мы размеренным шагом двинулись вперед.

— Как жених и невеста, — заметил я.

— Очень остроумно.

Мы прогулялись до парка Сюдадела и углубились в сад, окружавший павильон. У бассейна с большим фонтаном мы сели на лавку.

— Спасибо, — пробормотал я.

Исабелла не ответила.

— Я не спросил, как твои дела, — сменил я тему.

— Ничего нового.

— Все же как ты?

Исабелла пожала плечами.

— Мои родители на седьмом небе с тех пор, как я вернулась. Они утверждают, что вы благотворно на меня повлияли. Если бы они знали... И правда, мы стали лучше ладить. Тем более что я мало их вижу. Почти все время я провожу в книжной лавке.

— А Семпере? Как он пережил смерть отца?

— Тяжело.

— Кстати, о нем, как у тебя с ним?

— Он хороший человек, — проронила девушка.

Исабелла выдержала долгую паузу и потупилась.

— Он сделал мне предложение, — сказала она. — Пару дней назад, в «Четырех котах».

Я взглянул на ее лицо, повернутое ко мне в профиль, спокойное и уже утратившее выражение девичьей невинности, столь привлекавшее меня в ней; возможно, оно лишь чудилось мне.

— И что же? — спросил я наконец.

— Я ответила, что подумаю.

— А ты собираешься?

Исабелла не отрываясь смотрела на фонтан.

— Он сказал, что хочет создать семью, иметь детей... Что мы будем жить в квартире над книжной лавкой и в дальнейшем поправим все дела, несмотря на долги, оставленные сеньором Семпере.

— Однако ты еще очень молода...

Склонив голову, она посмотрела мне в глаза.

— Ты его любишь?

— Хотела бы я знать. Наверное, да, хотя не так сильно, как, по его мнению, он любит меня.

— Иногда в критических обстоятельствах легко перепутать сострадание с любовью, — заметил я.

— Не беспокойтесь за меня.

— Я только прошу тебя об одном: не торопись.

Мы переглянулись, окутанные, как коконом, аурой соучастия и понимания. В такие мгновения слова становятся лишними. Я обнял ее.

— Друзья?

— Пока смерть нас не разлучит.

4

На обратном пути мы зашли купить хлеба и молока в продуктовый магазин на улице Комерсио. Исабелла заявила, что попросит отца прислать мне заказ с самыми тонкими яствами и в моих интересах съесть их до последней крошки.

— Как идут дела в книжной лавке? — спросил я.

— Продажи снизились катастрофически. Мне кажется, что людям тяжело туда приходить, поскольку каждая мелочь напоминает о бедном сеньоре Семпере. И, по правде говоря, учитывая состояние счетов, картина вырисовывается мрачная.

— А в каком состоянии счета?

— Хуже не придумаешь. Те несколько недель, что работаю в лавке, я занималась сведением баланса и убедилась, что сеньор Семпере, царствие ему небесное, был никудышным коммерсантом. Он дарил книги тем, у кого не хватало денег заплатить за них, или одалживал таким людям, а они не возвращали ничего. Он покупал собрания, заведомо зная, что не сможет их продать, только потому, что владельцы грозились сжечь книги или выбросить. Он содержал на благотворительных началах кучу посредственных стихоплетов, у кого нет ни кола ни двора. И все в таком же духе.

— Кредиторы наседают?

— Являются в среднем по двое за день, не считая писем и банковских уведомлений. Радует только то, что у нас нет недостатка в предложениях.

— О покупке?

— Пара торговцев свининой из Вика^[54] очень заинтересованы в сделке. Им нравится место.

— А что говорит младший Семпере?

— Что скорее свиньи полетят. Реализм не является его сильной

стороной. Он утверждает, что мы прорвемся, он в это верит.

— А ты нет?

— Я верю в цифры. И когда я начинаю их складывать, у меня получается, что через два месяца витрина книжного магазина заполнится белой свиной колбасой и чорисо.

— Мы непременно найдем выход.

Исабелла улыбнулась:

— Я ждала от вас этих слов. И, кстати, о неоплаченных счетах, ради Бога, скажите, что больше не работаете для патрона.

Я развел руками и сказал:

— Я снова свободен как ветер.

Она поднялась вместе со мной по лестнице. Собираясь уже попрощаться, я увидел, что она замялась.

— В чем дело? — спросил я.

— Я не хотела вам говорить, но... лучше вы узнаете от меня, чем от других. Это насчет сеньора Семпере.

Мы вошли в дом и устроились в галерее у камина. Исабелла подбросила пару поленьев, чтобы оживить огонь. Пепел «Lux Aeterna», сочинения Марласки, все еще лежал в камине, и бывшая моя помощница наградила меня взглядом, который я мог бы вставить в рамку.

— Что ты хотела мне рассказать о Семпере?

— Мне стало это известно от дона Анаклето, одного из соседей. Дон Анаклето рассказывает, что видел, как вечером, в день своей смерти, сеньор Семпере спорил с кем-то в лавке. Дон Анаклето возвращался домой, и, по его утверждению, голоса были слышны даже на улице.

— С кем спорил Семпере?

— С женщиной. Уже немолодой. Дон Анаклето ее вроде бы никогда в магазине прежде не видел, хотя ее лицо показалось ему смутно знакомым. Правда, на слова дона Анаклето нельзя полагаться, поскольку ему больше нравятся наречия, чем прекрасный пол.

— А он расслышал, о чем они спорили?

— Ему показалось, что речь шла о вас.

— Обо мне?

Исабелла кивнула.

— Сын Семпере вышел ненадолго, чтобы передать заказ на улице Кануда. Он отсутствовал всего минут десять-пятнадцать. Вернувшись, он нашел отца лежащим на полу за прилавком. Сеньор Семпере еще дышал, но руки у него уже похолодели. Когда пришел врач, было поздно...

На меня словно рухнул мир.

— Мне не следовало вам говорить... — прошептала Исабелла.

— Нет, ты правильно поступила. А больше о той женщине дон Анаклето ничего не сказал?

— Только то, что они спорили. Ему показалось, что из-за книги. Книги, которую она хотела купить, а сеньор Семпере отказывался продавать.

— А при чем тут я? Не понимаю.

— Потому что это была ваша книга. «Шаги с неба». Единственный экземпляр, сохранившийся у сеньора Семпере в личном собрании. Он не предназначался на продажу...

Мною овладела страшная уверенность.

— И книги?.. — начал я.

— Больше там нет. Она пропала, — закончила Исабелла. — Я проверила учетный журнал, так как сеньор Семпере имел привычку записывать названия проданных книг с ценой и датой продажи, и ваша книга там не указана.

— Его сын знает?

— Нет. Кроме вас, я никому об этом не рассказывала. Я все еще пытаюсь понять, что произошло в тот день в лавке. И почему. Я подумала, что вы скорее всего догадаетесь...

— Эта женщина пыталась силой отнять книгу, и во время борьбы у сеньора Семпере случился сердечный приступ. Вот что там произошло, — сказал я. — И все из-за моей паршивой книги.

У меня внутри все перевернулось.

— Есть еще кое-что, — проронила Исабелла.

— Что?

— Много позже я встретила дона Анаклето на лестнице, и он признался, что будто бы припомнил ту женщину. В тот день, глядя на нее, он сразу не сообразил, но ему кажется, что он видел ее раньше, много лет назад, в театре.

— В театре?

Исабелла кивнула.

Я долго не мог вымолвить ни слова. Исабелла встревоженно следила за мной.

— Теперь я не смогу спокойно оставить вас одного. Не надо было вам говорить.

— Нет, все правильно. Я в порядке. Правда.

Исабелла помотала головой.

— Сегодня ночью я останусь с вами.

— А твоя репутация?

— Опасности подвергается скорее ваша. Я на минутку отлучусь к родителям в магазин, чтобы позвонить в книжную лавку и предупредить.

— Не стоит, Исабелла.

— Не стоило бы, если бы вы признали факт, что мы живем в двадцатом веке, и установили телефон в этом мавзолее. Я вернусь через четверть часа. Не надо спорить.

Пока Исабелла отсутствовала, уверенность, что смерть дорогого и незаменимого друга, сеньора Семпере, лежит на моей совести, стала проникать в глубину сознания. Я вспомнил, что старый библиофил всегда говорил, что у книг есть душа — душа тех, кто их написал, кто их читал и мечтал над ними. И я понял, что до последнего вздоха он защищал меня и пожертвовал собой, чтобы спасти кипу исписанной бумаги, хранившей частицу моей чернильной души. Исабелла, когда она вернулась, сгибаясь под тяжестью сумки с продуктами из магазина родителей, поняла все с первого взгляда.

— Вы знаете ту женщину, — сказала она. — Женщину, убившую сеньора Семпере...

— По-моему, да. Ирене Сабино.

— Это не особа со старых фотографий, которые мы нашли в дальней комнате? Актриса?

Я кивнул.

— Но зачем ей понадобилась ваша книга?

— Этого я не знаю.

Позднее, поужинав деликатесами из бакалеи «Кан Хисперт», мы усадились в большое кресло у камина. Оно было достаточно просторным для двоих. Исабелла положила мне голову на плечо, и мы заворуженно смотрели на игру пламени.

— Как-то ночью мне приснилось, что у меня есть сын, — сказала девушка. — Мне снилось, что он зовет меня, а я не слышу его и не могу подойти к нему, потому что заперта в каком-то месте, где очень холодно и невозможно пошевелиться. Он зовет меня, а я не в состоянии откликнуться.

— Это всего лишь сон, — сказал я.

— Он казался очень реальным.

— Пожалуй, ты могла бы написать об этом рассказ, — предложил я.

Исабелла покачала головой.

— Я долго думала и пришла к выводу, что предпочитаю жить настоящей жизнью, а не писать о ней. Не поймите меня превратно.

— Мудрое решение.
— А вы? Вы сами собираетесь жить?
— Боюсь, я уже свое прожил.
— А как же та женщина? Кристина?

Я глубоко вздохнул.

— Кристина ушла. Вернулась к мужу. Тоже мудрое решение.
Исабелла отодвинулась и посмотрела на меня, нахмурившись.

— Что? — спросил я.

— Мне кажется, вы ошибаетесь.

— В чем?

— Недавно к нам заходил дон Густаво Барсело, и в разговоре речь зашла о вас. Он упомянул, что встречался с мужем Кристины, неким...

— Педро Видалем.

— Точно. И муж признался, что Кристина ушла к вам, он ее больше не видел и ничего не слышал о ней месяц или около того. На самом деле я удивилась, не застав ее здесь, с вами, но не посмела спрашивать...

— Ты уверена, что Барсело имел в виду именно это?

Исабелла подтвердила.

— Что я теперь не так сказала?

— Ничего.

— Наверное, вы что-то скрываете от меня...

— Кристины тут нет. Ее нет с того дня, когда умер сеньор Семпере.

— Где же она тогда?

— Понятия не имею.

Мало-помалу разговор иссяк, и мы сидели молча, уютно свернувшись в кресле у камина. Под утро Исабелла заснула. Я обнял ее одной рукой и смежил веки, анализируя все, что она сообщила, и пытаюсь уловить в этом какой-то смысл. Занялся рассвет. Когда первые его лучи осветили окна галереи, я открыл глаза и обнаружил, что Исабелла проснулась и смотрит на меня.

— С добрым утром, — сказал я.

— Я размышляла, — начала она.

— И что?

— Я думаю принять предложение сына сеньора Семпере.

— Ты уверена?

— Нет, — засмеялась она.

— А что скажут родители?

— Полагаю, они расстроятся, но как-нибудь обойдется. Они предпочли бы выдать меня за преуспевающего торговца морсильей^[55] и

прочими колбасными изделиями, а не книгами, но им придется смириться.

— Могло быть хуже, — подбодрил ее я.

Исабелла кивнула.

— Да. Дело могло закончиться писателем.

Мы долго смотрели друг на друга. Потом Исабелла поднялась с кресла. Надев пальто, она стала застегивать пуговицы, повернувшись ко мне спиной.

— Мне надо идти, — глухо сказала она.

— Спасибо, что составила мне компанию, — поблагодарил я.

— Не упустите ее, — сказала Исабелла. — Найдите, где бы она ни находилась, и скажите, что любите ее, даже если это будет ложью. Нам, девушкам, нравится слышать такие вещи.

И в этот момент она повернулась и, нагнувшись, коснулась губами моих губ. Потом с силой сжала мою руку и ушла, не попрощавшись.

5

До конца недели я исходил Барселону вдоль и поперек в поисках людей, видевших Кристину в истекшем месяце. Я посетил места, где мы с ней бывали вместе, и прошел по следам (впрочем, напрасно) Видаля, заглядывая в его излюбленные кафе, рестораны и шикарные магазины. Всем, кто попадался мне на пути, я показывал фотографии из альбома, оставленного Кристиной у меня дома, и спрашивал, не появлялась ли она в последнее время. В некоторых местах я сталкивался с теми, кто узнавал ее и вспоминал, что видел как-то в обществе Видаля. Кое-кто даже припоминал ее имя. Но никто не видел Кристину уже несколько недель. На четвертый день поисков я начал подозревать, что Кристина вышла из дома с башней в то утро, когда я отправился покупать билеты на поезд, и просто испарилась с лица земли.

Потом я вспомнил, что семья Видаль имела в своем распоряжении забронированный на постоянной основе номер в гостинице «Испания» на улице Сант-Пау за театром «Лисео». Он предназначался для членов семьи, кому после оперы не хотелось или было неудобно возвращаться на Педральбес поздно ночью. Я доподлинно знал, что сам Видаль и его отец, во всяком случае, в былые годы, использовали этот номер, чтобы приятно провести время с сеньоритами и сеньорами, чье присутствие в официальной резиденции на Педральбес могло дать пищу нежелательным слухам, независимо от социального статуса дамы. Видаль много раз

гостеприимно предлагал мне эту комнату (я тогда еще жил в пансионе доньи Кармен), если вдруг, как он выражался, мне взбредет в голову фантазия раздеть даму в интерьере, не внушающем ужас. Я сомневался, что Кристина сочла бы подобное место подходящим убежищем, если она вообще знала о его существовании, но я исчерпал список возможных вариантов, и ничего другого мне в голову не приходило. День клонился к вечеру, когда я пришел в гостиницу «Испания» и попросил позвать управляющего, дав понять, что являюсь другом сеньора Видаля. Я показал фотографию Кристины. Управляющий, от чрезмерной деликатности походивший на мороженую рыбу, вежливо мне улыбнулся и сказал, что «другие» служащие сеньора Видаля уже приходили наводить справки об этой особе несколько недель назад, и он им ответил то же, что и мне. Он никогда не видел эту сеньору в гостинице. Я поблагодарил его за подернутую ледком любезность и направился к выходу, совершенно упав духом.

Минуя стеклянную дверь в ресторан, краем глаза я заметил показавшийся знакомым профиль. Патрон сидел за столиком, единственный посетитель в ресторане, и смаковал нечто, больше всего напоминавшее кусочек сахара для кофе. Я собирался пуститься наутек, как вдруг он повернулся и, широко улыбаясь, приветственно помахал мне рукой. Проклиная свое невезение, я ответил на приветствие. Знаками патрон радушно приглашал меня присоединить к нему. Я неохотно приблизился к двери и вошел в ресторан.

— Какая приятная неожиданность встретить вас здесь, любезный друг. А я как раз думал о вас, — сказал Корелли.

Я без воодушевления пожал ему руку.

— Мне казалось, вас нет в городе, — проронил я.

— Я вернулся раньше, чем ожидалось. Могу я угостить вас чем-нибудь?

Я отказался. Он указал мне на стул за своим столиком, и я послушно сел. Патрон, верный своему стилю, был одет в черную шерстяную тройку с красным шелковым галстуком. По обыкновению, он выглядел безупречно, и все же в его костюме недоставало какой-то существенной детали, хотя мне с ходу не удалось определить природу несоответствия. Только через несколько мгновений я сообразил, в чем дело. На лацкане пиджака отсутствовала брошь с изображением ангела. Корелли, проследив направление моего взгляда, вздохнул.

— К великому сожалению, я ее потерял, и не знаю где, — пожаловался он.

— Надеюсь, брошь была не слишком дорогой.

— Я дорожил ею из чисто сентиментальных побуждений. Однако давайте поговорим о важных вещах. Как вы поживаете, друг мой? Мне очень не доставало бесед с вами, несмотря на наши спорадические разногласия. Знаете, очень трудно найти достойного собеседника.

— Вы мне льстите, сеньор Корелли.

— Ни в коем случае.

Наступило непродолжительное молчание, сопровождавшееся лишь бездонным взглядом его темных глаз. Я подумал, что мне больше нравится, когда он пускается в свои обычные рассуждения. Когда он умолкал, его внешность неуловимо менялась, и атмосфера вокруг будто сгущалась.

— Вы остановились в этой гостинице? — спросил я, только чтобы нарушить это тягостное молчание.

— Нет, я по-прежнему живу в доме у парка Гуэль. У меня была назначена здесь встреча сегодня вечером, но, похоже, мой друг опаздывает. Безответственность некоторых людей удручает.

— Мне представляется, сеньор Корелли, что не многие осмелятся заставить вас долго себя ждать.

Патрон посмотрел мне в глаза.

— Не многие. Более того, единственный человек, о ком я мог бы такое сказать, это вы.

Патрон взял кусок сахара и бросил его в чашку. За первым куском последовали второй и третий. Он пригубил кофе и высыпал в напиток еще четыре куска. Взяв пятый, он поднес его ко рту.

— Обожаю сахар, — пояснил он.

— Вижу.

— Вы не заводите речь о нашем проекте, любезный Мартин, — сказал он напрямик. — Есть проблемы?

Я сглотнул и произнес:

— Работа почти закончена.

Лицо патрона просияло улыбкой, которую я предпочел бы не видеть.

— Вот это действительно превосходная новость. Когда я смогу получить рукопись?

— Через пару недель. Остались кое-какие мелочи, больше технического характера. Отредактировать, отшлифовать.

— Мы уже можем назначить дату?

— Если хотите...

— Как насчет пятницы двадцать третьего числа сего месяца? Что скажете о приглашении на ужин, чтобы отпраздновать успешное

завершение работы?

До пятницы, двадцать третьего января, оставалось ровно две недели.

— Хорошо, — согласился я.

— Тогда договорились.

Он поднял чашечку переслащенного кофе, словно провозглашая тост, и осушил ее одним глотком.

— А вы? — небрежно спросил он. — Что вас привело сюда?

— Искал одного человека.

— Я с ним знаком?

— Нет.

— И вы его нашли?

— Нет.

Патрон неторопливо кивнул, оценив мою неразговорчивость.

— У меня впечатление, будто я задерживаю вас против воли, друг мой.

— Я немного устал, и только.

— В таком случае не буду больше отнимать у вас время. Я порой забываю, что хотя сам наслаждаюсь вашим обществом, вы, возможно, не в восторге от моего.

Я заученно улыбнулся и, воспользовавшись моментом, встал. Я видел свое отражение в его зрачках — бледная кукла, затянутая в темный омут.

— Поберегите себя, Мартин. Пожалуйста.

— Непременно.

Поклонившись на прощание, я направился к выходу. Удаляясь, я слышал, как захрустел на его зубах очередной кусок сахара.

По пути к бульвару Рамбла я заметил, что маркизы «Лисео» ярко освещены и длинная вереница машин под присмотром целого полка шоферов в униформах выстроилась вдоль тротуара. Судя по афишам, давали «Cosi fan tutte», ^[56] и мне стало интересно, решился ли Видаль покинуть замок, чтобы явиться на свидание с прекрасным. Я провел смотр шоферам, собравшимся в кружок посреди улицы, и вскоре заметил Пепа. Я подозвал его жестами.

— Что вы тут делаете, сеньор Мартин?

— Где?

— Сеньор в театре, смотрит спектакль.

— Я не о доне Педро. Кристина. Сеньора Видаль? Где она?

Бедняга Пеп сглотнул.

— Я не знаю. Никто не знает.

Он объяснил, что Видаль ищет Кристину уже несколько недель, а его

отец, патриарх клана, также поднял на ноги прикормленных полицейских из департамента, чтобы они установили ее местонахождение.

— Сначала сеньор думал, что она с вами...

— Она не звонила, не присылала писем или телеграмм?

— Нет, сеньор Мартин. Клянусь. Мы все очень волнуемся, а сеньор... По правде говоря, сколько я его знаю, я не видел сеньора таким... Сегодня он вышел в первый раз с тех пор, как ушла сеньорита, то есть сеньора...

— Не помнишь, Кристина хоть что-нибудь говорила перед тем, как уехать с виллы «Гелиос»?

— Пожалуй... — начал Пеп, понизив голос до шепота. — Я слышал, как она ссорилась с сеньором. И она очень грустила. Много времени проводила в одиночестве. Писала письма и относила их на почту, которая находится на бульваре Королевы Элисенды.

— Ты ни разу с ней не разговаривал с глазу на глаз?

— Однажды, незадолго до ее ухода, сеньор велел мне отвезти ее к врачу.

— Она болела?

— Не могла спать. Доктор выписал ей капли лауданума.

— Она ничего не сказала по дороге?

Пеп передернул плечами.

— Спрашивала о вас. Не слышал ли я новостей, не видал ли вас.

— И все?

— Она выглядела очень печальной и расплакалась. Когда я спросил, что случилось, она призналась, что очень скучает по отцу, сеньору Мануэлю...

И тогда меня осенило, и я обругал себя за то, что не сообразил раньше. Пеп удивленно на меня посмотрел и спросил, чему я улыбаюсь.

— Вы знаете, где она? — любопытствовал он.

— Кажется, да, — пробормотал я.

Мне послышался голос, выкликавший Пепа через дорогу, и в фойе «Лисео» возникла тень знакомых очертаний. Видаль не высидел даже до конца первого акта. Пеп тотчас оглянулся, отвечая на зов хозяина, и, прежде чем он посоветовал мне исчезнуть, я уже растворился в ночи.

Даже издалека эта картина явно не сулила ничего хорошего: кончик папиросы тлел в ночной синеве, темные фигуры подпирали стену, сливаясь

с ее черной поверхностью, и дыхание клубами пара вырывалось изо рта трех субъектов, стороживших портал дома с башней. Инспектор Виктор Грандес и его верные псы, агенты Маркос и Кастело, составляли почетный встречающий эскорт. О том, что произошло, догадаться было нетрудно. Не вызывало сомнений, что тело Алисии Марласки уже обнаружили на дне бассейна в ее доме в Саррии и мои котировки в черном списке взлетели до небес. Едва заметив полицейских, я замер, растворившись в уличной тени. Стоя метрах в пятидесяти от них, я выждал пару мгновений, желая удостовериться, что они меня еще не увидели. В тусклом свете фонаря, висевшего над входом, я хорошо различал профиль Грандеса. Я медленно отступил, прячась под покровтемноты, заливавшей улицы, и юркнул в первый же переулок, затерявшись в путаном лабиринте пассажей и арок квартала Рибера.

Через десять минут я стоял у дверей Французского вокзала. Билетные кассы уже закрылись, однако вдоль перронов под высоким куполом из стекла и металла стояло несколько составов. Взглянув на табло, я убедился, что сбылись мои наихудшие опасения: по расписанию до завтра поездов не было. Я не мог вернуться домой, рискуя столкнуться с Грандесом и компанией. Интуиция мне подсказывала, что теперь меня возьмут в комиссариате на полный пансион, и даже вмешательство и связи адвоката Валеры не помогут извлечь меня оттуда так же легко, как в прошлый раз.

Я решил переночевать в ближайшей гостинице, находившейся напротив здания Биржи на пласа Паласио. По легенде, там прозябали живые трупы заядлых игроков на бирже, с кем жадность и скверное знание арифметики сыграли злую шутку. Я выбрал эту берлогу, полагая, что самому черту не придет в голову меня там искать. Я зарегистрировался под именем Антонио Миранда и заплатил вперед. Портье, внешне напоминал моллюска, вросшего, как в раковину, в каморку, служившую регистрационной конторкой, бельевой и сувенирной лавкой. Он снабдил меня ключом и куском мыла марки «Сид-воитель», распространявшего сильный запах щелока и, по-моему, побывавшего в употреблении. Портье также сообщил, что, если я желаю провести время в женском обществе, он пришлет ко мне служанку по прозвищу Косуля, как только та вернется домой с мифического собрания.

— Она вас возродит, — заверил он.

Я отказался, сославшись на начинающийся прострел, и, пожелав портье доброй ночи, устремился к лестнице. Интерьером и размерами комната походила на саркофаг. Одного взгляда хватило, чтобы я проникся решимостью спать одетым поверх матраца, вместо того чтобы лечь в

постель и побрататься с водившейся в простынях живностью. Я укрылся протертым до дыр одеялом, обнаруженным в шкафу (оно воняло всего лишь нафталином), и погасил свет, пытаюсь представить, что нахожусь в номере-люкс, какой вполне по карману человеку с сотней тысяч франков на банковском счету. Я почти не сомкнул глаз.

Я покинул гостиницу утром и поспешил на вокзал. Купив билет первого класса, я надеялся отоспаться после бессонной ночи, проведенной в этом клоповнике. До отхода поезда оставалось двадцать минут, и я, воспользовавшись случаем, направился к длинному ряду телефонных кабинок. Я назвал девушке на коммутаторе номер телефона соседей Рикардо Сальвадора, который он мне дал.

— Будьте любезны, попросите Эмилио.

— Я слушаю.

— Меня зовут Давид Мартин. Я друг сеньора Рикардо Сальвадора. Он сказал, что я могу связаться с ним по этому номеру в случае необходимости.

— Так... Вы можете подождать минутку? Мы его позовем.

Я взглянул на вокзальные часы.

— Да. Жду. Спасибо.

Прошло минуты три, прежде чем я услышал звук приближавшихся шагов и голос Рикардо Сальвадора, подействовавший на меня успокаивающе.

— Мартин? У вас все хорошо?

— Да.

— Слава Богу. Я прочитал в газете о Роуресе и очень за вас беспокоился. Где вы?

— Сеньор Сальвадор, у меня довольно мало времени. Я вынужден отлучиться из города.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Да. Выслушайте меня. Алисия Марласка мертва.

— Вдова? Мертва?

Последовало продолжительное молчание. Мне показалось, будто Сальвадор всхлипнул, и я обругал себя, что обрушил на него новость так внезапно.

— Вы еще слушаете?

— Да...

— Я звоню, чтобы предостеречь вас. Будьте осторожны. Ирене Сабино жива и преследует меня. С ней кто-то еще. Наверное, Хако.

— Хако Корбера?

— Я не уверен, что это был он. Думаю, они поняли, что я напал на их след, и пытаются заставить замолчать всех, с кем я разговаривал. Полагаю, вы были правы...

— Но зачем Хако возвращаться теперь? — задал вопрос Сальвадор. — В этом нет никакого смысла.

— Не знаю. Мне пора ехать. Я только хотел вас предупредить.

— За меня не волнуйтесь. Если сукин сын наведается ко мне, я буду готов к встрече. Я жду ее уже двадцать пять лет.

Начальник станции свистком подал сигнал к отправлению.

— Не доверяйте никому. Слышите? Я свяжусь с вами, как только вернусь в город.

— Спасибо, что позвонили, Мартин. Поберегите себя.

7

Поезд уже заскользил вдоль перрона, когда я скрылся в купе и рухнул на сиденье. Я позволил себе расслабиться, ощущая приятный поток теплого воздуха из обогревателя и мягкое потряхивание вагона. Оставив за спиной город, мы ехали через окружавший его лес фабрик и труб, убегая из-под пылающего багрянцем покрыва, нависавшего над ним. Постепенно пустыри с ангарами и брошенными в тупиках поездами растворились в бесконечной панораме полей и холмов. Их вершины увенчивали особняки и сторожевые башни, а склоны оживляли извилистые речки и роции. Грузовые фургоны и деревушки проглядывали сквозь слои тумана. Поезд ветром пролетал мимо маленьких станций, а колокольни и небольшие фермы представляли далекими миражами.

Незаметно я заснул в пути, а когда проснулся, ландшафт полностью преобразился. Теперь нас окружали обрывистые лощины и каменистые утесы, выступавшие среди озер и потоков. Поезд огибал густые леса, покрывавшие горные склоны, которым, казалось, нет конца. Скоро клубок горных кряжей и тоннелей, пробитых в скалах, размотался до конца и вывел в большую долину с бескрайними равнинами, где по снегу носились табуны диких лошадей, а вдали виднелись маленькие поселения, состоявшие из нескольких каменных домов. С другой стороны вздымались вершины Пиренеев, и закат окрашивал янтарем заснеженные склоны. Впереди показался холм, по склонам которого беспорядочно лепились дома и прочие сооружения. Проводник заглянул в купе и улыбнулся мне.

— Следующая остановка Пуигсерда, — объявил он.

Поезд остановился, выпустив мощную струю пара, которым тотчас заволокло перрон. Я вышел на платформу, и меня окутало этим белым туманом, источавшим запах электричества. Вскоре я услышал, как начальник станции ударил в колокол, и поезд снова тронулся. Пока мелькали катившиеся по рельсам вагоны состава, постепенно, подобно миражу стали вырисовываться очертания станции. Я стоял один на перроне. Легкая завеса мелких снежинок плавно опускалась с неба. Я подошел к конторе начальника станции и постучал в окошко. Заметив меня, он открыл дверь и смерил равнодушным взглядом.

— Вы не могли бы сказать, как найти место, которое называется «Вилла Сан-Антонио»?

Начальник станции изогнул бровь.

— Санаторий?

— Наверное.

Выражение лица у станционного смотрителя сделалось задумчивым, как у человека, который прикидывает, как понятнее объяснить дорогу приезжему. Перебрав весь арсенал гримас и жестов, он выдал мне следующее описание маршрута:

— Вам нужно пройти насквозь деревню, миновать церковную площадь и дойти до озера. По другому берегу тянется широкая улица, окруженная домами, и она упирается в аллею Риголиса. Там, на углу, стоит большое трехэтажное здание с садом. Это и есть санаторий.

— А вы не знаете, где здесь можно снять комнату?

— По пути вы пройдете мимо гостиницы «Лаго».^[57] Скажете, что от Себаса.

— Спасибо.

— Счастливо...

Я прошел по пустынным и заснеженным деревенским проселкам, высматривая колокольную церкви. По дороге я встретил нескольких местных жителей, которые здоровались со мной кивком и разглядывали исподтишка. На церковной площади парни, разгружавшие телегу с углем, указали мне дорогу к озеру. Через пару минут я ступил на улицу, огибавшую большой водоем, замерзший и припорошенный снегом. Величественного вида особняки с узкими башнями окружали озеро. Аллея, вдоль которой росли деревья и стояли скамейки, напоминая кем-то расставленные вехи, лентой обвивала большое ледяное зеркало с

затертыми во льду у кромки гребными лодками. Я подошел к берегу и остановился полюбоваться на застывший водоем, простиравшийся у моих ног. Ледяной пласт достигал, наверное, пяди в толщину и местами поблескивал, точно мутное стекло, под которым угадывалось течение темных вод, струившихся под затвердевшей поверхностью.

Гостиница «Лаго» представляла собой двухэтажное строение на самом берегу озера, выкрашенное в темно-красный цвет. Прежде чем продолжить путь, я задержался, чтобы забронировать комнату на две ночи, оплатив их заранее. Портье сообщил, что гостиница стоит практически пустая, поэтому я могу выбрать себе любой номер.

— Из сто первого с утра открывается живописный вид на озеро... — предложил он. — Но если вам больше нравится северная сторона, у меня есть...

— На ваш выбор, — перебил я. Великолепный вечерний пейзаж в тот момент не произвел на меня ни малейшего впечатления.

— Тогда сто первый. Летом его занимают исключительно молодожены.

Он протянул мне ключи от так называемого номера для новобрачных и сообщил, в какое время в ресторане подают ужин. Я сказал, что вернусь позже, и спросил, далеко ли до «Виллы Сан-Антонио». У портье стало в точности такое же лицо, как и у начальника станции, когда тот объяснял мне дорогу. Он вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Близко, всего в десяти минутах ходьбы. Если вы пройдете по дорожке, которая начинается в конце улицы, в глубине вы увидите санаторий. Не заблудитесь.

Спустя десять минут я стоял у ворот большого сада, усыпанного сухими листьями, скованными снегом. Поодаль, точно цитадель, высился санаторий «Вилла Сан-Антонио», окруженный ореолом золотистого света, изливавшегося из окон. Я пересек сад, чувствуя, что сердце неистово колотится в груди, и, несмотря на колючий холод, у меня вспотели ладони. Я поднялся по ступеням, ведущим к парадному входу. Полы в просторном холле были вымощены черно-белыми плитами на манер шахматной доски. В конце зала располагалась лестница, по которой молодая женщина в форменной одежде медсестры вела под руку трясущегося человека. Старик буквально зависал в воздухе между двумя следующими ступенями, словно жил лишь единым духом.

— Добрый день, — раздался голос справа от меня.

У женщины были черные глаза и строгий взгляд, резкие черты лица без тени обаяния и суровый вид человека, привыкшего ожидать лишь

самого худшего. Лет ей было, наверное, около пятидесяти. Несмотря на такую же одежду, как у молоденькой медсестры, сопровождавшей старика, она держалась как особа, обладающая властью и влиянием.

— Добрый день. Я ищу одну даму. Ее имя — Кристина Сагниер. У меня есть основания предполагать, что она гостит здесь...

Женщина уставилась на меня не мигая.

— Здесь нет гостей, кабальеро. Это не гостиница и не частная резиденция.

— Извините. Я только что приехал и проделал долгий путь, чтобы найти эту даму...

— Не извиняйтесь, — сказала медсестра. — Могу я спросить, вы родственник или близкий друг?

— Меня зовут Давид Мартин. Кристина Сагниер здесь? Пожалуйста...

Выражение лица медсестры смягчилось. Вслед за тем появилось подобие любезной улыбки, и она кивнула.

— Будьте добры, сеньор Мартин, следуйте за мной, я провожу вас в кабинет доктора Санхуана.

— Как себя чувствует сеньорита Сагниер? Я могу увидеть ее?

Новая улыбка тронула ее губы, едва уловимая и невозмутимая.

— Сюда, прошу вас.

В прямоугольном помещении со стенами, выкрашенными голубой краской, окна отсутствовали. Его освещали две лампы под потолком, испускавшие мертвенный свет. Обстановка ограничивалась тремя предметами: голым столом и парой стульев. Пахло дезинфекцией, и было холодно. Медсестра называла комнату кабинетом, однако, просидев в одиночестве и ожидании десять минут на стуле, я пришел к твердому убеждению, что она может служить только камерой. Даже сквозь закрытую дверь доносились голоса и вопли, эхом отдававшиеся от стен. Я уже стал сбиваться со счета, сколько времени провел в этом бункере, когда наконец распахнулась дверь и вошел мужчина, облаченный в белый халат, с улыбкой, холодной, как воздух в комнате. Ему можно было дать от тридцати до сорока лет. Вероятно, это и был доктор Санхуан. Он обогнул стол и занял второй стул. Положив руки на стол, он несколько мгновений рассматривал меня с чуть заметным любопытством и лишь потом соизволил разомкнуть губы.

— Я догадываюсь, что вы только с дороги и устали, однако мне хотелось бы знать, почему не приехал сеньор Педро Видаль, — вымолвил он наконец.

— Он не смог.

Доктор пристально смотрел на меня и ждал. У него был ледяной взгляд и повадки человека, который не слушает, а вслушивается.

— Я могу увидеть ее?

— Вы никого не можете увидеть, пока не скажете правду и не объясните, что вам здесь нужно.

Я перевел дух и покорился. Я проехал сто пятьдесят километров не для того, чтобы лгать.

— Мое имя Мартин, Давид Мартин. Я друг Кристины Сагниер.

— Мы называем ее сеньорой Видадь.

— Мне безразлично, как вы ее называете. Я хочу увидеть ее. Немедленно.

Доктор вздохнул.

— Вы писатель?

Я нетерпеливо вскочил.

— Да что это за место такое? Почему, в конце концов, я не могу ее увидеть?

— Сядьте. Пожалуйста. Прошу вас.

Доктор указал на стул и подождал, пока я снова усядусь.

— Могу я поинтересоваться, когда вы в последний раз виделись или разговаривали с ней?

— Больше месяца назад, — ответил я. — А в чем дело?

— Вы можете назвать кого-то, кто видел ее или беседовал с ней после вас?

— Нет. Не знаю. Что тут происходит?

Доктор прикрыл правой рукой рот, тщательно взвешивая свои слова.

— Сеньор Мартин, боюсь, у меня плохие новости.

Я почувствовал, как внутри у меня все сжимается.

— Что с ней?

Доктор молча смотрел на меня, и впервые мне почудилась в его взгляде тень сомнения.

— Я не знаю, — ответил он.

Мы миновали короткий коридор с металлическими дверями по бокам. Доктор Санхуан шел впереди с большой связкой ключей в руках. Мне чудилось, что из-за дверей нам вслед раздавались голоса и бормотание, тонущее в смешках и рыданиях. Комната находилась в конце коридора. Доктор отпер дверь и замер на пороге, бесстрастно глядя на меня.

— Пятнадцать минут, — сказал он.

Я вошел в комнату и услышал, как доктор закрывает дверь за моей спиной. Моему взору открылось помещение с высокими потолками и белыми стенами, отражавшимися в сверкающих плитах пола. Сбоку стояла кровать с металлическим каркасом, окутанная тюлевым пологом. На кровати никого не было. Из большого окна разворачивался вид на заснеженный сад, деревья и панораму озера за ними. Я заметил ее, только сделав несколько шагов вперед.

Кристина сидела в кресле у окна, одетая в белую ночную рубашку, с волосами, заплетенными в косу. Я присел у кресла и заглянул ей в лицо. Ее глаза, казалось, остекленели. Она даже не моргнула, когда я встал рядом с ней на колени. Я накрыл ее руку своей, но она не шелохнулась. И только тогда я обратил внимание на бинты, покрывавшие ее руки от запястий до локтей, и веревки, которыми она была привязана к креслу. Я погладил Кристину по щеке, стерев медленно катившуюся слезу.

— Кристина, — пробормотал я.

Ее взгляд по-прежнему был устремлен в пустоту, и она не осознавала моего присутствия. Я подвинул к окну стул и сел перед ней.

— Я Давид, — прошептал я.

Четверть часа мы просидели молча. Я держал ее за руку, ее взор блуждал где-то в пространстве, и мои слова оставались без ответа. Потом я услышал, как вновь открывается дверь, и кто-то потряс меня за плечо. Это вернулся доктор Санхуан. Я покорно позволил вывести себя в коридор. Доктор запер дверь и проводил меня обратно в холодный кабинет. Я беспомощно упал на стул и посмотрел на доктора, не в силах вымолвить ни слова.

— Хотите ненадолго остаться один? — спросил он.

Я кивнул. Доктор удалился, прикрыв за собой дверь. Я взглянул на свою руку. Она дрожала, и я сжал пальцы в кулак. Я больше не чувствовал зябкого холода этой комнаты, не слышал криков, проникавших сквозь стены. Я только понимал, что мне не хватает воздуха и мне необходимо выбраться из этого места.

Доктор Санхуан нашел меня в ресторане гостиницы «Лаго». Я сидел у камина над нетронутой тарелкой. В зале больше никого не было, кроме девушки, обходившей пустые столы и тряпочкой натиравшей до блеска приборы, расставленные на скатертях. За окнами сгустились сумерки, и

неторопливо падал снег, похожий на голубую стеклянную пыль. Доктор приблизился к моему столику и улыбнулся.

— Так и думал, что встречу вас здесь, — сказал он. — Все приезжие в итоге останавливаются в этой гостинице. И я тоже провел тут первую ночь, когда приехал десять лет назад. Какой номер вам дали?

— С видом на озеро. Вроде бы номер для новобрачных.

— Это сомнительно. Так всем говорят.

За пределами цитадели санатория и без белого халата доктор Санхуан выглядел более непринужденным и приветливым.

— Без униформы я вас с трудом узнал, — осмелился высказаться я.

— Медицина сродни армии. Какой монах без сутаны, — отозвался он. — Как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Бывало и хуже.

— Да уж. Я огорчился, когда не застал вас, вернувшись за вами в кабинет.

— Мне нужно было выйти на воздух.

— Понимаю. Но я надеялся, что вы окажетесь менее впечатлительным.

— Почему?

— Потому что вы нужны мне. Вернее, вы нужны Кристине.

Я проглотил комок в горле.

— Наверное, вы сочли меня трусом, — заметил я.

Доктор отрицательно покачал головой.

— Как долго она находится в таком состоянии?

— Несколько недель. Фактически с тех пор, как появилась здесь. С течением времени ей становится хуже.

— Кристина осознает, где она?

Доктор пожал плечами:

— Трудно сказать.

— Что с ней произошло?

Доктор Санхуан вздохнул.

— Четыре недели назад ее нашли неподалеку отсюда, на деревенском кладбище. Кристина лежала на могиле отца. Она замерзала и бредила. Кристину доставили в санаторий потому, что один из жандармов вспомнил ее. Он познакомился с ней в прошлом году, когда она жила тут несколько месяцев, ухаживая за отцом. Очень многие в поселке ее знали. Мы поместили ее к себе и обследовали в течение пары дней. Она страдала обезвоживанием и, возможно, не спала много дней. Порой к ней возвращалось сознание. Когда это происходило, она говорила о вас. Она утверждала, что вам угрожает серьезная опасность. Она заставила меня

поклониться, что я никому не стану сообщать о ней, ни мужу, ни единой живой душе, пока она сама не сможет дать о себе знать.

— И все же почему вы не поставили в известность Видаля о том, что с ней и где она?

— Я бы так и поступил, но... Вам это покажется абсурдным.

— Что именно?

— У меня возникло ощущение, что она пытается скрыться, и я подумал, что мой долг помочь ей.

— Скрыться от кого?

— Точно не знаю, — сказал он со значением.

— На что вы намекаете, доктор?

— Я всего лишь врач. Некоторые вещи находятся за пределами моего понимания.

— Какие вещи?

— Кристина считает, что нечто или некто вселился в нее и стремится ее уничтожить.

— Кто?

— Мне известно только, что, по ее мнению, это связано с вами, а также то, что нечто или некто внушает ей ужас. Вот почему я думаю, что никто больше не в состоянии ей помочь. И поэтому я не известил Видаля, как следовало бы. Я не сомневался, что рано или поздно вы приедете к нам.

Он посмотрел на меня со странной смесью жалости и раздражения.

— Мне она тоже дорога, сеньор Мартин. За те месяцы, что Кристина провела тут, навещая отца... мы с ней стали близкими друзьями. Полагаю, она вам обо мне не рассказывала, да и с какой стати ей было это делать. Ей приходилось очень тяжело в то время. Она многое поведала мне, и я ей тоже — вещи, которых не поверял прежде никому. Более того, я предложил ей выйти за меня замуж, так что, как видите, мы, врачи, здесь тоже немного чокнутые. Конечно, она мне отказала. Не понимаю, зачем я вам говорю об этом.

— Но она придет в себя, правда, доктор? Кристина поправится...

Доктор Санхуан перевел взгляд на огонь в камине и печально улыбнулся.

— Я надеюсь, — ответил он.

— Я хочу забрать ее.

Доктор вскинул брови.

— Забрать? Куда?

— Домой.

— Сеньор Мартин, позвольте говорить начистоту. Помимо того, что вы

не являетесь кровным родственником, а также мужем пациентки, что, в сущности, лишь формальность, Кристина не в том состоянии, чтобы ехать с кем-то куда бы то ни было.

— Ей лучше оставаться в больнице с вами, привязанной к креслу и накачанной лекарствами? Только не говорите, что вы снова готовы предложить ей замужество.

Доктор пристально посмотрел на меня, пытаясь пережить оскорбление, которое я, несомненно, нанес ему своими словами.

— Сеньор Мартин, я рад, что вы здесь, поскольку рассчитываю, что вместе мы сможем помочь Кристине. Надеюсь, ваше присутствие позволит ей выйти из гипотетического убежища, где она ищет спасения. Я верю в это, поскольку единственным словом, которое она произнесла за последние две недели, было ваше имя. И что бы с ней ни произошло, мне кажется, это имеет отношение к вам.

Доктор посмотрел на меня, словно ожидая от меня чего-то, что дало бы ответ на все вопросы.

— Я считал, что она бросила меня, — начал я. — Мы собирались в путешествие, планировали уехать в другую страну. Я вышел на минуту купить билеты на поезд и уладить финансовые дела. Я отсутствовал не больше полутора часов. Когда я вернулся домой, Кристина ушла.

— Ничего не произошло перед ее уходом? Может, вы поссорились?

Я прикусил губу.

— Я бы не назвал это ссорой.

— А как вы назвали бы?

— Кристина рылась в моих рабочих бумагах. Я застал ее за этим занятием. Думаю, ее обидело то, что она могла расценить как недоверие с моей стороны.

— Бумаги были важными?

— Нет. Всего лишь рукопись. Черновик.

— Можно узнать, какого рода рукопись?

Я заколебался.

— Сказка.

— Детская сказка?

— Скорее история для семейного чтения.

— Ясно.

— Нет, ничего вам не ясно. Ссоры не было. Кристину слегка тревожило, что я не разрешаю ей прочесть рукопись, но не более того. Когда я расстался с ней, она чувствовала себя нормально, собирала вещи. Рукопись не имеет ровным счетом никакого значения.

Доктор неохотно кивнул, скорее из вежливости. Моя горячность его не убедила.

— Могло так случиться, что в ваше отсутствие кто-то пришел к вам в дом?

— Насколько я знаю, кроме Кристины, в доме никого не было.

— Вам не приходит в голову, по какой причине она решила выйти из дома до вашего возвращения?

— Нет. Зачем?

— Я только спрашиваю, сеньор Мартин. Я пытаюсь понять, что произошло с того момента, когда вы видели ее в последний раз, и до ее появления здесь.

— Она сказано, что или кто вселился в нее?

— Это лишь фигура речи, сеньор Мартин. Ничего в Кристину не вселялось. Отнюдь не редкость, когда пациенты, пережившие травматический опыт, ощущают присутствие покойных родственников или воображаемых личностей, а также прячутся в глубине своего сознания и закрывают двери, ведущие извне. Это эмоциональная реакция. Способ защититься от чувств или переживаний, которых человек не в состоянии вынести. Это не должно вас сейчас волновать. Имеет значение и может нам помочь совсем другое. Если кто-то ее и волнует теперь, то этот человек вы. Судя по тому, что она рассказывала мне в свое время и что останется между нами, и, опираясь на собственные наблюдения последних недель, я могу с уверенностью утверждать, что Кристина любит вас, сеньор Мартин. Любит, как не любила никого и никогда, и, конечно, не любила так меня. Поэтому я прошу вас помочь мне. Не поддавайтесь слепому страху или огорчению, помогите мне, поскольку мы оба хотим одного. Мы оба хотим, чтобы Кристина могла покинуть это место.

Я кивнул, испытывая чувство стыда.

— Простите, если раньше...

Доктор вскинул руку, призывая меня замолчать. Он встал и надел пальто. Затем подал мне руку, и я пожал ее.

— Я жду вас завтра, — сказал он.

— Спасибо, доктор.

— Спасибо вам. За то, что не оставили ее.

На следующее утро я вышел из гостиницы, когда солнце только начинало подниматься над замерзшим озером. Стайка детей играла на берегу. Дети метали камушки, пытаясь добросить их до корпуса маленькой лодки, затертой во льду. Снегопад прекратился, и вдали были хорошо

видны белые горы и проплывающие по небу величественные облака, напоминавшие крепости из пара. Я добрался до санатория «Вилла Сан-Антонио» незадолго до девяти. Доктор Санхуан дожидался меня в саду вместе с Кристиной. Они сидели на солнышке, доктор держал Кристину за руку и что-то ей говорил. Она едва смотрела в его сторону. Заметив, что я иду по саду, доктор помахал мне, знаками предлагая подойти. Для меня приготовили стул, поставив его напротив Кристины. Я сел и поднял на нее взгляд. Она смотрела мне в глаза, но не видела меня.

— Кристина, смотри, кто пришел, — сказал доктор.

Я взял Кристину за руку и наклонился к ней.

— Поговорите с ней, — велел доктор.

Я кивнул, теряясь от ее отсутствующего взгляда и не находя слов. Доктор поднялся и оставил нас вдвоем. Я видел, как он скрылся в здании санатория, однако прежде дал указание медсестре не спускать с нас глаз. Не обращая внимания на присутствие медсестры, я переставил стул поближе к Кристине. Поправив выбившуюся прядь волос у нее на лбу, я улыбнулся.

— Ты помнишь меня? — спросил я.

Я видел свое отражение в ее глазах, но не знал, видит ли она меня и слышит ли мой голос.

— Доктор сказал, что ты скоро поправишься и мы сможем уехать домой. Куда захочешь. Я думал отказаться от дома с башней, и мы уедем далеко, как ты хотела. Туда, где нас никто не знает и никто не станет интересоваться, кто мы такие и откуда приехали.

На руки ей надели шерстяные перчатки, скрывавшие бинты на руках. Она похудела, кожу прорезали морщины, губы были обветренными, взгляд потухшим и безжизненным. Я лишь улыбался, гладил ее лицо и лоб и говорил, говорил, не умолкая. Я рассказывал, как мне ее не доставало, как я скучал и искал повсюду. Так мы провели около двух часов. Потом вернулся доктор с одной из медсестер, и они увели Кристину в дом. Я остался сидеть в саду, не зная, куда идти, пока в дверях санатория вновь не появился доктор Санхуан. Он приблизился и сел рядом со мной.

— Она не произнесла ни слова, — сказал я. — Думаю, она даже не осознала, что я здесь...

— Ошибаетесь, друг мой, — возразил врач. — Процесс восстановления очень медленный, но, уверяю, ваше присутствие ей очень помогает.

Я с благодарностью принял подаяние и милосердную ложь доктора.

— Завтра повторим попытку, — сказал он.

Было примерно часов двенадцать дня.

— И что мне делать до завтра? — спросил я.

— Но вы же писатель? Пишите. Напишите что-нибудь для нее.

Я вернулся в гостиницу по берегу. Портье объяснил, как найти единственную в поселке книжную лавку, где я смог купить чистую бумагу и авторучку, пролежавшую на витрине с незапамятных времен. Вооружившись таким образом, я закрылся у себя в номере. Я подтащил стол к окну и заказал термос с кофе. Битый час я созерцал озеро и горы, прежде чем вывести первое слово. Я вспомнил старую фотографию, подаренную мне Кристиной. Тот снимок, на котором девочка ступает по деревянной пристани, вдающейся в море, и происхождение которого оставалось для нее загадкой. Я представил, как иду по этой пристани, ступая за ней след в след, и постепенно потекли слова, и стал в общих чертах появляться набросок маленького рассказа. Я понимал, что описываю историю, которую Кристина не сможет вспомнить, историю о том, как она очутилась девочкой над мерцающими водами за руку с незнакомцем. Я собирался написать историю воспоминания, которого не существовало, воспоминания об украденной жизни. Образы и свет, исходивший от текста, вернули меня снова в старую сумеречную Барселону, ведь мы оба были плотью от плоти ее. Я писал, пока не село солнце; в термосе не осталось ни капли кофе, замерзшее озеро заблестело отраженным светом голубоватой луны, а у меня заболели глаза и пальцы. Я бросил ручку и собрал со стола исписанные листы. Я не слышал, как портье стучал ко мне в дверь, спрашивая, намерен ли я спуститься к ужину. Я крепко заснул, вдруг уверовав, что слова, даже мои, обладают целительным свойством.

В таком духе прошло дня четыре. Я просыпался на рассвете и выходил на балкон, чтобы полюбоваться, как солнце окрашивает в красный цвет озеро, лежавшее внизу, у моих ног. Я приходил в санаторий примерно в половине девятого утра и обычно встречал доктора Санхуана, смотревшего на сад, сидя на ступеньках парадной лестницы с дымящейся кружкой кофе в руках.

— Никогда не спите, доктор? — спрашивал я.

— Не больше, чем вы, — отвечал он.

Около девяти доктор провожал меня в комнату Кристины и открывал

дверь. Мы оставались наедине. Я всегда находил ее в одном и том же кресле у окна. Я ставил рядом стул и брал ее за руку. Она едва осознавала мое присутствие. Потом я начинал читать ей отрывки рассказа, написанные для нее накануне. Каждый день я начинал читать сначала. Иногда я останавливался и, подняв глаза, с удивлением видел подобие улыбки на ее губах. Я проводил с ней весь день, ближе к вечеру снова приходил доктор и просил меня уйти. Потом я блуждал по пустынным улицам под снегопадом, возвращался в гостиницу, ужинал, поднимался к себе в номер и продолжал писать, пока усталость не валила меня с ног. Дни утратили название.

На пятый день, как повелось, я вошел утром в комнату к Кристине и увидел, что кресло, где она обычно сидела, пусто. Я встревоженно принялся озираться и нашел ее скорчившейся на полу. Она сидела, съежившись в углу, обнимая руками колени, с лицом, залитым слезами. Заметив меня, она улыбнулась, и я понял, что она узнала меня. Я встал на колени рядом с Кристиной и обнял ее. Наверное, я никогда не был так счастлив, как в те жалкие мгновения, когда я ощущал ее дыхание на своем лице и видел, что в ее глазах сияет частица прежнего света.

— Где ты был? — спросила она.

В тот день доктор Санхуан разрешил мне вывести Кристину на часовую прогулку. Мы дошли до озера и сели на лавку. И Кристина начала пересказывать мне свой сон, историю девочки, которая жила в темном городе-лабиринте. Улицы и дома города были живыми и питались душами своих обитателей. Во сне, как в рассказе, который я читал ей день за днем, девочке удалось спастись. Она очутилась на пристани, вдававшейся в бескрайнее море. Девочка шла рука об руку с незнакомцем без имени и лица, который спас ее и теперь провожал до конца деревянного настила над водой, где кто-то ждал ее. Кто-то, кого ей ни разу не удалось увидеть, поскольку сон, как и мой рассказ, оставался неоконченным.

Кристина смутно вспоминала «Виллу Сан-Антонио» и доктора Санхуана. Она смутилась, рассказывая, что ей показалось, будто на прошлой неделе доктор сделал ей предложение. Время и пространство смешались в ее представлении. Иногда Кристине чудилось, что ее отец лежит в одной из палат и она приехала навестить его. Минутой позже она не могла вспомнить, как очутилась в санатории, а порой даже не задумывалась об этом. Кристина вспоминала утро своего таинственного исчезновения и что я ушел покупать билеты на поезд. Но временами ей казалось, что это произошло вчера. Иногда она путала меня с Видалем и просила прощения. Случались мгновения, когда ужас искажал ее лицо и

дрожь сотрясала тело.

— Он приближается, — говорила она. — Я должна идти. Пока он тебя не увидел.

Тогда она погружалась в продолжительное молчание, переставая осознавать мое присутствие и окружающий мир, словно нечто увлекало ее в отдаленное и недоступное место. Шли дни, и я начал постигать печальную истину, что Кристина потеряла рассудок. Надежда, вспыхнувшая в первый миг, обрела привкус гречи. Возвращаясь на ночь в свою келью в гостинице, я порой чувствовал, как в душе разверзается знакомая бездна мрака и ненависти, оставшаяся, как я думал, в далеком прошлом. Доктор Санхуан, наблюдавший за мной столь же терпеливо и внимательно, как за своими пациентами, предупреждал, что подобное произойдет.

— Вы не должны терять надежду, друг мой, — внушал он. — Мы делаем большие успехи. Поверьте.

Я послушно соглашался и приходил день за днем в санаторий, чтобы повести Кристину на прогулку к озеру, выслушать путанные обрывки ее воспоминаний, которые она повторяла десятки раз, но каждый день открывала их для себя заново. Кристина каждый день спрашивала, где я был, почему не вернулся за ней, почему оставил одну. Каждый день Кристина смотрела на меня из глубины невидимой своей клетки и просила обнять. И каждый день, прощаясь, она спрашивала, люблю ли я ее, и я неизменно отвечал:

— Я всегда буду любить тебя. Вечно.

Однажды ночью меня разбудил громкий стук в дверь гостиничного номера. Было три утра. Плохо соображая, я дотащился до двери и увидел на пороге одну из медсестер санатория.

— Доктор Санхуан просил меня привести вас.

— Что случилось?

Через десять минут я входил в санаторий «Вилла Сан-Антонио». Крики были слышны даже в саду. Кристина заперлась у себя в комнате. Доктор Санхуан, выглядевший как человек, не спавший неделю, с помощью двух санитаров пытался выбить дверь. Было слышно, как Кристина внутри кричит и бьется о стены, опрокидывая мебель и сокрушая все, что попало на пути.

— Кто с ней в комнате? — спросил я, похолодев.

— Никого, — отвечал доктор.

— Но она с кем-то разговаривает, — возразил я.

— Она одна.

Прибежал охранник с толстым металлическим ломом.

— Вот все, что есть, — сказал он.

Доктор кивнул. Охранник вогнал лом в щель замка и принялся его ломать.

— Как она ухитрилась закрыться? — спросил я.

— Не знаю.

Впервые я заметил тень страха на лице доктора, избегавшего смотреть мне в глаза. Охранник почти доломал замок своей железкой, как вдруг по ту сторону двери воцарилась тишина.

— Кристина? — позвал доктор.

Ответа не последовало. Дверь наконец подалась и резким толчком распахнулась внутрь. Я устремился вслед за доктором в помещение, погруженное в темноту. Окно стояло нараспашку, и ледяной ветер гулял по комнате. Стулья, столы и кресла были перевернуты и поломаны. Стены покрывали пятна, которые в первый момент я принял за беспорядочные мазки черной краски. Но это была кровь. Кристина исчезла.

Санитары выбежали на балкон, обшаривая глазами сад в поисках следов на снегу. Доктор озираясь по сторонам, высматривая Кристину. Неожиданно мы услышали смех. Он доносился из ванной комнаты. Я бросился к двери ванной и открыл ее. Пол рассыпью покрывали битые стекла. Кристина сидела, привалившись к чугунной ванне, точно сломанная кукла. Руки и ноги у нее кровоточили, покрытые порезами и ранками, из которых торчали острые края стекол. Ее кровь все еще стекала по трещинам, паутиной затянувшим зеркало, разбитое ударами кулаков. Я обнял Кристину и поймал ее взгляд. Она улыбнулась.

— Я его не пустила, — сказала она.

— Кого?

— Он хотел, чтобы я забылась, но я его не пустила, — повторила она.

Доктор встал на колени рядом со мной и осмотрел порезы и раны на теле Кристины.

— Пожалуйста, — пробормотала она, отстраняясь от меня. — Не сейчас.

Один из санитаров побежал за носилками. Я помог им уложить Кристину и держал за руку, пока ее несли в амбулаторию. Там доктор Санхуан сделал ей укол транквилизатора, почти мгновенно погрузивший ее в бессознательное состояние. Я оставался около Кристины и смотрел в глаза, пока ее взгляд не превратился в пустое зеркало. Тогда медсестра взяла меня за локоть и деликатно выпроводила из кабинета. Я застыл

посреди коридора, в темноте, разившей дезинфицирующим средством, с обгагранными кровью руками и одеждой. Я прислонился к стене, потом медленно сполз на пол.

На следующий день Кристина очнулась. Она лежала, привязанная кожаными ремнями к кровати, заточенная в комнату без окон, единственным освещением которой была желтоватая лампочка под потолком. Я провел ночь, сидя в углу на стуле и глядя на нее, и полностью потерял представление о том, сколько прошло времени. Кристина открыла глаза внезапно, с болезненной гримасой — давали о себе знать многочисленные порезы и раны, покрывавшие ее руки.

— Давид? — позвала она.

— Я здесь, — откликнулся я.

Я приблизился к кровати и склонился над Кристиной, чтобы она увидела мое лицо и безжизненную улыбку, которую мне удалось выдавить.

— Я не могу пошевелиться.

— Ты привязана ремнями. Для твоего же блага. Как только придет доктор, он тебя развяжет.

— Развяжи меня сам.

— Не могу. Только доктор имеет право...

— Пожалуйста, — взмолилась она.

— Кристина, лучше, если...

— Пожалуйста.

В ее глазах отражались боль и страх, но, главное, в них светилось ясное, незамутненное сознание, чего я не видел ни разу за все то время, что посещал ее в санатории. Она вновь стала собой. Я развязал два верхних ремня, оплетающих ее плечи и пояс. И ласково погладил ее по щеке. Кристина дрожала.

— Тебе холодно?

Она качнула головой.

— Может, позвать доктора?

Она снова отрицательно покачала головой.

— Давид, посмотри на меня.

Я присел на край кровати и заглянул ей в глаза.

— Ты должен уничтожить ее, — сказала она.

— О чем ты?

— Ты должен уничтожить ее.

— Что?

— Книгу.

— Кристина, будет лучше, если я позову доктора...

— Нет. Послушай меня. — Она с силой стиснула мою руку. — Помнишь то утро, когда ты ушел за билетами? Я снова поднялась в кабинет и открыла кофр.

Я тяжело вздохнул.

— Я нашла рукопись и начала ее читать.

— Это всего лишь сказка, Кристина...

— Не лги мне. Я читала ее, Давид. По крайней мере прочитала достаточно, чтобы понять, что ее необходимо уничтожить...

— Не переживай из-за этого теперь. Я же сказал, что отказался от работы над рукописью.

— Но он не отказался от тебя. Я пыталась сжечь ее...

Услышав последние слова, я на миг выпустил ее руку, подавляя холодную ярость. Я вспомнил, что нашел на полу в кабинете горелые спички.

— Ты собиралась ее сжечь?

— Но не сумела, — пробормотала она. — В доме кто-то был.

— В доме не было никого, Кристина. Никого.

— Как только я зажгла спичку и поднесла пламя к рукописи, я почувствовала, что он стоит за спиной. Меня ударили по затылку, и я упала.

— Кто ударил тебя?

— Вокруг все потемнело, словно дневной свет ушел куда-то и не мог найти пути назад. Я повернулась, но было очень темно. Я увидела только его глаза. Глаза как у волка.

— Кристина...

— Он вырвал у меня рукопись и снова положил ее в кофр.

— Кристина, тебе нехорошо. Разреши, я позову доктора и...

— Ты меня не слушаешь.

Я улыбнулся ей и поцеловал в лоб.

— Конечно, слушаю. Но в доме больше никого не было...

Она закрыла глаза и наклонила голову, издав стон, словно мои слова как кинжалы пронзили ей внутренности.

— Я позову врача...

Наклонившись, я снова поцеловал Кристину и встал. Направляясь к двери, я спиной чувствовал ее взгляд.

— Малодушный, — сказала Кристина.

Когда я вернулся в комнату с доктором Санхуаном, Кристина развязала последние ремни и, покачиваясь, шла к двери, оставляя кровавые следы на светлой плитке. Мы вдвоем подхватили ее и снова уложили на кровать.

Кристина кричала и вырывалась с неистовством, от которого кровь стыла в жилах.

Шум и крики всполошили весь медперсонал. Охранник помог нам держать Кристину, пока доктор снова привязывал ее ремнями. Обездвижив ее, доктор сердито посмотрел на меня.

— Я сделаю ей еще один укол. Оставайтесь здесь и не смейте больше развязывать ремни.

Я оставался с ней наедине всего минуту и хотел успокоить ее. Кристина продолжала вырываться, пытаясь освободиться от пут. Я обхватил ладонями ее лицо, стараясь заглянуть в глаза.

— Кристина, пожалуйста...

Она плюнула мне в лицо.

— Убирайся!

Доктор возвратился в сопровождении медсестры, которая несла металлический поднос со шприцем, марлевыми салфетками и стеклянной ампулой с желтоватой жидкостью.

— Выйдите, — велел доктор.

Я отступил к порогу. Медсестра прижала Кристину к кровати, а доктор сделал ей укол успокоительного лекарства в руку. Кристина душераздирающе кричала. Я зажал руками уши и выскочил в коридор.

«Малодушный, — повторил я про себя. — Малодушный».

За санаторием «Вилла Сан-Антонио» начиналась дорога, окаймленная деревьями, росшими вдоль сточной канавы. Дорога шла из поселка. На карте, висевшей в рамке в ресторанном зале гостиницы «Лаго», она была обозначена романтическим названием «аллея Влюбленных». В тот день, покинув санаторий, я решил пойти по этой тенистой тропе, сулившей, помимо любовных утех, еще и одиночество. Я прошагал около получаса, не встретив на своем пути ни души. Селение осталось позади, и угловатый силуэт «Виллы Сан-Антонио», а также большие особняки, окружавшие озеро, стали казаться картонными аппликациями, наклеенными на горизонт. Я сел на одну из скамеек, пунктиром отмечавших маршрут, и смотрел, как садится солнце на краю долины Сердания. Метрах в двухстах от моей скамейки, посреди чистого поля, занесенного снегом, вырисовывался силуэт маленькой часовни. Не понимая зачем, я встал и, прокладывая стежку по нетронутому снегу, направился к строению. Когда

до часовни оставалось не больше дюжины метров, я разглядел, что у часовни нет дверей. Каменная кладка почернела от пламени, спалившего сооружение. Я поднялся по ступеням, которые вели к проему, некогда служившему входом, и сделал несколько шагов внутрь. Среди пепла и головешек выступали обугленные остатки скамей и балок, обрушившихся с потолка. Сорняки расползлись по всему помещению и оплетали руины алтаря. Закатное солнце пробивалось сквозь узкие оконца. Я сел на то, что осталось от скамьи перед алтарем, и прислушался к свисту ветра в щелях купола, разрушенного огнем. Я возвел глаза к небу. Как мне хотелось иметь хотя бы крупицу той веры, которую питал мой добрый друг Семпере, веру в Бога или в книги, и с этой верой помолиться небесам или преисподней, чтобы мне дали еще один шанс и позволили забрать отсюда Кристину.

— Пожалуйста, — прошептал я, глотая слезы.

Взглянув на себя со стороны, я горько усмехнулся — побежденный, сломленный человек, вымаливающий ничтожную малость у Бога, в которого он никогда не верил. Осмотревшись, я увидел дом Господень, обращенный в руины и пепел, обитель пустоты и одиночества, и понял, что сегодня же ночью приду за Кристиной. И мне не нужно ни чудо, ни благословение. Мне нужна только одна решимость вытащить ее из этого ада и вырвать из лап малодушного влюбленного доктора, вздумавшего сделать из нее Спящую красавицу. Я скорее сожгу дом, чем позволю кому-то снова наложить на нее руки. Я увезу ее домой, чтобы умереть рядом. И моими проводниками станут гнев и ненависть.

Я ушел из часовни в сумерках, перебрался через серебряное поле, искрившееся в лунном свете, и вернулся на дорогу. Я шел ориентируясь в потемках по очертаниям канавы. Наконец вдалеке забрезжил свет «Виллы Сан-Антонио» и обозначился лес башен и мансард вокруг озера. Когда я дошел до санатория, то не стал нажимать кнопку звонка на воротах, а просто перелез через стену и крадучись пересек в темноте сад. Я обошел дом и приблизился к черному ходу. Дверь была заперта, но я, не колеблясь ни секунды, ударил в стекло локтем, высаживая его, чтобы дотянуться до щеколды. Наконец я ступил в коридор, прислушиваясь к доносившимся голосам и бормотанию и ощущая витавший в воздухе резкий запах бульона, исходивший с кухни. Я пробрался через весь этаж до комнаты в глубине, где добрый доктор без малейших колебаний заточил Кристину, мечтая превратить ее в Спящую красавицу, опутанную ремнями и вечно витающую в облаках под воздействием лекарств.

Я предполагал, что уткнувшись в запертую дверь, однако ручка

повернулась под моей рукой, тупо саднившей от порезов. Толкнув дверь, я вошел в помещение. Я с изумлением увидел, что мое дыхание клубами пара поплыло перед моим лицом. В следующий момент я заметил, что светлые плиты пола испещрены кровавыми следами. Окно, выходившее в сад, было распахнуто настежь, и шторы колыхались от ветра. Постель опустела. Я подошел к кровати и вытащил конец одного из кожаных ремней, которыми доктор с санитарями связывали Кристину. Ремни были чисто перерезаны, словно бумажные ленты. Я выскочил в сад и увидел четко выделявшуюся на снегу цепочку красных следов, удалявшихся в сторону ограды. Я устремился в том направлении и ощупал каменную стену, окружавшую сад. На камнях остались пятна крови. Я вскарабкался на ограду и спрыгнул вниз. Неровная, петляющая дорожка следов вела в поселок. Помню, я бросился бежать.

Я следовал за отпечатками ног на снегу до парка, раскинувшегося вокруг озера. Полная луна пылала над большим ледяным зеркалом. И тут я ее увидел. Кристина, хромая, медленно шла по льду, оставляя за собой кровавый след. Ветер трепал подол ее белой рубашки. Когда я добежал до берега, Кристина удалилась метров на тридцать от кромки озера, продвигаясь к его центру. Я громко позвал ее по имени. Она плавно повернулась, и я увидел улыбку у нее на лице. А между тем от ее ног разбегалась паутина трещин. Я прыгнул на лед, почувствовал, как ледяная поверхность поддается и хрустит при каждом шаге, и бросился к Кристине. Она стояла неподвижно и смотрела на меня. Трещины вокруг ее ступней расширялись, превращаясь в ползучие плети черных расселин. Лед проседал подо мной, и я упал ничком.

— Я люблю тебя, — донеслись до меня ее слова.

Я пополз к ней, но сеть трещин ширилась у меня под руками, окружая Кристину со всех сторон. Нас разделяло всего несколько метров, когда я услышал, как лед ломается и проваливается у нее под ногами. Под Кристиной разверзлась черная пасть и поглотила ее, словно она упала в смоляной колодец. Как только Кристина исчезла в глубине, льдины сомкнулись, закрывая полынью, в которую она провалилась. Течение подхватило ее тело и протащило несколько метров подо льдом. Мне удалось поползти до той ловушки, где оказалась в плену Кристина, и я принялся изо всех сил долбить кулаками лед. Глаза Кристины были открыты, светлые волосы колыхались в воде, и она смотрела на меня снизу, сквозь полупрозрачную ледяную корку. Я бился, изранив руки, но все напрасно. Кристина не отводила от меня взгляда. Она подняла руку, коснулась пальцами льда и улыбнулась. Редкие пузырьки воздуха

выскользнули у нее изо рта, зрачки расширились в последний раз. Через мгновение ее тело стало медленно тонуть, навеки погружаясь в темноту.

Я не стал возвращаться в номер за вещами. Притаившись за деревьями, окаймлявшими озеро, я видел, как в гостиницу пришел доктор с парой жандармов. Сквозь стекла больших окон было удобно наблюдать, как они переговаривались с управляющим. Прячась по темным пустынным улицам, я покинул поселок и добрался до станции, окутанной туманом. Слабый свет, падавший от двух газовых фонарей, позволял различить контуры поезда, застывшего у перрона. Угадывался темный металлический остов красного семафора, горевшего на выезде. Машины локомотива не работали. Ледяные потеки застыли на рельсах и поручнях, как капли желатина. Вагоны были погружены в темноту, на стеклах окон осел иней. В конторе начальника станции свет тоже не горел. До отправления поезда оставалось порядочно времени, и на станции не было ни души.

Я подошел к одному из вагонов и попытался открыть дверь. Она была надежно заперта изнутри. Я спустился на рельсы и обошел поезд. Под покровом тени я вскарабкался на проходную площадку между соседними вагонами в конце состава и попытал счастья с дверью, соединявшей салоны. Мне повезло, она оказалась открытой. Я проскользнул в вагон и пробрался в темноте к первому попавшемуся купе. Я вошел и тотчас заперся изнутри. Дрожа от холода, я рухнул на сиденье. Я не осмеливался закрыть глаза из страха, что увижу взгляд Кристины, обращенный ко мне из-под ледяного покрова. Прошли минуты, а возможно, часы. В какой-то момент я стал недоумевать, зачем прячусь и почему не способен ничего почувствовать.

Я скрывался в пустом вагоне и, затаившись как беглец, ждал неизвестно чего, прислушиваясь к жалобному стону металла и дерева, прихваченных морозом. Я вглядывался в тени за окном, как вдруг луч фонаря скользнул по стенам вагона, и на перроне послышались голоса. Я протер пальцем глазок на покрытом изморозью стекле. Машинист и двое рабочих шагали к головному вагону состава. Метрах в десяти на платформе начальник станции разговаривал с жандармами. Эту парочку я видел вместе с доктором около гостиницы. Начальник станции кивнул и, на ходу доставая связку ключей, направился к поезду. Жандармы последовали за ним. Я снова спрятался в купе. Всего через пару секунд раздался звон

ключей, и дверца вагона с лязгом открылась. Я поднял защелку замка, оставив дверь купе открытой, и растянулся на полу под одним из диванов, вжимаясь в стену. Шаги жандармов приближались, голубоватые лучи фонариков, которыми они светили себе, прорезали темноту и скользили по застекленным дверцам купе. Когда шаги замерли напротив моего убежища, я затаил дыхание. Голоса смолкли. Я услышал щелчок открываемой двери и в паре десятков сантиметров от моего носа возникли сапоги. Жандарм постоял несколько мгновений и вышел, вновь захлопнув дверцу. Шаги протопали дальше по вагону.

Я лежал на полу неподвижно. Вскоре вагон вздрогнул, из решетки обогревателя повеяло теплом, обласкавшим мне лицо. Через час первые рассветные лучи заглянули в окна. Я выбрался из своей норы и огляделся, изучая обстановку. Пассажиры, поодиночке и парами, тащили по перрону чемоданы и узлы. Гул раскочегаренной машины паровоза мелкой дрожью передавался по стенам и днищу состава. Вскоре путешественники начали рассаживаться по вагонам, и проводник включил свет. Я снова занял место у окна и отвечал на приветствия попутчиков, проходивших мимо моего купе. Стрелки больших станционных часов показывали ровно восемь часов, когда поезд тронулся и заскользил вдоль перрона. И только после этого я смежил веки, слушая перезвон церковных колоколов в отдалении, словно эхо проклятия.

На обратном пути поезд постоянно останавливался. Часть железнодорожного полотна требовала ремонта, и мы прибыли в Барселону только к вечеру пятницы 23 января. На город давило багровое небо, затянутое паутиной черного дыма. Было жарко, как будто зима внезапно кончилась, и от решеток канализации поднимались влажные затхлые испарения. Открыв портал дома с башней, я нашел на полу белый конверт. Различив печать красного сургуча, я не позаботился поднять его, ибо заранее знал содержание письма: любезное напоминание о свидании с патроном в особняке у парка Гуэль, чтобы передать готовую рукопись. Я поднялся по лестнице в темноте и отпер дверь жилого этажа. Не зажигая свет, я напрямик направился в кабинет. Я подошел к окну и оттуда окинул взглядом комнату, наполненную адским заревом, отблеском полыхающего неба. Я представил всю сцену так, как описывала ее Кристина. Вот она стоит на коленях подле кофра, открывает его и вынимает папку с рукописью. Она читает проклятые страницы и понимает, что непременно должна их уничтожить. Она зажигает спички и подносит огонек пламени к бумаге.

«В доме кто-то был».

Я шагнул к кофру и замер на миг, словно шпионил, наблюдал за ней. Потом, наклонившись, я открыл кофр. Манускрипт лежал на месте, дожидаясь меня. Протянув руку, я коснулся папки, погладив ее кончиками пальцев. И тут я это заметил. Серебряный контур мерцал на дне сундука, точно жемчужина на дне водоема. Я взял предмет и повертел в пальцах, рассматривая в отсвете окровавленного неба. Брошь, изображавшая ангела.

— Сукин сын, — услышал я свой голос.

Из глубины шкафа я извлек шкатулку со старым револьвером отца и, открыв барабан, убедился, что оружие заряжено. Оставшиеся в коробке патроны я высыпал в левый карман пальто, а в правый сунул завернутый в платок револьвер. Перед уходом я задержался на миг, чтобы взглянуть в лицо незнакомцу, смотревшему на меня из зеркала в прихожей. Я улыбнулся, ощущая в крови леденящее спокойствие ненависти, и вышел в ночь.

Дом Андреаса Корелли возвышался на холме на фоне пелены багровых туч. За ним колыхалась роща теней парка Гуэль. Ветер шевелил ветви, и листья шелестели, как змеи в темноте. Я остановился у входа и окинул взглядом фасад. В доме не горела ни одна лампочка. Ставни на окнах были закрыты. За спиной я слышал дыхание собак, носившихся за стенами парка, выслеживая меня. Я вынул из кармана револьвер и повернулся к решетке входных ворот парка, сквозь которую виднелись силуэты псов, расплывчатых теней, наблюдавших за мной из полумрака.

Я подошел к двери дома и трижды коротко ударил дверным молотком. Ответа я ждать не стал. Я собирался разнести замок выстрелами, но это не потребовалось. Дверь была открыта. Я повернул бронзовую ручку, отжав язычок замка, и дубовая дверь медленно скользнула внутрь, увлекаемая собственным весом. Впереди открылся длинный коридор. Слой пыли, покрывавший пол, белел, словно тонкий песок. Я переступил порог и приблизился к лестнице, поднимавшейся вдоль боковой стены прихожей. Ее верхние ступени тонули в клубах сумрака. Я прошел дальше по коридору в гостиную. За мной следили десятки глаз из галереи старых фотографических портретов в рамках, развешенных по стенам. В доме царила мертвая тишина, слышались лишь мои шаги и дыхание. Я достиг конца коридора и замер. Закатный свет красными лезвиями проникал

сквозь ставни. Я поднял пистолет и переступил порог гостиной. Глаза успели привыкнуть к полутьме. Мебель в комнате была расставлена по-прежнему, но даже при скудном освещении становилось понятно, что она ветхая и погребена под толстым слоем пыли. Руины. Занавеси давно истлели, а облезшая краска на стенах висела лентами, напоминая змеиную чешую. Я направился к одному из окон, чтобы открыть ставни и впустить немного света. Метрах в двух от балкона меня настигло ощущение, что я не один в комнате. Я застыл, похолодев, затем медленно повернулся.

В углу гостиной явственно вырисовывался силуэт человека, сидевшего в кресле — на своем излюбленном месте. Кроваво-красный свет, сочившийся сквозь жалюзи, позволял различить начищенные ботинки и контуры костюма. Лицо полностью скрывала тень, но я знал, что он смотрит на меня. И улыбается. Я вскинул револьвер и прицелился.

— Я знаю, что вы сделали, — сказал я.

Корелли не дрогнул ни единым мускулом. Его фигура оставалась неподвижной, он затаился, как паук. Я шагнул вперед, целясь ему в лицо. Мне послышалось, будто кто-то вздохнул в темноте. На миг луч красного света отразился в его глазах, и я, преисполнившись уверенности, что он сейчас бросится на меня, выстрелил. Отдача при выстреле словно молотом ударила меня в плечо. Ствол револьвера курился голубоватым дымком. Одна рука Корелли соскользнула с подлокотника кресла, покачиваясь и царапая ногтями пол. И я выстрелил снова. Пуля попала в грудь и прожгла дымящуюся дыру в одежде. Я застыл, сжимая револьвер обеими руками, не осмеливаясь сделать ни шагу, не отрывая взгляда от неподвижной фигуры в кресле. Покачивание руки постепенно замедлялось, и наконец тело замерло, и ногти, длинные и отполированные, уткнулись в дубовый паркет. Тело, только что принявшее две пули, в лицо и в грудь, не издало ни звука и ни разу ни дернулось. Я отступил к окну, открыв створки ударом ноги, ни на миг не спуская глаз с кресла, где распростерся Корелли. Поток призрачного света хлынул с балкона и достиг угла гостиной, осветив тело и лицо патрона. Я попытался проглотить слюну, но рот у меня пересох. Первый выстрел проделал ему отверстие между глаз. Вторая пуля продырявила лацкан пиджака. Из ран не вытекло ни единой капли крови. Вместо крови из дырок сыпался порошок, тонкий и искрящийся, как в песочных часах, струйками скользивший по складкам его одежды. Глаза блестели, а губы застыли в саркастической усмешке. В кресле сидела кукла.

Я опустил револьвер (руки у меня все еще тряслись) и осторожно приблизился. Склонившись над гротескным манекеном, я медленно поднес

руку к его лицу. На миг я испугался, что стеклянные глаза вот-вот оживут, а пальцы с длинными ногтями вцепятся мне в горло. Я провел по щеке куклы кончиками пальцев. Дерево, расцвеченное эмалью. Я не удержался от горького смеха. Не стоило ожидать иного от патрона. Я вновь повернулся лицом к этой шутовской маске и с силой ударил ее кулаком, опрокинув куклу на бок. Она соскользнула на пол, и я принялся топтать и пинать ее. Деревянное туловище деформировалось, руки и ноги вывернулись под немыслимым углом. Я отступил на пару шагов, осмотрелся и, заметив большое полотно с образом ангела, сорвал его одним рывком. За картиной я нашел дверь в подвал, запомнившуюся мне с той ночи, которую провел в кресле в этой комнате. Проверив замок, я обнаружил, что дверь не заперта. Бросив взгляд на лестницу, спускавшуюся в колодезь, до краев наполненный тьмой, я направился к комоду. Именно в этом комоду, по моим воспоминаниям, у Корелли хранились сто тысяч франков во время нашей первой встречи в доме. Я обшарил ящики, и в одном из них нашел жестяную коробку со свечами и спичками. Я заколебался на миг, спросив себя, уж не оставил ли их патрон намеренно, догадываясь, что я найду их, как нашел куклу. Я зажег свечу и решительно пересек гостиную, направившись к двери. Бросив последний взгляд на сломанный манекен, подняв свечу высоко над головой и крепко сжимая в правой руке пистолет, я начал спуск.

Я продвигался вниз ступень за ступенью, останавливаясь и оглядываясь назад на каждом шагу. Спустившись в подвальное помещение, я отставил свечу как можно дальше и описал ею полукруг. Все осталось на своих местах: операционный стол, газовые лампы и поднос с хирургическими инструментами. Но предметы покрывала патина пыли и паутины. Однако в подвале появилось и кое-что новое. Привалившись к стене, в ряд выстроились фигуры, такие же неподвижные, как кукла патрона. Я поставил свечу на операционный стол и подошел ближе к безжизненным телам. Я узнал среди них мажордома, прислуживавшего нам с Корелли за ужином в саду, и шофера, отвозившего тогда меня домой. Некоторых персонажей я никогда не встречал. Черты одного манекена вообще оставались скрытыми, ибо он приткнулся лицом к стене. Я толкнул его стволом револьвера, переворачивая, и спустя миг смотрел на себя самого. Меня пробрала дрожь. У куклы, имитировавшей меня, была только половина лица. Вторая не имела оформленных черт. Я приготовился расплющить эту маску ударом ноги, и тут мой слух уловил приглушенный детский смех где-то на вершине лестницы. Я затаил дыхание, и тотчас послышалась серия сухих хлопков. Я бросился вверх по ступеням, и когда

выскочил на первом этаже, куклы патрона уже не было на том месте, где я бросил ее, сломанную. Отпечатки ног вереницей тянулась к порогу гостиной. Я взвел курок револьвера. Следы привели меня в коридор, выходящий в прихожую. Я остановился в проеме и поднял оружие. Следы исчезали в центре коридора. Я стал высматривать притаившуюся в темноте тень патрона, но не обнаружил даже намека на его присутствие. Входная дверь в конце коридора по-прежнему была открыта. Я крадучись приблизился к той точке, где обрывался след. Я не сразу обратил внимание на эту деталь. Только через несколько секунд я сообразил, что брешь в портретной галерее на стене, запомнившаяся мне по прежним визитам, теперь была заполнена. На вакантном месте появилась новая фотография в рамке. На этой фотографии, казалось, вышедшей из той же студии, что и все остальные экспонаты жутковатой коллекции, была изображена Кристина, в белом платье, напряженно смотревшая в объектив. И она была не одна. Обнимая за плечи, Кристину поддерживал ее хозяин, улыбавшийся в камеру. Андреас Корелли.

Я спустился с холма, углубившись в лабиринт темных переулков квартала Грасия. Там я нашел открытое кафе, переполненное посетителями, преимущественно местными жителями, горячо обсуждавшими политику или футбол — определить точнее было трудно. Я обошел скопление народа и, прорвавшись сквозь завесу дыма и шума, добрался до стойки. Трактирщик одарил меня неприветливым взглядом, каким, верно, встречал всех чужаков, к категории которых относились, с его точки зрения, обитатели любого места, находившегося за пределами двух ближайших к заведению улиц.

— Мне нужен телефон, — сказал я.

— Телефон только для клиентов.

— Налейте мне конька. И дайте телефон.

Трактирщик взял бокал и указал мне на проход в глубине зала, начинавшийся под табличкой «Писсуары». Там, в конце коридорчика, я нашел подобие телефонной кабины. Она располагалась как раз напротив входа в туалет, и туда легко проникали удушающая аммиачная вонь и шум, доносившийся из зала. Я снял трубку и подождал ответа на линии. Через несколько секунд мне ответила служащая коммутатора телефонной компании.

— Мне нужно позвонить в контору адвоката Валеры, которая находится по адресу: дом номер четыреста сорок два по бульвару Диагональ.

Девушке потребовалась пара минут, чтобы разыскать номер и соединить меня. Я ждал, прижимая трубку к одному уху и закрывая ладонью другое. Наконец мне подтвердили, что мой вызов принят, и секунду спустя я услышал голос секретарши адвоката Валеры.

— Сожалею, но адвоката Валеры в настоящее время нет в конторе.

— Это очень важно. Передайте ему, что звонит Мартин, Давид Мартин. Дело жизни и смерти.

— Я помню вас, сеньор Мартин. К сожалению, не могу соединить вас с адвокатом, поскольку его нет. Уже половина десятого вечера, и он давно ушел.

— Скажите мне тогда его домашний адрес.

— Я не могу предоставлять такого рода информацию. Извините. Если угодно, позвоните завтра утром и...

Я разъединился и снова стал ждать линию. На сей раз я продиктовал оператору номер, который дал мне Рикардо Сальвадор. Его сосед ответил на звонок и пообещал подняться и посмотреть, дома ли отставной полицейский. Сальвадор взял трубку через минуту.

— Мартин? Вы в порядке? Вы в Барселоне?

— Только что вернулся.

— Вам необходимо соблюдать осторожность. Полиция вас ищет. Ко мне приходили, расспрашивали о вас и об Алисии Марласке.

— Виктор Грандес?

— По-моему, да. Он разгуливает с двумя верзилами, которые совсем мне не понравились. Мне кажется, на вас хотят повесить убийства Роуреса и вдовы Марласки. Лучше бы вам поостеречься. Конечно, за вами будут следить. Если хотите, можете прийти сюда.

— Спасибо, сеньор Сальвадор. Я подумаю. Не хочу впутывать вас в новые неприятности.

— Делайте что хотите, но поберегитесь. Пожалуй, вы были правы — Хако вернулся. Не знаю зачем, но он вернулся. У вас есть план?

— В настоящий момент я пробую встретиться с адвокатом Валерой. Думаю, за всем этим стоит издатель, на которого работал Марласка, и думаю, что правду знает только Валера.

Сальвадор немного помолчал.

— Хотите, чтобы я пошел с вами?

— Полагаю, не стоит. Я позвоню вам, как только переговорю с

Валерой.

— Как угодно. Вы вооружены?

— Да.

— Отрадно слышать.

— Сеньор Сальвадор... Роурес упоминал о какой-то женщине из Соморростро, с которой советовался Марласка. Он познакомился с ней через Ирене Сабино.

— Ведьма из Соморростро.

— Что вы о ней знаете?

— Почти ничего. Сомневаюсь, что она существует, как и тот издатель.

Хако и полиция — вот о чем вам надо побеспокоиться.

— Я учту.

— Позвоните мне, как только что-нибудь узнаете, договорились?

— Непременно. Спасибо.

Я повесил трубку и, проходя мимо стойки, положил несколько монет в уплату за звонок и рюмку коньяка, которая так и осталась стоять нетронутой.

Через двадцать минут я стоял у дома номер 442 по бульвару Диагональ, глядя на освещенные окна конторы Валеры на верхнем этаже. Привратничья уже была закрыта, но я стучал до тех пор, пока не высунулся швейцар. Он двинулся к двери с весьма неприветливым видом, но как только приоткрыл ее, собираясь меня прогнать, я оттолкнул его и вошел в холл, не обращая внимания на протесты. Я направился напрямик к лифту. Швейцар попытался остановить меня, ухватив за плечо, но я бросил на него уничтожающий взгляд, побудивший его отказаться от воинственных намерений.

Удивление, отразившееся на лице секретарши Валеры, когда она увидела меня на пороге, быстро сменилось испугом, тем более что я сунул ботинок в щель, чтобы женщина не захлопнула дверь перед моим носом, и вошел без приглашения.

— Сообщите адвокату, — сказал я. — Немедленно.

Секретарша побледнела.

— Сеньора Валеры нет...

Я схватил ее за руку и потащил в кабинет адвоката. В помещении горел свет, но Валеры не было. Секретарша всхлипывала от страха, и я вдруг осознал, что стиснул ее руку так, что пальцы впиваются в плоть. Я выпустил ее и отступил. Женщину трясло. Я вздохнул и попытался изобразить успокаивающий жест, что привело только к тому, что она заметила револьвер, заткнутый за пояс брюк.

— Пожалуйста, сеньор Мартин... Клянусь, что сеньора Валеры нет.

— Я верю. Успокойтесь. Я всего лишь хочу поговорить с ним. Только поговорить.

Секретарша больше не возражала. Я улыбнулся ей.

— Будьте любезны, возьмите телефон и позвоните ему домой, — велел я.

Секретарша взяла трубку и заплетающимся языком назвала номер адвоката служащей коммутатора. Дождавшись ответа, она протянула трубку мне.

— Добрый вечер, — начал я.

— Мартин, какой неприятный сюрприз, — сказал Валера на другом конце линии. — Можно узнать, что вы делаете у меня в конторе в такое время суток, помимо того, что терроризируете моих сотрудников?

— Простите за беспокойство, адвокат, но мне необходимо срочно найти вашего клиента, сеньора Андреаса Корелли, и вы единственный, кто может мне помочь.

Установилось продолжительное молчание.

— Боюсь, вы ошибаетесь, Мартин. Я не могу вам помочь.

— Я надеялся, что мы сможем решить эту проблему полюбовно, сеньор Валера.

— Я вас не понимаю, Мартин. Я не знаком с сеньором Корелли.

— Простите?

— Я никогда его не видел, ни разу с ним не разговаривал, и тем более не знаю, где его найти.

— Напоминаю, что он нанимал вас, чтобы вытащить меня из полицейского управления.

— Недели за две до того случая мы получили от него по почте чек и письмо, где говорилось, что он является вашим партнером, и что инспектор Грандес портит вам жизнь, и чтобы мы выступили в защиту ваших интересов, если возникнет такая необходимость. К письму прилагался конверт, который он просил вручить вам лично в руки. Я ограничился тем, что депонировал чек и попросил своих знакомых в управлении, чтобы мне дали знать, если вас доставят в полицию. Именно так все и произошло. И, насколько вы помните, я выполнил свою часть обязательств и вызволил вас из полиции, наобещав Грандесу кучу неприятностей, если он не согласится выпустить вас на свободу. Не думаю, что у вас есть повод жаловаться на нашу работу.

На сей раз дара речи лишился я.

— Если не верите, попросите сеньориту Маргариту показать вам письмо, — добавил Валера.

— А ваш отец? — спросил я.

— Мой отец?

— Вашего отца и Марласку связывали деловые отношения с Корелли. Он должен был что-то знать...

— Уверяю вас, что мой отец никогда не вел напрямую никаких дел с этим сеньором Корелли. Всю переписку, если таковая имелаась, поскольку в архиве конторы не сохранилось никаких документов, вел лично покойный сеньор Марласка. Пожалуй, теперь, когда вы задали вопрос, я припоминаю, что отец стал сомневаться в существовании этого сеньора Корелли, особенно в последние месяцы жизни сеньора Марласки, когда тот связался, если можно так выразиться, с той женщиной.

— Какой женщиной?

— Хористкой.

— Ирене Сабино?

Я услышал, как он негодуяще фыркнул.

— Перед смертью сеньор Марласка создал денежный фонд, передав его в управление и на попечительство конторы. Из этого фонда необходимо было осуществить ряд переводов на счета, открытые на имя некоего Хуана Корберы и Марии-Антонии Санаухи.

«Хако и Ирене Сабино», — подумал я.

— Насколько велик был фонд?

— Это был вклад в иностранной валюте. Кажется, он составлял около ста тысяч французских франков.

— Марласка не рассказывал, откуда он взял эти деньги?

— У нас адвокатская контора, а не детективное агентство. Контора ограничилась выполнением инструкций, оговоренных в завещании сеньора Марласки, не подвергая их сомнениям.

— Какие еще распоряжения оставил сеньор Марласка?

— Ничего особенного. Простые выплаты третьим лицам, не имевшим никакого отношения ни к конторе, ни к семье.

— Не можете припомнить, кому именно?

— Мой отец занимался этими делами лично, чтобы информация, скажем так, компрометирующего свойства не стала известна служащим конторы.

— Вашего отца не удивило, что бывший компаньон пожелал заплатить столько денег неизвестным лицам?

— Конечно, ему это показалось странным. Ему многие вещи казались странными.

— Вы не помните, куда должны были перевести эти деньги?

— Помилуйте, как я могу помнить? С тех пор прошло по меньшей мере лет двадцать пять.

— Постарайтесь, — попросил я. — Ради сеньориты Маргариты.

Секретарша уставилась на меня с ужасом, и я подмигнул ей.

— Не смейте ее пальцем тронуть! — взвился Валера.

— Не доводите до греха, — сказал я. — Так как память? Восстанавливается?

— Я могу посмотреть в личных бухгалтерских книгах отца. И это все.

— Где они?

— Дома, среди его бумаг. Но на это потребуется немало времени...

Я повесил трубку и перевел взгляд на секретаршу Валеры. Женщина плакала. Я протянул ей носовой платок и легонько хлопнул по плечу.

— Ладно, сеньорита, не бойтесь, я уйду. Видите, я всего лишь хотел поговорить с ним.

Она испуганно закивала, не спуская глаз с револьвера. Я застегнул пальто и улыбнулся ей.

— И последнее.

Она подняла голову, опасаясь худшего.

— Дайте мне адрес адвоката. И не пытайтесь меня обмануть, потому что в противном случае я вернусь и, честное слово, оставлю свойственное мне добродушие на хранение швейцару.

Перед уходом я попросил сеньориту Маргариту показать, где у них проходит телефонный кабель, и оборвал его. Таким образом я избавил ее от искушения предупредить Валеру, что я намерен нанести ему светский визит, или сообщить в полицию о небольшом недопонимании между нами.

Адвокат Валера жил в монументальной усадьбе, похожей на норманнский замок, вклинившейся в застройку на пересечении улиц Жироны и Аусиас Марч. Я предположил, что адвокат унаследовал это уродство вместе с конторой. Каждый камень этого сооружения, верно, был скреплен кровью и потом многих поколений барселонцев, которые и мечтать не могли даже ступить на порог подобного дворца. Я сказал швейцару, что принес адвокату документы из конторы по поручению сеньориты Маргариты, и после минутного колебания он пропустил меня. Я неторопливо поднялся по лестнице, провожаемый настороженным взглядом швейцара. Лестничная площадка жилого этажа размерами

превосходила многие жилища, запомнившиеся мне с детства, в старом квартале Рибера всего в нескольких метрах отсюда. Дверной молоток был вещицей из литой бронзы. Едва взявшись за него, чтобы постучать, я заметил, что дверь открыта. Я несильно толкнул ее и заглянул в квартиру. От прихожей отходил длинный коридор метра три шириной со стенами, обитыми синим бархатом, украшенными картинами. Я притворил за собой дверь и вгляделся в жаркую темноту в конце коридора. Тихая музыка разливалась в пространстве, жалобная фортепьянная мелодия, грустная и изящная. Гранадос.

— Сеньор Валера? — позвал я. — Это Мартин.

Не дождавшись отклика, я ступил в коридор, отвечая на призыв печальной музыки. Я прошел мимо картин и ниш, в глубине которых скрывались фигуры мадонн и святых. Коридор представлял собой анфиладу арок, завешенных гардинами. Я миновал один занавес за другим, пока не достиг конца коридора, завершавшегося большим залом, погруженным в темноту. Зал имел прямоугольную форму, и все стены его от пола до потолка занимали книжные стеллажи. В глубине находилась массивная дверь. За приоткрытой створкой угадывался полумрак, мерцающий и насыщенный оранжевыми тонами от пылающего камина.

— Валера? — снова позвал я, повышая голос.

В полуоткрытой двери в ореоле света, распространявшемся от камина, появился силуэт. На меня с подозрением уставились два сверкающих глаза. Собака, похожая на немецкую овчарку, только с белой шерстью, медленно подошла ко мне. Я замер, украдкой расстегивая пальто, чтобы дотянуться до револьвера. Пес остановился у моих ног, посмотрел на меня и заскулил. Я погладил его по голове, и он лизнул мои пальцы. Потом он развернулся и засеменил обратно к двери, за которой подрагивало зарево камина. Собака остановилась в проеме и опять посмотрела на меня. Я пошел следом.

За дверью я увидел библиотеку, где преобладающей деталью интерьера являлся огромный камин. Комнату освещало только пламя камина, и на стенах и потолке плясали длинные тени. В середине комнаты на столе стоял граммофон, из которого звучала грустная музыка. У камина, спинкой к двери, покоилось широкое кожаное кресло. Собака приблизилась к креслу и снова повернула ко мне голову. Я подался вперед и увидел руку, лежавшую на подлокотнике, державшую сигару. От тлевшего кончика сигары к потолку плавно поднимались перья голубоватого дыма.

— Валера? Это Мартин. Дверь была открыта...

Собака растянулась у кресла, по-прежнему пристально глядя на меня. Я сделал несколько шагов к камину и обошел кресло. Адвокат Валера

сидел у огня с открытыми глазами и легкой улыбкой на губах. Он был одет в костюм-тройку и одной рукой придерживал на коленях тетрадь в кожаном переплете. Я встал напротив и заглянул ему в глаза. Его веки не вздрогнули. И вдруг я заметил красную слезу, кровавую слезу, медленно катившуюся у него по щеке. Я опустился перед ним на колени и взял у него тетрадь. Собака бросила на меня отчаянный взгляд. Я приласкал ее.

— Простите, — прошептал я.

Тетрадь была исписана от руки. Она представляла собой нечто вроде приходно-расходной книги. Каждая новая запись была отделена от предыдущей короткой чертой и предварялась датой. Валера открыл тетрадь посередине. Первая дата в начале открытой страницы свидетельствовала, что запись сделана 23 ноября 1904 года.

Уведомление о выплате (356-а/23-11-04). 7500 песет за счет фонда Д. М. Направлены с Марселем (лично) по адресу, указанному Д. М. Пассаж за старым кладбищем — скульптурная мастерская «Санабре и сыновья».

Я прочитал запись несколько раз, пытаюсь уловить хоть какой-то смысл. Я помнил тот пассаж с давних пор, когда еще работал в «Голосе индустрии». Это был жалкий переулок, погребенный за стенами кладбища Пуэбло-Нуэво, где приткнулись мастерские, изготавливавшие надгробные плиты и памятники. За кладбищем он сходил на нет, превращаясь в одну из грязных канав, пересекавших пляж Багатель и квартал бараков, тянувшийся до самого моря, — Соморростро. По какой-то причине Марласка распорядился выплатить приличную сумму одной из таких мастерских. На странице, помеченной упомянутой датой, имелась еще вторая запись, касавшаяся фонда Марласки. Речь шла о первых выплатах Хако и Ирене Сабино.

Банковский перевод из средств фонда Д. М. на счет Испано-колониального банка (отделение на улице Фернандо) № 008965-2564-1. Получатели Хуан Корбера — Мария-Антония Санауха. 1-я месячная выплата в размере 7000 песет. Установить график выплат.

Я продолжал листать тетрадь. Большинство записей касались расходов и небольших операций, связанных с деятельностью конторы. Мне пришлось просмотреть несколько страниц, заполненных загадочными

памятными заметками, прежде чем я нашел следующую запись, где упоминался Марласка. И снова была зафиксирована передача наличных денег через какого-то Марсея, возможно, одного из клерков конторы.

Уведомление о выплате (379-а/29-12-04), 15 000 песет за счет фонда Д. М. Переданы с Марселем. Пляж Багатель, вровень с береговой линией, 9 часов. Особа, с которой необходимо встретиться, должна подтвердить свою личность.

«Ведьма из Соморростро», — подумал я. После смерти Диего Марласка распределил значительную денежную массу через своего партнера. И этот факт противоречил подозрениям Сальвадора, будто бы Хако сбежал с деньгами. Марласка лично назначил выплаты и оставил деньги в фонде под опекой адвокатской конторы. Две записи о произведенных платежах наводили на мысль, что незадолго до гибели Марласка имел деловые отношения с мастерской надгробных памятников и какой-то темной личностью из Соморростро, и эти отношения вылились в перемещение крупных денежных сумм из одних рук в другие. Я закрыл тетрадь, пребывая в еще большей растерянности, чем прежде.

Я собирался уходить, но, повернув голову, заметил, что одна из стен, затянутых бордовым бархатом, увешана фотографиями в элегантных рамках. Я подошел к ним ближе и узнал волевое запоминающееся лицо патриарха Валеры, чей портрет маслом до сих пор господствовал в кабинете сына. Адвокат присутствовал почти на всех фотографиях в компании с выдающимися деятелями и патрициями города. По-видимому, снимки были сделаны на каких-то светских раутах и общественных мероприятиях. Стоило просмотреть с десятков фотографий и оценить должным образом статус лиц, позировавших со старым стряпчим, чтобы прийти к выводу, что адвокатская контора «Валера, Марласка и Сентис» играла ключевую роль в управлении городом. На некоторых фотографиях мелькал сын Валеры, на много лет моложе, чем теперь, однако безошибочно узнаваемый. Он всегда держался на втором плане, почти незаметный в тени патриарха.

Я почувствовал это раньше, чем увидел. На фотографии были изображены отец и сын Валера. Они стояли на тротуаре у дома номер 442 по бульвару Диагональ, на верхнем этаже которого располагалась контора. С ними вместе камера запечатлела высокого, видного мужчину. Его лицо можно было заметить и на многих других фотографиях коллекции. Обычно он появлялся на снимках рука об руку со старшим Валерой. Диего

Марласка. Я впился взглядом в худощавое строгое лицо, тревожные глаза, взиравшие на меня с моментальной фотографии двадцатипятилетней давности. Как и патрон, он не постарел ни на один день. Я с горечью улыбнулся, осознав всю глубину своей наивности. Это лицо я знал, однако запомнил его не по фотографии, любезно предоставленной моим добрым другом, почтенным отставным полицейским.

Человек, известный мне как Рикардо Сальвадор, оказался не кем иным, как Диего Марлаской.

Лестницу окутывала темнота, когда я покидал фамильный дворец рода Валера. Я ощупью пересек вестибюль и открыл дверь. Свет от уличных фонарей начертил по полу голубоватую прямоугольную дорожку, в конце которой я наткнулся на взгляд швейцара. Я быстрым шагом пошел прочь от дома, направляясь к улице Трафальгар, где находилась остановка ночного трамвая. Он доезжал до ворот кладбища Пуэбло-Нуэво, и на этот самый трамвай мы много раз садились вместе с отцом, когда я отправлялся с ним на ночное дежурство в «Голос индустрии». В вагоне почти не было пассажиров, и я сел вперед. Приближаясь к Пуэбло-Нуэво, трамвай углублялся все дальше в переплетение улиц, залитых большими, исходившими паром лужами. Городское освещение еле теплилось, и огни трамвая разрежали темноту, скользя по стенам домов и мостовой, как факел высвечивает рельеф тоннеля. Наконец показались ворота кладбища. Очертания крестов и памятников выступали на фоне бескрайней панорамы фабричных комплексов и труб, наполнявших небосвод черно-красным сиянием. Стая голодных псов кружила у подножия больших фигур ангелов, охранявших вход. На миг животные замерли в лучах фар трамвая. Их глаза засветились, словно у шакалов, а затем собаки бросились врассыпную, скрывшись во мрак.

Я выпрыгнул из трамвая на ходу и пошел вдоль стен, огибая кладбище. Трамвай удалялся подобно кораблю в тумане, набирая скорость. Я слышал и чуял собак, в темноте бежавших за мной по пятам. Добравшись до задворок кладбища, я остановился на углу переулка и наугад швырнул в них камнем. Послышался пронзительный визг, и удаляющийся дробный топот лап. Я свернул в переулок — всего лишь тесный проход между стеной и вереницей мастерских, где делали надгробные памятники, которых тут было множество: они в беспорядке громоздились один на

другом. Метрах в тридцати от начала переулка, под фонарем, отбрасывавшим пятно грязно-желтого света, покачивалась вывеска «Санабре и сыновья». Дверной проем закрывала только решетка, обмотанная цепью с ржавым висячим замком. Я снес его одним выстрелом.

Ветер, задувавший в переулок, пропитанный солоноватым запахом моря, бившегося о берег всего в ста метрах от этого места, унес эхо выстрела. Я открыл решетку и вошел в мастерскую «Санабре и сыновья». Отодвинув занавеску из темной ткани, скрывавшую интерьер мастерской, я впустил внутрь немного света от фонаря. За занавеской открывался узкий длинный проход, заставленный мраморными фигурами, застывшими в темноте. Лица изваяний в основном были незаконченными. Я сделал несколько шагов, лавируя между богородицами и мадоннами с младенцами на руках, дамами в белом с мраморными букетами и взглядом, обращенным к небесам, и каменными блоками, лишь начинавшими обретать форму. В воздухе витал запах каменной пыли. В мастерской не было ни души, только сонм безымянных образов. Я уже хотел вернуться, как вдруг увидел его. В глубине мастерской, нарушая плавную линию композиции фигур, обернутых тканью, выдавалась рука. Я приблизился, не чуя под собой ног, и скульптура открывалась мне сантиметр за сантиметром. Я остановился и окинул взглядом большую статую ангела света. Она в точности копировала брошь, некогда украшавшую лацкан пиджака патрона, которую я потом нашел на дне кофра у себя в кабинете. Изваяние достигало метров двух с половиной в высоту. Запрокинув голову, я заглянул ангелу в лицо и тотчас узнал черты и, главное, улыбку. На постаменте имелась мемориальная табличка. На камне была высечена надпись:

Давид Мартин
1900–1930

Я усмехнулся. Следовало признать, что мой добрый друг Диего Марласка обладал непревзойденным чувством юмора и умел преподносить сюрпризы. Я сказал себе, что удивляться нечему. В порыве вдохновения он предвосхитил события и приготовил мне знаковые проводы. Я опустился на колени перед надгробием и провел пальцами по своему имени. За спиной послышались легкие, несмелые шаги. Я повернулся и увидел ребенка. Этого мальчика я помнил. Он был одет в тот же черный костюмчик, что и несколько недель назад, когда ходил за мной хвостом на бульваре Борн.

— Сеньора будет говорить с вами сейчас, — сказал ребенок.

Я кивнул и встал с колен. Мальчик протянул мне руку, и я взял ее.
— Не бойтесь, — сказал он, направляясь вместе со мной к выходу.
— Я не боюсь, — пробормотал я.

Мальчик довел меня до конца переулка. Оттуда можно было смутно различить береговую линию, которую загораживал ряд разоренных амбаров и руины товарного поезда, брошенного на тупиковой ветке, поросшей сорняками. Вагоны насквозь проржавели, а от локомотива сохранился лишь остов — несколько котлов с рычагами, дожидавшихся, когда их разберут на части.

Луна в небе проглядывала сквозь прорехи в куполе свинцовых облаков. В открытом море виднелись глубоко зарывавшиеся в волны грузовые суда, а вдоль пляжа Багатель тянулось кладбище утлых рыбацких лодок и каботажных посудин, изъеденных непогодой и занесенных песком. С другой стороны, словно пласт отбросов на задворках цитадели индустриального мракобесия, растянулся квартал бараков Соморростро. Волны прибоя бились о берег всего в нескольких метрах от первой линии хижин из дерева и тростника. Струйки белого дыма курились над крышами этой юдоли нищеты, существовавшей между городом и морем как вечная человеческая свалка. Смерд от горящего мусора стойко держался в воздухе. Мы шли по закоулкам этого потерянного города, петлявшим между бараками, сложенными из ворованного кирпича, глины и досок, выброшенных приливом. Мальчик уверенно вел меня вглубь, не обращая внимания на подозрительные взгляды местных жителей. Безработные поденщики, цыгане, изгнанные из других таких же поселений, притулившихся на отрогах горы Монтжуик и напротив братских могил кладбища Канн-Тунис, дети и старики, выброшенные на улицу. Все смотрели на меня с недоверием. По пути нам встречались женщины неопределенного возраста, гревшие на костре воду или ужин в жестяных посудинах у дверей бараков. Мы остановились у белесого строения. У порога девочка со старушечьим лицом, припадая на иссушенную полиомиелитом ногу, тащила бадью, в которой копошилось нечто сероватое и клейкое. Угри. Мальчик указал на дверь.

— Это здесь, — сказал он.

Я в последний раз взглянул на небо. Луна вновь спряталась в тучах, и с моря наплывало темное марево.

Я вошел.

На ее лице лежала печать воспоминаний, а глазам могло быть и десять, и сто лет. Женщина сидела у маленького очага и завороженно смотрела на пляску языков пламени, как обычно смотрят дети. Седые волосы были заплетены в косу. Худощавого телосложения, она имела вид аскетичный, скупую мимику и спокойное выражение лица. На ней было белое платье, а вокруг шеи женщина повязала шелковый платок. Она тепло мне улыбнулась и указала на стул подле себя. Я сел. Несколько минут мы молчали, слушая потрескивание дров в очаге и журчание прилива. Время, казалось, остановилось рядом с ней. Ощущение, что необходимо спешить, подгонявшее меня по пути сюда, таинственным образом исчезло. Ее присутствие оказывало благотворное влияние, внушая ощущение безопасности. Вскоре жар очага пробрал меня до костей, растопив поселившийся там холод. Только тогда она отвела глаза от огня и, взяв меня за руку, разомкнула губы.

— Моя мать жила в этом доме сорок пять лет, — сказала она. — В то время он и домом-то не был, а всего лишь хижиной из тростника и обломков, выброшенных на берег приливом. И даже заработав некоторую репутацию и получив возможность уехать отсюда, мать этого не сделала. Она всегда говорила, что умрет в тот день, когда покинет Соморростро. Она родилась здесь, выросла среди береговых обитателей и оставалась тут до последнего. О ней всякое говорили. Многие любили посплетничать о ней, но мало кто знал ее по-настоящему. Находились такие, кто ее боялся и ненавидел. Даже после смерти. Я рассказываю вам это, поскольку считаю правильным, чтобы вы знали — я не та, кого вы ищете. Женщина, которую вы ищете или собирались найти и кого часто называли Ведьмой из Соморростро, была моей матерью.

Я посмотрел на нее в замешательстве.

— Когда?..

— Мать умерла в тысяча девятьсот пятом году, — сказала хозяйка. — Ее убили в нескольких метрах отсюда, на берегу моря, перерезали ножом горло.

— Сочувствую. Я надеялся, что...

— Многие надеялись. Желание верить сильнее смерти.

— Кто убил ее?

— Вы знаете кто.

После небольшой заминки я промолвил:

— Диего Марласка...

Она кивнула.

— Зачем?

— Чтобы заставить молчать. Чтобы спрятать концы в воду.

— Я не понимаю. Ваша мать помогала ему... Он сам щедро расплатился с ней за помощь.

— Именно поэтому он решил убить ее, чтобы она унесла его секрет в могилу.

Она наблюдала за мной с легкой улыбкой, как будто мое смятение ее развлекало и в то же время внушало жалость.

— Моя мать была женщиной простой, сеньор Мартин. Она выросла в нищете и не имела ничего, кроме желания выжить. Она так и не научилась ни читать, ни писать, зато умела заглядывать в души людей. Она чувствовала то, что они чувствовали, что скрывали и к чему стремились. Она читала истину в их взгляде, выражении лица, голосе, могла многое сказать о человеке, судя лишь по его манере ходить и жестикулировать. Она знала, что человек скажет или сделает, прежде чем это происходило. Поэтому многие считали ее колдуньей. Она обладала даром видеть в людях то, что сами они отказывались признавать. Она зарабатывала на жизнь, продавая любовные и приворотные зелья, которые готовила, добавляя в воду из канавы кое-какие травы и несколько крупинок сахара. Она помогала отчаявшимся поверить в то, во что им хотелось верить. Когда ее имя получило некоторую известность, к ней стали обращаться за помощью многие особы из высших слоев общества. Богатые хотели стать еще богаче. Могущественные жаждали еще большей власти. Ничтожные стремились к святости, а святые желали получить наказание за грехи, которых не хватило мужества совершить. Мать выслушивала всех и брала с них деньги. Благодаря этим деньгам она посылала меня и братьев учиться в колледжи, куда ходили дети ее клиентов. Она купила нам другие имена и другую жизнь вдали от этого места. Моя мать была славной женщиной, сеньор Мартин. Не заблуждайтесь. Она никогда не злоупотребляла своим влиянием на людей и не заставляла верить во что-то такое, в чем они не нуждались. По опыту она знала, что в жизни всем нам как воздух необходима большая и маленькая ложь. Она говорила, что если бы люди отважились посмотреть на реальность и себя самих без прикрас хотя бы в течение одного дня, от рассвета до заката, то в результате наложили бы на себя руки или лишились разума.

— Однако...

— Если вы пришли сюда в поисках волшебства, мне жаль вас разочаровывать. Мать объяснила мне, что волшебства не существует и в мире нет иной меры добра или зла, кроме той, которую внушаем себе мы сами, из жадности или простодушия, а порой в ослеплении безумия.

— Сомневаюсь, что именно это она говорила Диего Марласке, принимая от него деньги, — возразил я. — В те времена за семь тысяч песет можно было купить с десятков других имен и годы обучения в хороших колледжах.

— Диего Марласке нужна была вера. Моя мать помогла ему обрести ее. И все.

— Вера во что?

— В собственное спасение. Он был убежден, что предал самого себя и тех, кто его любил. Он верил, что погубил свою жизнь, ступив на путь зла и притворства. Мать считала, что он ничем не отличался в этом от большинства людей, в какой-то момент жизни решившихся посмотреть на себя в зеркало. Как правило, все они — низменные животные, кто кичится добродетелью и поглядывает на окружающих свысока. Однако Диего Марласка был совестливым человеком, и ему не понравилось собственное отражение. Вот почему он обратился к матери. Он потерял надежду и, наверное, рассудок.

— В чем же согрешил Марласка?

— Он сказал, что отдал свою душу тьме.

— Тьме?

— Его собственные слова. Тьме, которая следует за ним, имеет такой же облик, такое же лицо и такой же голос.

— Что это значит?

— Вина и раскаяние лишены значения и смысла. Это чувства, переживания. А не мысли.

Мне пришло в голову, что даже патрон не смог бы выразиться яснее.

— И чем ваша мать могла ему помочь? — спросил я.

— Ничем, только утешить и подарить немного успокоения. Диего Марласка верил в магию, и по этой причине мать решила, что должна убедить его, будто путь к спасению он может обрести через нее. Она рассказала ему старинное предание, легенду о рыбаках, которую слышала сама в детстве среди хибар на берегу. Когда человек теряет направление в жизни и чувствует, что смерть уже назначила цену за его душу, согласно легенде, он должен найти чистую душу, готовую пожертвовать собой ради него. Таким способом он спрячет под ней свое черное сердце, и слепая смерть пройдет мимо, не заметив его.

— Чистую душу?

— Безгрешную.

— И чем все закончилось?

— Несчастьем, разумеется.

— Какого рода?

— Кровавой жертвой. Одна душа взамен другой. Смерть взамен жизни.

Наступило молчание. Слышался только шум прибоя на берегу и ветра, гулявшего среди хижин.

— Ирене готова была выколоть себе глаза и вырвать сердце ради Марласки. Он стал смыслом ее существования. Она любила его самозабвенно и, как и сам он, верила, что его единственное спасение в магии. Сначала она хотела лишиться себя жизни, пожертвовав собой ради него. Мать ее отговорила, сказав то, что Ирене и так знала, — будто душа ее не безгрешна, а потому жертва окажется напрасной. Мать сказала это, чтобы спасти ее. Чтобы спасти обоих.

— От кого?

— От себя самих.

— И совершила ошибку...

— Даже она не могла предвидеть всего.

— Так что же сделал Марласка?

— Мать мне никогда не рассказывала. Она не хотела, чтобы я и братья имели хоть какое-то отношение к этой истории. Всех нас она отправила подальше, разослав по разным интернатам, желая, чтобы мы забыли, кто мы и откуда. Она говорила, что теперь все мы прокляты. Она вскоре умерла, в одиночестве. Мы узнали о смерти матери много времени спустя. Когда нашли ее труп, никто не осмелился притронуться к телу, и его унесло в море. Не нашлось смельчаков болтать о том, как она умерла. Но я знала, кто ее убил и почему. И я до сих пор уверена, что мать тоже знала, что ей предстоит умереть и от чьей руки. Она знала и пальцем не пошевелила, чтобы предотвратить гибель. В конце концов она тоже поверила. Поверила, так как не могла принять того, что совершила. Она верила, что, отдав свою душу, спасет нашу, ту, что здесь обитает. И поэтому она не захотела бежать отсюда, так как по древней легенде душа, отданная в жертву, должна оставаться вечной пленницей в том месте, где было совершено предательство, как повязка на глазах смерти.

— А где обитает душа, спасшая Диего Марласку?

Женщина улыбнулась:

— Нет ни душ, ни чудесного спасения, сеньор Мартин. Это всего лишь старые сказки и побасенки. Есть только пепел и воспоминания. Однако будь в них хоть крупинка правды, то душа, принесенная в жертву, находилась бы там, где Марласка совершил преступление. А эту тайну он скрывает долгие годы, чтобы обмануть свою судьбу.

— Дом с башней... Я живу там почти десять лет, но в доме нет ничего странного.

Женщина снова улыбнулась и, пристально посмотрев мне в глаза, наклонилась и поцеловала в щеку. Губы у нее были холодны, как у мертвой. Дыхание отдавало увядшими цветами.

— Скорее вы не посмотрели там, где следует, — прошептала она мне на ухо. — Скорее всего плененная душа — это ваша душа.

И тогда она развязала платок, замотанный вокруг горла, и я увидел большой уродливый шрам на шее. Теперь ее улыбка была злорадной, а глаза горели жестокостью и насмешкой.

— Скоро встанет солнце. Уходите, пока можете, — сказала Ведьма из Соморростро, поворачиваясь ко мне спиной и вновь устремив взгляд на огонь.

Мальчик в черной одежде появился на пороге и протянул мне руку, давая понять, что мое время истекло. Я встал и последовал за ним. Случайно повернув голову, я испугался, не узнав собственное отражение в зеркале, которое висело на стене. В этом зеркале также была видна сгорбленная фигура старухи, одетой в лохмотья, сидевшей у очага. Ее мрачный, недобрый смех провожал меня до порога.

Занимался рассвет, когда я вернулся в дом с башней. Замок на двери, выходящей на улицу, был взломан. Я толкнул дверь рукой и вошел в вестибюль. Металлические части запора с обратной стороны двери дымились, издавая едкий запах. Кислота. Я медленно поднимался по ступеням, убежденный, что столкнусь с Марлаской в полумраке на лестничной площадке или, повернувшись, увижу позади его ухмыляющееся лицо. Преодолевая последний пролет лестницы, я заметил, что замочная скважина верхней двери тоже носит следы воздействия кислоты. Сунув в отверстие ключ, я около двух минут вынужден был воевать с заклинившим замком. Он явно не поддавался усилиям взломщиков, хотя и был испорчен. Вытащив ключ, изъеденный кислотной субстанцией, я рывком распахнул дверь. Оставив ее открытой за спиной, я прошел в глубь коридора, не снимая пальто. Достав пистолет из кармана, я открыл барабан, вытряхнул пустые отстрелянные гильзы и заменил их новыми патронами — я много раз видел, как проделывает эту операцию мой отец, вернувшись под утро домой, и теперь в точности повторил его движения.

— Сальвадор? — крикнул я.

Подхваченный эхом, мой голос разнесся по всему дому. Я взвел курок и прошел через коридор до последней комнаты в его конце. Дверь была приоткрыта.

— Сальвадор? — снова позвал я.

Я наставил револьвер на дверь и открыл ее ударом ноги. В комнате Марласки не оказалось, только старые коробки и прочий хлам по-прежнему громоздились кучей вдоль стены. Я вновь почувствовал специфический запах, казалось, сочившийся сквозь стены. Я приблизился к шкафу, занимавшему дальнюю стену. Распахнув дверцы, я раздвинул старую одежду, висевшую на вешалках. Сырой и холодный воздух, сквозивший из дырки в стене, коснулся моего лица. Что бы Марласка ни спрятал в доме, оно находилось за этой стеной.

Я положил револьвер в карман и снял пальто. Нащупав край шкафа, я сунул руку в зазор между каркасом и стеной. Мне удалось зацепиться за угол, и я дернул шкаф на себя изо всех сил. Первым рывком я сдвинул конструкцию с места всего на несколько сантиметров, но это позволило ухватиться за заднюю стенку покрепче, и я снова поднатужился. Шкаф подался почти на пядь. Я продолжал тянуть и толкать тяжеленный каркас, пока наконец не открылась взору стена за ним. Я сумел протиснуться в образовавшуюся щель и, навалившись с противоположной стороны плечом, полностью сдвинул шкаф к соседней стене. Я перевел дух и принялся изучать стену. Покрашенная охрой, она отличалась по цвету от остальных стен. Под краской поверхность стены была покрыта чем-то вроде неотшлифованной глины. Я постучал по стене костяшками пальцев. Раздавшийся при этом звук не оставлял места сомнениям. Эта стена не являлась капитальной. И за ней что-то было. Я прижался ухом к стене и прислушался. И вдруг послышался шорох. В коридоре зазвучали шаги, и они приближались... Я медленно отступил от стены и протянул руку к пальто, брошенному на стул, чтобы взять револьвер. У порога вытянулась чья-то тень. Я затаил дыхание. Человек осторожно заглянул в комнату.

— Инспектор... — пробормотал я.

Виктор Грандес холодно мне улыбнулся. Наверное, они часами подкарауливали меня в каком-нибудь подъезде на улице.

— Делаете перестановку, Мартин?

— Навожу порядок.

Инспектор обвел взглядом кучу из одежды и ящиков, валявшуюся на полу, сдвинутый с места шкаф и молча кивнул.

— Я попросил Маркоса и Кастело подождать внизу. Я собирался

постучать, но вы оставили дверь открытой, и я позволил себе войти. Я сказал себе — уважаемый Мартин, наверное, ждет меня.

— Чем могу служить, инспектор?

— Не откажите в любезности, проводите меня до комиссариата.

— Я арестован?

— Боюсь, что так. Вы не станете доставлять мне хлопот, или вас придется уводить силой?

— Нет, — заверил я его.

— Весьма признателен.

— Можно взять пальто? — спросил я.

Грандес мгновение смотрел на меня в упор. Потом взял пальто и помог мне его надеть. Я чувствовал на бедре тяжесть револьвера. Я спокойно застегнул пуговицы. Прежде чем покинуть комнату, инспектор бросил последний взгляд на оголенную стену. Потом он кивком велел мне выйти в коридор. Маркос и Кастело поднялись на лестничную площадку и ждали с торжествующими улыбками. В конце коридора я остановился на мгновение и обернулся, чтобы взглянуть на свой дом, словно ухнувший в колодец темноты. Я не испытывал уверенности, что когда-нибудь снова увижу его. Кастело достал наручники, но Грандес отрицательно покачал головой:

— В этом нет необходимости, не так ли, Мартин?

Я кивнул. Грандес отворил дверь и подтолкнул меня несильно, но твердо к лестнице.

На сей раз не было ни эффекта неожиданности, ни мизансцен в стиле тремандизма, ^[58] ни гулких сырых и темных подвалов. Меня привели в просторное светлое помещение с высокими потолками. Оно навевало мысли о религиозном колледже для богатых с большим распятием у входа. Комната располагалась на втором этаже полицейского управления, и из окон можно было увидеть людей и трамваи, начавшие утреннее дефиле по Виа-Лайетана. В середине комнаты стояли два стула и металлический стол. Они казались крошечными, теряясь в обширном пустом пространстве. Грандес проводил меня к столу и потребовал, чтобы Маркос и Кастело оставили нас наедине. Полицейские подчинились приказу с большой неохотой и не сразу. Можно было почуять вкус ярости, которой они оба дышали. Грандес дождался их ухода и вздохнул с облегчением.

— Я думал, вы бросите меня на съедение львам, — обронил я.

— Сядьте.

Я послушался. Если бы не взгляды Маркоса и Кастело, которыми они наградили меня на прощание, железная дверь и решетки на окнах, никто бы не заподозрил, что мои дела плохи. Окончательно меня в этом убедили термос с горячим кофе, пачка папирос, положенная Грандесом на стол, но главное — его спокойная и обходительная улыбка. Чересчур уверенная. Инспектор был настроен весьма серьезно.

Он уселся напротив меня и открыл папку, из которой вынул пачку фотографий, и стал неторопливо раскладывать их на столе, одну за другой. На первом снимке я увидел мертвого адвоката Валеру в кресле у камина. Рядом с ним легла фотография трупа вдовы Марласки, вернее, того, что от него осталось вскоре после извлечения со дна бассейна в доме на шоссе Вальвидрера. Третий снимок представлял человечка с изуродованным горлом, походившего на Дамиана Роуреса. С четвертой фотографии на меня смотрела Кристина Сагниер, и я сообразил, что она сделана в день свадьбы Кристины с Педро Видалем. Две последние фотографии являлись студийными портретами моих прежних издателей, Барридо и Эскобильяса. Аккуратно выровняв в ряд шесть фотографий, Грандес устремил на меня непроницаемый взгляд и выдержал минутную паузу, наблюдая за реакцией на фотографии или отсутствием таковой. Затем с беспредельной бережливостью он отмерил две чашки кофе и одну подтолкнул ко мне.

— Прежде всего мне хочется дать вам возможность рассказать мне все, Мартин. В удобной вам форме и без спешки, — сказал он наконец.

— Это не поможет, — ответил я. — И ничего не изменит.

— Вы предпочитаете, чтобы мы устроили вам очную ставку с другими возможными подозреваемыми? Вашей помощницей, например? Как ее зовут? Исабелла?

— Оставьте ее в покое. Она ничего не знает.

— Так убедите меня.

Я бросил взгляд на дверь.

— Из этой комнаты только один выход, Мартин, — сказал инспектор, показывая мне ключ.

Я вновь ощутил тяжесть револьвера в кармане пальто.

— С чего мне начать?

— Вы писатель. Я прошу только говорить мне правду.

— Я не знаю, в чем она состоит.

— Правда — это то, что причиняет боль.

На протяжении более двух часов Виктор Грандес ни разу не раскрыл

рта. Он слушал внимательно, кивал в подходящий момент и время от времени делал пометки в блокноте. Сначала я смотрел на него, но вскоре начисто забыл о его присутствии. Как выяснилось, я рассказывал историю самому себе. Слова возвратили меня в прошлое, казалось, давно канувшее в небытие, к той ночи, когда у дверей редакции газеты убили отца. Я вспоминал время, проведенное в газете «Голос индустрии», годы, когда я выживал, сочиняя по ночам рассказы, и первое письмо, полученное от Андреаса Корелли, сулившее большие надежды. Я описал первую встречу с патроном у водосборника и дни, когда все мои перспективы сводились к неминуемой скорой смерти. Я поведал ему о Кристине и Видале, и о романе, финал которого мог бы предвидеть всякий, кроме меня. Я рассказал о двух написанных мною книгах, из которых одна вышла под моим собственным именем, а другая под именем Видаля, об утрате жалких надежд и о вечере, когда у меня на глазах мать выбросила в урну единственное, что я создал хорошего в жизни. Я не пытался разжалобить инспектора и не надеялся на его понимание. Я всего лишь пытался нарисовать воображаемую карту событий, которые привели меня в итоге в эту комнату и к ощущению абсолютной опустошенности. Я вернулся в особняк напротив парка Гуэль, к той ночи, когда патрон сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Я сообщил, как зародились у меня первые подозрения и что удалось раскопать из истории дома с башней. Я рассказал о странной смерти Диего Марласки и той паутине обмана, которой меня опутали со всех сторон. Вернее, я запутался в ней сам в угоду своему тщеславию, алчности и желанию жить любой ценой. Жить, чтобы рассказать эту историю.

Я не упустил ничего. Ничего, кроме самого важного, о чем я не осмелился напоминать даже самому себе. В моем повествовании я вернулся в санаторий «Вилла Сан-Антонио» за Кристиной, но нашел только цепочку следов, терявшихся в снегу. Может быть, если повторять это снова и снова, я тоже в конце концов поверю, что именно так все и произошло. Моя повесть заканчивалась нынешним утром, когда я обнаружил, вернувшись из квартала бараков Соморростро, что, по мнению Диего Марласки, в портретной галерее, выложенной инспектором на столе, не хватает моего изображения.

Закончив рассказ, я надолго замолчал. Я в жизни не чувствовал себя таким усталым. Мне хотелось лечь спать и больше не просыпаться. Грандес смотрел на меня, сидя у противоположного края стола. Мне показалось, что он смущен, опечален, разозлен и, главное, растерян.

— Скажите что-нибудь, — попросил я.

Грандес вздохнул. Он встал со стула, с которого не тронулся за все время, пока я говорил, и подошел к окну, повернувшись ко мне спиной. Я представил, как достаю револьвер из кармана пальто, стреляю ему в затылок, забираю у него ключи и выхожу из этой комнаты. Через минуту я мог бы очутиться на улице.

— Мы ведем сейчас беседу не без причины. Вчера из отделения жандармерии Пуигсерды пришла телеграмма, где сказано, что Кристина Сагниер исчезла из санатория «Вилла Сан-Антонио» и вы — основной подозреваемый. Главный врач санатория утверждает, будто вы изъявляли желание увезти ее, а он отказал в выписке. Я сообщаю вам это для того, чтобы вы хорошо понимали, почему мы сидим тут, в светлой комнате, с горячим кофе и папиросами, и ведем душевные разговоры. А находимся мы тут потому, что пропала жена одного из самых богатых людей Барселоны и только вам известно, где она. Мы находимся здесь потому, что отец вашего друга Педро Видаля, один из самых влиятельных отцов города, проявляет к делу заметный интерес. Он как будто ваш старый знакомый, и он обратился с любезной просьбой к моему начальству, чтобы прежде, чем заняться вами, мы получили у вас нужную информацию, отложив все остальное на потом. Если бы не это обстоятельство и не мое настойчивое желание попытаться прояснить вопрос своими методами, в данный момент вы бы содержались в тюрьме в Кампо-де-ла-Бота и разговаривали не со мной, а непосредственно с Маркосом и Кастело. А они, к вашему сведению, убеждены, что любой разговор, если вам для начала не переломали ноги молотком, будет пустой потерей времени и поставит под угрозу жизнь сеньоры Видаля. И к этому мнению начинают склоняться также и мои начальники, которые считают, что я слишком вам потакаю ввиду наших дружеских отношений.

Грандес повернулся и посмотрел на меня, с трудом сдерживая гнев.

— Вы меня не слушали, — промолвил я. — Вы не услышали ни слова из того, что я сказал.

— Я слушал вас очень внимательно, Мартин. Я выслушал, как вы, умирающий и отчаявшийся, заключили договор с парижским издателем. Фигурой в высшей степени таинственной, поскольку о нем никто не слышал и никто его не видел. Вы взялись, по вашим словам, придумать новую религию в обмен на сто тысяч французских франков, а в результате выяснилось, что вы угодили в сети грязного заговора. Творцами этого заговора являются адвокат, симулировавший собственную смерть двадцать пять лет назад, а также его любовница, опустившаяся певичка. И они осуществили свой хитроумный план только для того, чтобы обмануть

судьбу, которая стала теперь вашей. Я выслушал, как эта самая судьба толкнула вас в капкан проклятого дома, жертвой которого уже стал ваш предшественник, Диего Марласка. И как вы обнаружили доказательства, что кто-то охотится за вами, следит за каждым шагом, убивая всех, кто может открыть тайну человека, судя по вашим словам, такого же безумного, как вы сами. Человека, ушедшего в тень, который выдает себя за бывшего полицейского, чтобы скрыть тот факт, что он жив. Он и совершил ряд преступлений с помощью любовницы, которая также стала виновницей смерти сеньора Семпере по причине настолько непонятной, что даже вы не в состоянии объяснить ее.

— Ирене Сабино убила Семпере, чтобы украсть книгу. Книгу, в которой, по ее убеждению, живет моя душа.

Грандес шлепнул себя ладонью по лбу, как будто только что уловил суть дела.

— Ну конечно. Какой я дурак. Это же все объясняет. Вы же упоминали о страшной тайне, которую вам открыла какая-то колдунья с пляжа Багатель. Ведьма из Соморростро. Мне нравится. В вашем духе. Давайте проверим, правильно ли я понял. Этот Марласка держит в плену чью-то душу, чтобы спрятать за ней свою и таким образом спастись от проклятия. Признайтесь, вы все это заимствовали из «Города проклятых» или только что выдумали?

— Я ничего не придумывал.

— Поставьте себя на мое место и подумайте, поверили бы вы хоть слову из всего, что тут нагородили.

— Наверное, нет. Но я рассказал вам все, что знаю.

— Естественно. Вы дали мне достаточно данных и конкретных фактов, чтобы я мог проверить правдивость вашего рассказа. Начиная с вашего посещения доктора Триаса, банковского счета в Испано-колониальном банке, вашего собственного надгробия, поджидающего вас в мастерской в Пуэбло-Нуэво, а также деловые контакты человека, которого вы называете патроном, с адвокатской конторой Валеры. Не считая массы других подробностей, достойных вашего мастерства сочинителя криминальных историй. Единственное, чего вы мне не поведали и что я, откровенно, ожидал услышать ради вашего и собственного блага, — это где находится Кристина Сагниер.

Я сообразил, что спасти меня в это мгновение может только ложь. Как только я расскажу правду о Кристине, мне придет конец.

— Я не знаю, где она.

— Лжете.

— Я же предупреждал, что нет никакого смысла говорить вам правду, — ответил я.

— Стоило постараться хотя бы ради того, чтобы я, как осел, по-прежнему был настроен вам помочь.

— Вы именно этого хотите, инспектор? Помочь мне?

— Да.

— Тогда проверьте все, о чем я говорил. Найдите Марласку и Ирене Сабино.

— Начальство выделило мне двадцать четыре часа, чтобы разобраться с вами. Если по истечении этого срока я не предъявлю Кристину Сагниер, живую и здоровую или хотя бы живую, меня отстранят от дела и передадут его Маркосу и Кастело. Они уже давно ждут своего шанса и ни за что не упустят такую возможность.

— Тогда не теряйте времени.

Грандес фыркнул, но все же кивнул.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, Мартин.

По моим подсчетам, инспектор Грандес ушел часов в девять утра. Он запер меня в той же комнате, где мы вели с ним беседу. Компанию мне составляли только термос с остывшим кофе и пачка папирос. Грандес поставил у двери в коридоре полицейского, и я слышал, как инспектор инструктировал его не пропускать в комнату никого ни под каким видом. Минут через пять раздался стук в дверь, и я узнал в стеклянном окошке физиономию сержанта Маркоса. Слов я расслышать не мог, но его артикуляция не давала повода сомневаться: «Готовься, ублюдок».

Все утро я просидел на подоконнике, сквозь решетку разглядывая прохожих, воображавших себя свободными. Они курили и ели мороженое с таким же наслаждением, как это не раз делал на моих глазах патрон. Усталость, а может быть, упадок сил от осознания безнадежности моего положения и чувства глубокого отчаяния, доконали меня в полдень. Я растянулся на полу, лицом к стене, и заснул как убитый. Когда я пробудился, комната была погружена в темноту. Уже наступил вечер, и на фоне красновато-желтых пятен света от фонарей на Виа-Лайетана на потолке комнаты скользили тени машин и трамваев. Я промерз до костей на холодном полу и, встав, подошел к батарее в углу, оказавшейся холоднее, чем мои руки.

В этот момент я услышал, как открывается входная дверь у меня за спиной. Повернувшись, я оказался лицом к лицу с инспектором, наблюдавшим за мной с порога. По знаку Грандеса один из полицейских зажег в помещении свет и закрыл дверь. Яркий металлический свет ударил в глаза, мгновенно меня ослепив. Я зажмурился. Подняв наконец веки, я пришел к выводу, что инспектор выглядит немногим лучше меня.

— Вам нужно в туалет?

— Нет. Я решил мочиться в штаны и, пользуясь случаем, приобрести полезный опыт к тому моменту, когда вы отправите меня в камеру ужасов инквизиторов Маркоса и Кастело.

— Я рад, что вы не потеряли чувство юмора. Оно вам пригодится. Садитесь.

Мы заняли прежние позиции, усевшись за стол, как и несколько часов назад, и молча уставились друг на друга.

— Я проверял изложенные вами факты.

— И что?

— С чего начинать?

— Вы полицейский.

— Первый визит я нанес в клинику доктора Триаса на улице Мунтанер. Он получился кратким. Доктор Триас скончался двенадцать лет назад, и кабинет уже лет восемь принадлежит дантисту, которого зовут Бернат Льофруи. Он, тут и говорить нечего, о вас в жизни не слышал.

— Не может быть.

— Подождите, это только присказка. Вслед за тем я посетил центральное отделение Испано-колониального банка. Великолепные интерьеры и безупречное обслуживание. Мне даже захотелось завести сберегательную книжку. Там мне удалось узнать, что вы никогда не открывали счет в этом банке и никто из служащих никогда не слышал о человеке по имени Андреас Корелли. И у них нет в настоящий момент клиента, сделавшего вклад в иностранной валюте в сумме ста тысяч французских франков. Продолжать?

Я сжал губы и кивнул.

— Следующий мой визит состоялся в контору покойного адвоката Валеры. Там я удостоверился, что у вас действительно имеется банковский счет, но не в Испано-колониальном, а в банке «Сабадель». С упомянутого депозита месяцев шесть назад вы перевели деньги на счет адвокатской конторы в сумме двух тысяч песет.

— Я не понимаю.

— Все очень просто. Вы наняли Валеру анонимно, вернее, это вам так

казалось, поскольку у банков слоновья память, и они помнят в лицо каждый сентим, попадавший к ним в руки. Признаюсь, к тому моменту я уже начал наслаждаться развитием сюжета и решил наведаться в мастерскую надгробий «Санабре и сыновья».

— Только не говорите, что не видели ангела...

— Я видел его, видел. Впечатляет. Как и письмо, написанное вами собственноручно три месяца назад. Вы поручили мастеру работу, оплатив ее авансом, о чем у любезнейшего Санабре сохранилась запись в счетных книгах. Мастер восхищен и очень гордится своей работой. Он заявляет, что это его шедевр, ибо на него снизошло божественное вдохновение.

— Вы не спрашивали его о деньгах, выплаченных Марлаской двадцать пять лет назад?

— Спрашивал. У него сохранились расписки. Он получил деньги за ремонт, переделку фамильного склепа, а также уход за ним.

— В могиле Марласки похоронен кто-то другой.

— По вашим словам. Но если вы желаете вскрыть могилу, вам придется предоставить мне более веские основания. Однако позвольте, я продолжу рассказ о путешествии по вашим следам.

Я проглотил комок в горле.

— Раз уж я все равно находился поблизости, то спустился к пляжу Багатель, где за один реал нашел с десятков желающих открыть мне страшную тайну Ведьмы из Соморростро. Я не стал говорить вам утром, когда вы мне исповедовались, чтобы не снижать накал страстей, однако на самом деле женщина, так себя называвшая, умерла много лет назад. Старуха, которую вы видели утром, не испугает и ребенка и не встает с кресла. И еще одна милая деталь, вам понравится: она немая.

— Инспектор...

— Я еще не закончил. Вы не сможете меня упрекнуть, что я плохо выполняю свою работу. Я отношусь к ней достаточно серьезно, чтобы отправиться с побережья в особняк у парка Гуэль, который вы мне описали. Он стоит заброшенный не меньше десяти лет, и, к большому сожалению, вынужден заявить, что там нет ни фотографий, ни кукол. Ничего, кроме кошачьего дерьма. Ну и как вам?

Я не ответил.

— Скажите честно, Мартин. Поставьте себя на мое место. Что бы сделали вы, оказавшись в подобном положении?

— Бросил бы все, наверное.

— Точно. Но я не вы и потому как идиот после столь плодотворных странствий решил последовать вашему совету и встретиться с ужасной

Ирене Сабино.

— Вы разыскали ее?

— Больше доверия к доблестным стражам порядка, Мартин. Конечно, мы ее нашли. Прозябает в паршивом пансионе в Равале, где живет уже много лет.

— Вы с ней разговаривали?

Грандес кивнул:

— Очень долго и подробно.

— И что?

— Она понятия не имеет, кто вы такой.

— Это она вам сказала?

— Помимо прочих вещей.

— Каких?

— Она рассказала, что познакомилась с Диего Марлаской на одном из сеансов, которые Роурес устраивал в салоне на улице Элисабетс, где в 1903 году собиралось спиритическое общество «Будущее». Она рассказала, что встретила мужчину, который искал убежища в ее объятиях, ибо был совершенно сломлен гибелью сына и очутился в ловушке брака, потерявшего всякий смысл. Она рассказала, что Марласка был человеком добрым, но слегка не в себе. Он верил, будто в него вселилось нечто, и он не сомневался, что вскоре умрет. Она рассказала, что перед смертью он учредил денежный фонд, чтобы сама Ирене и Хуан Корбера, или Хако — мужчина, которого она оставила ради Марласки, — могли получить какие-то средства к существованию, когда его не станет. Она рассказала, что Марласка совершил самоубийство, поскольку не мог вынести одолевавшей его душевной боли. Она рассказала, что они с Хуаном Корберой жили за счет благотворительности Марласки, пока фонд не иссяк. И довольно скоро человек, которого вы называете Хако, бросил ее. Насколько ей известно, он спился и умер в одиночестве, проработав какое-то время ночным сторожем на фабрике «Касарамона». Она рассказала, что действительно водила Марласку к так называемой Ведьме из Соморростро, так как надеялась, что та сумеет утешить его и заставит поверить, что он воссоединится с сыном в ином мире... Мне продолжать?

Я расстегнул рубашку и показал порезы на груди, которые нанесла мне Ирене Сабино в ночь, когда они с Марлаской напали на меня на кладбище Сан-Жервасио.

— Шестиконечная звезда. Не смешите меня, Мартин. Эти раны вы и сами могли себе устроить. Они ничего не значат. Ирене Сабино всего лишь несчастная женщина, зарабатывающая на жизнь в прачечной на улице

Кадена, а вовсе не колдунья.

— А что с Рикардо Сальвадором?

— Рикардо Сальвадор был уволен из полиции в 1906 году, после того как несколько лет копался в обстоятельствах смерти Диего Марласки, тогда как сам состоял в незаконной связи с вдовой покойного. Он собирался сесть на корабль и уплыть в Южную Америку, чтобы начать новую жизнь. И это последнее, что о нем известно.

Я не удержался от смеха, потрясенный грандиозностью обмана.

— Неужели вы не понимаете, инспектор? Неужели не осознаете, что угодили в ту же западню, какую вырыл для меня Марласка?

Грандес посмотрел на меня с жалостью.

— Кто не осознает, что происходит, так это вы, Мартин. Время бежит, а вы, вместо того чтобы рассказать, что сделали с Кристиной Сагниер, упрямо пытаетесь меня убедить в правдоподобии истории, словно сошедшей со страниц «Города проклятых». Существует только одна западня — та, которую вырыли себе вы сами. И чем дольше вы упорствуете, скрывая правду, тем труднее мне будет вытащить вас из нее.

Грандес помахал рукой у меня перед глазами, словно хотел удостовериться, что я еще воспринимаю действительность.

— Нет? Ничего? Как хотите. Позвольте, я расскажу до конца, чем еще порадовал день нынешний. После похода к Ирене Сабино я, честно говоря, уже устал и ненадолго вернулся в управление. И все же я нашел время и желание позвонить в отделение жандармерии в Пуигсерде. Там мне подтвердили, что вас видели выходящим из комнаты, где содержалась Кристина Сагниер, в ту ночь, когда она исчезла. Вы не вернулись в гостиницу за багажом, и главный врач санатория уверен, что именно вы перерезали кожаные ремни, которыми была связана пациентка. Тогда я позвонил вашему старому другу Педро Видалю, любезно согласившемуся подъехать в управление. Бедняга вне себя от горя. По его словам, в последнюю вашу встречу вы его ударили. Это правда?

Я кивнул.

— Имейте в виду, что он не держит на вас зла. Фактически он почти убедил меня отпустить вас. Он считает, что всему должно быть разумное объяснение. Он говорит, что у вас была трудная жизнь. По его вине вы лишились отца, и он чувствует свою ответственность. Он хочет только одного — вернуть свою супругу, и не собирается преследовать вас.

— Вы рассказали всю эту историю Видалю?

— Ничего другого мне не оставалось.

Я закрыл лицо руками.

— Что он сказал? — спросил я.

Грандес пожал плечами:

— Он думает, что вы лишились рассудка. Он убежден в вашей невинности и в любом случае не желает, чтобы с вами что-то случилось. Его семья придерживается иного мнения. Мне известно, что родитель вашего приятеля Видаля, для которого вы отнюдь не святой, тайно предложил вознаграждение Маркосу и Кастело, если они вырвут у вас признание менее чем за двенадцать часов. Они его заверили, что к утру вы будете декламировать строфы из «Каниго».^[59]

— А что думаете вы?

— Честно? Если честно, то я склоняюсь к мысли, что Педро Видаля попал в точку и вы сошли с ума.

Я не стал ему признаваться, что в тот момент уже и сам начал в это верить. Я посмотрел на Грандеса и уловил в выражении его лица нечто такое, что противоречило словам.

— Вы что-то мне не рассказали, — заметил я.

— По-моему, я рассказал вам более чем достаточно, — ответил он.

— А чего вы мне не рассказали?

Грандес внимательно на меня посмотрел, а затем сдержанно усмехнулся.

— Сегодня утром вы сообщили, что в день смерти сеньора Семпере кто-то приходил в книжную лавку и свидетели слышали ссору. Вы предполагаете, будто эта особа хотела купить книгу, вашу книгу. После того как Семпере отказался ее продавать, возникла потасовка, и у букиниста случился сердечный приступ. По вашим словами, книга практически уникальна, ее экземпляров почти не осталось. Как она называлась?

— «Шаги с неба».

— Точно. Именно эту книгу, как вы подозреваете, украли в день смерти Семпере.

Я подтвердил. Инспектор взял папиросу и закурил. Сделав пару затяжек, он затушил ее.

— Вот в чем дилемма, Мартин. С одной стороны, я не сомневаюсь, что вы наплели мне кучу небылиц. Вы сочинили их или потому, что принимаете меня за идиота, или — что, возможно, еще хуже — сами поверили в них, повторив столько раз. Улики указывают на вас, и проще всего мне было бы умыть руки и передать вас Маркосу и Кастело.

— Но...

— Но... Крошечное «но», незначительное, на такое «но» мои коллеги запросто не обратили бы внимания. Однако меня оно беспокоит, точно

соринка, попавшая в глаз, и заставляет сомневаться. И хотя это противоречит опыту, накопленному мною за двадцать лет службы, но вдруг ваш рассказ, не будучи правдой, в то же время и не является ложью?

— Могу только добавить, что я рассказал все, что помню, инспектор. Хотите — верьте, хотите — нет. Даже я сам иногда перестаю верить. Но запомнил я события именно так.

Грандес вскочил и принялся расхаживать вокруг стола.

— Сегодня днем, беседа с Марией-Антонией Санаухой, или Ирене Сабино, в ее комнате в пансионе, я спрашивал ее о вас. Она ответила, что вас не знает. Я пояснил, что вы живете в доме с башней, где они с Марлаской провели несколько месяцев. И снова спросил, не припоминает ли она вас. Она ответила отрицательно. Чуть позже я упомянул, что вы приходили к фамильному склепу Марласки и уверены, будто видели ее там. И в третий раз женщина заявила, что никогда вас не видела. Я ей поверил. И верил до тех пор, пока не заметил на столе книгу. Я уже уходил, когда женщина сказала, что озябла, и открыла шкаф, чтобы достать шерстяную шаль и набросить на плечи. Книга привлекла мое внимание потому, что была единственной в комнате. Воспользовавшись тем, что хозяйка повернулась ко мне спиной, я открыл книгу и прочитал посвящение, написанное от руки на первой странице.

— «Сеньору Семпере, самому лучшему другу, какого могла бы пожелать себе книга, с благодарностью за то, что он распахнул передо мной двери мира и показал, как войти в них», — процитировал я по памяти.

— Подпись — «Давид Мартин», — закончил Грандес.

Инспектор задержался у окна и отвернулся от меня.

— Через полчаса за вами придут, а меня отстранят от дела, — сказал он. — Вы поступите на попечение сержанта Маркоса. И я уже ничего не смогу сделать. Вы в состоянии сообщить еще что-нибудь, что позволило бы мне спасти вашу шею?

— Нет.

— Тогда доставайте потешный револьвер, который вы прячете в пальто весь день, и, очень постаравшись не прострелить себе ногу, начинайте угрожать вышибить мне мозги, если я не отдам вам ключ от двери.

Я покосился на дверь.

— Взамен я прошу только сказать, где Кристина Сагниер, если она еще жива.

Я опустил голову, не в силах вымолвить ни слова.

— Вы ее убили?

Молчание тянулось бесконечно долго.

— Я не знаю.

Грандес подошел ко мне и протянул ключ.

— Сматывайтесь отсюда, Мартин.

Я взял ключ после минутного колебания.

— Не приближайтесь к главной лестнице. Если идти по коридору, в самом конце, слева, есть голубая дверца. Она открывается только изнутри и ведет на пожарную лестницу. Выход в переулок позади здания.

— Как мне вас благодарить?

— Начните с того, что не теряйте времени. В вашем распоряжении тридцать минут, прежде чем все отделение пустится за вами в погоню. Не тратьте их даром, — сказал инспектор.

Схватив ключ, я ринулся к двери. У порога я на миг обернулся. Грандес сидел на столе и наблюдал за мной без всякого выражения.

— Эта брошь с ангелом, — сказал он, указывая на мой лацкан.

— Да?

— Я видел ее на вашем лацкане с первого дня знакомства, — промолвил он.

20

Улицы Раваля превратились в тоннели, наполненные мраком, кое-где отмеченные точками мигающих фонарей, которым с трудом удавалось немного разредить темноту. Выяснение, что представляют собой прачечные на улице Кадена, заняло у меня чуть больше получаса, подаренного инспектором Грандесом. Первая напоминала пещеру под лестницей, лоснившейся от пара. Там трудились только дети с фиолетовыми от краски руками и желтоватыми белками глаз. Вторая являлась средоточием грязи и щелочной вони, так что трудно было вообразить, что в этом месте что-нибудь может стать чистым. Ею командовала дородная тетка. При виде пары монет она стала весьма словоохотливой и тут же созналась, что Мария-Антония Санауха работает в прачечной шесть дней в неделю.

— Что она теперь натворила? — поинтересовалась матрона.

— Получила наследство. Скажите, где ее можно найти, и, возможно, вам что-нибудь перепадет.

Матрона захихикала, но ее глаза жадно заблестели.

— Насколько мне известно, она живет в пансионе «Санта-Лусия» на улице Маркиза де Барбера. Сколько она унаследовала?

Я бросил на прилавок несколько монет и вышел из этой грязной дыры, не потрудившись ответить.

Пансион, где жила Ирене Сабино, ютился в угрюмом здании. Выглядел дом так, словно его сложили из выкопанных из могил костей и краденых надгробных плит. Стенки почтовых ящиков в привратницкой проржавели. Ни одной таблички, сообщавшей об обитателях первого и второго этажа, не имелось. На третьем обосновалась мастерская по ремонту и пошиву одежды с крикливым названием «Средиземноморский текстиль». Четвертый, и последний, занимал пансион «Санта-Лусия». Лестница, ширины которой едва хватало на одного человека, тонула во мраке, запах канализации сочился сквозь стены, разъедаая краску не хуже кислоты. Я поднялся на четыре пролета до наклонной лестничной площадки, куда выходила только одна дверь. Я стукнул в дверь кулаком, и через некоторое время мне открыл высокий изможденный человек, словно явившийся из ночного кошмара Эль Греко.

— Мне нужна Мария-Антония Санауха, — сказал я.

— Вы врач? — спросил он.

Я оттолкнул его и вошел. Планировка этажа не отличалась оригинальностью: гроздь узких и темных комнат теснились по обеим сторонам длинного коридора, упиравшегося в большое окно, выходившее в световой колодец. Зловоние, распространявшееся от водопроводных труб, отравляло воздух. Человек, открывший мне дверь, в растерянности замер на пороге. По-видимому, это был один из постояльцев пансиона.

— Где ее комната? — спросил я.

Он молча смотрел на меня с невозмутимым выражением. Я вытащил револьвер и помахал им перед его носом. Человек, не теряя спокойствия, указал на последнюю дверь по коридору рядом с отдушиной светового колодца. Я направился в ту сторону и, обнаружив дверь запертой, принялся взламывать замок. Остальные жильцы высыпали в коридор — сонм потерянных душ, будто бы годами не видевших солнечного света. Я вспомнил дни, когда сам бедствовал и жил в пансионе доньи Кармен. И прежнее мое жилище показалось новым отелем «Ритц» по сравнению с этим убогим чистилищем, которое являлось лишь одной из многих ячеек в сотах Равалья.

— Возвращайтесь к себе, — велел я.

Меня словно никто не услышал. Я вскинул руку, демонстрируя оружие. В следующее мгновение все разбежались по комнатам, точно испуганные мыши, кроме рыцаря печального образа. Я вновь сосредоточил усилия на двери.

— Заперто изнутри, — пояснил постоялец. — Она не выходила весь день.

Запах, навевавший ассоциации с горьким миндалем, сочился из щели под дверью. Я несколько раз грохнул в дверь кулаком, но отклика не последовало.

— У домохозяйки есть универсальный ключ, — проявил инициативу постоялец. — Если вы подождете... Полагаю, я вернусь быстро.

Вместо ответа я отступил к противоположной стене коридора и с разбегу навалился на дверь. Замок не выдержал натиска и подался. Едва я очутился в комнате, мне в ноздри ударил кислый тошнотворный смрад.

— Боже мой, — прошептал постоялец за моей спиной.

Бывшая звезда Паралело лежала, вытянувшись, на койке, бледная и покрытая испариной. Губы у нее почернели. Увидев меня, она улыбнулась. В руках она судорожно сжимала склянку из-под яда. Она выпила отраву до последней капли. Тяжкий запах ее дыхания, крови и рвоты наполнял комнату. Постоялец зажал ладонью рот и нос и ретировался в коридор. Ирене Сабино корчилась у меня на глазах, тогда как яд разъедал ее внутренности. Смерть не спешила к ее смертному ложу.

— Где Марласка?

Она посмотрела на меня мутным взглядом сквозь слезы агонии.

— Я больше ему не нужна, — сказала она. — Он никогда меня не любил.

Голос был хриплый и скрежещущий. Приступ сухого кашля исторг из ее груди душераздирающий стон, и в следующее мгновение на губах выступила темная жидкость. Ирене Сабино взирала на меня, с огромным усилием цепляясь за едва теплившуюся в ней жизнь. Схватив меня за руку, она лихорадочно стиснула ее.

— Вы прокляты, как и он.

— Что я могу сделать?

Она медленно покачала головой. Новый приступ кашля сотряс ее грудь. Сосуды в глазах полопались, и белки покрылись сеткой кроваво-красных прожилок.

— Где Рикардо Сальвадор? Он лежит в могиле Марласки, в мавзолее?

Ирене Сабино качнула головой. Губы беззвучно произнесли одно слово: «Хако».

— А где тогда Сальвадор?

— Он знает, где вы. Он вас видит. Он придет за вами.

Я решил, что у нее начался бред. Пальцы, сжимавшие мою руку, слабели.

— Я любила его, — сказала она. — Он был хорошим человеком. Хорошим. Тот, другой, его изменил. Он был хорошим человеком...

Мучительный стон страдающей плоти слетел с ее губ, тело свело судорогой. Ирене Сабино умерла, глядя мне в глаза, и унесла с собой навсегда тайну Диего Марласки. Я остался последний.

Я закрыл ее лицо простыней и вздохнул. Постоялец, стоявший на пороге комнаты, перекрестился. Я огляделся, пытаюсь найти хоть что-нибудь, что могло помочь мне, какой-нибудь знак, указание, каким должен быть мой следующий шаг. Ирене Сабино провела последние дни в камерке длиной четыре метра и шириной не больше двух. Железная кровать, на которой покоилось ее тело, шкаф с противоположной стороны и столик у стены — вот и вся обстановка. Под койкой, рядом с ночным горшком и шляпной картонкой, виднелся чемодан. На столе стояли тарелка с хлебными крошками и кувшин с водой. Там же лежала стопка чего-то, что я издала принял за почтовые открытки и оказавшееся при ближайшем рассмотрении бумажными иконками с изображениями святых и извещениями о смерти и похоронах. Еще был предмет, завернутый в белую ткань, по форме напоминавший книгу. Я развернул его и обнаружил экземпляр «Шагов с неба», который я надписал для сеньора Семпере. Сострадание, которое я почувствовал, глядя на агонию несчастной, испарилось бесследно. Женщина убила моего близкого друга, чтобы отнять поганую книгу. Я вдруг вспомнил, что сказал мне Семпере, когда я впервые переступил порог его лавки. А он сказал, что в каждой книге живет душа — душа написавшего ее человека и всех тех, кто ее читал и мечтал над ней. Семпере умер, не изменив своей вере, и он успел понять, что Ирене Сабино, на свой лад, тоже в это верит.

Перечитав посвящение, я перелистал книгу. Первую пометку я нашел на седьмой странице. Бурые стрелки исчеркали лист, образуя шестиконечную звезду, точно такую же, как Ирене Сабино вырезала у меня на груди лезвием бритвы несколько недель назад. Я определил, что линии начертаны кровью. Я стал перелистывать страницы дальше и увидел новые рисунки. Губы. Рука. Глаза. Семпере пожертвовал жизнью ради примитивного глупого колдовства, достойного ярмарочного балагана.

Я спрятал книгу во внутренний карман пальто и опустил на колени подле постели. Вытащив из-под кровати чемодан, я вывалил содержимое на пол. Там хранились только поношенная одежда и стоптанные туфли. Я открыл шляпную картонку и обнаружил там кожаную шкатулку, где лежало бритвенное лезвие, которым Ирене Сабино нанесла знаки, украшавшие теперь мою грудь. Внезапно по полу пролегла тень, и я резко повернулся,

вскинув револьвер на изготовку. Высокий тощий постоялец взирал на меня с оттенком удивления.

— Мне кажется, у вас появилась компания, — просто сказал он.

Я выскочил в коридор и подошел к двери. Выглянув на лестничную клетку, я услышал тяжелые шаги, поднимавшиеся по ступеням. В проеме мелькнула голова, задранная вверх, и я натолкнулся на взгляд сержанта Маркоса, стоявшего двумя этажами ниже. Он исчез, и шаги ускорились. Он явился не один. Я захлопнул дверь и привалился к ней, лихорадочно соображая. Мой сообщник смотрел на меня без паники, но выжидательно.

— Есть здесь какой-нибудь другой выход? — спросил я.

Он покачал головой.

— Выход на асотею?

Он указал на только что запертую мной дверь. Через три секунды я почувствовал, как на нее навалились всем весом Маркос и Кастело, пытаясь высадить. Я отстранился и отступил в глубину коридора, прицелившись в дверь из револьвера.

— Я, пожалуй, пойду в свою комнату, — промолвил жилец. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно.

Я не спускал глаз с двери, сотрясавшейся от мощных ударов. Трухлявое дерево вокруг петель и замка пустило трещины. Я устремился в конец коридора и открыл окно, выходившее в световой колодец. Вертикальный тоннель размером примерно метр на полтора тонул в темноте. Край асотеи маячил метрах в трех над окном. С противоположной стороны слухового окна проходила водосточная труба, крепившаяся к стене толстыми, источенными ржавчиной кольцами. Ее поверхность орошали черные слезы слизистой влаги. Гулкие удары в дверь у меня за спиной не утихали. Обернувшись, я убедился, что дверь уже едва держится. У меня оставались в запасе считанные секунды. Не имея другого выбора, я забрался на подоконник и прыгнул. Мне удалось уцепиться за трубу и поставить одну ногу на кольцо, крепившее ее к стене. Я вскинул руку, ухватившись за верхнее колено водосточного желоба, но едва я стал подтягиваться, как труба развалилась у меня под руками, и метровый кусок ухнул на дно колодца. Я чуть не сорвался вместе с ним, но успел схватиться за участок трубы, привинченный к стене кольцом. Водосток, по которому я надеялся вскарабкаться на асотею, оказался за пределами досягаемости. У меня был небогатый выбор: вернуться в коридор, куда вот-вот ворвутся Маркос и Кастело, или спускаться по черной кишке. Услышав, как сорванная с петель дверь ударилась о стену, я начал сползать вниз, хватаясь

за водосточную трубу по мере сил и здорово ободрив при этом левую ладонь. Я успел спуститься метра на полтора, когда различил силуэты двух полицейских, нарисовавшиеся в прямоугольнике света, который падал из окна коридора. Первым высунулся Маркос. Он улыбнулся, увидев меня, и я стал гадать, пристрелит ли он меня сейчас, на месте, без долгих размышлений. Следом возник и Кастело.

— Оставайся тут. Я пойду на нижний этаж, — приказал Маркос.

Кастело кивнул, ни на миг не отрывая от меня взгляда. Я им был нужен живым, во всяком случае, на пару часов. Я слышал удалявшиеся по коридору шаги Маркоса. Не пройдет и минуты, как его физиономия появится в окне, расположенном всего в метре подо мной. Взглянув вниз, я отметил, что на первом и втором этажах горело по окну, в окне на третьем света не было. Я медленно спускался, пока не почувствовал под ногой опору — очередное железное кольцо. Темное окно третьего этажа находилось прямо передо мной, а за ним протянулся длинный коридор с дверью в глубине, куда в настоящий момент ломился Маркос. В это время суток швейная мастерская уже не работала, и там не было ни души. Стук в дверь прекратился, и я сообразил, что Маркос решил попытать счастья на втором этаже. Посмотрев вверх, я убедился, что Кастело по-прежнему наблюдает за мной, сладко облизываясь, как кот.

— Смотри не упади. Мы хотим поразвлечься, когда тебя поймает! — крикнул он.

На втором этаже слышались голоса, и стало понятно, что Маркос заставил жильцов открыть дверь. Не раздумывая, я с размаху бросился в окно третьего этажа. Я пробил стекло, прикрывая лицо и шею рукавом пальто, и приземлился в фонтане осколков. Я с трудом поднялся и даже в сумраке увидел, что по левому рукаву расплывается темное пятно. Длинный осколок, острый, как даг, торчал чуть выше левого локтя. Я ухватил его пальцами и выдернул. Озноб сменился вспышкой дикой боли. У меня подкосились ноги, и я рухнул на пол на колени. Пребывая в таком положении, я увидел, что Кастело повторил мой путь вниз по трубе и добрался уже до того места, откуда я совершил прыжок. И прежде чем я успел выхватить оружие, он метнулся к окну и повис на карнизе на руках, цепляясь за край рамы. Я рефлексивно со всей силы ударил по разбитой раме и навалился на нее всем телом. Послышался сухой хруст ломающихся пальцев, и Кастело взвыл от боли. Я вытащил револьвер и прицелился ему в лицо, но он сам уже почувствовал, что хватка необратимо слабеет и руки соскальзывают с карниза. В глазах Кастело мелькнул ужас. В следующий миг он сорвался в бездну светового колодца. Тело его ударилось о стены,

отмечая путь кровавыми следами, которые отчетливо виднелись в пятнах света, струившегося из окон нижних этажей.

Я заковылял по коридору к двери. Рана на руке пульсировала болью, и теперь я почувствовал, что ноги у меня тоже изрезаны. Я упорно шел вперед. Вдоль коридора с обеих сторон открывались темные помещения, уставленные швейными машинками, бобинами ниток и широкими столами с большими рулонами ткани. Я добрался до двери и взялся за ручку. Через десятую долю секунды я ощутил, что она поворачивается под моими пальцами. Я отдернул руку. За дверью стоял Маркос и пытался ее взломать. Я отступил на несколько шагов. Оглушительный грохот сотряс дверь, и часть механизма замка вылетела, окутанная облаком голубоватого дыма и ореолом сверкающих искр. Маркос срывал запор выстрелами. Я поспешил укрыться в ближайшей комнате, забитой неподвижными увечными фигурами без рук или без ног. Это были манекены для оформления витрин, сваленные в кучу как попало. Я проскользнул между торсами, белевшими в темноте. Грянул второй выстрел. Дверь резко распахнулась. Свет с лестничной площадки, желтоватый и подернутый пороховым дымом, проник в помещение. Тело Маркоса отбрасывало угловатую тень на освещенную поверхность пола. Тяжелые шаги протопали по коридору, приближаясь. Я услышал, как приоткрывается дверь, и прижался к стене, спрятавшись за манекенами, сжимая дрожащими руками револьвер.

— Мартин, выходите, — спокойно потребовал Маркос, медленно продвигаясь вперед. — Я не причиню вам зла. У меня приказ Грандеса доставить вас в комиссариат. Мы нашли этого типа, Марласку. Он во всем признался. С вас сняли обвинения. Не делайте глупостей. Выходите, и побеседуем в управлении.

Затаившись, я с замиранием сердца следил, как он проходит мимо двери в комнату и двигается дальше.

— Мартин, послушайте. Грандес скоро придет. Мы можем выяснить все вопросы, не осложняя дело еще больше.

Я взвел курок. Шаги Маркоса замерли. Что-то прошелестело по плитам пола. Он стоял за стеной. Он прекрасно знал, что я нахожусь в этой комнате, и перекрыл единственный выход. Постепенно я стал различать очертания его фигуры на фоне темного дверного проема. Силуэт полицейского сливался с липкой темнотой, и только блеск глаз выдавал его присутствие. Он находился на расстоянии метров четырех от меня. Я стал потихоньку сползать по стене вниз и сел на пол, согнув колени. Ноги Маркоса приближались, лавируя среди ног манекенов.

— Я знаю, что вы здесь, Мартин. Хватит ребячества.

Он застыл неподвижно. Я видел, как он наклоняется и трогает кровавый след, оставленный мною. Маркос поднес палец к губам, и я представил, как он улыбается.

— У вас сильное кровотечение, Мартин. Вам нужен врач. Выходите, и я провожу вас в амбулаторию.

Я не проронил ни звука. Маркос задержался около стола и взял блестящий предмет, лежавший среди лоскутов ткани, оказавшийся большими портновскими ножницами.

— Лучше вы сами, Мартин.

Он открывал и закрывал ножницы, и я слышал, как щелкают лезвия. Острая боль пронзила раненую руку, и я стиснул зубы, чтобы не застонать. Маркос повернулся в мою сторону.

— Кстати, о крови, вам не помешает узнать, что мы взяли вашу шлюшку, эту Исабеллу, и прежде, чем заняться с вами, повеселимся с ней...

Я поднял револьвер и прицелился ему в лицо. Блеск металла меня выдал. Опрокидывая манекены, Маркос бросился на меня, стремительно перемещаясь зигзагами, чтобы уклониться от выстрела. Он навалился на меня всем телом, и его жаркое дыхание опалило мне щеку. Ножницы угрожающе лязгнули всего в сантиметре от левого глаза. Я собрался с силами и ударил его лбом в лицо. Он скатился на бок. Я вскинул револьвер и снова прицелился ему в голову. Маркос (губа у него была рассечена) сел и впился в меня взглядом.

— Кишка тонка, — пробормотал он.

Он закрыл дуло рукой и насмешливо улыбнулся мне. Я нажал на курок. Пуля отбросила его руку назад с такой силой, словно по ней ударило молотом. Маркос упал на пол навзничь, хватаясь за искалеченное и дымившееся запястье. Лицо его, испещренное пороховыми ожогами, исказила гримаса боли, рвавшейся из разверстого рта в беззвучном крике. Я встал и оставил его среди манекенов истекать кровью в луже собственной мочи.

Я с огромным трудом сумел дотащиться по переулкам Равалья до Паралело, где у входа в театр «Аполо» выстроилась вереница такси. Я скользнул в первое подвернувшееся. Услышав звук открываемой дверцы, водитель обернулся. Увидев меня, он скорчил недовольную гримасу. Я рухнул на заднее сиденье, не обращая внимания на его протесты.

— Послушайте, вы ведь не собираетесь помереть там, сзади?
— Чем скорее вы домчите меня до места, тем скорее избавитесь от меня.

Шофер выругался вполголоса и завел мотор.

— Куда везти?

«Я не знаю», — подумал я.

— Езжайте, а там я покажу.

— Куда ехать-то?

— Педральбес.

Через двадцать минут далеко на холме засверкали огни виллы «Гелиос». Я указал на них водителю, к тому моменту не чаявшему, как распрощаться со мной. Он высадил меня у ворот особняка и едва не забыл взять положенную плату. Из последних сил, шатаясь, я дошел до парадных дверей и позвонил. Потом я опустился на ступени и прислонился головой к стене. Послышались приближающиеся шаги, и в какой-то момент мне почудилось, что дверь отворилась и чей-то голос зовет меня по имени. На лоб легла рука, и мне показалось, будто я узнаю глаза Видаля.

— Простите, дон Педро, — взмолился я. — Мне некуда идти...

Видадь возвысил голос, и чьи-то руки подняли меня, взяв за ноги и за плечи. Открыв глаза снова, я понял, что нахожусь в спальне дона Педро и лежу на той самой постели, которую он делил с Кристиной недолгие месяцы своего супружества. Я испустил вздох. Видадь стоял в изножье кровати и смотрел на меня.

— Не разговаривай сейчас, — велел он. — Врач уже едет.

— Не верьте им, дон Педро, — простонал я. — Не верьте.

Видадь кивнул, сжав губы:

— Нет, конечно.

Взяв одеяло, дон Педро укрыл меня.

— Я спущусь, чтобы встретить доктора, — сказал он. — Отдыхай.

Через некоторое время моего слуха достигли голоса и шаги, направлявшиеся в спальню. С меня сняли одежду, и я ухитрился разглядеть, что мое тело с головы до пят, словно кровотокающий плющ, покрывали десятки порезов. Я чувствовал, как из моих ранок пинцетом выдирают осколки стекла вместе с лоскутами кожи и мяса. Затем я ощутил жжение от дезинфицирующих средств и уколы иглы — это доктор зашивал мне раны. Боли больше не было, только смертельная усталость. Перевязав, зашив и подлатав, словно порванную марионетку, доктор с Видалем укутали меня, подложив под голову подушку, самую мягкую и удобную из

всех, что я знал в жизни. Я открыл глаза и посмотрел в лицо доктору, сеньору с аристократическими манерами и благожелательной улыбкой. В руках он держал шприц.

— Вам повезло, молодой человек, — сказал он, делая мне укол в руку.

— Что это? — пробормотал я.

Рядом с доктором появился Видадь.

— Лекарство поможет тебе уснуть.

По моей руке заструилась прохлада, потоком заливая грудь. Я провалился в колодец из черного бархата, а Видадь и доктор взирали на меня сверху. Мир смыкался вокруг меня, сжавшись в каплю света, испарившуюся в руках. Меня охватил покой — сладостный, химический и беспредельный. И хотелось, чтобы он длился вечно.

Мне вспоминается пространство, заполненное темной водой подо льдом. Лунный свет касался ледяного свода над головой, рассыпаясь мириадами светлячков, качавшихся в волнах уносившего меня течения. Белое одеяние медленно колыхалось, сквозь тонкую ткань просвечивали очертания ее тела. Кристина простирала ко мне руки, а я боролся с холодным и сильным течением. Наши руки разделяли миллиметры, когда за ее спиной вдруг распростерло крылья облако мрака и обволокло ее, словно взрыв краски. Щупальца черного света опутали ее руки, шею и лицо и силой утащили в темноту.

Я проснулся, услышав собственное имя из уст инспектора Виктора Грандеса. Я резко сел, не понимая, где и как очутился, ибо комната более всего напоминала номер-люкс в большом отеле. Обжигающая боль от десятков порезов, покрывавших тело, вернула меня к действительности. Я находился в спальне Видаля на вилле «Гелиос». Дневной свет пробивался сквозь прикрытые ставни. В камине горел огонь, и было жарко. Голоса доносились с нижнего этажа. Педро Видадь и Виктор Грандес.

Не обращая внимания на жалящую боль, пронзающую плоть при каждом движении, я встал с постели. Моя грязная и окровавленная одежда валялась на кресле. Я разыскал пальто. Револьвер по-прежнему покоился в кармане. Я взвел курок, затем вышел из спальни и добрался до лестницы. Ориентиром мне служили раздававшиеся внизу голоса. Я спустился на несколько ступеней, прижимаясь к стене.

— Выражаю сочувствие по поводу ваших агентов, инспектор, — услышал я слова Видаля. — Заверяю вас, что если Давид свяжется со мной или я узнаю что-нибудь о его местопребывании, то немедленно вам сообщу.

— Благодарю за помощь, сеньор Видаль. Сожалею, что пришлось побеспокоить вас при таких обстоятельствах, однако положение чрезвычайно серьезное.

— Я понимаю. Благодарю, что взяли на себя труд прийти.

Шаги направились в вестибюль, стукнула входная дверь.

Затихающий в удалении хруст гравия под подошвами в саду. У подножия лестницы слышалось тяжелое дыхание Видаля. Я спустился еще немного и увидел, что он стоит, уткнувшись лбом в дверь. При моем появлении он открыл глаза и повернулся.

Видаль не вымолвил ни слова. Он только скользнул взглядом по револьверу у меня в руках. Я положил его на столик, стоявший у последней ступени лестницы.

— Пойдем поищем для тебя чистую одежду, — сказал он.

Я последовал за ним в огромную гардеробную, больше напоминавшую зал в музее истории костюма. Здесь хранилась вся одежда Видаля, копившаяся годами и хорошо мне знакомая: изысканные костюмы славных лет Видаля, все до одного, десятки галстуков и пар обуви, а также запонки в красных бархатных шкатулках.

— Все это я носил в молодости. Тебе подойдет.

Видаль сам подбирал мне одежду. Он выдал мне рубаху стоимостью, наверное, с небольшой земельный надел, костюм-тройку, сшитый по мерке в Лондоне, итальянские ботинки, которые не затерялись бы даже в костюмерной патрона. Я молча одевался. Видаль задумчиво наблюдал за мной.

— Широковато в плечах, но тебе придется довольствоваться тем, что есть, — заключил он, протягивая мне запонки с сапфирами.

— Что вам рассказал инспектор?

— Все.

— И что вы подумали?

— Кому интересно, что я думаю?

— Мне интересно.

Видаль присел на банкетку, стоявшую у стены, покрытой зеркалами от пола до потолка.

— Он говорит, ты знаешь, где Кристина, — обронил он.

Я кивнул.

— Она жива?

Я заглянул ему в глаза и едва заметно кивнул. Видадь слабо улыбнулся, избегая моего взгляда. А потом он разрыдался, испустив стон, шедший, казалось, из глубины его существа. Я сел рядом и обнял его.

— Простите меня, дон Педро, простите...

Позднее, когда солнце стало клониться к горизонту, дон Педро собрал мою старую одежду и предал ее сожжению. Прежде чем отправить в огонь пальто, он вынул из кармана томик «Шагов с неба» и протянул мне.

— Из двух книг, которые ты написал в прошлом году, эта лучшая, — сказал он.

Я смотрел, как он ворошит в пламени пылающую одежду.

— Когда вы поняли?

— Даже тщеславного глупца невозможно обманывать вечно, Давид.

Не берусь судить, что прозвучало в его голосе — злость или просто печаль.

— Я поступил так потому, что хотел помочь вам, дон Педро.

— Да знаю я.

Он улыбнулся без всякой иронии.

— Простите, — прошептал я.

— Тебе нужно уехать из города. У причала Сан-Себастьян пришвартовано грузовое судно. Оно снимается с якоря в полночь. Все уже устроено. Обратишься к капитану Олмо. Он тебя ждет. Возьми одну из машин в гараже. Можешь оставить ее на пристани. Пеп заберет ее утром. Ни с кем не разговаривай. Не заходи домой. Тебе понадобятся деньги.

— У меня достаточно денег, — солгал я.

— Денег не бывает достаточно. Когда высадишься в Марселе, Олмо проводит тебя в банк и передаст пятьдесят тысяч франков.

— Дон Педро...

— Выслушай меня. Эти два парня, которых, по словам Грандеса, ты убил...

— Маркос и Кастело. Полагаю, они работали на вашего отца, дон Педро.

Видадь покачал головой:

— Ни мой отец, ни его адвокаты никогда не имеют дела со средним звеном, Давид. Как, по-твоему, эти два субъекта узнали, где тебя искать, через тридцать минут после ухода из комиссариата?

Суровая истина открылась мне с непреложной ясностью.

— От моего друга, инспектора Грандеса.

Видадь согласно кивнул.

— Грандес дал тебе уйти потому, что не хотел пачкать рук в комиссариате. Как только ты вышел из здания, эти два типа отправились за тобой следом. О твоей смерти передали бы в телеграфных сообщениях. Подозреваемый в убийстве сбежал и погиб, оказав сопротивление при аресте.

— Как в старые времена в отделе происшествий, — молвил я.

— Некоторые вещи никогда не меняются, Давид. Тебе это известно, наверное, лучше всех.

Он открыл шкаф и дал мне новое пальто, даже ни разу не надетое. Я принял его и спрятал книгу во внутренний карман. Видаль улыбнулся:

— Первый раз в жизни вижу тебя прилично одетым.

— На вас эти вещи сидят лучше, дон Педро.

— Несомненно.

— Дон Педро, нам о многом следовало бы...

— Теперь все это не имеет значения, Давид. Ты не должен мне ничего объяснять.

— Я должен вам гораздо больше...

— Тогда расскажи мне о ней.

Видаль смотрел на меня с отчаянием, безмолвно умоляя солгать. Мы сидели в гостиной у окон, из которых открывалась полная панорама Барселоны, и я вдохновенно лгал. Я сказал ему, что Кристина сняла небольшую мансарду на *rue* Суффло и называет себя *madame* Видаль. И она обещала каждый день в полдень ждать меня у фонтана Люксембургского сада. Я сказал Видалью, что она постоянно говорит о нем, и никогда его не забудет, и, сколько бы лет мы ни провели вместе, мне никогда не заполнить пустоты от разлуки с ним. Дон Педро кивал, и взгляд его блуждал где-то очень далеко.

— Ты должен пообещать мне, что позаботишься о ней, Давид. И никогда не оставишь. Что бы ни случилось, ты будешь рядом с ней.

— Обещаю, дон Педро.

В тусклом вечернем освещении я вдруг увидел его таким, каким не знал прежде: всего лишь постаревшим, сломленным человеком, которого терзают воспоминания и угрызения совести. Он никогда ни во что не верил, а теперь ему в утешение осталась лишь слепая вера.

— Я стремился быть тебе лучшим другом, Давид.

— Вы были самым лучшим другом, дон Педро. Вы были больше чем другом.

Видаль протянул руку и коснулся моей. Его сотрясала дрожь.

— Грандес рассказал мне о том человеке, том самом, кого ты

называешь патроном... Грандес сказал, что ты ему должен и веришь, будто заплатить долг можно только одним способом — пожертвовав непорочную душу...

— Это вздор, дон Педро. Не обращайтесь внимания.

— А тебе не подойдет такая испорченная и усталая душа, как моя?

— Я не встречал человека с душой чище, чем ваша, дон Педро.

Видадь улыбнулся:

— Если бы я мог поменяться местами с твоим отцом, я бы это сделал, Давид.

— Я знаю.

Он встал и наблюдал некоторое время, как на город опускаются сумерки.

— Тебе пора в путь, — заметил он. — Иди в гараж и выбери машину. Какую захочешь. А я взгляну, есть ли у меня наличные.

Я кивнул и взял пальто. В гараже виллы «Гелиос» стояли две машины, сверкавшие, как королевские кареты. Я выбрал ту, что была поменьше и поскромнее, — черную «испано-суису». Выглядела она так, как будто выезжала из ворот гаража не больше двух-трех раз, и все еще пахла новизной. Сев за руль, я включил зажигание, потом вывел машину из гаража и подождал минуту в патио. Поскольку дон Педро не показывался, я вышел из машины, не выключая мотора. Я возвратился в дом, собираясь попрощаться с ним и сказать, чтобы он не беспокоился о деньгах и что с деньгами я разберусь. Пересекая просторный холл, я вспомнил, что забыл на столике у лестницы револьвер, и подошел забрать его. Оружия на месте не оказалось.

— Дон Педро?

Дверь в гостиную была приоткрыта, и я заглянул. Дон Педро стоял в центре комнаты. Он поднес револьвер моего отца к груди и направил его в сердце. Я бросился к нему, но грохот выстрела заглушил мой крик. Оружие выпало у него из рук. Тело его бросило к стене, а потом оно медленно сползло на пол, оставляя на мраморе красный след. Я упал рядом с Видаем на колени и приподнял его. Выстрел пробил дымящуюся дыру в его одежде, из нее брызнула струя густой темной крови. Дон Педро пристально смотрел мне в глаза. Его улыбку затопило кровью, тело перестало содрогаться и, обмякнув, вытянулось на полу, издавая запах пороха и беды.

Я вернулся в машину и сел, положив окровавленные руки на руль. Я задышался. Переждав некоторое время, я опустил рычаг тормоза. Закат окутал небо красным саваном, под которым пульсировали огни города. Я поехал вниз по дороге, оставив за спиной виллу «Гелиос», возвышавшуюся на вершине холма. Доехав до бульвара Пеарсон, я притормозил и посмотрел в зеркало заднего вида. Из незаметного переулочка вывернула машина и пристроилась мне в хвост на расстоянии пятидесяти метров. Ее фары были погашены. Виктор Грандес.

Я ехал по бульвару Педральбес, пока не проскочил кованого дракона на въездных воротах поместья Гуэль. Машина инспектора Грандеса не отставала и держалась метрах в ста от меня. У бульвара Диагональ я свернул налево по направлению к центру города. Движения на улицах почти не было, и Грандес беспрепятственно следовал за мной. Поэтому я решил свернуть вправо, надеясь затеряться на узких улочках в районе Лас-Кортс. К тому моменту инспектор догадался, что раскрыт, зажег фары и сократил расстояние между нашими машинами. Минуту мы кружили, выпутываясь из переплетения улиц и трамвайных линий. Я рисковал, проскакивая между автобусами и машинами и повозками, и все для того, чтобы неизменно обнаружить позади фары машины инспектора, ни на минуту не терявшего меня из виду. Вскоре впереди выросла гора Монтжуик. Большой дворец Всемирной выставки и прочие сохранившиеся павильоны прекратили работу всего недели две назад, но уже теперь их очертания проступали сквозь пелену вечернего туманного марева, напоминая останки великой забытой цивилизации. Я выехал на широкую улицу, поднимавшуюся к каскадам призрачных огней Волшебных фонтанов выставки, и развил максимальную скорость, какую был способен выжать мотор. По мере того как мы поднимались к Олимпийскому стадиону по шоссе, серпантином опоясывавшему гору, Грандес нагонял меня, и в конце концов я уже без труда мог разглядеть его лицо в зеркале. Я чуть было не поддался искушению поехать по дороге вверх до военной крепости на вершине горы, однако если из какого места и не было исхода, так это из цитадели. У меня имелся только один шанс — прорваться на противоположный склон горы, спускавшийся к морю, и затеряться на одной из пристаней в порту. Для этого мне требовалось выиграть немного времени. Нас с Грандесом разделяло всего метров пятнадцать. Впереди показались широкие балюстрады смотровой площадки Мирамар, откуда открывался вид на город, лежавший у наших ног. Я изо всех сил дернул рычаг тормоза, резко остановив машину. Инспектор не мог избежать столкновения. Его авто врезалось в «испано-суису», и по инерции нас

протащило вперед еще метров двадцать. Из-под колес посыпались гирлянды искр. Я отпустил тормоз и сдал чуть вперед. Пока Грандес пытался справиться с управлением, я дал задний ход, выжав сцепление до упора. Когда Грандес сообразил, что я делаю, было уже поздно. Я обрушился на него со всей мощностью кузова и модификации мотора самого лучшего гоночного автомобиля в городе, которые были несравнимо прочнее и надежнее железа, которым располагал он. Удар был силен. Тело инспектора дернулось в салоне, и я видел, как он врезался головой в ветровое стекло, разбив его вдребезги. Белый дымок закурился из-под капота его машины, и фары погасли. Я нажал на газ и прибавил скорость, оторвавшись от преследования и устремившись к смотровой площадке Мирамар. Не прошло и минуты, как я понял, что от удара грязевой щиток расплющился о шину, и теперь одно заднее колесо крутилось, цепляясь за металл. Запах горелой резины наполнил салон. Метров через двадцать шина лопнула, машину повело, а потом она замерла, окутанная клубами черного дыма. Я выскочил из салона и обернулся в ту сторону, где застряла машина Грандеса. Инспектор выполз из кабины и медленно поднимался на ноги. Я огляделся. Станция канатной дороги, тянувшейся над портом от горы Монтжуик до башни Сан-Себастьян, находилась в пятидесяти метрах от меня. В алем закатном небе парили висевшие на тросах кабины. И я со всех ног побежал туда.

Служащий канатной дороги собирался закрыть дверь станции, когда заметил меня, мчавшегося к нему на всех парах. Он придержал дверь и кивнул на платформу.

— Последний рейс на сегодня, — предупредил он. — Очень кстати, если вы торопитесь.

Билетные кассы тоже закрывались. Я купил последний билет на сегодняшний день и поспешил присоединиться к компании из четырех человек, ожидавших у кабины. Я не обратил внимания на их облачение, пока служащий не открыл дверцу, приглашая их на посадку. Священники.

— Подвесная канатная дорога была построена к открытию Всемирной выставки и оборудована по последнему слову техники. Стопроцентная безопасность гарантирована. В момент движения кабины предохранительный замок на двери, который открывается только с внешней стороны, блокируется во избежание несчастных случаев или, не дай Бог, самоубийства. Конечно, с вашими высокопреосвященствами такой опасности не существует...

— Молодой человек, — прервал его я, — нельзя ли упростить церемонию? Ночь на дворе.

Служащий сердито посмотрел на меня. Один из священников заметил пятна крови на моих руках и перекрестился. Между тем служащий продолжал разглагольствовать:

— Вы совершите воздушное путешествие по небу Барселоны на высоте шестидесяти метров над уровнем моря, наслаждаясь самыми прекрасными видами города, до недавнего времени доступными лишь ласточкам, чайкам и другим созданиям, которых Всевышний снабдил оперением. Путешествие продлится десять минут с двумя остановками. Первая предусмотрена на главной портовой башне, или, как мне больше нравится ее называть, Эйфелевой башне Барселоны, иными словами, башне Сан-Жауме. Вторая и последняя остановка будет на башне Сан-Себастьян. Итак, желаю вашим преосвященствам счастливого пути и от лица компании выражаю надежду, что вас снова посетит желание воспользоваться услугами канатной дороги.

Я первым вошел в кабину. Служащий, пропуская четырех священников, держал руку наготове, рассчитывая на чаевые, которых так и не получил. Явно разочарованный, он резко захлопнул дверцу и повернулся, чтобы установить стопор. Инспектор Виктор Грандес ждал его на площадке, помятый, но ухмыляющийся, с полицейским жетоном в руке. Служащий без звука открыл ему дверцу, и Грандес забрался в кабину, поприветствовав поклоном священников и подмигнув мне. Мгновения спустя мы уже плыли в пустоте.

Кабина скользила вверх от станции к кромке горы. Священники гурьбой прильнули к окну, откровенно наслаждаясь видами вечерней Барселоны. Они знать не хотели, какие темные дела свели в этом месте нас двоих, Грандеса и меня. Инспектор неспешно подвинулся ко мне и показал, что вооружен. Большие багровые тучи кружили над акваторией порта. Кабина канатной дороги зарылась в одно такое облако, создавая иллюзию, будто мы погрузились в огненное море.

— Вы когда-нибудь поднимались по этой дороге? — спросил Грандес.

Я кивнул.

— Дочка ее обожает. Раз в месяц она просит, чтобы мы прокатились туда и обратно. Немного дороговато, но развлечение того стоит.

— Старик Видаль хорошо заплатил вам, чтобы убрать меня. Так что не сомневаюсь, теперь вы сможете катать здесь дочь хоть каждый день, если ей захочется. Простое любопытство. Сколько я стою?

Грандес улыбнулся. Кабина вынырнула из пухлого багрового облака, и мы зависли над внутренним рейдом порта и огнями города,

растекавшимися над темной водой.

— Пятнадцать тысяч песет, — ответил он, похлопывая по белому конверту, торчавшему из кармана его пальто.

— Полагаю, мне нужно считать себя польщенным. Некоторых убивают и за два дура. Сюда входит цена предательства двоих ваших агентов?

— Напоминаю, что единственный здесь человек, кого-то убивший, — это вы.

К этому моменту четыре священнослужителя взирали на нас с изумлением и замешательством, утратив вкус к прелестям головокружительного полета над городом. Грандес мельком взглянул на них:

— Не будет ли смелостью с моей стороны попросить ваши преподобия любезно выйти на первой остановке, предоставив нам возможность обсудить наши мирские дела?

Башня, стоявшая во внутренней части гавани, вырастала перед нами, увенчанная барабаном из металла и тросов, похожим на оригинальный купол, похищенный из какого-нибудь современного собора века механики. Кабина скользнула под своды башни и остановилась у платформы. Как только дверца открылась, четверо священников пустились наутек. Грандес, сжимая пистолет в руке, велел мне переместиться в глубину кабины. Один из священников, ступив на платформу, взглянул на меня с тревогой.

— Не волнуйтесь, молодой человек, мы сообщим в полицию, — сказал он прежде, чем дверь снова закрылась.

— Сообщите непременно, — посоветовал Грандес.

Как только дверь заблокировали, кабина тронулась. Мы выплыли из башни: начинался последний отрезок пути. Грандес подошел к окну, глядя на город — мираж, сотканный из огней и туманов, соборов и дворцов, тесных переулков и широких проспектов, сплетавшихся в лабиринт тьмы.

— Город проклятых, — сказал Грандес. — Чем больше расстояние, с которого смотришь на него, тем он кажется красивее.

— Это моя эпитафия?

— Я не собираюсь вас убивать, Мартин. Я не убиваю людей. Вы сами окажете мне эту любезность. Мне и самому себе. Вы знаете, что я прав.

Без всякого перехода инспектор выстрелил три раза подряд по механизму замка и пинком открыл дверцу воздушного вагончика. Дверь повисла в воздухе, и поток влажного воздуха хлынул в кабину.

— Вы ничего не почувствуете, Мартин. Поверьте. Удар длится меньше десятой доли секунды. Мгновение. И наступит покой.

Я посмотрел на зиявший дверной проем. Мне предстояло падение в пустоту с высоты семидесяти метров. Я перевел взгляд на башню Сан-Себастьян и прикинул, когда мы причалим к ней. Получалось, мне нужно было продержаться всего несколько минут. Грандес словно прочел мои мысли.

— Через несколько минут все будет кончено, Мартин. Вам следует меня поблагодарить.

— Вы действительно думаете, что я убил всех этих людей, инспектор? Инспектор вскинул пистолет и прицелился мне в сердце.

— Не знаю и знать не хочу.

— Я думал, мы друзья.

Грандес усмехнулся и едва заметно покачал головой:

— У вас нет друзей, Мартин.

Я услышал грохот выстрела и ощутил удар в грудь такой силы, словно фабричный молот саданул меня по ребрам. Я упал на спину бездыханный, судороги боли распространялись по телу, словно бензин, проникая в каждую пору. Грандес схватил меня за ноги и потащил к открытому проему. Верхушка башни Сан-Себастьян, окутанная вуалью облаков, появилась с другой стороны. Грандес перешагнул через меня и присел сзади. Теперь он подталкивал меня к дыре за плечи. Я почувствовал, как холодный влажный ветер овеивает ноги. Грандес толкнул меня снова, и я почувствовал, что вываливаюсь — наполовину вывалился — из кабины. Сила тяжести мгновенно повлекла меня вниз. Я падал.

Вскинув руки, я потянулся к полицейскому и вцепился пальцами ему в глотку. Под весом моего тела Грандес не мог сдвинуться с места, застряв в дверном проеме. Я сжимал руки со всей мочи, сдавливая трахею и сминая артерии на шее. Он сопротивлялся, пытаясь отодрать мои руки одной рукой, а другой в это время лихорадочно искал оружие. Он нащупал рукоять пистолета, и палец лег на гашетку. Выстрел царапнул меня по виску, пуля угодила в борт кабины и, срикошетив, пробила Грандесу ладонь навывлет. Я впился ногтями ему в шею, сдирая кожу. Грандес испустил стон. Сильным рывком я подтянулся, и наконец ббольшая часть моего тела вновь оказалась в кабине. Получив возможность ухватиться за металлические стены, я тотчас выпустил Грандеса и отпрянул в сторону.

Ощупав грудь, я нашел дырку от выстрела, расстегнул пальто и вытащил книгу «Шаги с неба». Пуля пробила верхнюю часть обложки, прошла насквозь почти четыре сотни страниц и торчала, точно кончик серебряного пальца, с обратной стороны переплета. Рядом со мной корчился на полу Грандес, судорожно хватаясь за горло. Лицо у него

посинело, и вены на лбу и висках пульсировали, словно провода под напряжением. Он с мольбой посмотрел на меня. Белки его глаз покрывала сеточка лопнувших сосудов. Похоже, я сломал ему гортань, и теперь он безнадежно задыхался.

Было больно смотреть, как Грандес извивается на полу в медленной агонии. Из кармана инспектора выглядывал белый конверт. Я вытащил его за краешек, открыл и пересчитал деньги. Пятнадцать тысяч песет. Цена моей жизни. Я спрятал конверт. Грандес тянулся по полу к пистолету. Я приподнялся и отшвырнул оружие подальше от него носком ботинка. Он вцепился мне в щиколотку, умолая о милосердии.

— Где Марласка? — спросил я.

Из горла Грандеса вырвался глухой звук. Заглянув ему в глаза, я понял, что инспектор смеется. Кабина уже втянулась в башню Сан-Себастьян, когда я столкнул его в дверное отверстие. Тело падало с высоты около восьмидесяти метров сквозь лабиринт рельсов, тросов, зубчатых колес и стальных балок, попутно рвавших его на куски.

Дом с башней был погружен в темноту. Я ощупью поднялся по каменным ступеням на лестничную площадку и нашел дверь приоткрытой. Толкнув ее, я замер на пороге, всматриваясь в сумрак, затопивший длинный коридор. Я сделал пару шагов вперед и снова застыл неподвижно, выжидая. Я провел рукой по стене в поисках выключателя и повернул его раза четыре — безрезультатно. Первая дверь направо вела на кухню. Я медленно преодолел три метра, отделявшие меня от нее, и остановился напротив. Насколько я помнил, в одном из кладовых шкафов у меня хранился масляный фонарь. Я подошел к шкафу и среди нераспечатанных банок с кофе из магазина «Кан Хисперт» нашел фонарь. Поставив его на кухонный стол, я зажег фитиль. Неяркий мягкий свет позолотил стены кухни. Я взял фонарь и вернулся в коридор.

Я шел медленно, высоко подняв мерцающий светильник, стрепетом ожидая, что в любую минуту из какой-нибудь двери справа или слева по коридору, выскочит нечто или некто. Я точно знал, что в доме кто-то есть. Я чувствовал присутствие чужого. Тяжкий смрад злобы и ненависти клубился в воздухе. Однако я без приключений прошел коридор до конца, задержавшись на миг у дверей последней комнаты. В отблесках фонаря выступили контуры отодвинутого от стены шкафа и разбросанной по полу

одежды. Все вещи находились точно там, где я оставил их, когда Грандес пришел арестовать меня позапрошлой ночью. Я продолжил путь и добрался до подножия винтовой лестницы, ведущей в кабинет. Я поднимался осторожно, оглядываясь назад каждые два-три шага. Наконец я очутился в кабинете. Красноватое зарево заката проникало сквозь панорамные окна. Я быстро прошел к стене, где стоял кофр, и открыл его. Папка с рукописью патрона исчезла.

Я возвратился к лестнице. Когда я проходил мимо своего письменного стола, то успел заметить, что клавиатура старой пишущей машинки искорежена и разбита. Похоже, кто-то со всей мочи дубасил по клавишам кулаками. Спустившись с большими предосторожностями вниз, я вновь проскользнул в коридор и заглянул в галерею. Даже в темноте было видно, что мои книги разбросаны по полу, и кожаная обивка кресел превращена в лохмотья. Я попятился и внимательно оглядел двадцать метров коридора, отделявшие меня от выхода. Свет фонаря достигал лишь середины помещения, придавая смутные очертания предметам. А дальше начиналось пространство, заполненное темнотой, колышущейся и плотной, как толща воды в глубине.

Я помнил, что, переступив порог дома, оставил дверь нараспашку. Теперь она была закрыта. Я продвинулся на пару метров и застыл как вкопанный, не осмеливаясь во второй раз пройти мимо последней по коридору комнаты. Меня остановило нечто, чего я не заметил, когда шел в обратном направлении, поскольку дверь комнаты открывалась налево, а я заглянул туда лишь мельком. Но теперь, приблизившись, я увидел это отчетливо: к створке двери была прибита белая голубка с распластанными крестом крыльями. Капли свежей крови стекали по дереву.

Я вошел в комнату и первым делом заглянул за дверь, но там никого не оказалось. Шкаф по-прежнему был сдвинут в сторону. Сквозняк из дыры в стене наполнял комнату промозглым холодом. Я поставил фонарь на пол и приложил ладони к отсыревшей штукатурке возле отверстия. Я поскреб ее ногтями и почувствовал, что она крошится в моих пальцах. Я бросился искать подходящий инструмент и в ящике одной из тумбочек, составленных в угол, нашел старый нож для разрезания бумаги. Воткнув острие в штукатурку, я принялся ее отдиравать. Она отваливалась кусками. Толщина слоя не превышала трех сантиметров. Под штукатуркой обнажилось дерево.

Дверь.

Воспользовавшись ножом, я определил размеры замурованного проема и принялся за работу. Постепенно на стене стали проступать очертания

двери. К тому моменту я начисто забыл о том, что поблизости чужой, осквернивший своим присутствием дом и подстерегавший меня в темноте. Ручки на двери не было, имелась только проржавевшая щеколда, залепленная штукатуркой, расползшейся от многолетней сырости. Я попробовал отжать щеколду ножом. Никакого эффекта. Я начал пинать дверь, пока штукатурка, фиксирувавшая замок, не осыпалась. Помогая себе ножом, я сумел отодвинуть щеколду. Как только замок был открыт, дверь подалась от легкого толчка.

Из открывшегося отверстия пахнуло затхлостью и гнильем, и этот запах мгновенно пропитал мою одежду и кожу. Я взял фонарь и вошел. За стеной находилось прямоугольное помещение пяти или шести метров в глубину. Стены были испещрены рисунками и надписями, причем создавалось впечатление, будто коричневатые, темные линии наносили пальцами. Засохшая кровь. Пол устилала какая-то субстанция, принятая мною сначала за толстый слой пыли. Однако при ближайшем рассмотрении, когда я опустил фонарь пониже, оказалось, что под ногами лежит ковер из останков мелких косточек. Костей грызунов, рассыпавшихся в мелкий прах. С потолка на черных шнурах в большом количестве свисали разнообразные предметы. Я различил сакральные символы, изображения святых и мадонн с выколотыми глазами и сожженными лицами, распятия, обмотанные колючей проволокой, а также обломки жестяных поделок и кукол со стеклянными глазами. Очертания человеческой фигуры едва угадывались в глубине комнаты.

Стул был повернут лицом в угол. На стуле сидел человек в черной одежде. Мужчина. Руки его были скованы за спиной наручниками, а тело примотано к стулу толстой проволокой. Я похолодел от ужаса, какого не испытывал никогда в жизни.

— Сальвадор? — выдохнул я.

Не чуя под собой ног, я медленно приблизился к нему. Силуэт оставался неподвижным. Я остановился в шаге от пленника и медленно вытянул руку. Пальцы скользнули по его волосам и коснулись плеча. Я хотел повернуть тело, но со страхом почувствовал, как истлевшая плоть проседает под моими пальцами. Спустя миг после того как я дотронулся до него, послышался тихий шелест. Труп обратился во прах, с шуршанием посыпавшийся из одежды и сквозь проволочные путы, чтобы тотчас же взмыть темным облаком, которое повисло в воздухе среди стен тюрьмы, где узник был погребен столько лет. Я взглянул на тонкий слой праха на своих руках, поднес ладони к лицу и умылся тем, что осталось от души Рикардо Сальвадора. Открыв глаза, я увидел его тюремщика. Диего Марласка стоял

на пороге камеры с полыхающим взглядом и рукописью патрона в руках.

— Я прочитал, пока дожидался вас, Мартин, — сказал Марласка. — Шедевр. Патрон сполна вознаградит меня, когда я передам ему рукопись от вашего имени. Признаю, что мне так и не удалось решить задачу. Я заблудился на полпути. И мне приятно осознавать, что патрону удалось найти более талантливого преемника.

— Посторонитесь.

— Сожалею, Мартин. Поверьте, искренне сожалею. Я проникся к вам глубоким уважением, — промолвил он, вынимая из кармана предмет, похожий на костяную рукоять. — Но я не могу выпустить вас из этой комнаты. Пришло время вам занять место бедного Сальвадора.

Он нажал кнопку на рукояти, и обоюдоострое лезвие блеснуло в темноте.

Марласка атаковал меня с яростным криком. Лезвие навахи распоролло мне щеку и пронзило бы левый глаз, если бы я не отпрянул в сторону. Я упал на спину, на пол, устланный мелкими косточками и пылью. Марласка, схватив нож обеими руками, бросился на меня, вложив в удар всю свою силу. Острие ножа зависло в паре сантиметров от моей груди, поскольку я успел выставить правую руку и теперь упирался в горло Марласки.

Он наклонил голову, пытаясь впиться зубами мне в запястье, и я с силой ударил его в лицо левой рукой. Марласка даже не почувствовал удара. Его обуревали ярость безумия и боль, и я понял, что он не даст мне уйти живым из этой камеры. Мощь его натиска казалась сверхъестественной. Я ощутил, как острие ножа впивается мне в кожу. Собрав все силы, я снова врезал ему кулаком в лицо и почувствовал, как ломаются кости носа. Его кровь обагрила мои стиснутые пальцы. Марласка в бешенстве взревел и, не обращая внимания на боль и кровь, на сантиметр воткнул нож в мою плоть. Резкая боль пронзила мне грудь. Я ударил опять и попытался добраться пальцами до глазниц, но Марласка задрал подбородок, и я вцепился ему в щеку. Теперь я ощущал зубы под пальцами.

Я двинул кулаком ему в зубы, лишив нескольких штук и разбив губы. Он взвыл, и его натиск на миг ослабел. Я отпихнул его, и Марласка свалился на пол. Его лицо превратилось в окровавленную, искаженную болью маску. Я отскочил от него, моля Бога, чтобы он больше не встал. В следующее мгновение он потянулся за ножом и начал подниматься.

Вновь завладев навахой, Марласка ринулся на меня с оглушительным воплем. На сей раз он не застал меня врасплох. Схватив с пола фонарь, я швырнул его в Марласку. Фонарь угодил ему в лицо, и масло залило ему глаза, губы, шею и грудь. Огонь вспыхнул моментально и через две

секунды плащом окутал его тело с ног до головы. Волосы сгорели мгновенно. Глаза, исполненные ненависти, смотрели на меня сквозь языки пламени, пожиравшего веки. Я подобрал свою рукопись и выскочил вон. Марласка, не выпуская из рук ножа, попытался преследовать меня за порогом проклятой комнаты, споткнулся и упал ничком на кучу старой одежды, тотчас загоревшейся. Огонь перекинулся на сухое дерево шкафа и мебель, сваленную в углу. Я выбежал в коридор. Оглянувшись через плечо, я заметил, что Марласка все еще идет следом, вытянув руки, словно надеясь схватить меня. Я поспешил к двери, но напоследок замешкался и видел, как Диего Марласка, охваченный пламенем, в исступлении бьется о стены, занимавшиеся пламенем от его прикосновения. Огонь распространился на книги, разбросанные по полу в галерее, и добрался до занавесок. Языки пламени змеились по потолку, лизали дверные косяки и оконные рамы, проползли по ступеням лестницы в кабинет. Тот проклятый человек рухнул на колени в конце коридора. Тщетные надежды, вскормленные безумием, разбились вдребезги, и его тело, обратившееся в факел из плоти и ненависти, поглотила буря пламени, неукротимо бушевавшая в стенах дома с башней. И это последнее, что мне запомнилось. Потом я открыл дверь и сбежал вниз по лестнице.

Соседи стали собираться на мостовой, заметив первые проблески огня в окнах башни. Я зашагал вниз по улице, удаляясь от дома, и на меня никто не обратил внимания. Вскоре я услышал, как полопались стекла в кабинете, и обернулся. Пожар разбушевался, и пламя уже обволакивало флюгер, имевший форму дракона. Довольно быстро я достиг бульвара Борн, лавируя во встречном потоке местных жителей, устремившихся к дому. Они шли, задрав голову, замороженно глядя на яркий костер, полыхавший в небе.

В тот вечер я в последний раз навестил букинистическую лавку «Семпере и сыновья». На двери висела табличка с надписью «закрито», однако, подойдя поближе к витрине, я увидел, что в магазинчике еще горит свет. Исабелла находилась за стойкой одна и сосредоточенно изучала пухлую бухгалтерскую книгу, предвещающую, судя по выражению лица девушки, что дни старой лавки сочтены. Но, увидев, как Исабелла покусывает карандаш и почесывает кончик носа указательным пальцем, я исполнился уверенностью, что, пока она там, магазину ничего не угрожает.

Ее присутствие спасет это место так же, как спасло меня. Я не хотел портить такой момент и стоял, любуясь ею, о чем она не подозревала, и улыбался про себя. Вдруг, словно прочитав мои мысли на расстоянии, Исабелла подняла голову и посмотрела на меня. Я помахал ей рукой и увидел, что помимо воли ее глаза наполняются слезами. Она захлопнула книгу и, обогнув стойку, побежала открывать дверь, глядя на меня так, словно не до конца верила своим глазам.

— Тот человек сказал, что вы бежали и что... мы больше вас никогда не увидим.

Вероятно, Грандес успел нанести ей визит.

— Я хочу, чтобы вы знали: я не поверила ни слову из того, что он мне рассказал, — выпалила Исабелла. — Позвольте, я позову...

— У меня мало времени, Исабелла.

Она удрученно посмотрела на меня.

— Уезжаете, да?

Я кивнул. Исабелла проглотила комок в горле.

— Я же вам говорила, что не люблю прощаний.

— А я тем более. Поэтому я пришел не прощаться. Я пришел вернуть кое-какие вещи, которые мне не принадлежат.

Я достал книгу «Шаги с неба» и протянул ей.

— Ей всегда полагалось находиться в шкафу с личным собранием сеньора Семпере.

Исабелла взяла ее в руки и, увидев пулю, застрявшую между страниц, молча уставилась на меня. Тогда я вынул белый конверт с пятнадцатью тысячами песет, которые старик Видаль заплатил за мою смерть, и положил его на стойку.

— А это возмещение за книги, которые Семпере дарил мне столько лет.

Исабелла открыла конверт и пересчитала деньги, совершенно ошеломленная.

— Я не уверена, что могу принять их...

— Считай это моим свадебным подарком, преподношу его заранее.

— А я-то еще надеялась, что вы однажды поведете меня к алтарю, хотя бы в качестве посаженного отца.

— И я сделал бы это с превеликим удовольствием.

— Но вы должны уехать.

— Да.

— Навсегда.

— На время.

— А если я поеду с вами?

Я поцеловал ее в лоб и обнял.

— Где бы я ни находился, ты всегда будешь со мной, Исабелла. Всегда.

— Вряд ли я буду скучать.

— Конечно, нет.

— Можно по крайней мере проводить вас на вокзал, или откуда там вы едете?

Я слишком долго медлил с ответом, чтобы лишиться себя последних минут общения с ней.

— Должна же я убедиться, что вы действительно уехали и я навсегда освободилась от вас, — добавила она.

— Договорились.

Мы неспешно прошли по бульвару Рамбла, Исабелла держала меня под руку. Поравнявшись с Арк-дель-Театре, мы свернули в темный переулок, пролежавший по кварталам Раваля.

— Исабелла, ты никому не должна рассказывать о том, что увидишь сегодня вечером.

— Даже моему Семпере-младшему?

Я вздохнул.

— Да, конечно. Ему можешь рассказать все. От него у нас нет секретов.

Открыв врата, Исаак, хранитель, улыбнулся нам и посторонился, пропуская.

— Мы давно ждали такой чести, — сказал он, почтительно поклонившись Исабелле. — Внутренний голос подсказывает мне, что вы сами захотите стать провожатым, Мартин?

— Если вы не возражаете...

Исаак кивнул и протянул мне руку. Я пожал ее.

— Удачи, — пожелал он.

Хранитель растворился в полумраке, оставив нас с Исабеллой вдвоем. Моя бывшая помощница и новоиспеченная управляющая фирмой «Семпере и сыновья» озиралась вокруг со смешанным чувством восторга и страха.

— Что это за место? — спросила она.

Я взял ее за руку, и мы степенно преодолели оставшийся путь до большого зала, где находился вход в лабиринт.

— Добро пожаловать на Кладбище забытых книг, Исабелла.

Исабелла подняла взор к стеклянному своду в вышине и замерла, завороченная фантастическим зрелищем: снопы яркого белого света били из-под купола и прорезали теснину тоннелей, проходов и мостиков, тянувшихся в сердце этого собора, сложенного из книг.

— Это заповедное место. Святилище. Каждая книга, каждый том из тех, что ты видишь, обладает душой. В ее душе слились души того, кто ее писал, всех тех, кто читал ее, и кто жил ею в своих мечтах. Каждый раз, когда книга попадает в новые руки, каждый раз, когда кто-то скользит взглядом по ее страницам, ее дух прирастает и становится сильнее. Здесь забытые всеми книги, книги, затерявшиеся во времени, обретают вечную жизнь в ожидании часа, когда новый читатель возьмет их в руки и вдохнет в них новую душу...

Чуть позже я попросил Исабеллу подождать у входа в лабиринт и один отправился в путь по тоннелям, сжимая в руках проклятую рукопись, уничтожить которую мне не хватило духу. Положившись на судьбу, я верил, что ноги сами принесут меня к тому месту, где я должен буду похоронить ее навсегда. Я блуждал по лабиринту, сотни раз сворачивал и решил в конце концов, что заблудился. И в тот момент, когда у меня появилась твердая уверенность, что я иду одной и той же дорогой в десятый раз, я наткнулся на вход в миниатюрный зал, где встретился со своим двойником в маленьком зеркале, том самом, где всегда можно увидеть взгляд черного человека. Я заметил просвет между двумя корешками из черной кожи и не раздумывая засунул туда папку патрона. Я собрался уходить, но вдруг, повинувшись непонятному чувству, вернулся и снова подошел к стеллажу. Я взял книгу, рядом с которой заточил свой манускрипт, и открыл ее. Я прочел пару фраз, и этого мне хватило, чтобы вновь услышать зловещий смешок за спиной. Я вернул книгу на место, взял наугад другой том и быстро пролистал его. Я снимал книги с полок одну за другой, в результате просмотрев десятки изданий, которыми был уставлен зальчик. Все они содержали вариации одних и тех же слов, те же мрачные образы бросали тень на их страницы, и тот же сюжет повторялся из книги в книгу, как отражение человека, который идет вдоль бесконечной галереи зеркал. *Lux Aeterna*.

Когда я вышел из лабиринта, Исабелла ждала меня, сидя на каких-то ступенях, с выбранной ею книгой в руках. Я присел рядом, и Исабелла склонила голову мне на плечо.

— Спасибо, что привели меня сюда, — сказала она.

И тогда я понял, что больше не вернусь в это удивительное место. И мне суждено видеть его во сне и лелеять в памяти воспоминания о нем, чувствуя себя счастливым от того, что мне довелось пройти по его коридорам и приобщиться к тайне. Я закрыл на минуту глаза, чтобы навечно запечатлеть этот образ в своей душе. Потом, не осмеливаясь вновь смотреть по сторонам, я взял за руку Исабеллу и направился к выходу, навсегда покидая Кладбище забытых книг.

Исабелла проводила меня до пристани, где дожидался корабль, которому предстояло увезти меня из этого города, прочь от знакомых мест и всего, что наполняло смыслом мою жизнь.

— Как, вы сказали, зовут капитана? — спросила Исабелла.

— Харон.^[60]

— Не остроумно.

Я обнял ее в последний раз и молча посмотрел в глаза. По дороге мы договорились, что не будет ни прощаний, ни торжественных слов, ни обещаний. Я ступил на борт, когда колокола церкви Санта-Мария-дель-Мар отбили полночь. Меня приветствовал капитан Олмо, любезно предложив проводить в каюту. Я сказал, что предпочел бы остаться на палубе. Команда отдала швартовы, и корпус корабля медленно отделился от причала. Я занял позицию на корме, глядя, как удаляется город, омытый волной света. Исабелла стояла неподвижно, и мы смотрели друг другу в глаза, пока пристань не растворилась в темноте и великий мираж — Барселона — не канул в глубину вод. Один за другим огни города гасли в дали, и я понял, что уже начинаю вспоминать.

Эпилог

1945

Прошло долгих пятнадцать лет с той ночи, когда я бежал навсегда из города проклятых. В течение продолжительного времени я странствовал, будучи без рода и племени и не имея пристанища, как всякий приезжий иностранец. Я сменил сотню имен и занятий, и ни одно из них мне не принадлежало.

Я пропадал в огромных городах или, наоборот, в селениях таких маленьких, что там никто уже не имел ни прошлого, ни будущего. Нигде я не задерживался дольше, чем нужно. Скорее рано, чем поздно я снова обращался в бегство, внезапно, оставляя всего лишь пару книг и одежду с чужого плеча в унылых комнатах, где время не проявляло милосердия, а память жгла. Мои воспоминания стали зыбкими. Я годами учился жить в теле незнакомца, не знавшего, совершал ли он те преступления, которыми будто пропахли руки, и не потерял ли он разум, обреченный скитаться по миру, охваченному пожаром, который выдумал в обмен на деньги и обещание обмануть смерть, казавшуюся теперь сладчайшей из наград. Много раз я задавался вопросом, действительно ли пуля инспектора Грандеса, посланная мне в сердце, увязла в страницах книги, или это я умер тогда в кабине, висевшей в небе.

За годы странствий я стал свидетелем, как ад, сотворенный на страницах книги, написанной для патрона, обретал жизнь у меня на пути. Я тысячу раз убегал от собственной тени, всегда оглядываясь назад, пребывая в вечном страхе, что встречу ее за углом, через улицу или у изножья кровати в нескончаемые ночные часы, предваряющие рассвет. Я не поддерживал ни с кем знакомства достаточно долго, чтобы возник вопрос, почему я совсем не старею, почему на моем лице не появляются морщины, почему мое отражение в зеркале остается всегда таким же, как в ту ночь, когда я простился с Исабеллой на пристани в Барселоне, и ни минутой старше.

И наступило время, когда я уверовал, что в мире не осталось укромных мест, где я не побывал бы. Я так устал от страха, устал жить воспоминаниями и умирать от них, что поселился там, где заканчивается земля и начинается океан, который, подобно мне, никогда не стареет и

встречает каждый новый рассвет таким же, каким был вчера.

Прошел год с тех пор, как я обосновался здесь, на краю земли, и вернул себе собственные имя и профессию. Я купил старую хижину на берегу. И этот скромный кров я делю с книгами, оставленными прежним владельцем, и пишущей машинкой. Мне приятно думать, что она могла бы быть той самой, на которой я напечатал сотни страниц, хотя не знаю, помнит ли кто-нибудь еще об этом. Из окна мне открывается вид на маленький деревянный причал, вдающийся в море. В конце причала пришвартован бот, продававшийся вместе с домом. Это всего лишь небольшая шлюпка, на которой я иногда выхожу в море и доплываю до того места, где начинается гряда подводных рифов, а берег почти исчезает из виду.

Я совсем ничего не писал, пока не приехал сюда. В первый раз, заправив лист в каретку пишущей машинки и положив руки на клавиатуру, я вдруг испугался, что не сумею составить ни одного предложения. В первую же ночь, которую я провел в хижине, я начал писать эту историю. Я работал до рассвета, как делал когда-то много лет назад, не зная пока, для кого я пишу ее. Днем я гулял по пляжу или садился напротив хижины на деревянный причал — мостик между небом и морем — и читал старые газеты, залежи которых обнаружил в одном из шкафов. Их страницы были полны описаниями войны и мирового пожара, который я выдумал для патрона.

И вот так, читая старые хроники времен войны в Испании, времен войны, разразившейся затем в Европе и мире, я внезапно решил, что терять мне, в сущности, нечего. Я хотел лишь одного — узнать, все ли в порядке у Исабеллы и помнит ли она меня. Или хотя бы узнать, жива ли она. Тогда я написал письмо на адрес старой букинистической лавки «Семпере и сыновья» на улице Санта-Ана в Барселоне. Я знал, что истекут недели или даже месяцы, прежде чем письмо дойдет до адресата, если это вообще когда-нибудь случится. В графе «отправитель» я подписался «Мистер Рочестер». Я знал: если письмо попадет к ней в руки, Исабелла догадается, от кого оно. И если ей не захочется, она может не распечатывать его и забыть обо мне навсегда.

Месяц за месяцем я описывал случившуюся со мной историю. Я снова увидел лицо своего отца и бегал на посылках в редакции «Голоса индустрии», мечтая однажды потягаться с великим Педро Видалем. Я вновь впервые встретил Кристину Сагниер и опять переступил в первый раз порог дома с башней, чтобы погрузиться в бездну безумия, поглотившую Диего Марласку. Я писал каждый день с полуночи до

рассвета без перерыва, ощущая себя живым впервые с того дня, когда мне пришлось бежать из города.

Письмо пришло в июне. Почтальон сунул мне его под дверь, пока я спал. Оно было отправлено мистеру Рочестеру, а обратный адрес указан просто: «Книжный магазин „Семпере и сыновья“, Барселона». Несколько минут я метался по хижине, не отваживаясь вскрыть письмо. Наконец я вышел и сел на кромке берега, чтобы прочесть его. В конверте лежал листок бумаги и второй конверт, поменьше. На маленьком конверте, траченном временем, почерком, который я не забыл за прошедшие полтора десятка лет, было написано мое имя: «Давид».

В письме Семпере-младший рассказывал мне, что после нескольких лет бурной и расторгавшейся помолвки они с Исабеллой сочетались браком 18 января 1935 года в церкви Санта-Ана. Церемонию вопреки всем предсказаниям совершил девяностолетний священник, произносивший надгробную речь на похоронах сеньора Семпере. Несмотря на стремление и горячее желание руководства епископства, он упорно сопротивлялся смерти и продолжал вести себя так, как считал нужным. Через год, накануне гражданской войны, Исабелла произвела на свет мальчика, который зовется Даниэль Семпере. Страшные годы войны принесли немало бед и лишений. Вскоре после окончания схватки за власть, в дни черного проклятого мира, который, наверное, навсегда отравил небо и землю, Исабелла заразилась холерой и умерла в объятиях мужа в их квартирке над книжной лавкой. Ее похоронили на кладбище Монтжуик в день, когда Даниэлю исполнилось четыре года, под проливным дождем, длившимся два дня и две ночи. Семпере признавался в письме, что когда малыш спросил его: «Небо тоже плачет?» — он не смог ответить, голос не слушался его.

В конверте, на котором было указано мое имя, лежало письмо Исабеллы. Она написала его в последние дни жизни, заставив мужа дать клятву, что тот пошлет письмо мне, если когда-нибудь узнает о моем местопребывании.

Дорогой Давид,

иногда мне кажется, что я начала писать это письмо несколько лет назад и до сих пор не могу его закончить. Много воды утекло с тех пор, как мы виделись в последний раз. За это время произошло немало событий, ужасных и ничтожных. И все-таки не проходило дня, чтобы я не вспоминала о Вас. Я гадала, где Вы, удалось ли Вам обрести покой, пишете ли Вы. Иногда я

думала, что, может, Вы превратились в сварливого старикашку или влюбились. И я часто задавалась вопросом, помните ли Вы еще о нас и о маленькой книжной лавке «Семпере и сыновья», а также о самой скверной своей помощнице из всех тех, которых у Вас никогда не было.

Боюсь, Вы уехали, так и не научив меня писать. Я не знаю, с чего начать и как облечь в слова все то, что мне хотелось бы Вам сказать. Мне было бы приятно, если бы Вы узнали, что я счастлива. Благодаря Вам я встретила человека, которого полюбила и который любит меня, и у нас родился сын. Его зовут Даниэль, и я без конца рассказываю ему о Вас. Он помог мне понять, в чем смысл жизни, чего ни одна книга даже не начинала объяснять.

Никто об этом не знает, но я до сих пор временами прихожу на пристань, где провожала Вас, когда Вы простились с городом навсегда. И я сижу там одна и жду, как будто знаю, что Вы должны вернуться. Если Вы это сделаете, то убедитесь, что книжный магазин, как и прежде, открыт, невзирая на все пережитое. Земельный участок, где стоял дом с башней, до сих пор пустует. Все лживые рассказы о Вас давно позабыты. Тем более что по улицам города ходит множество людей, взявших на душу столько греха, что им даже вспоминать об этом страшно. Когда же они все-таки вспоминают, то лгут самим себе, так как иначе не смогли бы спокойно смотреться в зеркало. В нашей лавке по-прежнему продаются Ваши книги, правда, из-под прилавка, поскольку теперь они признаны безнравственными. Ныне в стране больше желающих уничтожать и сжигать книги, чем тех, кто хочет их читать. Настали тяжелые времена, и я нередко думаю, что худшее еще впереди.

Мой муж и врачи уверены, что сумели обмануть меня. Но я знаю, что жить мне осталось недолго. Я чувствую, что скоро умру, и когда Вы получите это письмо, меня уже не будет на свете. Поэтому мне захотелось написать Вам. Мне хочется сказать, что я не боюсь. Меня тревожит только то, что я оставляю хорошего человека, открывшего для меня настоящую жизнь, и моего Даниэля одних в мире, который с каждым днем все больше становится именно таким, каким видели его Вы, и совсем не таким, каким представляла его я.

Я хотела сказать Вам, что как бы там ни было, но я жила

полнокровной жизнью и благодарна за то время, которое было дано мне. И еще я благодарна за то, что смогла познакомиться с Вами и стать Вашим другом. Я пишу Вам потому, что мне хотелось бы, чтобы Вы помнили меня. И тогда, если в Вашей жизни появится человек, который будет Вам дорог, как мне мой маленький Даниэль, Вы расскажете ему обо мне, и я благодаря Вашим словам обрету вечную жизнь.

С любовью,

Исабелла.

Прошло некоторое время после того, как я получил письмо. И однажды я понял, что нахожусь на берегу не один. Я почувствовал его присутствие в дыхании восточного ветра, но не хотел и не мог снова бежать. Произошло это ближе к вечеру, когда я сел поработать у окна, дожидаясь, когда солнце соскользнет за горизонт. Послышались шаги по деревянному настилу пристани, и я увидел его.

Патрон, в белом костюме, неторопливо шел по причалу и вел за руку девочку семи-восьми лет. В тот же миг я узнал образ, запечатленный на старой фотографии, которую Кристина бережно хранила всю жизнь, не ведая, откуда она взялась. Патрон дошел до конца мостков и присел рядом с девочкой. Оба смотрели, как солнце растекается расплавленным золотом по поверхности океана. Я вышел из хижины и ступил на причал. Когда я приблизился к краю, патрон повернулся с улыбкой. Его лицо не выражало ни угрозы, ни злобы, лишь тень грусти омрачала его.

— Я скучал, друг мой, — сказал он. — Мне не доставало наших бесед и даже наших небольших разногласий...

— Вы пришли, чтобы рассчитаться?

Патрон улыбнулся и покачал головой.

— Все совершают ошибки, Мартин. И я в первую очередь. Я отнял у вас самое дорогое. Я сделал это не для того, чтобы причинить вам зло. Я сделал это из страха. Из страха, что она встанет между нами, помешает нашей работе. Я ошибся. Мне понадобилось время, чтобы понять свою ошибку, но как раз времени у меня хоть отбавляй.

Я пристально посмотрел на него. Патрон, как и я, не состарился ни на один день.

— Зачем вы тогда пришли?

Патрон пожал плечами.

— Я пришел проститься с вами.

Его взгляд переместился на девочку, державшую его за руку и смотревшую на меня с любопытством.

— Как тебя звать? — спросил я.

— Ее зовут Кристина, — ответил патрон.

Я заглянул ей в глаза и понял, что он не солгал. Черты лица лишь угадывались, но не узнать этот взгляд было невозможно.

— Кристина, поздоровайся с моим другом Давидом. Отныне ты будешь жить с ним.

Я переглянулся с патроном, но ничего не сказал. Девочка протянула мне руку заученным жестом и смущенно хихикнула. Я наклонился к ней и бережно пожал детскую ладошку.

— Привет, — прошептала она.

— Молодец, Кристина, — похвалил патрон. — А что еще надо сказать?

Девочка кивнула, тотчас вспомнив.

— Мне говорили, что вы сочиняете истории и сказки.

— И самые чудесные, — добавил патрон.

— Вы придумаете одну для меня?

Я заколебался. Девочка с беспокойством посмотрела на патрона.

— Мартин? — пробормотал патрон.

— Конечно, — сказал я наконец. — Я сочиню для тебя столько сказок, сколько тебе захочется.

Девочка улыбнулась, подошла ко мне и поцеловала в щеку.

— Почему бы тебе не погулять по берегу и не подождать там, пока я попрощаюсь со своим другом, Кристина? — спросил патрон.

Кристина послушалась и медленно отошла, оборачиваясь на каждом шагу. У меня над ухом голос патрона вкрадчиво прошептал вечное проклятие:

— Я решил вернуть вам то, что вы так любили и что я отнял у вас. Я хочу, чтобы на этот раз вы оказались на моем месте и почувствовали то, что чувствую я. Вы никогда не состаритесь и будете смотреть, как она взрослеет, вы полюбите ее снова и увидите, как она стареет рядом с вами и однажды умрет в ваших объятиях. Это мое благословение и моя месть.

Я зажмурился, протестуя всем своим существом.

— Невозможно. Она никогда не будет прежней.

— А это зависит только от вас, Мартин. Я даю вам карт-бланш и умываю руки.

Я услышал удаляющиеся шаги, и когда открыл глаза и повернулся, патрона уже не было. Кристина стояла у пристани и серьезно смотрела на

меня. Я улыбнулся и неуверенно подошел к ней.

— А где сеньор? — спросила она.

— Ушел.

Кристина оглянулась по сторонам. На бескрайнем пляже не было ни души.

— Навсегда?

— Навсегда.

Кристина улыбнулась и села рядом со мной.

— Мне снилось, что мы были друзьями, — сказала она.

Я взглянул на нее и кивнул:

— Мы и есть друзья. И всегда были.

Она засмеялась и взяла меня за руку. Я указал вперед, на солнце, погружавшееся в море. Кристина смотрела на закат, и в глазах ее стояли слезы.

— Когда-нибудь я вспомню? — спросила она.

— Когда-нибудь.

И тогда я понял, что приложу все силы, чтобы каждую минуту, что суждено нам провести вместе, она была счастлива. Я сделаю все, чтобы исправить зло, которое причинил ей, и вернуть то, что не сумел дать раньше. Эти страницы станут нашей памятью, пока бьется ее сердце. Когда же ее дыхание замрет у меня на груди, я уплыву с ней в открытое море, туда, где начинается течение. И там, соскользнув в глубину, мы обретем наконец убежище, где ни небеса, ни преисподняя никогда до нас не доберутся.

notes

Примечания

Адъективация (от *лат.* *adjectivum* — прилагательное) — переход других частей речи в прилагательные. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Меритократия (букв. «власть достойных») — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического статуса и происхождения.

Альмогавары — ударные войска королевства Арагон, сформированные из легкой пехоты, действовавшие в Средиземноморье в XIII–XIV вв. Проявили себя в период испанской Реконкисты. Служили наемниками в Италии и на Леванте.

Сю, Эжен (1804–1857) — французский писатель, один из основоположников массовой литературы. Феваль, Поль (1816–1887) — французский писатель, автор популярных приключенческих романов, так называемых романов плаща и шпаги, при жизни пользовался не меньшим успехом, чем Бальзак и Дюма.

Роковая женщина (*фр.*).

Наименование пьес, спектаклей и отдельных сценических приемов, в основе которых изображение различных преступлений, злодейств, избиений, пыток и т. п. Происходит от названия театра «Гран Гиньоль», открытого в 1899 г. в Париже.

Бенито Перес Гальдос (1843–1920) — выдающийся испанский писатель, романист, представитель критического реализма в испанской литературе. Также он принимал деятельное участие в политической жизни страны, был депутатом республиканской партии. Автор около 80 романов, ряда драматических произведений и рассказов. Заметное место в его творчестве занимает реалистическая историческая эпопея «Национальные эпизоды». Эпопея охватывает период от вторжения Наполеона до провозглашения Первой республики середины XIX века.

Агора — площадь в древнегреческих городах, где происходили народные собрания.

Гауди-и-Корнет, Антонио (1852–1926) — выдающийся каталонский архитектор. Близок к стилю модерн, хотя уместнее говорить о собственном стиле Гауди. Покровителем, единомышленником и заказчиком Гауди был промышленник, эстет и меценат граф Эусебио Гуэль.

Знаменитый бульвар в Барселоне. Варианты названия: Ла Рамбла, Лас Рамблас. Бульвар, протянувшийся от площади Каталонии до памятника Колумбу, делится на пять сегментов, и каждый из них имеет свое название.

Речь идет об испано-американской войне 1898 г. США, стремившиеся к захвату последних испанских колоний в Тихоокеанском регионе, объявили войну Испании под предлогом борьбы с испанским колониальным гнетом. Война продлилась три с половиной месяца, Испания была вынуждена капитулировать и по условиям Парижского мирного договора передала США Пуэрто-Рико, о. Гуам и (за 20 млн. долларов) Филиппины. Куба, формально объявленная независимой, также оказалась под контролем Соединенных Штатов. Поражение в этой войне произвело тяжелое впечатление на испанское общество.

Построен в 1905–1908 гг. архитектором Доменек-и-Мунтанером, является одним из шедевров испанской школы модернизма. В 1997 г. провозглашен ЮНЕСКО достоянием человечества.

Букв.: хозяйство вдвоем (*фр.*). Обычно речь идет о любовных отношениях.

Восьмая часть «Реквиема».

Асотея — плоская крыша дома.

Самые большие и хорошо сохранившиеся средневековые верфи в мире. Их строительство началось в 1378 году, и они представляют собой один из лучших образцов каталонского готического стиля в гражданской архитектуре.

Вердагер, Жасинт (1845–1902) — каталонский поэт, священник. Лишен сана как еретик. Автор мистических стихов и лирики в духе народных песен, а также героико-эпических поэм «Атлантида» и «Каниго».

Восстание в Каталонии, известное как Трагическая неделя, — выступления антимилитаристов, сопровождавшиеся баррикадными боями, произошли в нескольких городах Каталонии. Беспорядки были подавлены войсками и привели к смене правительства.

Западный фасад собора Святого Семейства (Саграда Фамилия), последнего творения А. Гауди. Архитектор не закончил его постройку, так как трагически погиб, попав под трамвай.

Ривера-и-Орбанеха, Мигель (1870–1930) — титулованный аристократ, видный испанский военный и политический деятель. В 1923 году при правящем монархе установил так называемую бархатную диктатуру.

Испанская колбаса.

Речь идет о Всемирной выставке 1929 года, состоявшейся в Барселоне. К открытию выставки на северной части холма был построен обширный комплекс, включая Национальный дворец, павильон выставок, Дворец нации, Волшебные фонтаны и знаменитую Испанскую деревню. Также были реконструированы и возведены многие здания в старых кварталах города. Созданные в тот период архитектурные комплексы и сооружения составляют неотъемлемую часть облика Барселоны и относятся к числу ее достопримечательностей.

Прекрасная эпоха (*фр.* Belle Époque) — условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 годами.

Романы О. Бальзака и Г. Флобера.

Гранадос, Энрике (1867–1916) — выдающийся испанский композитор и пианист. Широко использовал в своем творчестве элементы национальной музыки.

Здесь в значении «метрдотель» (*фр.*).

Приятного аппетита (*фр.*).

Роман Бенито Переса Гальдоса.

Небольшой каменный саркофаг, погребальная урна, колодец, место или строение для захоронения костей. Соответствует русскому слову «костница».

Джеймс, Генри (1843–1916) — американский писатель и литературный критик.

Вечный свет (*лат.*).

Здесь: молитва, горячая просьба.

Ле Фаню, Джозеф Шеридан (1814–1873) — ирландский писатель, выдающийся мастер готической прозы.

Скульптурное изображение Богоматери с младенцем Иисусом в монастыре Монсеррат называют «Ла Моренета».

Каталанский народный танец.

По собственной инициативе (*лат.*).

Традиционный испанский длинный складной нож. Появился в эпоху Средневековья в результате запрета простолюдинам носить оружие с длинным клинком.

Здесь: выражение имеет смысл «Вот невезуха!».

Против (лат.).

Начало одного из псалмов в католической литургии.

Да пребудет слава мирская (*лат.*).

А вот так (*um.*).

Разбит на месте крепости XVII века — цитадели, одной из самых больших в Европе. В 1888 г. парк стал местом проведения Всемирной выставки.

Буквы «b» и «v» в испанском языке произносятся одинаково.

Помни о смерти (*лат.*).

Обыгрывается имя героини. Стиль исабелино — направление в испанской архитектуре в период правления королевы Изабеллы Кастильской.

Моя вина (*лат.*).

Десерт из взбитых яиц, молока и сахара.

Понятие в психологии, обозначающее склонность откладывать «на потом» дела, неприятные мысли и пр. Выражается в «отлынивании» от исполнения обязательств, в том числе когда установленные сроки давно прошли.

Цикл исторических романов Гальдоса.

Кинжал с длинным прямым обоюдоострым лезвием, часто применялся для парирования левой рукой в паре со шпагой во время фехтовальных поединков.

Конец (фр.).

Счастливого пути (*фр.*).

Город в Каталонии.

Кровяная колбаса.

Опера В.А. Моцарта «Так поступают все». Шла на сценах театров мира под разными названиями.

Озеро (учн.).

Направление в испанской литературе, близкое к натурализму, появившееся после установления диктатуры Франко, в тяжелую для страны эпоху 40-х гг. XX в. Термин происходит от испанского слова *tremendo* — ужасный, страшный. По словам основоположника течения Камило Хосе Селы, «тремендизм существует только в результате того, что сама жизнь страшна...».

Поэма каталонского поэта и священника Жасинта Вердагера.

В греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в царство Аида (подземное царство мертвых).